

ОЙКУМЕНА

Регионоведческие исследования

Научно-теоретический журнал "Ойкумена. Регионоведческие исследования" выходит в свет с 2006 года, с 2009 года издается ежеквартально.

Журнал зарегистрирован федеральной службой по надзору в сфере массовых коммуникаций, связи и охраны культурного наследия. Свидетельство о регистрации: ПИ № ФС77–30578 от 12.12.2007 г. ISSN 1998-6785.

Учредитель и издатель: Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования "Владивостокский государственный университет". Адрес: 690014, г. Владивосток, ул. Гоголя, 41.

Целью журнала является содействие разработке методологии междисциплинарного синтеза знаний о региональных (социально-территориальных) системах, а также планированию на ее основе регионоведческих исследований и региональной политики.

Среди основных задач нашего издания:

- мониторинг и критическая оценка текущих публикаций и научной жизни регионоведческого сообщества (в первую очередь, в рамках российского Дальнего Востока);
- организация дискуссии по теоретическим и методологическим проблемам регионоведения;
- представление мнений и рекомендаций ученых по актуальным прикладным проблемам регионального управления;
- пропаганда идей и методологии междисциплинарного синтеза;
- подготовка и доведение до научной аудитории программ фундаментальных и прикладных регионоведческих исследований и освещение результатов их выполнения.

Авторами и читателями нашего журнала являются преподаватели вузов и сотрудники академических учреждений как дальневосточного, так и других регионов России, а также учёные из стран Азиатско-Тихоокеанского региона и СНГ.

Журнал включает в себя следующие основные рубрики:

- ◆ Теория и методология регионоведческих исследований
- ◆ Историческое регионоведение
- ◆ Экономика и природопользование
- ◆ Социальные и демографические структуры
- ◆ Культурные и идеологические факторы регионализации
- ◆ Политические отношения и управление регионом
- ◆ Мировая система и международные регионы
- ◆ Междисциплинарные и системные исследования региона
- ◆ Регион в документах и свидетельствах
- ◆ Науковедение
- ◆ Дискуссия
- ◆ Рецензии и обзоры
- ◆ Научная жизнь

Журнал входит в Перечень рецензируемых научных изданий, рекомендованных ВАК при Министерстве образования и науки Российской Федерации

Научные специальности и соответствующие им отрасли науки, по которым издание включено в Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук (по состоянию на 01.11.2022 года):

- 5.4.1. – Теория, методология и история социологии (социологические науки)
- 5.4.4. – Социальная структура, социальные институты и процессы (социологические науки)
- 5.5.2. – Политические институты, процессы, технологии (политические науки)
- 5.5.4. – Международные отношения, глобальные и региональные исследования (политические науки)
- 5.6.1. – Отечественная история (исторические науки)

Адрес редакции: 692900, Приморский край, г. Находка, ул. Озерная, д. 2.

Официальный сайт журнала: <http://www.ojkum.ru>. E-mail: ojkum@rambler.ru

Журнал печатается во множительном участке ВВГУ. Адрес: 690014, г. Владивосток, ул. Гоголя, 41.

Вышло в свет 21.03.2023 г. Тираж 200 экз. Цена свободная.

Главный редактор

Филипова Александра Геннадьевна – доктор социологических наук, заведующий лабораторией комплексных исследований детства Владивостокского государственного университета (г. Владивосток, Россия).

Ответственный редактор

Журбей Евгений Викторович – кандидат исторических наук, доцент кафедры Тихоокеанской Азии Дальневосточного федерального университета (г. Владивосток, Россия).

Редакционная коллегия

Барбенко Ярослав Александрович – кандидат исторических наук, доцент кафедры политологии Дальневосточного федерального университета (г. Владивосток, Россия).

Бурлаков Виктор Алексеевич – кандидат политических наук, доцент департамента коммуникации и медиа Дальневосточного федерального университета (г. Владивосток, Россия).

Винокурова Анна Викторовна – кандидат социологических наук, доцент департамента социальных наук Дальневосточного федерального университета (г. Владивосток, Россия).

Волынчук Андрей Борисович – доктор политических наук, кандидат географических наук, ведущий научный сотрудник отдела международных отношений Центра глобальных и региональных исследований Института истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН, профессор кафедры экономики и управления Владивостокского государственного университета (г. Владивосток, Россия).

Григоричев Константин Вадимович – доктор социологических наук, проректор по научной работе и международной деятельности Иркутского государственного университета (г. Иркутск, Россия).

Демьяненко Александр Николаевич – доктор географических наук, главный научный сотрудник Института экономических исследований ДВО РАН (г. Хабаровск, Россия).

Дударёнок Светлана Михайловна – доктор исторических наук, кандидат философских наук, ведущий научный сотрудник отдела социально-политических исследований Института истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН (г. Владивосток, Россия).

Золотухин Иван Николаевич – кандидат политических наук, доцент кафедры международных отношений Дальневосточного федерального университета (г. Владивосток, Россия).

Караман Вадим Николаевич – кандидат исторических наук, ведущий методист Государственного объединённого музея-заповедника истории Дальнего Востока имени В.К. Арсеньева (г. Владивосток, Россия).

Киреев Антон Александрович – кандидат политических наук, доцент кафедры политологии Дальневосточного федерального университета (г. Владивосток, Россия).

Кожевников Владимир Васильевич – кандидат исторических наук, профессор кафедры японоведения Дальневосточного федерального университета (г. Владивосток, Россия).

Кристоферсен Гайе – Ph.D., профессор Университета Джона Хопкинса (г. Нанкин, КНР).

Кузнецов Анатолий Михайлович – доктор исторических наук, профессор кафедры международных отношений Дальневосточного федерального университета (г. Владивосток, Россия).

Латушко Юрий Викторович – кандидат исторических наук, заведующий Центром островной и прибрежной антропологии АТР Института истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН (г. Владивосток, Россия).

Лебедева Марина Михайловна – доктор политических наук, кандидат психологических наук, заведующий кафедрой мировых политических процессов Московского государственного института международных отношений (Университета) МИД России (г. Москва, Россия).

Лексютин Яна Валерьевна – доктор политических наук, профессор кафедры американских исследований Санкт-Петербургского государственного университета (г. Санкт-Петербург, Россия).

Литошенко Денис Александрович – кандидат исторических наук, доцент кафедры истории, политологии и государственно-правовых дисциплин Морской академии Морского государственного университета имени адмирала Г.И. Невельского (г. Владивосток, Россия).

Лукин Артем Леонидович – кандидат политических наук, заместитель директора по науке и инновациям Восточного института – Школы региональных и международных исследований, доцент кафедры международных отношений Дальневосточного федерального университета (г. Владивосток, Россия).

Наумов Юрий Анатольевич – кандидат геолого-минералогических наук, доктор географических наук, член-корреспондент Международной академии наук экологии и безопасности жизнедеятельности, доцент филиала Владивостокского государственного университета в г. Находка (г. Находка, Россия).

Римская Татьяна Григорьевна – кандидат исторических наук (г. Находка, Россия).

Рыжова Наталья Петровна – доктор экономических наук, заведующий Приморской лабораторией экономического развития и сотрудничества Института экономических исследований ДВО РАН, профессор академического департамента Дальневосточного федерального университета (г. Владивосток, Россия).

Севастьянов Сергей Витальевич – доктор политических наук, профессор кафедры политологии и международных отношений Национального исследовательского университета "Высшая школа экономики" (г. Санкт-Петербург, Россия).

Хисамутдинова Наталья Владимировна – доктор исторических наук, профессор кафедры межкультурных коммуникаций и переводоведения Владивостокского государственного университета (г. Владивосток, Россия).

Шестак Ольга Игоревна – кандидат исторических наук, начальник научного управления Дальневосточного государственного технического рыбохозяйственного университета (г. Владивосток, Россия).

Шин Беом-Шик – Ph.D., профессор кафедры политических наук и международных отношений Сеулского национального университета (г. Сеул, Республика Корея).

Широ Сасаки – Ph.D., профессор кафедры передовых исследований в антропологии Национального музея этнологии, директор Национального музея культуры айнов (г. Сираой, Япония).

Ячин Сергей Евгеньевич – доктор философских наук, профессор департамента философии и религиоведения Дальневосточного федерального университета (г. Владивосток, Россия).

The scientific-theoretical journal "Ojkumena. Regional Researches" has been published since 2006, since 2009 it has been published quarterly.

The journal is registered by the Federal Service for Supervision of Mass Communications, Communications and Protection of Cultural Heritage. Registration certificate: PI № F577–30578, dated December 12, 2007. ISSN 1998-6785.

Founder and publisher: Federal state budgetary educational institution of the higher education "Vladivostok State University". Address: 690014, Russia, Vladivostok, Gogolya St., 41.

The main goal of the journal is to contribute to the development of a methodology for interdisciplinary synthesis of knowledge about regional (social-territorial) systems, as well as planning regional studies and regional policy based on it.

Among the main tasks of our journal:

- monitoring and critique of the current publications and research in the field of the regional studies (primarily, but not exclusively, the Russian Far East);
- initiating and supporting discussions on the theoretical and methodological issues of regional studies;
- presentation of opinions and recommendations of scientists on topical problems of regional management;
- advancement of the ideas and methodology of interdisciplinary research;
- development of the programs for fundamental and applied regional studies and publication of their results.

The authors and readers of our journal are university professors and members of academic institutions in both the Far East and other regions of Russia, as well as scientists from the countries of the Asia-Pacific region and the CIS.

The journal includes the following thematic sections:

- ◆ Theory and Methodology of Regional Studies
- ◆ Historical Regional Studies
- ◆ Economy and Nature
- ◆ Social and Demographic structures
- ◆ Cultural and Ideological Factors of Regionalization
- ◆ Political Relations and Management of the Region
- ◆ World System and International Regions
- ◆ Interdisciplinary and Systemic Research of the Region
- ◆ Region in the Documents and Testimonies
- ◆ Study of Science
- ◆ Discussion
- ◆ Reviews
- ◆ Scientific Life

The journal is included in the List of peer-reviewed scientific journals recommended by the Higher Attestation Commission under the Ministry of Education and Science of Russian Federation

Scientific specialties and the corresponding branches of science, for which the publication is included in the List of peer-reviewed scientific publications, in which the main scientific results of dissertations for the degree of Candidate of Science, for the degree of Doctor of Science are to be published (as of 01.11.2022):

- 5.4.1. – Theory, methodology and history of sociology (sociological sciences)
- 5.4.4. – Social structure, social institutions and processes (sociological sciences)
- 5.5.2. – Political institutions, processes, technologies (political sciences)
- 5.5.4. – International Relations, Global and Regional Studies (political sciences)
- 5.6.1. – Domestic history (historical sciences)

Editorial address: 692900, Primorsky Krai, Nakhodka, st. Ozernaya, 2.

Official website of the journal: <http://www.ojkum.ru>. E-mail: ojkum@rambler.ru

The journal is printed in the copying section of VVSU. Address: 690014, Russia, Vladivostok, Gogolya St., 41.

Published 21.03.2023. Circulation 200 copies. The price is free.

Editor in Chief

Alexandra G. Filipova – Doctor of Sociology, Associate Professor, Head of the Laboratory for Comprehensive Research of Childhood, Vladivostok State University (*Vladivostok, Russia*).

Executive Editor

Evgeny V. Zhurbey – Candidate of Historical Sciences, Associate Professor, Department of Pacific Asia, Far Eastern Federal University (*Vladivostok, Russia*).

Editorial Board

Yaroslav A. Barbenko – Candidate of Historical Sciences, Associate Professor, Department of Political Science, Far Eastern Federal University (*Vladivostok, Russia*).

Viktor A. Burlakov – Candidate of Political Sciences, Associate Professor, Department of Communication and Media, Far Eastern Federal University (*Vladivostok, Russia*).

Anna V. Vinokourova – Candidate of Sociology, Associate Professor, Department of Social Sciences, Far Eastern Federal University (*Vladivostok, Russia*).

Andrey B. Volynchuk – Doctor of Political Sciences, Candidate of Geographical Sciences, Leading Researcher of the Department of International Relations of the Center for Global and Regional Studies, Institute of History, Archeology and Ethnography of the Peoples of the Far East, Far Eastern Branch of the Russian Academy of Sciences, Professor, Department of Economics and Management, Vladivostok State University (*Vladivostok, Russia*).

Konstantin V. Grigorichev – Doctor of Sociology, Associate Professor, Vice-Rector for Research and International Activities, Irkutsk State University (*Irkutsk, Russia*).

Alexandr N. Demyanenko – Doctor of Geographical Sciences, Chief Researcher, Economic Research Institute, Far Eastern Branch of Russian Academy of Sciences (*Khabarovsk, Russia*).

Svetlana M. Dudaryonok – Doctor of Historical Sciences, Candidate of Philosophy, Leading Researcher of the Department of Socio-Political Research, Institute of History, Archeology and Ethnography of the Peoples of the Russian Far East, Far Eastern Branch of the Russian Academy of Sciences (*Vladivostok, Russia*).

Ivan N. Zolotukhin – Candidate of Political Sciences, Associate Professor, Head of Department of International Relations, Far Eastern Federal University (*Vladivostok, Russia*).

Vadim N. Karaman – Candidate of Historical Sciences, leading methodologist of Vladimir K. Arseniev Museum of Far East History (*Vladivostok, Russia*).

Anton A. Kireev – Candidate of Political Sciences, Associate Professor, Department of Political Science, Far Eastern Federal University (*Vladivostok, Russia*).

Vladimir V. Kozhevnikov – Candidate of Historical Sciences, Professor, Department of Japanese Studies, Far Eastern Federal University (*Vladivostok, Russia*).

Gaye Christoffersen – Ph.D., Professor, John Hopkins University (*Nanjing, China*).

Anatolij M. Kuznetsov – Doctor of Historical Sciences, Professor, Department of International Relations, Far Eastern Federal University (*Vladivostok, Russia*).

Yurij V. Latushko – Candidate of Historical Sciences, Head of the Center for Island and Coastal Anthropology of APR, Institute of History, Archeology and Ethnography of the Peoples of the Russian Far East, Far Eastern Branch of the Russian Academy of Sciences (*Vladivostok, Russia*).

Marina M. Lebedeva – Doctor of Political Sciences, Candidate of Psychology, Professor, Head of Department of World Political Processes, Moscow State Institute of International Relations (University) of the Ministry of Foreign Affairs of Russia (*Moscow, Russia*).

Yana V. Leksyutina – Doctor of Political Sciences, Professor, Department of American Studies, St. Petersburg State University (*St. Petersburg, Russia*).

Denis A. Litoshenko – Candidate of Historical Sciences, Associate Professor, Department of History, Political Science and Public Law Disciplines, Maritime State University named after Admiral G.I. Nevelskoy (*Vladivostok, Russia*).

Artyom L. Lukin – Candidate of Political Sciences, Associate Professor, Deputy Director for Science and Innovation of Institute of Oriental Studies - School of Regional and International Studies, Department of International Relations, Far Eastern Federal University (*Vladivostok, Russia*).

Yurij A. Naumov – Candidate of Geological and Mineralogical Sciences, Doctor of Geographical Sciences, Corresponding member of the International Academy of Ecology and Life Safety, Associate Professor, Vladivostok State University (Nakhodka branch) (*Nakhodka, Russia*).

Tatyana G. Rimsкая – Candidate of Historical Sciences (*Nakhodka, Russia*).

Natalia P. Ryzhova – Doctor of Economics, Professor, Head of the Primorsky Laboratory for Economic Development and Cooperation, Institute for Economic Research, Far Eastern Branch, Russian Academy of Sciences, Professor, Academic Department, Far Eastern Federal University (*Vladivostok, Russia*).

Sergej S. Sevastyanov – Doctor of Political Science, Professor, Department of Political Science and International Relations, National Research University Higher School of Economics (*St. Petersburg, Russia*).

Natalya V. Khisamutdinova – Doctor of Historical Sciences, Professor, Department of Intercultural Communication and Translation Studies, Vladivostok State University (*Vladivostok, Russia*).

Olga I. Shestak – Candidate of Historical Sciences, Associate Professor, Head of Scientific Department, Far Eastern State Technical Fisheries University (*Vladivostok, Russia*).

Beom-Shik Shin – Ph.D., Professor, Department of Political Science and International Relations, Seoul National University (*Seoul, Republic of Korea*).

Sasaki Shiro – Ph.D., Professor, Department of Advanced Studies in Anthropology, National Museum of Ethnology, Director of the National Museum of Ainu Culture (*Shiraoi, Japan*).

Sergej E. Yachin – Doctor of Philosophy, Professor, Department of Philosophy and Religious Studies, Far Eastern Federal University (*Vladivostok, Russia*).

ОЙКУМЕНА

Регионоведческие исследования

2023

№ 1 (64)

научно-теоретический журнал

Выходит 4 раза в год

Основан в 2006 г.

ISSN 1998-6785

ТЕМА НОМЕРА: ВОСТОЧНАЯ ВЕТВЬ РУССКОЙ ЭМИГРАЦИИ: ПРОШЛОЕ И НАСТОЯЩЕЕ

- От редактора рубрики 9
- Чжан Мэй.** Развитие и исторический вклад русской эмигрантской прессы в Харбине (Китай) в 1920–1940-х гг. 11
- Родионова К. И.** Религиозная жизнь Харбина: адвентисты Седьмого дня 18
- Смирнов С. В.** Молодёжная "политика" Бюро по делам российских эмигрантов в Маньчжурской империи (1935–1945) 29
- Антошин А. В.** "Последние из эсеров": Нью-Йоркская группа ПСР во второй половине 1940-х – начале 1950-х гг. 41
- Капран И. К.** Памятная дата – 100-летие исхода Сибирской флотилии из Владивостока в русских периодических изданиях Австралии: газета "Единение" (г. Сидней), журнал "Австралийская лампада" (г. Брисбен) 49
- Кулепанова (Шугайло) Т. С., Кулепанов Р. В.** Тема Гражданской войны на Дальнем Востоке в журнале "Кадетская переключка" (Нью-Йорк) в период 1971–2005 гг. 59

КРУГЛЫЙ СТОЛ

- Бурова Е. С., Владимирова Д. А., Гарусова Л. Н., Глазкова Е. А., Егупов Е. В., Лукин А. Л., Мазырин В. М., Рыбаченко Е. А., Самойленко П. Ю., Соколовский А. Я., Сури Суриани, Ты Тхи Лоан.** Россия и АСЕАН: региональное сотрудничество 67

МЕЖДИСЦИПЛИНАРНЫЕ И СИСТЕМНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ РЕГИОНА

- Демьяненко А. Н., Клиценко М. В.** Опыт междисциплинарного исследования трансграничного региона: Дальний Восток России – Северо-Восточный Китай 80

ИСТОРИЧЕСКОЕ РЕГИОНОВЕДЕНИЕ

- Мельников П. Ю.** Влияние национального фактора на сложное крестьянское домохозяйство Саратовского Поволжья в конце XIX в. 95

ЭКОНОМИКА И ПРИРОДОПОЛЬЗОВАНИЕ

- Наумов Ю. А.** О состоянии почвенно-растительного покрова южного сектора Дальнего Востока России и проблемах его рационального использования. Часть 2 104

СОЦИАЛЬНЫЕ И ДЕМОГРАФИЧЕСКИЕ СТРУКТУРЫ

- На Ван, Леонтьева Э. О., Леонтьева П. Ю.** Влияние пандемии COVID на социально-экономическое положение китайских мигрантов в России 114

Владивосток
2023

Хуснутдинова М. Р., Посакалова Т. А. От само-презентации к самопроявлению: стратегии подростков видеоблогеров в социальных сетях	127
ПОЛИТИЧЕСКИЕ ОТНОШЕНИЯ И УПРАВЛЕНИЕ РЕГИОНОМ	
Рыбачук Д. А. Проблемы интеграции латиноамериканцев в США: политический и социально-экономический аспекты	137
МИРОВАЯ СИСТЕМА И МЕЖДУНАРОДНЫЕ РЕГИОНЫ	
Севастьянов С. В., Милькова А. А. Американская политика сдерживания Китая как один из негативных факторов развития китайско-европейских отношений в экономической и инвестиционной сферах	147
РЕЦЕНЗИИ И ОБЗОРЫ	
Барбенко Я. А. Блуждание между регионами, или О пользе теории в исторических исследованиях (рецензия на издание "Центр и регионы: экономическая политика правительства на окраинах Российской империи (1894–1917). СПб., 2021")	159
Золотухин И. Н. Столкновение с новыми вызовами: влияние COVID-19 на восприятие нетрадиционных аспектов безопасности в Юго-Восточной Азии	164
НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ	
Винокурова А. В., Яковлев А. И., Яковлева К. М. "Современные исторические и историко-антропологические исследования Евразии": о международном научно-практическом семинаре в Якутске	170
НЕКРОЛОГИ	
От редколлегии	174
Наумов Юрий Анатольевич. 6 сентября 1948 – 29 января 2023 гг.	175

Адрес редакции: 692900, Приморский край, г. Находка, ул. Озерная, д. 2.

Официальный сайт журнала: <http://www.ojkum.ru>

Электронная почта редакции: ojkum@rambler.ru

Редактор электронной верстки: В. Н. Караман

Графическое оформление: Я. А. Барбенко, В. Н. Караман, В. В. Постников.

Корректор: О. А. Золотухина

Точка зрения редакции не всегда совпадает с точкой зрения авторов.

Подписка на журнал "Ойкумена. Регионоведческие исследования" принимается во всех почтовых отделениях.

Подписной индекс журнала – 79089.

Информация о статьях, опубликованных в журнале (с 2009 г.), размещается в базе данных Российского индекса научного цитирования (РИНЦ) на сайте Научной электронной библиотеки (elibrary.ru).

scientific-
theoretical
journal

Issued
4 times a year

Founded
in 2006

ISSN 1998-6785

The Theme: Eastern branch of Russian emigration: past and present

- From the editor of the heading 9
- Zhang Mei.** The Development and Historical Contribution of the Russian Emigrant Press in Harbin (China) in the 1920s–1940s 11
- Rodionova K. I.** Religious Life in Harbin: Seventh-day Adventists 18
- Smirnov S. V.** Youth "policy" of the Bureau for Russian Emigrants in the Manchurian Empire (1935–1945) 29
- Antoshin A. V.** "The Last of the SRs": New York group of the AKP in the second half of the 1940s – early 1950s. 41
- Kapran I. K.** Memorable date – the 100th anniversary of the exodus of the Siberian flotilla from Vladivostok In Russian periodicals of Australia: the newspaper "Unity" (Sydney), the magazine "Australian Lamp" (Brisbane) 49
- Kulepanova (Shugaylo) N. S., Kulepanov R. V.** The theme of the Civil War in the Russian Far East in the magazine "Cadets Roll Call" (New York) in the period 1971–2005. 59

Round Table

- Burova E. S., Vladimirova D. A., Garusova L. N., Glazkova E. A., Egupov E. V., Lukin A. L., Mazyrin V. M., Rybachenko E. A., Samoilenko P. Yu., Sokolovsky A. Ya., Suriani Suri, Tu Thi Loan.** Russia and ASEAN: Regional cooperation 67

Interdisciplinary and Systemic Research of the Region

- Demyanenko A. N., Klitsenko M. V.** Experience of interdisciplinary research of the transborder region: the Far East of Russia – Northeast China 80

Historical Regional Studies

- Melnikov P. Yu.** The influence of the national factor on the complex peasant household of the Saratov Volga region at the end of the XIX century 95

Economy and Nature

- Naumov Yu. A.** On the state of the soil and vegetation cover of the Russian Far East and the problems of its rational use. Part 2 104

Social and Demographic Structures

- Na Wang, Leontyeva E. O., Leontyeva P. Yu.** The impact of the COVID pandemic on the socio-economic situation of Chinese migrants In Russia 114

Vladivostok
2023

Khusnutdinova M. R. Poskakalova T. A. From self-presentation to self-manifestation: social media strategies for teen vloggers	127
Political Relations and Management of the Region	
Rybachuk D. A. The problems of Latino integration in the USA: political and socio-economic aspects	137
World System and International Regions	
Sevastianov S. V., Milkova A. A. The American Policy of Containing China as One of the Negative Factors in the Development of Sino-European Relations in Economic and Investment Spheres	147
Reviews	
Barbenko Ya. A. Wandering between Regions, or On the Use of Theory in Historical Research (Review of "Center and Regions: Economic Policy of the Government on the Outskirts of the Russian Empire (1894–1917). St. Petersburg, 2021")	159
Zolotukhin I. N. Facing New Challenges: The Impact of COVID-19 on Non-Traditional Security Issues in Southeast Asia	164
Scientific Life	
Vinokurova A. V., Yakovlev A. I., Yakovleva K. M. "The Modern Historical and Historical-Anthropological Studies of Eurasia": about of the International Scientific Seminar in Yakutsk	170
Necrologues	
From the Editorial Board	174
Naumov Yuriy Anatolievich. September 6, 1948 – January 29, 2023	175

Editorial address: 692900, Primorsky Krai, Nakhodka, st. Ozernaya, 2.

Official website of the journal: <http://www.ojkum.ru>

E-mail: ojkum@rambler.ru

Electronic computer is made up by V. N. Karaman

Graphic registration: Ya. A. Barbenko, V. N. Karaman, V. V. Postnikov.

Corrector O. A. Zolotukhina

Authors' points of view on the problems under investigation do not necessarily coincide with those of the Editorial Board.

Subscription to the journal "Ojkumena. Regional Researches" is accepted in all post offices.
The journal's subscription index is 79089.

Information about articles published in the journal (since 2009) is placed in the database of the Russian Science Citation Index (RSCI) on the website of the Scientific Electronic Library (elibrary.ru).

От редактора рубрики

Рубрика, посвященная теме русской эмиграции и русского зарубежья, включая темы близко и неразрывно с ними связанные, уже не первый раз появляется на страницах журнала "Ойкумена. Регионоведческие исследования"¹.

Данная подборка объединяет статьи, так или иначе освещающие восточную ветвь русской эмиграции. Восточная ветвь включает в себя, главным образом эмиграцию, осуществлявшуюся с Дальнего Востока в страны АТР – Китай, Японию, страны Юго-Восточной Азии и США.

Открывает рубрику статья Чжан Мэй о развитии и историческом вкладе русской эмигрантской прессы в Харбине в 1920-х–1940-х гг. В конце XIX – первой половине XX в. было несколько волн массовой миграции российских эмигрантов в Китай. Русская диаспора в Китае представляла собой особое историческое явление XX в. После гражданской войны, бушевавшей на просторах бывшей Российской империи, особенно после оставления большевистскими силами Дальнего Востока, русские эмигранты стали массово прибывать в Китай. Наибольшее их число сосредоточилось в Харбине и Шанхае. После поселения (как тогда казалось многим, временного) эмигрантам пришлось постепенно интегрироваться в местную жизнь. На пике миграционной волны в Харбине проживало более 200 тыс. русских, что намного превышало численность местного населения, поэтому Харбин в то время считался "столицей" русской диаспоры в Китае. Эмигранты основывали школы, издавали газеты и журналы, строили церкви, оставляя свой след в политической, экономической и социальной жизни Харбина. На 1920-е–1940-е гг. приходился подъем выпуска газет русских эмигрантов. Чжан Мэй основывает свою работу на материалах газет и журналов русских эмигрантов в Харбине за этот период.

К.И. Родионова исследует религиозную жизнь Харбина на примере адвентистов Седьмого дня. Статья посвящена истории Церкви адвентистов Седьмого дня, существовавшей в Маньчжурии с 1910 по 1945 гг. Русская община адвентистов, в полосе отчуждения Китайско-Восточной железной дороги, стала первой адвентистской Церковью для русского населения Дальнего Востока. На основе разнообразных источников, главным образом архивных документов, источников личного происхождения, справочных и конфессиональных трудов с привлечением исследовательской литературы, автором впервые представлена общая картина религиозной жизни адвентистов Седьмого дня в Харбине в первой половине XX в.

Молодёжную "политику" (автор почему-то берет ее в кавычки, хотя, по нашему мнению, это была реальная молодёжная политика без всяких кавычек) Бюро по делам российских эмигрантов в Маньчжурской империи за 1935–1945 гг., построенную на сочетании национального воспитания молодёжи с воспитанием в духе идей антикоммунизма и строительства государства-содружества пяти наций, и эволюционировавшую в сторону приоритета национального воспитания при формализации других направлений, рассматривает С.В. Смирнов в следующей статье. Бюро по делам российских эми-

¹ См. рубрику "Зарубежная Россия" в № 4 журнала "Ойкумена. Регионоведческие исследования" за 2010 г. и № 1 за 2011 г., а также отдельные статьи по теме русской эмиграции и русского зарубежья: Лазарева С.И. Организация Благотворительного отдела БРЭМ и его роль в оказании помощи нуждающимся эмигрантам в Маньчжурии (30–40-е гг. XX в.) // Ойкумена. Регионоведческие исследования. 2007. № 3. С. 37–45; Лазарева С.И. Вклад русских женщин в развитие эмигрантских учебных заведений Маньчжурии в условиях японского оккупационного режима // Ойкумена. Регионоведческие исследования. 2008. № 2. С. 49–65; Лазарева С.И., Шпилёва А.Н. Вклад восточной ветви российской эмиграции в сохранение отечественной культуры (20–30-е гг. XX века) // Ойкумена. Регионоведческие исследования. 2009. № 2. С. 110–115; Лазарева С.И., Сергеев О.И. Общественнополитическая активность российских японских эмигрантов в Китае в 20-е – 40-е гг. XX в. // Ойкумена. Регионоведческие исследования. 2011. № 2. С. 145–156; Лазарева С.И., Шпилёва А.Н. Российская эмиграция и развитие образования в Маньчжурии 20-40-х годов XX века // Ойкумена. Регионоведческие исследования. 2012. № 3. С. 94–102; Чи Юйчао. Пионеры юридического образования на российском Дальнем Востоке (1919–1922): по материалам Государственного архива Приморского края // Ойкумена. Регионоведческие исследования. 2022. № 1. С. 84–94 и др.

грантов в Маньчжурской империи (БРЭМ) – это руководящий орган эмигрантской колонии в Маньчжу-ди-го, существовавший в 1934–1945 гг. Автор приходит к выводу, что пика в своём развитии молодёжная "политика" БРЭМ достигла в первой половине 1940-х гг. в условиях усилившейся японизации социально-культурной среды "Маньчжурской империи и советской Отечественной войны", чем способствовала культивированию в сознании русской молодёжи в Маньчжурии национально-культурной идентичности и развитию патриотизма, что подспудно вело к усилению симпатий к Советскому Союзу.

А.В. Антошин рассматривает Нью-Йоркскую группу партии социалистов-революционеров (эсеров) во второй половине 1940-х – начале 1950-х гг. Статья посвящена заключительному периоду в ее истории, связанному с пребыванием лидеров ПСР в Нью-Йорке. Источниковой базой для исследования послужили материалы американских архивов: Бахметевского архива Колумбийского университета в Нью-Йорке и Гуверовского архива войны, революции и мира в Стэнфорде. Автор доказывает, что в описываемый период Нью-Йоркская группа ПСР оставалась единственным организационно оформленным подразделением эсеровской партии. Главным (по мнению автора, ключевым) его проектом стало издание журнала "За свободу", в котором печатались остававшиеся в живых лидеры партии социалистов-революционеров, внесшие важный вклад в историю политической мысли России.

И.К. Капран обращается к памятной дате – 100-летию исхода Сибирской флотилии из Владивостока, отражённой в русских периодических изданиях Австралии – газете "Единение", издающейся в г. Сиднее, и журнале "Австралийская лампада" в г. Брисбене. Проживающие в Австралии потомки участников тех событий называют эвакуацию Сибирской флотилии – дальневосточным исходом. Автор анализирует публикации "Единения" и "Австралийской лампады" о мероприятиях, посвященных этой дате. Также в обзор вплетены и личные истории иммигрантов как составные части процесса формирования "мест памяти" для русских жителей Австралии.

Тема Гражданской войны на Дальнем Востоке в журнале "Кадетская переключка", издававшемся в г. Нью-Йорке в период 1971–2005 гг., рассматривается Т.С. Кулепановой (Шугайло) и Р.В. Кулепановым. В представленной статье анализируются материалы журнала русской военной эмиграции "Кадетская переключка", посвященные истории Гражданской войны 1917–1922 гг. на Дальнем Востоке и участию в ней кадетского движения. Анализируемое издание, выпускавшееся "Объединением кадет российских кадетских корпусов за рубежом", по мнению авторов, не только освещало деятельность кадетских ассоциаций, но и способствовало сохранению традиций русской армии. Публикации же воспоминаний участников Гражданской войны, вкупе с аналитическими статьями по истории войн XX в., позволяют расширить источниковую базу изучения Гражданской войны на Дальнем Востоке.

В.Н. Караман

Развитие и исторический вклад русской эмигрантской прессы в Харбине (Китай) в 1920–1940-х гг.

Чжан Мэй

Институт России Академии общественных наук провинции Хэйлунцзян, Харбин, 42576682@qq.com

Аннотация: В период с конца XIX века до первой половины XX века произошло несколько волн массовой миграции российских эмигрантов в Китай. Русская диаспора в Китае также стала ярким историческим явлением XX века. Русские эмигранты прибыли в Китай в большом количестве, причем наибольшее число их было в Харбине и Шанхае. Русские эмигранты поселились здесь и постепенно интегрировались в жизнь местного населения. На пике своего развития в Харбине проживало более 200 тыс. русских, что намного превышало численность местного населения, поэтому Харбин одно время считался "столицей" русской диаспоры в Китае. Они основывали школы, издавали газеты и журналы, строили церкви, оставили свой след в политической, экономической и социальной жизни Харбина и вписали славную главу в культурную историю русской диаспоры. Поскольку публикация газет русских эмигрантов достигла своего пика в 1920-х–1940-х гг, данная статья посвящена публикациям газет и журналов русских эмигрантов в Харбине в этот период.

Ключевые слова: Харбин, русская диаспора, издание газет и журналов

Для цитирования: Чжан Мэй. Развитие и исторический вклад русской эмигрантской прессы в Харбине (Китай) в 1920–1940-х гг. // Ойкумена. Регионоведческие исследования. 2023. № 1. С. 11–17. <https://doi.org/10.24866/1998-6785/2023-1/11-17>

Original article
<https://doi.org/10.24866/1998-6785/2023-1/11-17>

The Development and Historical Contribution of the Russian Emigrant Press in Harbin (China) in the 1920s–1940s

Zhang Mei

Institute of Russia, Academy of Social Sciences, Heilongjiang Province, Harbin, China, 42576682@qq.com

Abstract. Between the end of the XX century and the first half of the XX century, there were several waves of mass migration of Russian expatriates to China. The "Russian diaspora in China" also became a striking historical phenomenon of the XX century. The Russian emigrants arrived in China in large numbers, with the largest numbers in Harbin and Shanghai. The Russian expatriates settled here and gradually integrated into the life of the local population. At its peak there were more than 200,000 Russians living in Harbin, far more than the local population, so that Harbin was once considered the 'capital' of the Russian diaspora in China. They founded schools, published newspapers and magazines, and built churches in Harbin, and their activities left a deep mark on the political, economic and social aspects of the city, as well as writing a glorious chapter in the cultural history of the Russian diaspora. Since the publication of Russian émigré newspapers reached its peak in the 1920s and 1940s, this article focuses on the publications of Russian émigré newspapers and magazines in Harbin during that period.

Key words: Harbin, Russian diaspora, Newspaper and magazine publications

For citation: Zhang Mei. The Development and Historical Contribution of the Russian Emigrant Press in Harbin (China) in the 1920s–1940s // Ojkumena. Regional researches. 2023. No.1. P. 11–17. <https://doi.org/10.24866/1998-6785/2023-1/11-17>

Введение

В современной истории город Харбин в северо-восточном Китае был крупным поселением для русской диаспоры, которая когда-то насчитывала 200 000 человек. Среди видов деятельности российской диаспоры выделяется газетно-издательская деятельность: в Харбине силами российской диаспоры издавалось более 150 русских газет, которые внесли большой вклад в развитие местной культуры и стали неотъемлемой частью истории российской диаспоры. Китайские и российские ученые опубликовали ряд работ о русской диаспоре в Харбине, например, Ши Фан, Лю Шуан и Гао Лин "История российских экспатриантов в Харбине" (Харбин, 2003); Жун Цзе "Влияние русской диаспоры на Харбин" (Харбин, 2011); Ли Синкэн и др. "Бурные и плавучие – российские экспатрианты в Китае (1917–1945)" (Пекин, 1997); Таскина Е.П. "Неизвестный Харбин" (Москва, 1994); Мелихова Г. В. "Маньчжурия далекая и близкая" (Москва, 1991); Мелихов Г.В. "Российская эмиграция в международных отношениях на Дальнем Востоке. 1925–1932" (Москва, 2007). Эти исследовательские работы дают представление о деятельности российской диаспоры в Харбине. В настоящее время принято считать, что пик издательской деятельности русской диаспоры пришелся на 1920-е–1940-е гг. Используя эти книги в качестве справочника, в данной статье мы попытаемся дать более

полное описание издательской деятельности русской диаспоры в Харбине в 1920-х–1940-х гг. и дать ей более объективную оценку.

Возникновение и развитие русской эмигрантской прессы в Харбине

Русская пресса в Харбине как средство выражения общественного мнения возникла и развивалась вместе со строительством Средневосточной железной дороги. Газеты русской диаспоры в Харбине выходили в основном на русском языке и охватывали широкий спектр областей, таких как политика, экономика, культура, этническая принадлежность, религия, наука и техника.

Несколько этапов в развитии русской прессы в Харбине в первой половине XX в. совпали по времени с несколькими масштабными миграциями. С начала строительства Ближневосточной железной дороги до Октябрьской революции 1917 г. в России – период подъема прессы русских в Харбине. В 1898 г. началась подготовка Ближневосточной железной дороги к строительству, и Харбин как центр изысканий, проектирования и организации строительства всей Ближневосточной железной дороги, естественно, стал центром расселения русских. Компания Ближневосточной железной дороги направила в Харбин большое количество русских технических специалистов для строительства Ближневосточной железной дороги, возведения домов и создания различных учреждений для городского планирования и строительства. В результате среди русских, приехавших в Харбин, были специалисты в области геодезии, дорожного строительства и метеорологии, а также талантливые люди в области механики, планирования и строительства и большое количество рабочих. По мере продвижения и открытия проекта Средневосточной железной дороги и реализации плана города Харбина, число русских, приехавших в Харбин, быстро росло: от нескольких десятков в начале до 12000 в 1902 г. [13].

После русско-японской войны 1905 г. число русских в Харбине снова значительно возросло, поскольку Южная Маньчжурия стала японской сферой влияния, и большое количество русских отступило в Северную Маньчжурию, центром которой был Харбин. Эти русские отчаянно нуждались в духовном утешении в одиночестве на чужбине после тяжелой работы, что дало возможность и аудиторию для появления русской эмигрантской прессы в Харбине. Согласно статистике, с 1901 по 1917 гг. в Харбине издавалось 29 русских газет. 54 русских журнала выходили в Харбине с 1905 по 1917 г., наибольшее количество – в 1916 г. (10)[3]. По данным О. Бакича, профессора Университета Торонто, с 1918 по 1945 г. только в Харбине русской общиной издавалось 115 газет и 275 журналов [10, с.74].

После Октябрьской революции 1917 г. в Харбин бежало большое количество русских, в том числе аристократы, бюрократы, капиталисты и интеллигенция, выступавшие против революции, а также Белая армия, пытавшаяся свергнуть новый режим, но проигравшая войну. Несмотря на бегство, они не были пролетариями, поэтому сразу после поселения в Харбине начали зарабатывать на жизнь различными ремеслами, и период 1918–1921 г. был одним из самых быстрорастущих периодов для русского эмигрантского капитала в Харбине [4].

1920-е и 1930-е гг. были периодом расцвета издательской деятельности русских эмигрантов. В этот период число российских эмигрантов достигло максимума, и многие из них оставались в стране в течение значительного периода времени, прежде чем разъехаться. Зафиксировано, что после окончания гражданской войны в 1923 г. "в какой-то момент в Харбине проживало до 200 000 русских, что превышало даже число местных жителей. Харбин стал крупнейшим центром поселения русских эмигрантов в Китае" [1]. С увеличением числа русских эмигрантов в Харбине значительно развился и издательский бизнес. В этот период эмигранты основали и выпустили в Харбине около 50 видов газет, таких как "Харбинский Вестник" (Переименована в "Железнодорожник" после Октябрьской революции), "Русский Голос", "Вперёд", "Харбинское Время" и т. д. [4, с.140].

После падения северо-восточного Китая в 1930-х г. издание газет попало под жесткий японский контроль, издание газет русскими эмигрантами было ограничено, а их содержание подвергалось строгой цензуре. В этот период русская пресса в значительной степени ограничивалась японскими вла-

стями, и количество издаваемых газет и журналов резко сократилось. За 14 лет было создано 19 газет и 47 журналов, в то время как 57 газет прекратили выпуск, и только 5 газет сохранились к 1945 г. [7, с.23].

После основания КНР русская эмигрантская пресса сошла со сцены китайской истории.

Виды и содержание газет для российских экспатриантов в Харбине в 1920-х–1940-х гг.

Русскоязычная пресса Харбина в то время была хорошо диверсифицирована и удовлетворяла потребности всех классов, групп и профессий. Обширных литературно-политических газет было значительно больше, чем газет любого другого типа, составляя около 1/3 всех газет, что отражает интерес к политической жизни в то время.

Большая часть русской прессы в Харбине была частной, например, 72 из 102 газет в Харбине в середине 1920-х гг. и такое же количество журналов, и лишь несколько официальных газет. Политические распри среди русских в Харбине были сильными, и люди с разными политическими взглядами создавали газеты, чтобы заручиться общественной поддержкой.

Российские газеты, изданные после 1917 г., составили более четырех пятых от общего числа газет, изданных в период с 1901 по 1926 г. В русском издании "У порога Китая", вышедшем в 1924 г., советский ученый отмечал: "По количеству русских жителей Харбин эквивалентен среднему сибирскому провинциальному городу. Как правило, для удовлетворения потребностей достаточно одной или двух ежедневных газет. Однако в это же время (примечание: начало 1923 г.) в Харбине выходило более чем в шесть раз больше ежедневных газет (примечание: более чем)" [2, с. 35]. Поскольку большинство русских эмигрантов, бежавших в Китай, были политическими беженцами, можно сделать вывод, что период, когда в Харбине издавалось наибольшее количество русскоязычных газет, был для города не периодом экономического развития, социального и культурного процветания, а периодом активности политических деятелей, что в полной мере отражает характер времени в области прессы.

Среди прессы общего характера газеты занимают большую долю, особенно ежедневные газеты, в связи с тем что они выходят быстрее и являются мощным инструментом для освещения новостных событий, политической пропаганды и полемики против враждебных сил, в то время как журналы имеют относительно более длинные номера. Кроме того, поскольку русский народ любит литературу и искусство, а выживание русской диаспоры основано на развитии экономики, в специализированной прессе больше литературных и экономических газет, причем больше журналов, чем газет, даже нет газет в категориях технической и сельскохозяйственной, образовательной, религиозной, юмористической и детской книги, что говорит о том, что специализированная пресса мало нуждается в оперативности. Только в экономической категории доля газет больше – 11 экземпляров.

Следует отметить, что, несмотря на большое количество издаваемых русскоязычных газет, среди них много газет, выходящих менее года, что составляет почти треть от общего числа (89 наименований), и еще большую долю (около половины – 41 наименование), если считать газеты отдельно.

Причина этого в том, что в структуре русскоязычной прессы в Харбине преобладают газеты, посвященные текущим событиям и политике, которые ориентированы только на публикацию, а не на финансовую выгоду, и которые плохо управляются и неустойчивы. Частные газеты уже испытывали финансовые трудности, не говоря уже об отсутствии финансовой помощи извне [12, с. 76].

Одним из самых продолжительных российских периодических изданий в Харбине является газета "Заря"(1920–1945), выходявшая в 1920 г. как утренняя и вечерняя газета, которую возглавляли легендарный и талантливый журналист и издатель М.К. Лембавич и сибиряк Г.Н. Сипков. Газета "Заря" была одной из самых популярных не только в Харбине, но и в Китае, и за пределами России, имела высокий статус в культурной жизни русской диаспоры, ее тираж в 1925 г. составлял 7 500 экземпляров, прекратила публикацию в 1945 г. "Заря" издавалась в течение 22 лет, ее страницы были

расширены с первоначальных четырех страниц до восьми и 16 страниц после 1930 г.

Журнал "Рубеж" (1926–1945) был наиболее влиятельным из русских эмигрантских журналов в Харбине, он был создан в 1926 г. Е.К. Кауфманом, еврейским журналистом из Амурской области. Имея 20–28 страниц и постоянную читательскую аудиторию в 862 номера за 18 лет. С лета 1929 г. журнал "Рубеж" стал еженедельным изданием, выходящим каждую субботу. Содержание было разнообразным: от политических эссе до статей, посвященных различным взглядам на русскую культуру, например, об опасностях войны, становлении фашизма в Европе и взглядах на вмешательство Японии во внутренние дела Китая. Помимо местных и достоверных международных новостей, "Рубеж" также публиковала юбилеи российской истории, жизнь и деятельность писателей, композиторов и художников, объявления о концертах или театральных представлениях и даже конспекты лекций литераторов, а также новости о шрифтах и экономике, что, несомненно, обогащало самодеятельную культурную жизнь русских эмигрантов в Харбине. Кроме того, в журнале есть специальные разделы "Женские друзья" и "Книжные новости". Красочные иллюстрации и фотографии были очень привлекательны для читателей. В период своего процветания (1931–1936 гг.) "Рубеж" выходил тиражом около 25 000 экземпляров, а ее корреспонденты были представлены во многих странах и городах мира [8, с. 61]. Журнал перестал выходить в августе 1945 г.

Большая часть русскоязычной прессы в Харбине издается в частном порядке, особенно газеты, на долю которых приходится более 70% от общего объема [11]. Хотя это частные газеты, они имеют сильное политическое измерение.

Журналисты русской диаспоры имеют свой особый общественно-политический бэкграунд, и среди литераторов принято обсуждать политику. Официальных газет, издаваемых социальными группами и правительством, гораздо меньше, чем частных лиц. Официальные публикации составляют лишь 5% от общего числа.

Большой вклад русской эмигрантской прессы в Харбине в российско-китайскую культуру

Харбинская русская диаспоральная пресса являлась не только носителем культуры русской диаспоры, но и вносила большой вклад в российско-китайский культурный обмен.

Во-первых, русская эмигрантская пресса способствовала распространению традиционной русской литературы и культуры в Китае. Русские поэты и писатели в Харбине не прекращали писать романы, находясь на чужбине, и питали глубокую привязанность к традиционной литературе своей родины. Это открыло окно в русскую культуру и литературу для российских экспатриантов в Харбине и русскоязычных китайцев. Например, в 1937 г., в день 100-летия со дня смерти великого русского поэта Пушкина, только за первые три месяца этого года было опубликовано более 300 газетных статей, в том числе "Общественная газета" опубликовала 76, "Аврора" 60, "Харбинские вечерние новости" 40 и "Горло" 35. Журнал Союза учителей России "Проблемы студенческой жизни" перепечатал статью Некрасова "Проблема значения Пушкина в истории письменного русского языка", опубликованную в 1899 г. в журнале "Жизнь". В шестом номере журнала "Рубеж" был опубликован специальный выпуск в честь Пушкина. "Аврора" опубликовала фотокнигу, распространив 1160 экземпляров [13, с.10].

Во-вторых, русская эмигрантская пресса в Харбине сохраняла голос, отличный от голоса российского мейнстрима. Например, К. Бальмонт, один из самых талантливых поэтов "серебряного века" России, не был признан основными средствами массовой информации в советское время, и его произведения не публиковались; его последняя книга "На службе обществу" была издана в Харбине в 1937 г. [6, с. 178]. Несмотря на небольшой тираж, в № 48 журнала "Рубеж" была опубликована рецензия на книгу Натальи Лезниковой, а в "Харбин Таймс" 7 декабря 1937 г. – рецензия Б. Абалианинова, которые имеют большое значение для правильного понимания и оценки Бальмонта.

В-третьих, русская пресса в Харбине взрастила большое количество русских поэтов и писателей. А. Несмайлов, В. Перешин, Б.Х. Иванов, М. Колосова, Р. Андерсен, В. Янковская, М. Щербаков и ряд других молодых поэтов и писателей росли вместе с развитием таких изданий, как "Рубеж", "Пассаж", "Асахия", "Чураевка" и другие. Каждый номер журнала "Рубеж" публиковал произведения русских поэтов и писателей в Харбине или в переводах и стал сценой для демонстрации талантов русских поэтов и писателей. С 1937 по 1944 гг. Перешин опубликовал в Харбине четыре книги стихов, каждая из которых рецензировалась в харбинских русских газетах и журналах, а о его основной литературной деятельности и главных событиях в жизни сообщалось в харбинских газетах того времени. Нельзя отрицать историческую роль русской литературы Харбина в развитии русской литературы в целом, и русская пресса внесла в это огромный вклад.

В-четвертых, русская эмигрантская пресса способствовала развитию местной прессы и издательского дела в Харбине. Харбин был отдаленным, пограничным городом Китая, который поздно открылся и медленно развивался в экономическом и культурном плане. С прибытием большого числа русских эмигрантов во время строительства Ближневосточной железной дороги газетная промышленность и пресса Харбина постепенно развивались. В истории современной китайской журналистики русская пресса по своему разнообразию, характеру и сложности не имела равных ни одной другой газете на иностранном языке в Китае. Эти российские газеты преодолели отсталость харбинской газетной индустрии и стали образцом для местных китайских газет, ускорив развитие прессы в Харбине.

В-пятых, русская эмигрантская пресса в Харбине обогатила русско-советскую литературу и литературу северо-восточного Китая в первой половине XX в.

Помимо вышесказанного, пресса российской диаспоры в Харбине имеет важное культурно-исследовательское и обменное значение. Литература русской диаспоры сохранилась благодаря российской прессе и стала важной частью русской культуры, китайской культуры и мировой культуры. Литература русской диаспоры, развивавшаяся на почве китайской культуры, имеет ярко выраженный китайский отпечаток, и в процессе взаимного влияния и интеграции как литература русской диаспоры, так и китайская литература достигли долгосрочного развития. Для русских эмигрантов Харбин является их второй родиной, и русские писатели-эмигранты часто включают в свои произведения то, что они видели, думали и чувствовали в Китае, применяя свой уникальный опыт и понимание китайского народа и китайской культуры в своих размышлениях о российской истории, создавая таким образом литературные произведения, которые отличаются от произведений местных русских писателей. В то же время тот факт, что русская литература в Харбине была продуктом определенной исторической эпохи и что ее язык был русским, не означает, что ее читательская аудитория ограничивалась русской диаспорой. Тот факт, что Харбин в то время был полиэтничным интеграционным районом, и что многие харбинцы владели русским языком, устранил языковой барьер для чтения изданий русской диаспоры, таких как "Рубеж", что, в свою очередь, позволило им вновь понять и узнать русскую национальную литературу и культуру через прессу, и способствовало прямому обмену между русской и китайской литературой и культурой [4, с. 12]. В этом смысле литература русской диаспоры в Харбине также является важной частью литературы северо-восточного Китая.

Литература и пресса русской диаспоры в Харбине сыграли свою роль в развитии культурного обмена между Россией и Китаем в первой половине XX в. Благодаря русской прессе и литературе русские, живущие в северо-восточном Китае, особенно в Харбине, больше не чувствовали себя забытыми и брошенными, а пресса и литература придавали им мужество и силы для преодоления жизненных трудностей и расширения кругозора. Это также создало условия для знакомства китайцев с повседневной жизнью и культурными обычаями русских, а также с творчеством известных русских поэтов и писателей. С другой стороны, русские также учились понимать традиционную китайскую культуру и распознавать китайские этнические особенности через

сравнение различных этнических культур, приобретая таким образом опыт совместной жизни.

Литература

1. Гальперин А. Бомбоубежища и тени прошлого // Новое русское слово. 19.03.1983. 10 с.
2. Киржниц А.Д. У порога Китая. М., Красная новь, 1924. 70 с.
3. 孔经纬, 朱显平. 帝俄对哈尔滨一带的经济掠夺[M]哈尔滨: 黑龙江人民出版社. 1986. 11. = Конг Цзинвэй, Чжу Сяньпин. Имперско-российская экономическая стычка вокруг Харбина. = Харбин: Хэйлуунцзянское народное издательство. 1986, 11 с.
4. 张坤. 论“白银时代”俄罗斯侨民文学与中国文学的关联[J] 短篇小说. 2013年第30期. 11–12. = Чжан Кунь. О связи литературы русской диаспоры и китайской литературы в "серебряном веке" // Короткие рассказы. 2013. № 30. С. 11–12.
5. 李兴耕等. 风雨浮萍: 俄国侨民在中国 (1917–1945) [M]北京: 中央编译出版社. 1997. 365. = Ли Синькэн и др. Дождь и буря – русские эмигранты в Китае (1917–1945). Пекин: Центральное издательство компиляций и переводов, 1997. 365 с.
6. 李君. 中国哈尔滨俄侨诗人佩列列申[J]齐齐哈尔大学学报 (哲学社会科学版). 2010 年第1期. 178–180. = Ли Цзюнь. Перелешин, русский поэт в Харбине // Журнал Цицикарского университета (по философии и социальным наукам). 2010. № 1. С. 178–180.
7. 王迎胜. 1898–1949 年哈尔滨俄罗斯侨民新闻报刊事业史研究[J]黑龙江史志. 2006年第8期. 21–24. = Ван Иншэн. Исследование истории прессы и газетного дела русской диаспоры в Харбине, 1898–1949 // История Хэйлуунцзяна. 2006. № 8. С. 21–24.
8. 生田美智子, 何雪梅译. 哈尔滨俄罗斯人: 东方俄罗斯侨民的同一性问题[J]俄罗斯文艺. 2012年第1期. 59–62. = Икута Мичико, Хэ Сюэмэй. Русские Харбина: вопрос об однородности русской диаспоры на Востоке // Русская литература и искусство. 2012. № 1. С. 59–62.
9. 石方, 刘爽, 高凌. 哈尔滨俄侨史[M]哈尔滨: 黑龙江人民出版社. 2003. 64. = Ши Фан, Лю Шуан и Гао Лин. История российских экспатриантов в Харбине. Харбин: Хэйлуунцзянское народное издательство, 2003. 64 с.
10. 石方. 中东铁路的修筑对哈尔滨经济社会发展的作用与影响[J]学习与探索. 1995年第4期. 137–144. = Ши Фан. Роль и влияние строительства Ближневосточной железной дороги на экономическое и социальное развитие Харбина // Изучение и исследование. 1995. № 4. С. 137–144.
11. 荣洁. 俄罗斯侨民对哈尔滨的影响[M]哈尔滨: 黑龙江大学出版社. 2011. 91. = Жун Цзе. Влияние русской диаспоры на Харбин. -Харбин: Издательство Хэйлуунцзянского университета, 2011. 91 с.
12. 赵永华. 20世纪初哈尔滨俄文报刊分析[J]国际新闻界. 2005年第6期. 74–77. = Чжао Юнхуа. Анализ русскоязычной прессы в Харбине в начале 20-го века // Международная журналистика. 2005. № 6. С. 74–77.
13. 高春雨. 哈尔滨俄侨普希金文学研究的经典回响[J]齐齐哈尔大学学报 (哲学社会科学版). 2019年第7期. 101–103. = Гао Чуньюй. Классические отголоски пушкинского литературоведения русских экспатриантов в Харбине // Журнал Цицикарского университета (по философии и социальным наукам). 2019. № 7. С. 101–103.

References

1. Gal'perin A. Bomb shelter and Shadows of the past // New Russian word. 03.19.1983. 10 p. (In Russ.).
2. Kirzhnits A.D. At the threshold of China. M., Krasnaya Nov, 1924. 70 p. (In Russ.).
3. 孔经纬, 朱显平. 帝俄对哈尔滨一带的经济掠夺[M]哈尔滨: 黑龙江人民出版社. 1986. 11. = Kong Jingwei, Zhu Xianping. Imperial-Russian economic skirmish around Harbin. Harbin: Heilongjiang People's Publishing House. 1986, 11 p. (In Chin.).
4. 张坤. 论“白银时代”俄罗斯侨民文学与中国文学的关联[J] 短篇小说. 2013年第30期. 11–12. = Zhang Kun. On the connection between the literature of the Russian diaspora and Chinese literature in the "Silver Age" // Short stories. 2013. No. 30. С. 11–12. (In Chin.).
5. 李兴耕等. 风雨浮萍: 俄国侨民在中国 (1917–1945) [M]北京: 中央编译出版社. 1997. 365. = Li Xingqeng et al.: The Rain and the Storm – Russian Expatriates in China (1917–1945). Beijing: Central Compilation and Translation Press, 1997. 365 p. (In Chin.).
6. 李君. 中国哈尔滨俄侨诗人佩列列申[J]齐齐哈尔大学学报 (哲学社会科学版). 2010年第1期. 178–180. = Li Jun. Pereleshin, Russian poet in Harbin // Journal of Qiqihar University (on philosophy and social sciences). 2010. No. 1. С. 178–180. (In Chin.).
7. 王迎胜. 1898–1949 年哈尔滨俄罗斯侨民新闻报刊事业史研究[J]黑龙江史志. 2006年第8期. 21–24. = Wang Yingsheng. Study of the history of the press and newspaper business of the Russian diaspora in Harbin, 1898–1949 // History of Heilongjiang. 2006. No. 8. С. 21–24. (In Chin.).

8. 生田美智子, 何雪梅译. 哈尔滨俄罗斯人: 东方俄罗斯侨民的同—性问题[J]俄罗斯文艺. 2012年第1期. 59–62. = Ikuta Michiko, He Xuemei. Russians of Harbin: the question of the homogeneity of the Russian diaspora in the East // Russian Literature and Art. 2012. No. 1. C. 59–62. (In Chin.).

9. 石方, 刘爽, 高凌. 哈尔滨俄侨史[M]哈尔滨: 黑龙江人民出版社. 2003. 64. = Shi Fang, Liu Shuang and Gao Ling. History of Russian expatriates in Harbin. –Harbin: Heilongjiang People's Publishing House, 2003. 64 p. (In Chin.).

10. 石方. 中东铁路的修筑对哈尔滨经济社会发展的作用与影响[J]学习与探索. 1995 年第4期. 137–144. = Shi Fang. The role and impact of the construction of the Middle East Railway on the economic and social development of Harbin // Learning and Exploration. 1995. No. 4. C. 137–144. (In Chin.).

11. 荣洁. 俄罗斯侨民对哈尔滨的影响[M]哈尔滨: 黑龙江大学出版社. 2011. 91. = Rong Jie. The influence of the Russian diaspora on Harbin. Harbin: Heilongjiang University Press, 2011. 91 p. (In Chin.).

12. 赵永华. 20世纪初哈尔滨俄文报刊分析[J]国际新闻界. 2005年第6期. 74–77. = Zhao Yonghua. Analysis of the Russian–language press in Harbin at the beginning of the 20th century // International journalism. 2005. No. 6. C. 74–77. (In Chin.).

13. 高春雨. 哈尔滨俄侨普希金文学研究的经典回响[J]齐齐哈尔大学学报 (哲学社会科学版). 2019 年第7期. 101–103. = Gao Chunyu classical echoes of Pushkin's literary criticism of Russian expatriates in Harbin // Journal of Qiqihar University (on philosophy and social sciences). 2019. No. 7. C. 101–103. (In Chin.).

Информация об авторе

Чжан Мэй, старший научный сотрудник Института России Академии общественных наук провинции Хэйлунцзян, Харбин, Китай, e-mail: 42576682@qq.com

Information about the author

Zhang Mei, Senior Researcher, Institute of Russia, Academy of Social Sciences, Heilongjiang Province, Harbin, China, e-mail: 42576682@qq.com

Поступила в редакцию 06.01.2023

Received 06.01.2023

Одобрена после рецензирования 08.02.2023

Approved 08.02.2023

Принята к публикации 16.02.2023

Accepted 16.02.2023

Религиозная жизнь Харбина: адвентисты Седьмого дня

Ксения Игоревна Родионова
Дальневосточный федеральный университет,
Владивосток, Россия, rodionovadvfu@gmail.com

Аннотация: Статья посвящена истории Церкви адвентистов Седьмого дня в Маньчжурии с 1910 по 1945 гг. Русская община адвентистов, появившаяся в полосе отчуждения Китайско-Восточной железной дороги, стала первой адвентистской Церковью для русского населения Дальнего Востока. В работе на основе разнообразных источников (архивных документов, источников личного происхождения, справочных и конфессиональных трудах) и исследовательской литературы впервые представлена общая картина религиозной жизни адвентистов Седьмого дня в Харбине.

Ключевые слова: Харбин, адвентизм, Маньчжурия, адвентисты Седьмого дня, российская эмиграция, Китайско-Восточная железная дорога, Китай, протестантизм, КВЖД

Для цитирования: Родионова К. И. Религиозная жизнь Харбина: адвентисты Седьмого дня // Ойкумена. Регионоведческие исследования. 2023. № 1. С. 18–28. <https://doi.org/10.24866/1998-6785/2023-1/18-28>

Original article
<https://doi.org/10.24866/1998-6785/2023-1/18-28>

Religious Life in Harbin: Seventh-day Adventists

Ksenia I. Rodionova
Far Eastern Federal University,
Vladivostok, Russia, rodionovadvfu@gmail.com

Abstract. The article is devoted to the history of the Seventh-day Adventist Church in Manchuria from 1910 to 1945. The Russian Adventist community, which appeared in the right-of-way of the Chinese Eastern Railway, became the first Adventist Church for the Russian population of the Far East. Based on a variety of sources (archival documents, sources of personal origin, reference and confessional works) and research literature, the work presents for the first time a general picture of the religious life of Seventh-day Adventists in Harbin.

Key words: Harbin, Adventism, Manchuria, Seventh-day Adventists, Russian emigration, Chinese Eastern Railway, China, Protestantism, CER

For citation: Rodionova K. I. Religious Life in Harbin: Seventh-day Adventists // Ojkumena. Regional researches. 2023. No. 1. P. 18–28. <https://doi.org/10.24866/1998-6785/2023-1/18-28>

Государственно-конфессиональные отношения оказывают большое влияние на культуру и жизнь российского общества в течение всей его истории. В то же время вопросы, связанные с правами и положением конфессиональных меньшинств, остро стоят во всём мире. Изучение присутствия русских протестантов в Маньчжурии началось более 20 лет назад, при этом история ряда общин была затронута лишь фрагментарно в научных трудах. Одним из таких религиозных движений является адвентизм Седьмого дня. Его история в полосе отчуждения Китайско-Восточной железной дороги (далее – КВЖД) существенно отличается от истории других деноминаций.

Начало изучения истории адвентизма Седьмого дня (далее – АСД) в Маньчжурии было положено сравнительно недавно. Тема исследования находится на стыке двух научных направлений: истории эмиграции и истории религиозной жизни Дальнего Востока России. Поэтому в разное время её затрагивали как профессиональные историки, так и конфессиональные авторы. Впервые о харбинских адвентистах на основе конфессиональных источников писали служители церкви Опарин А.А. [19; 20] и Юнак Д.О. [21]. Исследование темы продолжили приморские историки Дударёнок С.М. [7; 8; 9; 10; 11; 12], Сердюк М.Б. [9; 19] и Хисамутдинов А.А. [14], включившие в изучение темы новые источники – документы из российских архивов. По большей части исследования были направлены на изучение истории формирования (1910–1919), развития (1920–1927) общины АСД и персоналий Церкви.

Представленная статья является попыткой наиболее полно охарактеризовать историю общины АСД в Маньчжурии в первой половине XX в. Автор впервые в российской историографии темы представлены новые **источники:** документы фондов архивов РГИА ДВ и ГАХК, мемуарные источники и статистические материалы, в том числе на английском языке, представлены новые выводы.

Цель статьи – представить историческое прошлое Церкви адвентистов Седьмого дня в Харбине с 1910 по 1945 гг. и показать её место в религиозной жизни российского населения Маньчжурии. Для достижения цели исследования поставлены следующие **задачи**: рассмотреть основные этапы истории Церкви АСД в Харбине; представить сведения о служителях общины; показать взаимоотношения Церкви АСД и Русской православной церкви; определить причины роста числа верующих и факторы, повлиявшие на завершение русской миссии в Маньчжурии.

В работе использованы классические **методы** исторического исследования: сравнительно-исторический, историко-биографический и историко-системный.

Харбинская Церковь адвентистов Седьмого дня стала первой адвентистской общиной на Дальнем Востоке России. В отличие от многих других протестантских конфессий адвентизм среди российского населения КВЖД распространился не из Приморской или Амурской областей, а наоборот.

Началом истории русской миссии АСД в Маньчжурии считается 1910 г. Тогда весной председателем Российского унияна (союза) АСД Ю.Т. Бетхером было выдано решение совета проповеднику Епифану Гнедину о его отправке в Харбин. 24 мая 1910 г. Е. Гнедин выехал с Кавказа на поезде от станции Новороссийск в Москву, а затем – через Урал – в Маньчжурию. В Харбин он прибыл 12 июня и сразу же начал проповедовать. Первые его последователи в числе трех человек собирались в квартире А. Лисенко (также встречается написание Лысенко) – одного из верующих адвентистов. Е. Гнедин так описывает первые месяцы служения в Харбине: "Через месяц я имел уже 12 душ, хороших членов субботней школы, которые свято соблюдали четвертую заповедь. Научив их хорошо пению, я нанял хороший зал в городе, бывшую гостиницу Россия. На заявление, поданное нами по поводу открытия религиозного собрания, господин полицмейстер ответил "Представляю на ваше распоряжение", после чего мы и начали наши собрания" [Цит по: 21, с. 76].

В августе 1910 г. Е. Гнедин крестил в реке Сунгари 16 адвентистов [21, с. 76]. Пастор также вел миссионерскую деятельность среди маньчжуров и китайцев. В 1911 г. он уехал в Иркутск с семьей, но оставался настоятелем харбинского прихода до 1920 г. [23, с. 346–347]. В полосе отчуждения КВЖД верующими общин становились служащие и рабочие железной дороги. Всего к концу 1910 г. в Харбине было около 15-25 последователей АСД. Миссия стала относиться к Сибирскому миссионерскому полю, выделенному из Восточно-русского миссионерского поля в 1909 г. [24, с. 40].

В начале 1910-х гг. у Русской православной церкви (далее – РПЦ) появилась обеспокоенность в отношении роста числа приверженцев адвентизма. Это было вызвано тем, что в мае 1911 г. благочинный маньчжурских церквей РПЦ Л.Ф. Пекарский получил расписки от 23 адвентистов о нежелании оставаться в лоне православия. Причинами их перехода он считал прочтение мирянами священных книг Библейского английского общества и активную миссионерскую работу (РГИА ДВ. Ф. 244. Оп. 2. Д. 93. Л. 48)¹.

Уже в это время адвентисты задумались о строении собственного молитвенного дома. С просьбой о выделении здания они обращались к помощнику управляющего КВЖД по гражданской части – генералу М.Е. Афанасьеву. По постановлению Думы группа менее 60 чел. не считалась религиозной общиной, из-за чего им было отказано. После этого адвентисты просили разрешения приписаться к Рижскому обществу (РГИА ДВ. Ф. 244. Оп. 2. Д. 93. Л. 48 об).

В 1912 г. в Харбине проводились беседы противосектантского миссионера Сергея Толпегина – священника РПЦ – и представителей АСД. В 1913 г. в столице КВЖД проживало 22 адвентиста (РГИА ДВ. Ф. 244. Оп. 2. Д. 276. Л. 16–17).

В 1915 г., избегая ссылки, в Харбин с семьей уехал глава владивостокских адвентистов Генрих Гебель [23, с. 350]. Данные о его дальнейшей жизни отсутствуют. Такие примеры были частыми. Протестанты в полосе отчуждения КВЖД чувствовали себя свободнее, чем в городах российского Дальнего Востока. Они вели проповедь даже среди православного населения.

¹ РГИА ДВ – Российский государственный архив Дальнего Востока.

В том же 1915 г. в Харбине вместе с Е. Гнединым проповедовал Иван Адамович Гайдичар [10, с. 193].

С 1919 г. в Маньчжурии начинает действовать американская миссия адвентистов Седьмого дня – Маньчжурская объединенная миссия [26, с. 109]. В неё вошли общины АСД, возникшие в полосе отчуждения КВЖД и на территории Приморского края [9, с. 89]. Несмотря на то, что Е. Гнедин продолжал обслуживать духовные нужды адвентистской общины, изредка приезжая из Иркутска, этого было недостаточно. Дорога отнимала у пастора много сил и времени, из-за чего поездки оставались редкими. Пастве же требовался священнослужитель на месте.

Приход отправил прошение о назначении миссионера. В Харбин приехал активный проповедник и один из первых российских адвентистов Феофил Феофилович Бабиенко (в ином прочтении – Теофил Теофилович), который служил настоятелем прихода с 1920 г. по 1927 г. (ГАХК. Ф. Р-831. Оп. 2. Д. 29. Л. 57)². Его приезд определил дальнейшую судьбу адвентистов на этой территории.

Прибыв в Маньчжурию в 1919 г. Ф. Бабиенко инициировал постройку храма. Для строительства церкви он выбрал центр русской эмиграции – Харбин [19, с. 12]. Ранее собиравшиеся в арендованных помещениях, с изредка приезжавшим пастором, харбинские адвентисты получили надежду на установление нормальной религиозной жизни. Назрела необходимость сбора пожертвований на строительство церкви, верующие принимали в этом активное участие. Так начался второй этап истории Церкви АСД среди русского населения в Маньчжурии.

Пастор Ф. Бабиенко вёл активную миссионерскую деятельность среди горожан. Особое внимание он уделил распространению адвентистской литературы. В 1921–1922 гг. под его редакторством выходил иллюстрированный журнал "Голос истины". Восточной сибирской соединённой миссией АСД всего было опубликовано три выпуска журнала. Пастор организовал издательство "Альфа и Омега", в котором с сентября 1922 г. выходил журнал "Церковный вестник". Редактором снова выступил глава харбинских адвентистов. Всего было выпущено шесть номеров Вестника, после чего он был переименован в издание "Семейный друг" [27, с. 435].

В 1923 г. произошло знаменательное для адвентистов событие – открытие собственного храма. Его строительство было осуществлено на пожертвования прихожан. Осенью этого же года церковь освятили. Здание находилось в харбинском районе Новый город на ул. Цицикарской, 15, пересечение с ул. Садовой (или ул. Садовая, 9) [4, с. 230]. Помещение вмещало около 300 верующих (ГАХК. Ф. Р-831. Оп. 2. Д. 29. Л. 57). Великолепный храм представлял собой однонефное краснокирпичное здание с примыкающей башней. По всему периметру здания располагались окна в стрельчатых арках, в башне имелись витражные окна-розетки, венчали башню три остроконечные пилаки.

Дочь пастора Ф. Бабиенко вспоминала внешнее убранство церкви: "В центре стоял высокий храм из красного кирпича, окруженный цветочными клумбами, маленькая начальная и большая средняя школа располагались рядом. В подвале школы была типография" [Цит. по: 17]. Описанная Линдой Манн типография начала свою работу в 1923 г. после основания Феофилом Бабиенко издательства "Спутник жизни". В этом же году выпущены два ежемесячных адвентистских журнала: "Источник жизни" (по другим данным в 1928 г. [27, с. 436]) и "Семейный друг" [21, с. 93]. Последний стал продолжением "Церковного вестника" и издавался с 7-го номера. Журнал выходил с марта 1923 г. [27, с. 435]. Основное место в издании занимали статьи богословского характера, содержание которых было приспособлено для чтения любым читателем.

В издательстве выходили и книги Ф. Бабиенко. В 1923 г. – "Катастрофа мира", об истории спиритизма, в 1925–1926 гг. – "Примирительная жертва Христа", о значении служения в "Ветхозаветном и Небесном Святилищах", "66 проповедей" [21, с. 101]. Издательство АСД развивалось, и глава общины больше не мог справляться со всеми делами церкви в одиночку. Для помощи

² ГАХК – Государственный архив Хабаровского края.

в издательском деле Ф. Бабиенко приглашает из Канады в Харбин своего знакомого Максима Яковлевича Попова [9, с. 89]. Сам Феофил Теофилович продолжал заниматься как публикационной, так и религиозной деятельностью.

В своих проповедях Ф. Бабиенко часто упоминал о втором пришествии Христа и ближайшем конце света. В Харбине пастор обрёл широкую известность. Благодаря его активной деятельности в адвентистскую общину вступают молодые люди и интеллигенция [20, с. 4]. Это подтверждают не только работы конфессиональных авторов, но и записи из дневника современника событий – известного сибирского государственного и общественного деятеля Петра Васильевича Вологодского. В 1923 г. он проживал в Харбине и не был знаком с адвентистским учением. В его дневнике содержится небольшая запись от 13 сентября 1923 г.: "По городу распространяются летучки, где приблизительно к тому же 25 сентября предсказывается светопредставление, и народ призывается к молитве и покаянию, а вместе с тем и к запасам продуктов питания. Сам я таких летучек не видел, но "Рус[ский] гол[ос]"³ заявляет, что он имел в своем распоряжении такие летучки, распространением таких нелепых слухов и глупых на этот случай советов особенно усердно занимаются адвентисты, которых немало в Харбине. Пользуясь тревожным настроением общества, адвентисты усердно проповедают вступление в общ[ест]во адвентистов, учение которых – де единственно чисто христианское. Среди представителей харбинских адвентистов встречаются интеллигентные люди. Напр[имер], бывший товарищ прокурора Пограничного суда Бражников является убежденным адвентистом, к голосу которого внимательно прислушиваются другие, приписавшиеся к этому обществу. Религиозный кризис, наступивший в России, вызывает к жизни фантастические рассказы о чудесном" [5, с. 411].

Ответом на проповедь адвентистов стала критика их церкви. Православные церкви в Маньчжурии издавали книги и статьи, критикующие учение адвентистов [13; 15]. В Харбине проводились диспуты между Феофилом Бабиенко и представителем РПЦ протоиереем Василием Демидовым [16, с. 85].

В 1925 г. открыта Сунгарии-Монгольская (впоследствии Сунгарийская) миссия для русских адвентистов в Маньчжурии. Её главой назначен Феофил Бабиенко, постоянный пастором Максим Попов, секретарем и казначеем миссии стал польский гражданин, миссионер К. Савицкий [28, с. 170]. Официальным изданием Сунгарийско-Монгольской миссии стал журнал "Семейный друг". Его выпускали до декабря 1926 г. после чего он был закрыт [27, с. 435]. При церкви АСД работала гимназия (ГАХК. Ф. Р-830. Оп. 3. Д. 2304. Л. 9) и библейская школа [3, с. 132]. Основными направлениями последней были изучение библейских доктрин, монгольского языка, а также первой медицинской помощи [21, с. 87]. Библейская школа в Харбине подготавливала миссионеров, которые вели деятельность на территории Маньчжурии и Монголии, для поездок требовалось знание дополнительного языка. В Монголии миссию с 1925 по 1932 гг. вёл переводчик монгольского языка из Харбина П.Е. Косицин (ГАХК. Ф. Р-830. Оп. 3. Д. 23198. Л. 1 об.).

Прокопий Ефимович Косицин (род. 25 апреля 1899 г.) уроженец города Благовещенск. Служил в армии Колчака, после чего в 1919 г. уехал в Маньчжурию, где стал проповедником адвентистской церкви (ГАХК. Ф. Р-830. Оп. 3. Д. 23198. Л. 1-2).

Из Маньчжурии миссионеров направляли и на территорию советского Дальнего Востока. В 1923 г. там работал адвентистский проповедник Корженков, после его возвращения на КВЖД деятельность советской общины стала затихать (ГАХК. Ф. П-2. Оп. 2. Д. 168. Л. 14).

С 20 по 22 июня 1925 г. во Владивостоке проходил первый областной съезд адвентистов, целью которого стало создание Дальневосточного совета адвентистов Седьмого дня (ДВОС АСД). На собрании было избрано руководство объединения, его устав [7, с. 58-59]. Центром был выбран Хабаровск, совет был связан с харбинской общиной. Это укрепило ранее слабые связи харбинцев с советскими адвентистами. Через Маньчжурию в ближайшие советские группы АСД направлялись инструкции и денежная помощь [2, с. 222]. С 28 апреля по 2 мая 1926 г. Дальневосточным советом адвентистов

³ Русский Голос – ежедневная газета, издаваемая в Харбине с 1920 по 1926 гг.

созван пленум в Хабаровске. Перед собранием проповедник Хрульков посетил 12 общин, находившихся в населенных пунктах вблизи железной дороги. В это же время с советских территорий в Харбин уехал адвентистский пастор Мерзляков [18, с. 157–158], где впоследствии и остался проповедовать.

Зимой 1925–1926 гг. Ф. Бабиенко проводил в Харбине проповеди, которые впоследствии вышли отдельным изданием в типографии Сунгари-Монгольской миссии христиан адвентистов Седьмого дня [1]. Книга включила в себя 66 проповедей, каждая на четырёх страницах. Ещё одним неперiodическим трудом стал "Сборник духовных песнопений" [22], опубликованный в издательстве "Спутник жизни" для верующих общины.

В 1927 г. руководство Церкви АСД решило перевести Ф. Бабиенко из Харбина в Прибалтику. Перед его отъездом, 26 мая 1927 г. состоялся съезд Сунгарийско-Монгольской миссии в Харбине. Участниками стали 223 человека, включая деятелей церкви и верующих [21, с. 103]. Для понимания вклада Ф. Бабиенко в развитие Церкви АСД приведём часть благодарственного письма, врученного верующими своему пастору, которое полно характеризует его деятельность во всех сферах жизни общины:

"Все мы, участники настоящего Съезда, являемся таковыми исключительно лишь потому, что к возрождению каждого из нас к новой христианской жизни ты положил свой тяжелый и упорный труд. Среди нас, работников и членов Харбинской церкви, нет ни одного, кроме нашего дорогого гостя брата Еванса (Эванса) и нескольких братьев, которому ты не помог бы оставить свой грешный путь и стать на путь света и правды. Будучи проповедником Духа Святого, ты нарисовал на сердцах наших неизгладимый образ распятого за нас Иисуса Христа и помог нам изучить святое Слово Божье, служащее нам теперь основой жизни и дающее нам твердую надежду на будущую вечную жизнь.

Путем организации двухгодичного курса Библейской школы ты родил целый кадр проповедников Христова Евангелия и дал тем возможность начать работу Божию, как на линии Китайской Восточной железной дороги, так и среди многочисленного монгольского народа.

Трудами твоими организована церковная школа в Харбине, в которой мы имеем возможность обучать наших детей, выстроен прекрасный молитвенный дом, под кровом которого мы имеем счастье находиться, и сделано ещё много другое" [21, с. 102–103].

После отъезда Ф.Ф. Бабиенко с территории Северо-Восточного Китая его работу продолжают подготовленные им проповедники. С 1928 г. Сунгарийско-Монгольская миссия АСД стала издавать новый ежемесячный журнал "Настоящая истина". За всё время работы миссии было выпущено 12 номеров [27, с. 435]. В 1929 г. завершается строительство второй церкви АСД в Харбине, которую начали строить ещё в 1927 г. Освящение храма прошло в ноябре-декабре 1929 г. Храм обслуживал русских прихожан и местное китайское и маньчжурское население. Первоначально приход находился на ул. Ковельской, а в 1935 г. после перепланировки был перенесён на проспект Да-Тун (ГАХК. Ф. Р-831. Оп. 2. Д. 29. Л. 58). Церковь представляла собой небольшое двухэтажное здание, увенчанное большим крестом. Настоятелем прихода до 1941 г. был М. Попов, американский гражданин, возглавивший Сунгарийскую миссию адвентистов после отъезда Ф. Бабиенко (ГАХК. Ф. Р-830. Оп. 3. Д. 12757. Л. 5).

В первые годы государства Маньчжоу-Го Церковь продолжала развиваться. Количество верующих возрастало и к началу 1930-х гг. были арендованы ещё два помещения для молитв. Одно находилось в харбинском районе Пристань, на улице Коммерческая, в клубе ремесленников [6, с. 35], второе в районе Старый Харбин, на улице Лагерная, 1 кв. 5 [4, с. 230].

Всего к 1931 г. в Харбине действовали 4 церкви АСД. Храмы находились практически во всех наиболее населённых районах города. Прихожане церкви были разной национальности, преобладали русские. Наибольшее количество последователей в общине было зафиксировано в 1932 г. Сунгарийскую миссию возглавлял Максим Попов, русский по происхождению пастор, приехавший из Соединенных Штатов Америки по приглашению Ф.Ф. Бабиенко. В докладах Бюро по делам российской эмиграции в Маньчжурской им-

перии (далее – БРЭМ) имя священнослужителя часто упоминается как Макс Поповей.

В мае 1934 г. адвентисты перестали выпускать журнал "Источник жизни", вместо него начало выходить издание "Маяк". После пяти выпусков журнал был закрыт [27, с. 436]. В 1930-е гг. продолжалась работа гимназии адвентистов. Учителями были Максим Попов, жена главы миссии – Попова Валентина Михайловна и его дочь Попова Елена Максимовна (ГАХК. Ф. Р-830. Оп. 3. Д. 38743. Л. 20). Директором гимназии стал Б.К. Бражников.

Борис Константинович Бражников (род. 20 августа 1878 г.) – уроженец Ливенского уезда Орловской губернии. Бражников был командирован на Дальний Восток в 1900 г. (ГАХК. Ф. Р-830. Оп. 3. Д. 5644. Л. 10), с 1907 г. он занимал должность товарища прокурора Пограничного Окружного суда в Харбине. Будучи работником суда, Б.К. Бражников поступил в Библейскую адвентистскую школу. После её окончания он стал проповедником церкви. В 1920 г. китайские власти закрыли суд, и Бражников занял должность директора Харбинской гимназии христиан-адвентистов (ГАХК. Ф. Р-830. Оп. 3. Д. 5644. Л. 21). Помимо руководства гимназией, он также преподавал в ней юридические и гуманитарные науки. Жена пастора – Екатерина Ивановна Бражникова (Кайдо) занималась переводами адвентистской литературы и преподавала в гимназии английский язык [14, с. 92].

Дочь проповедника – Вера Борисовна Бражникова (род. 08 августа 1914 г.) родилась в Харбине, состояла в общине АСД. В 1930 г. окончила Пушкинскую гимназию, изучала английский язык и машинопись на курсах Христианского союза молодых людей, в 1934 г. окончила курсы японского языка при реальном училище Южно-Маньчжурской железной дороги, после чего стала преподавать японский язык на курсах иностранных языков И. Ярицкого в Харбине (ГАХК. Ф. Р-830. Оп. 3. Д. 5644. Л. 1). Также работала переводчицей больницы Красного Креста, активно участвовала в жизни общины, была близкой подругой М. Попова (ГАХК. Ф. Р-830. Оп. 3. Д. 38743. Л. 19).

Осенью 1936 г. Вера Бражникова оказалась в центре конфликта между православной и протестантской молодежью. 8-го июня 1936 г. при Первом кружке объединения российской молодежи в гимназии Дризуля была открыта богословско-философская секция. Руководителем секции стал студент 4-го курса Богословской факультета Института св. Владимира (высшее учебное заведение, открытое в Харбине Русской православной церковью) Ю.П. Козлов, духовным руководителем секции был назначен протоиерей А. Пономарев. На открытии секции было дано благословение на её работу от правящего архиепископа РПЦ Мелетия. Целью создания секции было объяснение российской молодежи Харбина сущности православного учения, его отличия от "сектантства" и борьба с сектами (ГАХК. Ф. Р-830. Оп. 3. Д. 5644. Л. 23). Изначально объединение не являлось межконфессиональным, тем не менее заинтересовало молодежь иных христианских общин. Что привело к попытке диалога между церквями.

На первом собрании присутствовали около 40 чел., из которых 15 – члены кружка, присутствовали и протестанты. Первые три собрания прошли спокойно, на четвертом собрании секции выступили представители местных протестантских общин, после чего между ними и православной молодежью начался конфликт. Первый доклад, под названием "Возможно ли братство религий" сделал руководитель секции Ю.П. Козлов, после чего с речью выступили представители протестантизма: Бражникова, Швейдин, Петров, Родкин, Чикмарев, Шабанов и Скидельский. В своих выступлениях протестанты подвергли православие критике (ГАХК. Ф. Р-830. Оп. 3. Д. 5644. Л. 23).

По данным БРЭМ руководитель секции подвергался нападкам и серьёзным угрозам с первых заседаний, в канцелярию кружка приходили письма с просьбой исключить Ю. Козлова из-за его критики неправославных церквей (ГАХК. Ф. Р-830. Оп. 3. Д. 5644. Л. 24–25). Но и протестанты подверглись осуждению со стороны православной молодежи. В ответ на это Верой Бражниковой 28-го октября 1936 г. на заседании философско-религиозной секции было представлено письменное заявление о выходе из кружка (ГАХК. Ф. Р-830. Оп. 3. Д. 5644. Л. 26).

30-го октября о В. Бражниковой была опубликована статья "Вылазка сектантки Веры Бражниковой". Её вырезка сохранилась в личном деле эми-

грантки в БРЭМ без указания названия газеты. В статье сказано, что дочь адвентистского проповедника после прочтения доклада на секции покинула кружок (ГАХК. Ф. Р-830. Оп. 3. Д. 5644. Л. 29).

Неудачная попытка межконфессионального диалога между христианской молодежью Харбина привела к нападкам на представителей противоположных течений, в лице В. Бражниковой, выступавшей в защиту протестантских общин и православного студента и руководителя секции Ю.П. Козлова. Это усилило неприязнь верующих друг к другу. После того, как протестанты покинули секцию, конфликты прекратились, а религиозные организации никак больше не взаимодействовали друг с другом.

В конце 1930-х гг. директор адвентистской гимназии Б. Бражников уехал в Америку. Его дочь – Вера Бражникова переехала вслед за отцом в США, уехав из Харбина в 1940 г. (ГАХК. Ф. Р-830. Оп. 3. Д. 5644. Л. 32). Семья поселилась в Сан-Франциско, где принимала активное участие в местной Русской церкви адвентистов Седьмого дня, переименованной позже в Славянско-Американскую церковь адвентистов [25, с. 209–210].

В 1935 г. Сунгарийская миссия насчитывала 391 последователя [29, с. 106]. Количество верующих уменьшалось пропорционально оттоку эмигрантов из Маньчжоу-Диго. Китайцев-адвентистов в Харбине было около 1 300 чел. С остальными протестантскими общинами в городе адвентисты контакты практически не поддерживали. Количество адвентистских проповедников увеличивалось, к 1938 г. в подчинении у М. Попова находилось больше 20-ти миссионеров (ГАХК. Ф. Р-830. Оп. 3. Д. 38743. Л. 5). В конце 1930-х гг. пастор церкви Савицкий был направлен из Харбина в Дайрен (ГАХК. Ф. Р-830. Оп. 3. Д. 2304. Л. 9). Так как Сунгарийская миссия включала в себя русских верующих не только Маньчжоу-Диго, но и Квантунской области с центром в Дайрене, поездки миссионеров по городам были регулярными. Глава миссии М. Попов с 08 сентября 1937 г. по 16 августа 1938 г. регулировал деятельность миссии в Дайрене, Мукдене и в Шанхае, где также имелись общины, состоявшие из русских эмигрантов. Миссионерские поездки совершались и в пределах Маньчжурской империи. Пастор Попов посещал главным образом общины в городах и станциях КВЖД: Мукден, Харбин, Ашихэ, Хайлар, Пограничная, Охо, Вейшахе, Яду (ГАХК. Ф. Р-830. Оп. 3. Д. 38743. Л. 15–16). Одна адвентистская община находилась в Синьцзине во главе с Нильсом Дальстейном (ГАХК. Ф. Р-830. Оп. 3. Д. 5646. Л. 4–5). К 1940 г. в Харбине и Дайрене осталось 273 верующих. Один из молитвенных домов был закрыт. М. Попов уехал из Маньчжоу-Диго и главой миссии среди русских был назначен А. Роббинс. Секретарем комитета при миссии был русский эмигрант М. Калабугин [30, с. 111].

Михаил Андреевич Калабугин (род. 29 октября 1893 г.) родился в городе Стерлитамак Уфимской губернии. В Маньчжурию прибыл в 1920 г. из Читы, в Харбине работал в типографии и репетитором. С 1924 г. стал проповедником в Церкви АСД. С 1928 г. – член Правления Гимназии христиан-адвентистов (ГАХК. Ф. Р-830. Оп. 3. Д. 18907. Л. 1–2).

В 1940-х гг. церковь АСД продолжала работать. На территории миссии службы велись в трёх действующих храмах. Но количество верующих начало сокращаться. Русские эмигранты покидали Маньчжоу-Диго, многие протестанты уезжали в США, где чувствовали себя свободнее.

Число русских и китайских адвентистов уменьшилось. Одновременно развивалась миссия для японцев. Для этого в Харбин из Мукдена приезжал пастор японец, который вёл службы на родном языке. С 1941 г. М.А. Калабугин стал настоятелем приходов АСД. Финансирование церкви, которое шло до этого из Соединенных Штатов Америки, уменьшилось. В основном церковь жила за счет десятин и пожертвований верующих. Богослужения велись на русском языке (ГАХК. Ф. Р-831. Оп. 2. Д. 29. Л. 57). Практически всю деятельность церкви продолжал вести М. Калабугин. Он стал руководителем Сунгарийской миссии АСД и возглавил издательство адвентистов в Харбине. Пастор церкви Прокопий Ефимович Косицин прекратил проповедовать в связи с состоянием здоровья (ГАХК. Ф. Р-830. Оп. 3. Д. 18907. Л. 11). В 1942 г. число адвентистов в городе уменьшилось до 194 чел. [31, с. 83–84].

Всю динамику численности адвентистов Седьмого дня можно проследить с 1926 г., когда начинает официально фиксироваться численность

Таблица 1. Динамика количества верующих Сунгари-Монгольской миссии (русское население Монголии и Маньчжурии) АСД

Table 1. Distribution of respondents' answers to the question about the reasons for choosing video content to prepare for school classes

Год	Количество верующих	Количество храмов
1926	312	1
1927	355	2
1928	440	2
1929	440	2
1930	407	3
1931	456	4
1932	502	4
1933	453	4
1934	453	4
1935	391	4
1936	371	3
1937	341	3
1938	280	3
1939	280	3
1940	273	3
1941	273	3
1942	194	3
1943	194	3
1944	194	3
1945	194	3

Источник: составлено автором на основе [32].

Source: compiled by the author based on [32].

приверженцев АСД Сунгарийско-Монгольской миссии. Данные охватывали население, состоявшее из бывших российских подданных, проживавших на территории Маньчжурии и Монголии.

Одна из наиболее многочисленных общин протестантов в 1940-х гг. уменьшилась, уезжали и проповедники церкви. Причиной стало сокращение количества российских эмигрантов, покидавших Маньчжоу-Диго. Постепенно уменьшалось и финансирование миссии. Власти, усилившие контроль за всеми иностранными священниками, вынуждали пасторов сокращать поездки за границу, стало сложнее посещать общины в пределах империи. Тем не менее сплоченные адвентисты не дали политическим распрям в стране уничтожить церковь. Внутри общины не наблюдалось конфликтов и идеологических споров. Многие миссионеры и члены общины АСД уехали из Маньчжурии в США, но сохранили единство, продолжая собираться группами верующих.

В целом развитие Церкви АСД было предопределено той работой, которую начал вести в Маньчжурии Феофил Бабиенко. За эти годы были построены два адвентистских храма, воскресная и библейская школы, издательство, выпускались книги и журналы, создана Сунгари-Монгольская миссия, получившая официальный статус. Интересно то, что в отличие от большинства протестантских общин, которые вели миссию среди российской эмиграции в

Китае, харбинская Церковь АСД стала центром дальневосточного адвентизма. Именно из Китая адвентизм стал распространяться сначала на российский, а позже и на советский, Дальний Восток. Сунгари-Монгольская миссия не подчинялась российским центрам, имела с ними слабые связи. После потери связи с СССР и вследствие этого невозможности обеспечивать финансами адвентистские общины напрямую из Соединенных Штатов Америки было решено направлять денежные субсидии и указания в советские общины через харбинскую церковь АСД. Она становится главной для дальневосточных общин АСД.

Отток российского эмигрантского населения из Маньчжурии привел к закрытию большинства протестантских миссий. Активная деятельность протестантов была ослаблена и ужесточением политики Маньчжоу-Дуго в отношении христианских меньшинств. Несмотря на это, протестантские церкви воспитали многих талантливых проповедников из числа российских эмигрантов, продолживших дальнейшую работу в Америке, в том числе и в среде русской эмиграции.

Литература

1. Бабиенко Т.Т. Серия Проповедей. Харбин, 1926. 269 с.
2. Балалаева Н.М. Упадок религиозного сектанства на Дальнем Востоке в условиях строительства и победы социализма // Вопросы истории Дальнего Востока. Хабаровск, 1972. С. 218–239.
3. Весь Харбин на 1923 год: адресная и справочная книга. – Харбин: Типография Китайской Восточной железной дороги, 1926. 260 с.
4. Весь Харбин на 1927 год: адресная и справочная книга. Харбин, 1927. 289 с.
5. Вологодский П.В. Во власти и в изгнании: Дневник премьер-министра антибольшевистских правительств и эмигранта в Китае (1918–1925); Сост., предисл. и коммент. Д.Г. Вульфа, Н.С. Ларькова, С.М. Ляндреса. Рязань, 2006. 619 с.
6. Гид Харбина. Октябрь 1932–1933 г. [Харбин]: А.М. Урбанович, [1933]. 268 с.
7. Дударёнок С.М. Адвентисты Седьмого дня на российском Дальнем Востоке в 1920-е годы // Гуманитарные исследования в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке. 2012. № 1. С. 57–62.
8. Дударёнок С.М. Досоветский Харбин как центр дальневосточного адвентизма // Владивосток – точка возвращения: прошлое и настоящее русской эмиграции: междунар. науч. конф. Владивосток, 6–8 октября 2014 г.: прогр. и тез. Владивосток: Дальневост. федерал. ун-т, 2014. С. 55–57.
9. Дударёнок С.М., Сердюк М.Б. История протестантских церквей Приморского края (XIX–XX вв.): монография. Владивосток: Изд-во Дальневост. ун-та, 2014. 593 с.
10. Дударёнок С.М., Федирко О.П. Церковь христиан - адвентистов Седьмого дня Дальнего Востока России (1910–1990-е гг.): монография. Москва: Источник жизни, 2021. 475 с.
11. Дударёнок С.М. Харбин как один из центров дальневосточного послереволюционного протестантизма // Владивосток – точка возвращения: прошлое и настоящее русской эмиграции: Вторая междунар. науч. конф. Владивосток, 12–14 октября 2016 г.: прогр. и тез. Владивосток: Дальневост. федерал. ун-т, 2016. С. 109–111.
12. Дударёнок С.М. Церковь адвентистов Седьмого дня Дальнего Востока России в годы Гражданской войны и иностранной интервенции // Гражданская война и интервенция на Дальнем Востоке России: причины, особенности, участники: междунар. науч. конф.: сб. материалов. Владивосток: Ин-т истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН, 2018. С. 167–171.
13. Ефимов А.И. У адвентистов. Тяньцзинь, 1929. 258 с.
14. Забияко А.А., Забияко А.П., Левашко А.А., Хисамутдинов А.А. Русский Харбин: опыт жизнестроительства в условиях дальневосточного фронта. Благовещенск: Амурский гос. ун-т, 2015. 462 с.
15. Иннокентий. Почему христиане празднуют воскресенье, а не субботу (Ответ адвентистам Седьмого дня). Харбин, 1930. 73 с.
16. Мелихов Г.В. Белый Харбин: Середина 20-х. Москва: Русский путь, 2003. 438 с.
17. Молитвенный дом адвентистов: Храм адвентистов в Новом городе: сайт // Мой Харбин. – URL: <http://myharbin.name/kultovye-sooruzheniya/molitvennyj-dom-adventistov/282-khram-adventis-tov-novom-gorode> (дата обращения: 08.07.2022).
18. Обзор деятельности адвентистов Седьмого дня по состоянию на 1 апреля 1926 года // Религия и власть на Дальнем Востоке России: Сборник документов Государственного архива Хабаровского края. Хабаровск: Частная коллекция, 2001. С. 157–158.
19. Опарин А.А. Памяти Теофила Бабиенко // Адвентистский вестник. 2011. № 1. С. 12–13.
20. Опарин А.А. Семья пастора Ф.Ф. Бабиенко: Второе пришествие Христа и Молитвенная неделя 1921 года // Чудесная птица – Молитва: журнал. 2015. С. 4–7.

21. Опарін О.А., Юнак Д.О. Жовта ріка: Монографія. Харьков: Факт, 2008. 167 с.
22. Сборник духовных песнопений. Харбин: Изд-во "Спутник жизни" Х.А.С.Д., [?]. 186 с.
23. Сердюк М.Б. Адвентисты Седьмого дня на российском Дальнем Востоке. Первые годы // Свобода совести в России: исторический и современный аспекты. Выпуск 3. Сборник статей. Москва: Российское объединение исследователей религии. 2006. С. 345–352.
24. Теппоне В. Из истории Церкви адвентистов Седьмого дня в России. Калининград, 1993. 324 с.
25. Хисамутдинов А.А. Русский Сан-Франциско. М.: Вече, 2010. 368 с.
26. Manchurian union mission // Year book of Seventh-day Adventist Denomination: The Official Directories. Washington: Review & Herald Publishing Association, 1940. P. 109.
27. Shaohua D. Краткий обзор истории русской печати в Харбине // Revue des Etudes slaves. T. 73. Fascicule 2-3. Paris, 2001. P. 403–445.
28. Sungari mission // Year book of Seventh-day Adventist Denomination: The Official Directories. Washington: Review & Herald Publishing Association, 1931. С. 170.
29. Sungari mission // Year book of Seventh-day Adventist Denomination: The Official Directories. Washington: Review & Herald Publishing Association, 1935. P. 106.
30. Sungari mission // Year book of Seventh-day Adventist Denomination: The Official Directories. Washington: Review & Herald Publishing Association, 1940. P. 111.
31. Sungari mission // Year book of Seventh-day Adventist Denomination: The Official Directories. Washington: Review & Herald Publishing Association, 1942. P. 83–84.
32. Year book of Seventh-day Adventist Denomination: The Official Directories. Washington: Review & Herald Publishing Association, 1926–1945.

References

1. Babienko T.T. Series of Sermons. Harbin, 1926. 269 p. (In Russ.).
2. Balalaeva N.M. The decline of religious sectarianism in the Far East in the context of the construction and victory of socialism // Questions of the history of the Far East. Khabarovsk, 1972, P. 218–239. (In Russ.).
3. All Harbin in 1923: address and reference book. Harbin: Printing House of the Chinese Eastern Railway, 1926. 260 p. (In Russ.).
4. All Harbin in 1927: address and reference book. Harbin, 1927. 289 p. (In Russ.).
5. Vologodsky P.V. In Power and in Exile: Diary of a Prime Minister of Anti-Bolshevik Governments and an Emigrant in China (1918–1925); Comp., foreword. and comment. D.G. Wolf, N.S. Larkova, S.M. Landres. Ryazan, 2006. 619 p. (In Russ.).
6. Harbin guide. October 1932–1933 [Harbin]: A.M. Urbanovich, [1933]. 268 p. (In Russ.).
7. Dudarenok S.M. Seventh-day Adventists in the Russian Far East in the 1920s // Humanities Research in the Russian Far East. 2012. No. 1. S. 57–62. (In Russ.).
8. Dudarenok S.M. Pre-Soviet Harbin as a center of Far Eastern Adventism // Vladivostok - the point of return: past and present of Russian emigration: Intern. scientific conf. Vladivostok, October 6–8, 2014: progr. and theses. Vladivostok: Dalnevost. federal. un-t, 2014, P. 55–57. (In Russ.).
9. Dudarenok S.M., Serdyuk M.B. History of Protestant churches in Primorsky Krai (XIX-XX centuries): monograph. Vladivostok: Publishing House of the Far Eastern University, 2014. 593 p. (In Russ.).
10. Dudarenok S.M., Fedirko O.P. Church of Christians - Adventists of the Seventh Day of the Russian Far East (1910–1990s): monograph. Moscow: Source of Life, 2021. 475 p. (In Russ.).
11. Dudarenok S.M. Harbin as one of the centers of the Far Eastern post-revolutionary Protestantism // Vladivostok - the point of return: past and present of Russian emigration: Second Intern. scientific conf. Vladivostok, October 12–14, 2016: prog. and theses. Vladivostok: Dalnevost. federal. un-t, 2016, P. 109–111. (In Russ.).
12. Dudarenok S.M. Seventh-day Adventist Church of the Russian Far East during the Civil War and Foreign Intervention // Civil War and Intervention in the Russian Far East: Causes, Peculiarities, Participants: Intern. scientific conf.: Sat. materials. Vladivostok: Institute of History, Archeology and Ethnography of the Peoples of the Far East, FEB RAS, 2018, P. 167–171. (In Russ.).
13. Efimov A.I. The Adventists. Tianjin, 1929. 258 p. (In Russ.).
14. Zabyako A.A., Zabyako A.P., Levoshko A.A., Khisamutdinov A.A. Russian Harbin: life-building experience in the conditions of the Far Eastern frontier. Blagoveshchensk: Amur State. university, 2015. 462 p. (In Russ.).
15. Innocenty. Why Christians Celebrate Sunday and Not Saturday (Answer to Seventh-day Adventists). Harbin, 1930. 73 p. (In Russ.).
16. Melikhov G.V. White Harbin: Mid-20s. Moscow: Russian way, 2003. 438 p. (In Russ.).
17. Adventist Prayer House: Adventist Temple in the New City: site // My Harbin. – URL: <http://my-harbin.name/kultovye-sooruzheniya/molitvennyj-dom-adventistov/282-khram-adventistov-v-novom-gorode> (date of access: 07/08/2022). (In Russ.).

18. Overview of the activities of Seventh-day Adventists as of April 1, 1926 // Religion and power in the Russian Far East: Collection of documents of the State Archive of the Khabarovsk Territory. Khabarovsk: Private collection, 2001, P. 157–158. (In Russ.).
19. Oparin A.A. In memory of Teofil Babienko // Adventist Bulletin. 2011. No. 1. P. 12–13. (In Russ.).
20. Oparin A.A. Family of Pastor F.F. Babienko: The Second Coming of Christ and the Prayer Week of 1921 // Miraculous Bird - Prayer: Journal. 2015, P. 4–7. (In Russ.).
21. Oparin A.A., Yunak D.O. Yellow River: Monograph. Kharkov: Fact, 2008. 167 p. (In Ukr.).
22. Collection of spiritual hymns. Harbin: Publishing House "Sputnik of Life" H.A.S.D., [?]. 186 p. (In Russ.).
23. Serdyuk M.B. Seventh-day Adventists in the Russian Far East. The first years // Freedom of conscience in Russia: historical and modern aspects. Issue 3. Collection of articles. Moscow: Russian Association of Researchers of Religion. 2006, P. 345–352. (In Russ.).
24. Teppone V. From the history of the Seventh-day Adventist Church in Russia. Kaliningrad, 1993. 324 p. (In Russ.).
25. Khisamutdinov A.A. Russian San Francisco. M.: Veche, 2010. 368 p. (In Russ.).
26. Manchurian union mission // Year book of Seventh-day Adventist Denomination: The Official Directories. Washington: Review & Herald Publishing Association, 1940. P. 109.
27. Shaohua D. Краткий обзор истории русской печати в Харбине // Revue des Etudes slaves. T. 73. Fascicule 2-3. Paris, 2001. P. 403–445.
28. Sungari mission // Year book of Seventh-day Adventist Denomination: The Official Directories. Washington: Review & Herald Publishing Association, 1931. P. 170.
29. Sungari mission // Year book of Seventh-day Adventist Denomination: The Official Directories. Washington: Review & Herald Publishing Association, 1935. P. 106.
30. Sungari mission // Year book of Seventh-day Adventist Denomination: The Official Directories. Washington: Review & Herald Publishing Association, 1940. P. 111.
31. Sungari mission // Year book of Seventh-day Adventist Denomination: The Official Directories. Washington: Review & Herald Publishing Association, 1942. P. 83–84.
32. Year book of Seventh-day Adventist Denomination: The Official Directories. Washington: Review & Herald Publishing Association, 1926–1945.

Информация об авторе

Ксения Игоревна Родионова, старший преподаватель департамента истории и археологии Дальневосточного федерального университета, Владивосток, Россия, e-mail: rodionovadvfu@gmail.com

Information about the author

Ksenia I. Rodionova, Senior Lecturer, Department of History and Archeology, Far Eastern Federal University, Vladivostok, Russia, e-mail: rodionovadvfu@gmail.com

Поступила в редакцию 16.01.2023

Одобрена после рецензирования 05.02.2023

Принята к публикации 16.02.2023

Received 16.01.2023

Approved 05.02.2023

Accepted 16.02.2023

Научная статья
УДК 355.332:325.2 + 94(510)
<https://doi.org/10.24866/1998-6785/2023-1/29-40>

Молодёжная "политика" Бюро по делам российских эмигрантов в Маньчжурской империи (1935–1945)

Сергей Викторович Смирнов
Уральский федеральный университет им. Первого Президента России Б. Н. Ельцина,
Екатеринбург, Россия, smirnov_sergei@mail.ru

Аннотация: Молодёжная "политика" Бюро по делам российских эмигрантов в Маньчжурской империи (БРЭМ), руководящего органа эмигрантской колонии в Маньчжу-ди-го (1934–1945), построенная на сочетании национального воспитания молодёжи с воспитанием в духе идей антикоммунизма и строительства государства-содружества пяти наций, эволюционировала в сторону приоритета национального воспитания при формализации других направлений. Пика в своём развитии молодёжная "политика" БРЭМ достигла в первой половине 1940-х гг. в условиях усилившейся японизации социально-культурной среды Маньчжурской империи и советской Отечественной войны, способствуя культивированию в сознании русской молодёжи национально-культурной идентичности и развитию патриотизма, что подспудно вело к усилению симпатий к Советскому Союзу.

Ключевые слова: Бюро по делам российских эмигрантов в Маньчжурской империи (БРЭМ), русская эмиграция; молодежная политика, Киовакай, Маньчжу-ди-го, Харбин

Для цитирования: Смирнов С. В. Молодёжная "политика" Бюро по делам российских эмигрантов в Маньчжурской империи (1935–1945) // Ойкумена. Регионоведческие исследования. 2023. № 1. С. 29–40. <https://doi.org/10.24866/1998-6785/2023-1/29-40>

Original article
<https://doi.org/10.24866/1998-6785/2023-1/29-40>

Youth "policy" of the Bureau for Russian Emigrants in the Manchurian Empire (1935–1945)

Sergei V. Smirnov
Ural Federal University named after the First President of Russia B. N. Yeltsin,
Yekaterinburg, Russia, smirnov_sergei@mail.ru

Abstract. The youth "policy" of the Bureau for Russian Emigrants in the Manchurian Empire (BREM), the governing body of the emigrant colony in Manchukuo (1934–1945), was originally built on a combination of national education of youth with education in the spirit of ideas of anti-communism and the construction of the five nations' commonwealth state. But later it evolved towards the priority of national education in the formalization of other areas. The youth "policy" of BREM reached its peak in its development in the conditions of increased Japanization of the socio-cultural environment of the Manchurian Empire and the Soviet Patriotic War in the first half of the 1940s. It contributed to the cultivation of national and cultural identity in the minds of Russian youth and the development of patriotism, which implicitly led to increased sympathy for the Soviet Union.

Key words: Bureau for Russian Emigrants in the Manchurian Empire (BREM), Russian emigration, youth policy, Kiowakai, Manchukuo, Harbin

For citation: Smirnov S. V. Youth "policy" of the Bureau for Russian Emigrants in the Manchurian Empire (1935–1945) // Ojkumena. Regional researches. 2023. No. 1. P. 29–40. <https://doi.org/10.24866/1998-6785/2023-1/29-40>

Бюро по делам российских эмигрантов в Маньчжурской империи (БРЭМ) было создано в Харбине в декабре 1934 г. как административный орган, призванный объединять эмиграцию и направлять её жизнь в русле общегосударственных задач Маньчжурской империи (Маньчжоу-го, 1932–1934; Маньчжу-ди-го, 1934–1945), государства, созданного в результате оккупации Северо-Восточного Китая японской Квантунской армией. БРЭМ также играл роль эмигрантского представительства перед властями Маньчжу-ди-го, поскольку большая часть русских и других выходцев с территории бывшей Российской империи не являлись подданными этого государства, а относились к категории иностранцев, долговременно проживавших в его пределах, чьи права были формально защищены имперскими законами [13, с. 5]. Работа с молодым поколением эмигрантов являлась одним из важных направлений в деятельности БРЭМ. Существующие исследования, посвященные различным сторонам активности БРЭМ, в том числе и его работе с молодежью [1; 2; 3; 12], не дают полной картины политики Бюро эмигрантов в отношении русской молодёжи, в связи с чем целью данной статьи является анализ содержания молодёжной "политики" БРЭМ в контексте ее изменений на протяжении 1935–1945 гг. и того, какое влияние эта "политика" оказывала на умонастроения молодой эмиграции, особенно годы войны 1941–1945 гг.

БРЭМ в административно-политической системе Маньчжурской империи

Образование БРЭМ было обусловлено несколькими факторами. Во-первых, стремлением эмигрантской общественности добиться особого правового статуса для русского населения в Маньчжу-ди-го как национального меньшинства и учреждения его представительства перед властями империи. В т. н. китайский период эмиграции (1920–1931) попытки получить данный статус не увенчались успехом, в связи с чем многие эмигранты были негативно настроены по отношению к китайской администрации Трёх Восточных провинций (Маньчжурия), возглавляемой семейством Чжанов. Во-вторых, желанием политических кругов эмиграции обеспечить единство многочисленных и разнородных эмигрантских организаций, не только с целью консолидировано отстаивать свои права в государстве, где международные акты в отношении беженцев практически не действовали, но и продолжить борьбу против большевистского режима в России. Попытки объединения русской эмиграции в Китае предпринимались на протяжении всех 1920-х гг. Высшей точкой объединительной политики стало создание в 1927 г. Дальневосточного объединения российской эмиграции во главе с генералом Д. Л. Хорватом, имевшего свои представительства во всех крупных эмигрантских центрах Китая – Русские национальные общины. Данное объединение было осуществлено под руководством сторонников великого князя Николая Николаевича. Противники "николаевцев" не только не вошли в объединение, но и активно боролись против него. Оккупировавшие Маньчжурию японцы увидели угрозу в европейской ориентации Дальневосточного объединения и поддержали его противников. В-третьих, планами японских властей использовать ресурсы и кадровый потенциал эмиграции в строительстве нового государства и противостоянии коммунистической угрозе для Маньчжурии.

В итоге учредителями БРЭМ стали политические группировки противников "николаевцев", ориентированные на японцев, – фашисты (Все-российская фашистская партия, с 1937 г. – Российской фашистский союз), семёновцы (казаки – сторонники атамана Г. М. Семенова¹, представленные Дальневосточным союзом казаков – ДВСК) и часть бывших легитимистов (сторонников великого князя Кирилла Владимировича) во главе с генералом В. А. Кислицыным², отколовшихся от Сен-Бриака.

Официально Бюро было учреждено приказом министра народного благосостояния Маньчжу-ди-го и являлось административным органом этого государства [1, с. 102]. Однако реальный контроль над деятельностью БРЭМ был сосредоточен в руках Японской военной миссии (ЯВМ), разведслужбы Императорской армии Японии, с 1940 г. – Квантунской армии. В учредительных документах Бюро указывалось, что в его функции входит "руководство во всех отношениях общественной деятельностью различных эмигрантских организаций и отдельных эмигрантов, защита их правовых, экономических и культурных интересов, согласование и урегулирование вопросов, возникающих между отдельными лицами и различными организациями, ведение статистического учета эмигрантского населения". Регистрации в Бюро подлежали все проживающие в Маньчжу-ди-го эмигранты и эмигрантские организации [1, с. 102]. На протяжении второй половины 1930-х гг. подразделения БРЭМ охватили своей деятельностью практически все населенные пункты в Мань-

¹ Сам атаман Семёнов, плотно курируемый с 1920-х гг. со стороны японской разведки, был объявлен японскими властями Вождем русской эмиграции на Дальнем Востоке с резиденцией в пос. Какахаша под Дайреном, первоначально не входившем в состав Маньчжу-ди-го.

² Кислицын Владимир Александрович (1883–1944). Окончил Одесское пехотное юнкерское училище (1900). Участвовал в русско-японской и Первой мировой войнах. Имел 14 ранений, в том числе три тяжелых. Кавалер Георгиевского оружия и ордена св. Георгия 4 ст. В годы Гражданской войны был в составе белых войск на Украине и в Сибири. Начальник Уфимской и 14-й кавалерийской дивизии. Участник Сибирского Ледяного похода. В Забайкалье начальник 1-й кавалерийской дивизии, позднее 1-й Сводной имени атамана Семенова Маньчжурской дивизии. В эмиграции в Маньчжурии. Окончил 1-ю Харбинскую зубо-врачебную школу, а также заочный курс Зарубежной военной академии в Париже профессора Н. Н. Головина. Глава Маньчжурского отдела Корпуса императорской армии и флота, официальный представитель Великого Князя Кирилла Владимировича на Дальнем Востоке (1929–1934). Начальник 7-го отдела БРЭМ (1934–1935). Третий начальник Главного БРЭМ (1938–1943).

чжурии, где проживали эмигранты. В 1940 г. Харбинское Бюро было объявлено Главным. Ему подчинялись районные Бюро (Захинганское с центром в Хайларе и Восточное с центром в Муданьцзяне), Бюро в Синьцзине (столица Маньчжу-ди-го, бывший Чанчунь), Мукдене и Дайрене, приравненные к районным. Каждое из этих подразделений имели свои территориальные отделения и представительства. В 1942 г. с созданием при ГБРЭМ Совета национальностей в ведение Бюро отошла и деятельность национальных объединений нерусских выходцев с территории бывшей Российской империи, ранее являвшихся самостоятельными.

Наряду с руководством жизнью эмиграции БРЭМ направляло участие эмигрантов в строительстве нового государства в Маньчжурии и обеспечивало культурное взаимодействие между русскими эмигрантами и пятью народами Маньчжу-ди-го – маньчжурами, китайцами, монголами, японцами и корейцами. Задуманное японскими имперскими "архитекторами" как содружество национально-культурных автономий братских народов Маньчжу-ди-го, имеющих равные права и одинаковые возможности, это государство должно было стать моделью для реализации японского (паназиатского) "нового порядка" в Восточной Азии. Осуществление идеи содружества наций Маньчжу-ди-го было возложено на общество Киевакай (кит. Сехэхуй – Общество согласия), единственную общегосударственную "идеологическую, культурную и политическую, действующую практическую организацию, охраняющую Дух основания государства" [7, с. 33].

Первоначально деятельность Киевакай практически не распространялась на русских эмигрантов, не являвшихся гражданами Маньчжу-ди-го и не входивших в сообщество братских народов империи. Однако с конца 1930-х гг. эмигрантов всё чаще стали позиционировать в качестве пятой нации Маньчжурской империи. В то время как японцы приобрели особый статус нации-покровителя в Восточной Азии. Дело в том, что в этот период в трактовке японского паназиатизма произошла трансформация от идеи содружества национально-культурных автономий к идее единой восточноазиатской нации, создание которой предполагало культурную унификацию народов Восточной Азии на японской основе [5, с. 53–143]. Изменения в реализации паназиатской доктрины были особенно заметны в Корее и в гораздо меньшей степени в Маньчжу-ди-го.

В конце 1930-х гг. русское население было включено в состав тонари-гуми, структуры территориальной организации населения по типу традиционных для Восточной Азии пяти- и десятидворок; на русских распространялась всеобщая воинская повинность, введенная в 1940 г. Русские образовательные структуры были интегрированы в общегосударственные, появились квоты для эмигрантов в государственных вузах Маньчжу-ди-го. В составе Киевакай был создан Русский сектор, ответственный за работу с эмигрантами, особенно с молодёжью. Один из высокопоставленных чиновников Общества согласия, начальник Особого отдела Биньцзянского штаба Киевакай Р. Като стал советником ГБРЭМ, а возглавлявший в 1938–1943 гг. Главное Бюро генерал Кислицын назначен директором Высших курсов Киевакай для эмигрантов [4, с. 300], нацеленных на подготовку кадров активных строителей паназиатского "нового порядка". В феврале 1942 г. представители эмигрантской колонии впервые приняли участие во всеманьчжурском съезде Киевакай.

Усилившаяся на рубеже 1930–1940-х гг. интеграция русских эмигрантов, в том числе культурная, в общеимперское социально-культурное и идеологическое пространство вызвала обеспокоенность и недовольство части эмигрантского сообщества, чему способствовал и рост патриотических настроений в русской среде в период Великой Отечественной войны. В свою очередь, неудачи, которые после 1942 г. испытывали японцы на фронтах Великой Восточноазиатской войны (декабрь 1941 – август 1945 г.), и стремление привлечь СССР в качестве посредника в переговорах с США и Великобританией также не позволяли им сильно давить на русских эмигрантов в деле их интеграции и культурной унификации в Маньчжу-ди-го. Ярким примером этого стало обращение в январе 1944 г. иерархов Харбинской епархии РПЦЗ к пастве, запрещавшее православным христианам осуществлять активно внедряемый

японскими властями обряд поклонения богине Аматаэрасу (ГААОСО. Ф. Р-1. Оп. 2. Д. 34913. Л. 74)³, оставшееся без наказания со стороны японцев.

В 1940-е гг. русская эмиграция, возглавляемая БРЭМом, сохранила свою относительную национально-культурную автономию. В официальных документах Бюро от 1944 г. наряду с общегосударственными задачами укрепления обороноспособности, активного содействия созданию Восточно-Азиатской сферы совместного процветания, развития тесного и искреннего сотрудничества с народами Маньчжу-ди-го и Японской империи (для чего подчеркивалась необходимость изучения японского языка и культуры) были указаны и национальные задачи – сохранение в среде эмиграции преданности истинной вере своих отцов на основе широкой веротерпимости и уважения других вероисповеданий, объединение всех эмигрантов вокруг Главного Бюро, сохранение и развитие национальной русской культуры (ГАХК. Ф. Р-830. Оп. 1. Д. 189. Л. 8)⁴.

Особое место уделялось заботе о подрастающем поколении. Из четырех целей, положенных в основу воспитательной работы с молодёжью, первой указывалось "поддержание и укрепление среди молодёжи существа русской национальной культуры", а уже потом "изучение духа и существа восточно-азиатской культуры, развитие антикоммунистических убеждений и воспитание в духе святости воинского духа" (ГАХК. Ф. Р-830. Оп. 1. Д. 189. Л. 8 об).

БРЭМ и эмигрантские молодёжные организации в 1935–1941 гг.

Забота о молодом поколении эмигрантов – сохранение в нем русскости и воспитание достойной смены борцов против коммунистического режима в России, ставшая особенно актуальной для старшего поколения эмиграции с середины 1920-х гг., занимала важное место в деятельности БРЭМ на всём протяжении его существования. Однако в первые годы функционирования Бюро его руководство ещё не имело детально разработанной программы работы с молодёжью, поэтому молодёжная "политика" осуществлялась через соответствующие структуры организаций, участвовавших в учреждении БРЭМ.

Наиболее развитую молодёжную инфраструктуру имела фашистская партия. В 1934 г. при ВФП были организованы женский и детско-юношеский филиалы партии – Российское женское фашистское движение (РЖФД), объединявшее девушек и женщин от 20 до 40 лет, Союз юных фашистов и фашисток "Авангард" (10–16 лет) и Союз фашистских крошек (3–10 лет). Большое внимание в работе с детьми и юношеством уделялось русской истории, религиозному и трудовому воспитанию, спорту, антикоммунистическим идеям. В 1936 г. был образован Союз фашистской молодёжи, в который включались все представители молодёжных филиалов ВФП в возрасте от 16 до 25 лет. В союзе действовали культурно-просветительский, драматический и философский кружки [16, с. 319, 320].

Главной формой объединения казачьей молодёжи при ДВСК выступали молодые казачьи станицы, где дети и юноши должны были воспитываться как в духе общероссийских, так и казачьих культурных традиций. Созданный в 1935 г. и некоторое время являвшийся 7-м отделом БРЭМ Дальневосточный союз военных (ДВСВ), возглавляемый главным образом бывшими легитимистами, также был связан с молодёжными организациями, доставшимися ему "по наследству" от Харбинского отделения Русского Обще-Воинского Союза (РОВС) и Военно-монархического союза, ликвидированных японцами в том же году. ДВСВ курировал работу Маньчжурского отдела Национальной организации русских разведчиков (НОРР), возглавляемого подполковником А. П. Зеленым⁵ и имевшего в 1936 г. в Маньчжу-ди-го 12 отрядов разведчи-

³ ГААОСО – Государственный архив административных органов Свердловской области.

⁴ ГАХК – Государственный архив Хабаровского края.

⁵ Зеленой Александр Петрович, 1895 г. р. Окончил 1-й Санкт-Петербургский кадетский корпус (1913) и Константиновское артиллерийское училище (1914). Участвовал в Первой мировой и Гражданской войнах. Командир 1-го Красноуфимского стрелкового артиллерийского дивизиона. Участник Сибирского Ледяного похода. В Забайкалье командир артиллерийского парка 1-й Сводной дивизии, в Приморье командир батареи Сводно-артиллерийского дивизиона 3-го стрелкового корпуса, подполковник. В 1922–1923 гг. входил в состав воспитательно-препо-

ков и 8 отрядов разведчиц [14, с. 454, 455]. Формально ДВСВ подчинялся и Союз мушкетёров – объединение, возникшее в Харбине ещё в 1924 г. в результате самоорганизации эмигрантской молодёжи в ответ на начавшуюся советизацию бывшей полосы отчуждения Китайской Восточной железной дороги [15, с. 94–105]. И разведчики, и "мушкетёры" стояли на позициях монархизма, православного национализма и милитаризма с чётко выраженной (особенно в случае "мушкетёров") антисоветской политической ориентацией. Осенью 1936 г. при штабе Союза военных был создан Кружок Военной молодёжи, включавший в себя детей бывших военных Российских Императорских армии и флота, выпускников военно-училищных курсов союза, членов Союза мушкетёров и Общества взаимопомощи офицеров и юнкеров Читинского военного училища [22, с. 282].

Наряду с перечисленными организациями сохранялся ряд независимых от БРЭМ и его организационно-учредителей молодёжных объединений. В частности, отряды Национальной организации русских скаутов (НОРС), чей Маньчжурский отдел во второй половине 1930-х гг. возглавляли скаут-мастера И. А. Матковский, младший брат начальника 3-го отдела ГБРЭМ М. А. Матковского, и В. В. Родзаевский, младший брат председателя фашистской партии (НИА. Kniazeff Papers. Box 14. F. Отдел I. Национальная организация Русских Скаутов. История)⁶. Близкая по духу к скаутам организация "Костровых братьев", работавшая при Харбинской гимназии Христианского Союза молодых людей. Молодёжные структуры национальных обществ. В частности, еврейские Брит-Трумфельдор и Маккаби.

В целом все русские молодёжные организации стояли на национальных позициях, делая ставку на изучение русской истории и культуры, сохранение приверженности православию и традициям русского народа, ограждая молодых людей от вредного влияния "улицы" (преступности, наркотиков и т. п.). В то же время существовала серьёзная конкуренция между отдельными организациями молодёжи, во многом обусловленная их "партийной" принадлежностью, что было характерным и для "взрослых" объединений. "Мушкетёры" соперничали с фашистами и казаками, казаки постоянно препятствовали деятельности фашистов, были трения между разведчиками и скаутами, и т. п. Показательно, что на западной линии Северо-Маньчжурской железной дороги (бывшая КВЖД), где среди эмигрантов преобладало казачье население, "мушкетёры" потерпели фиаско в организации своих отрядов, а позиции фашистов были крайне слабы. Не было здесь и отрядов НОРР и НОРС.

Создание в 1938 г. Монархического объединения под руководством 2-го заместителя начальника БРЭМ поручика Б. Н. Шепунова⁷, в которое вошли ДВСВ, ДВСК, Союз мушкетёров, НОРР и Литературный кружок им. Августейшего поэта К. Р., лишь усугубило ситуацию. Амбициозный Шепунов, в прошлом член РОВС и Братства Русской Правды, консолидируя монархические организации, видел своей целью ослабление фашистов, что способствовало бесплодной конкуренции между фашистскими и монархическими молодёжными структурами.

Стремясь собрать под своей рукой молодёжь, не связанную с "партийными" организациями, руководство БРЭМ в 1936 г. учредило собственное молодёжное объединение – Союз националистической молодёжи (СНМ),

давательского состава Хабаровского кадетского корпуса. С 1923 г. жил в Харбине, давал частные уроки. С 1930 г. член Артиллерийского кружка. В 1936–1945 гг. сотрудник 2-го отдела Харбинской ЯВМ. Арестован органами СМЕРШ в августе 1945 г., вывезен в СССР.

⁶ НИА – Hoover Institution Archives.

⁷ Шепунов Борис Николаевич (1897–1946). Окончил ускоренный курс Елизаветградского кавалерийского училища (1917). Участник Первой мировой и Гражданской войн. После эвакуации в Маньчжурию (1922) жил на восточной линии КВЖД, работал на рисоочистительном заводе. Один из организаторов Русской национальной общины восточной линии КВЖД. Сотрудничал с японской разведкой, возглавлял погранично-полицейский отряд на ст. Пограничная (1932–1935). Начальник отделения БРЭМ на ст. Пограничная (1935–1936). С 1937 г. в Харбине, начальник общего отдела и 2-й заместитель начальника ГБРЭМ. Руководитель Монархического объединения (1938–1942). Начальник Восточного районного БРЭМ в Муданьзяне (1942), позднее сотрудник ЯВМ в Харбине. Арестован в августе 1945 г. органами СМЕРШ. Осужден Московским показательным судебным процессом (1946), расстрелян.

которое возглавил С. Ф. Коротеев⁸. Союз, включавший в себя молодых людей от 17 до 35 лет, имел несколько секций: литературную, музыкальную, художественную, драматическую, историческую (изучение дореволюционной России) и изучения СССР. Члены Союза устраивали доклады и лекции, литературные и художественные вечера, театральные постановки, участвовали во всех акциях, проводимых Бюро. Время от времени издавался собственный журнал – "Колокол" ("Наш колокол"). Численность организации, имевшей несколько районных отделов в Харбине, была небольшой, всего 50–60 человек (ГААОСО. Ф. Р-1. Оп. 2. Д. 31512. Л. 19, 29; д. 33012. Л. 10–14). Известно также, что Союзы националистической молодёжи существовали и на некоторых станциях восточной линии СМЖД (ГАХК. Ф. Р-830. Оп. 1. Д. 16. Л. 9, 10), но сведений об их численности нет. Для сравнения, численность членов Союза мушкетёров в середине 1930-х гг. доходила до 700 человек, ВФП со всеми своими филиалами насчитывал, по некоторым сведениям, свыше 2 тыс. человек [15, с. 100].

Идейной основой работы СНМ являлся антикоммунизм, но антикоммунизм его членов был пассивным в отличие от активизма ВФП, Союза мушкетёров и даже НОРР. СНМ так и не стал настоящим центром объединения "беспартийной" молодёжи и оказался малопригоден из-за своей идеологической пассивности как для пропаганды антикоммунистических лозунгов, так и идеи "общего дома" в Маньчжу-ди-го. Помимо СНМ под контролем Бюро со второй половины 1930-х гг. находились молодёжные спортивные объединения, среди которых были спортивное общество "Витязь", Харбинское общество теннисного и конькобежного спорта, Футбольная лига, Шахматная лига, Общество парусного спорта (ГААОСО. Ф. Р-1. Оп. 2. Д. 35164. Л. 43, 44).

В конце 1930-х гг. благодаря усилиям эмигрантских политических организаций и их японских кураторов из спецслужб уровень антикоммунистической политизации эмигрантского сообщества в Маньчжурии несколько повысился, что происходило на фоне советско-японской конфронтации. В антикоммунистическую (антикоминтерновскую) деятельность активно вовлекалась и молодёжь.

Летом 1938 г. во время советско-японского вооруженного конфликта на озере Хасан по инициативе группировки Шепунова и представителей ЯВМ был организован летний лагерь для членов НОРР в местечке Дуннин, недалеко от советско-маньчжурской границы. Лагерники провели ряд антисоветских мероприятий: ежедневно поднимали российский национальный флаг, служили молебны, пели "Боже Царя храни", запускали воздушный шар с надписью "СССР – тюрьма". Работу лагеря широко освещала эмигрантская, маньчжурская и японская пресса, на мероприятиях присутствовали представители японской и эмигрантской администрации (ГААОСО. Ф. Р-1. Оп. 2. Д. 33582. Л. 10, 16, 28, 29). В период работы Дуннинского лагеря подполковник Зеленой издал приказ, в преамбуле которого указывалось: "Наступают сроки, предопределенные Господом Богом, и близок час рассвета, час возрождения России. В это серьёзное время долг каждого русского Разведчика напрячь все усилия и приложить старания, дабы к моменту, когда наша работа будет необходима там – на Родной земле, быть во всеоружии" [14, с. 514, 515].

В августе 1939 г., используя в качестве повода гибель в районе Халхин-Гола одного из молодых русских военнослужащих отряда Асано – ефрейтора М. А. Натарова, руководство БРЭМ объявило о формировании нового культа героев-борцов против Коминтерна, которые вместе с участниками Белого движения ("рыцарями Белой мечты") должны были стать духовным ориентиром для подрастающего поколения эмигрантов [8, с. 1]. Мероприятия в рамках т. н. дней Антикоминтерна, приуроченных к 1 мая и 7 ноября, и имевших благодаря административному ресурсу массовый характер, позиционировались эмигрантским Бюро как акт сплочения эмиграции в её стремлении освободить Россию от большевистского режима.

В целях политической консолидации и воспитания молодого поколения эмигрантов в 1939 г. БРЭМом был организован Антикоммунистический союз молодёжи, включивший в себя все крупные эмигрантские молодёжные объединения Харбина – Союз фашистской молодёжи, Клубок Военной молодёжи

⁸ Коротеев Сергей Филиппович, 1906 г. р. Являлся сотрудником ГБРЭМ.

ДВСВ, Харбинскую Молодую им. атамана Семёнова станицу, Союз националистической молодёжи. Возглавляли объединение бывшие офицеры – полковник А. А. Егоров, генерал И. Н. Никитин [17, с. 4], и др. Союз, будучи формальным объединением различных организаций, не оставил практически никаких сведений о своей деятельности. В то же время стремление эмигрантского актива политизировать во что бы то ни стало беженское сообщество вело к отторжению антисоветских идей значительной частью эмигрантской молодёжи и способствовало её отъезду за пределы Маньчжу-ди-го.

С конца 1930-х гг. русская молодёжь стала объектом пристального внимания со стороны Киовакай, воспитательную работу с молодёжью в рамках которого вела Инспекция по делам молодёжи (Токамбу). Главной задачей молодёжной политики Киовакай являлось не только воспитание в детях хороших людей в моральном и физическом отношении, но и хороших молодых граждан Маньчжу-ди-го, которым "можно было бы со спокойной совестью и уверенностью в их успехе верить в будущем дело государственного строительства" [6, с. 39]. В ведении Инспекции находились юношеские и детские организации Сейнендан (возраст 15–20 лет) и Сионендан (возраст 9–14 лет), дополненные в начале 1940-х гг. объединениями девушек. В русские отряды Сейнендан и Сионендан в обязательном порядке включалась вся учащаяся молодёжь. Для подготовки русских сотрудников (инструкторов) Киовакай в 1939 г. в Харбине были учреждены Высшие курсы, директором которых выступал начальник ГБРЭМ. Обучение на курсах осуществлялось в течение пяти месяцев, в перечень изучаемых предметов входили гражданская мораль, движение молодёжи, русская история, Белое движение, строевая подготовка, японский язык, основы агитационно-пропагандистской деятельности (ГААО-СО. Ф. Р-1. Оп. 2. Д. 31979. Л. 10, 13). Среди русских сотрудников Киовакай, работавших по молодёжной линии, оказался целый ряд бывших руководителей русских молодёжных организаций. Например, бывшие "офицеры" Союза мушкетёров – В. С. Барышников и Л. В. Вашуга.

Руководство БРЭМ было вынуждено способствовать работе Киовакай и поддерживать его молодёжную политику, при случае указывая, что российская эмигрантская молодёжь, помимо её задач в отношении грядущей Национальной России, имеет обязанности и перед Великой Империей Ниппон и перед страной, в которой сейчас живёт, – Маньчжу-ди-го [9, с. 22]. В то же время оно стремилось сохранить в своих руках т. н. национальное воспитание молодого поколения, что требовало известной гибкости и смелости, поскольку недостаточное рвение в осуществлении идеи создания японизированного "общего дома" наций Маньчжу-ди-го могло вызвать интерес со стороны японских спецслужб.

БРЭМ в работе с эмигрантской молодёжью в годы Великой Восточноазиатской войны

В начале 1940-х гг. молодёжные структуры эмигрантских политических организаций были ликвидированы. В 1941 г. были реформатированы и выведены из-под руководства РФС его молодёжные филиалы: РЖФД теперь стало именоваться Союзом русских женщин, Авангардистки – Союзом русских девушек. Сам РФС был ликвидирован в 1943 г. В 1942 г. прекратило свою работу Монархическое объединение. Входившие в его состав Союз военных и Союз казаков стали ветеранскими организациями, а Союз мушкетёров и Маньчжурский отдел НОРР, находившиеся в глубоком кризисе, закрыты. Только отдельные отряды скаутов продолжали свою работу вплоть до лета 1945 г. [10, с. 4]. Кроме того, в 1941 г. перестал функционировать Союз националистической молодёжи, а после 1941 г. исчезли упоминания об Антикommунистическом союзе.

На фоне деградации эмигрантского молодёжного движения и ликвидации части молодёжных объединений всё большую роль в работе с подрастающим поколением эмигрантов стали играть структуры Киовакай, что в немалой степени было стимулировано началом Великой Восточноазиатской войны, которую Япония вела против США и Великобритании. Через отряды Сейсионендан Инспекция по делам молодёжи Киовакай привлекала русских молодых людей к выполнению общегосударственных задач – участию в осуществлении ритуальных и политических акций, "жертвенных" (бесплатных)

работ, занятиям спортом и обучению военному делу [3, с. 139]. В летнее время в Харбине для разных возрастных групп молодёжи проводились лагеря на Крестовском острове, чем-то напоминавшие скаутские.

Особое внимание уделялось военным занятиям, которые с сентября 1941 г. стали регулярными во всех средних русских школах, а также в вузах. Российские эмигранты в возрасте от 20 до 40 лет, как и представители других народов Маньчжу-ди-го, состояли в рядах Общественных добровольческих дружин Киовакай. Обучение военному делу осуществлялось под лозунгами "Военное воспитание молодёжи – основа возрождения народа", "Военное обучение – главнейшая задача российской эмигрантской молодёжи", и т. п. На страницах эмигрантской печати, в многочисленных официальных докладах и выступлениях заявлялось, что "русская молодёжь готова отдать все свои силы за установление нового светлого порядка, за который сейчас борются страны Восточной Азии во главе с великой Ниппонской Империей" [18, с. 6; 20, с. 3]. Военным обучением эмигрантской молодёжи руководил подполковник Н. Б. Коссов⁹, советник молодёжно-воспитательного подразделения Главного Бюро и начальник его 2-го (военного) отдела в 1944–1945 гг. Для воспитания у русского юношества пиетета перед японской армией Харбинский штаб Токамбу устраивал для учащихся школ специальные киносеансы, где демонстрировалась документальная хроника, иллюстрировавшая "беспримерные подвиги ниппонских воинов в Великой Восточноазиатской войне". Кинопоказы сопровождалась лекциями сотрудников БРЭМ [19, с. 3].

В условиях перелома на фронтах Восточноазиатской войны в пользу противников Японии со второй половины 1943 г. японские власти в Маньчжу-ди-го развернули активнейшую пропаганду идеи "жизнь и смерть вместе с Ниппон". Эмигрантская официальная печать в унисон с японской пропагандой с этого времени постоянно подчеркивала, что у российской молодёжи есть только один путь – "в горе и радости, в жизни и смерти быть вместе с Ниппон" [21, с. 3]. В то же время эмигрантское Бюро прилагало немало усилий для претворения в жизнь своей национальной молодёжной "политики".

После закрытия молодёжных филиалов политических организаций вся национальная работа с эмигрантской молодёжью перешла в ведение возглавляемого К. В. Родзаевским 2-го (с 1944 г. – 1-го, культурно-просветительного) отдела БРЭМ, имевшего в своем составе школьный, спортивный, молодёжный и артистический подотделы (ГААОСО. Ф. Р-1. Оп. 2. Д. 35164. Л. 43). Возглавлявший в это время Главное Бюро генерал Кислицын, вынужденный выступать рупором идеи создания "общего дома" народов Маньчжурской империи, в то же время огромное внимание уделял вопросам патриотического воспитания подрастающего поколения русской эмиграции. На страницах своих публицистических произведений "Пантеон русской доблести и чести" и "Пути русской молодёжи" он задавался вопросом "кому передастся российская идея, на чьи плечи ляжет искупление прошлого?". Только любовь к Родине и идея беззаветного служения Отечеству, которое предстает для Кислицына в образе патриархально-православной, монархической России, вкупе со знанием образцов русской культуры и следованием религии предков способны, по его мнению, воспитать в эмигрантской молодёжи патриотов. В качестве духовно-нравственных ориентиров для молодёжи генерал указывал многочисленных персонажей российской истории и призывал молодых людей помнить, что они русские и гордиться этим [2, с. 62, 63].

Основными организационными формами работы БРЭМ с молодёжью стали Кружки русской молодёжи и литературно-художественные кружки, входившие в Объединение российской молодёжи, созданное в 1941 г. Кружки русской молодёжи действовали на железнодорожных линиях (преимущественно восточной) СМЖД. К 1944 г. их насчитывалось не менее двенадцати

⁹ Коссов Николай Борисович, 1908 г. р. Прибыл в Маньчжурию с семьёй в 1918 г. Проходил обучение в 1-м Харбинском реальном училище и на курсах горных техников при Харбинском политехническом институте. Состоял в НОРС. Окончил военно-училищные курсы РОВС (1934), Мукденскую офицерскую пехотную школу (1937) и высшую пехотную школу (1939). Один из двух первых русских офицеров отряда Асано (1938–1939), участвовал в военных действиях на Халхин-Голе, ранен. С 1941 г. начальник военной подготовки русской молодёжи по линии Киовакай. Полковник армии Маньчжу-ди-го (1945). Выехал из Харбина в августе 1945 г. в Северный Китай. Позднее жил в Австралии.

(ГАХК. Ф. Р-830. Оп. 2. Д. 73. Л. 4). В Харбине работа с молодёжью велась в рамках литературно-художественных кружков, членство в которых допускалось с 16 лет. Первый такой кружок – литературно-художественный кружок им. Августейшего поэта К. Р. – возник в октябре 1938 г., первоначально как кружок Монархического объединения. Возглавлял его В. А. Морозов, юрист, бывший штабс-капитан Белой армии, соратник В. Ф. Иванова, одного из лидеров Монархического объединения [11, с. 229, 230]. Из других инициаторов создания кружков известны писатель Н. А. Байков (кружок им. Н. А. Байкова) и скаутмастер А. А. Кармилов (кружок им. Н. С. Гумилёва). Помимо указанных объединений существовали кружки им. адмирала А. В. Колчака, генерала П. Н. Краснова, генералиссимуса А. В. Суворова, Ф. М. Достоевского, Н. С. Лескова **(ГАХК. Ф. Р-830. Оп. 2. Д. 73. Л. 6).**

Задачи, которые ставили перед собой литературно-художественные кружки, хорошо демонстрирует устав кружка им. Н. А. Байкова: "воспитание эмигрантской молодежи в духе Православной религии, национального самосознания и русской культуры. Отвлечение молодежи от нездоровых привычек и развлечений, развитие любви к искусству и труду, наделение знаниями. Воспитание кадров друзей Ниппон и Маньчжудуго и врагов Коминтерна" **(ГАХК. Ф. Р-830. Оп. 1. Д. 60. Л. 137).** В составе кружка работало несколько секций: литературная, драматическая, музыкальная, вокальная, хореографическая, ниппоноведения, дамская и детская. Средства кружка формировались за счет членских взносов, поступлений от различных мероприятий (вечера, концерты, спектакли, лотереи), пожертвований и субсидий **(ГАХК. Ф. Р-830. Оп. 1. Д. 60. Л. 138).**

Кроме того, под руководством БРЭМ в Харбине действовали Союз окончивших учебные заведения Главного Бюро, Союз окончивших Институт ориентальных и коммерческих наук, Братство Святого Иоанна Богослова, Национальная организация исследователей-пржевальцев, Музыкально-вокальный и драматический кружок Союза служащих, Кружок военной молодёжи. Важным центром культурно-просветительной деятельности являлся Клуб российской молодёжи, открытый в марте 1942 г. и работавший при Российском Эмигрантском собрании. Почетным председателем клуба выступал начальник ГБРЭМ.

Формально объединяющей и направляющей деятельность литературно-художественных кружков и других молодёжных организаций структурой являлось Объединение российской молодёжи. Согласно уставу Объединения (март 1944 г.), оно являлось "свободным союзом организаций молодежи Российской эмиграции, согласившихся соединить свои силы для общей борьбы с коммунизмом и англосаксами за Новый Порядок. Объединение ставит целью – действительную спайку между всеми организациями российской молодежи и их членами на базе национальной культурно-просветительной работы, для подготовки кадров российской эмигрантской молодежи, воспитанной в духе Православия, национализма и дружества" **(ГАХК. Ф. Р-830. Оп. 2. Д. 73. Л. 104 об).** Объединение подчинялось непосредственно начальнику ГБРЭМ через культурно-просветительный отдел.

Основными формами работы молодёжных организаций являлись доклады, лекции, беседы на литературно-исторические темы, подготовка рефератов, устройство музыкально-вокальных вечеров и театральных постановок. Несмотря на декларируемое "воспитание в духе жертвенного служения Новому Порядку и необходимости создания новой литературы, новой культуры и новой жизни соответственно духу и требованию времени" **(ГАХК. Ф. Р-830. Оп. 1. Д. 135. Л. 43),** эта сторона в деятельности молодёжных объединений была существенно формализована, как и политическое воспитание в духе антикоммунизма.

Сильно формализованная деятельность Объединения российской молодёжи не вполне устраивала БРЭМовское начальство и чинов из ЯВМ. В связи с этим летом 1943 г. возник проект реформы Объединения, предполагавший "полную централизацию руководства молодёжных организаций, объединение однообразной работы разных организаций и проведение систематической общей работы по районам города", соединение существующих организаций в рамках районных клубов, пополнение руководящего органа Объединения – Делового комитета – компетентными в разных областях культуры ли-

цами (ГАХК. Ф. Р-830. Оп. 1. Д. 120. Л. 19, 20). Также существовала идея создания при каждом русском среднем учебном заведении организации по воспитанию молодёжи, в основу которой была бы положена идея скаутинга. Для реализации этой идеи необходимо было подготовить инструкторские кадры в дополнение к уже существующим из состава Маньчжурского отдела НОРС, включить их в состав педагогических коллективов на регулярной основе и изыскать средства для оплаты их труда (ГАХК. Ф. Р-830. Оп. 1. Д. 2. Л. 274, 274 об). Идея так и не была реализована, не получив, вероятно, одобрения со стороны японских властей.

Однако никакие реорганизации уже ничего не могли изменить. Идеино-политическое воспитание эмигрантской молодёжи в духе паназиатизма и антикоммунизма в условиях приближающегося военного поражения Японии в Восточноазиатской войне было малоэффективным. По словам одного из эмигрантов, японцы "своими мероприятиями заставили нас окончательно утвердиться в том, что мы, эмигранты, не более, как игральные карты в руках японской дипломатии, зависящие от перемен дипломатической погоды. Когда это было нужно, нас науськивали на Коминтерн. Когда обстановка изменилась..., то натравливали на англосаксов, то отсылали на Тооген" (ГААОСО. Ф. Р-1. Оп. 2. Д. 33409. Л. 119, 120). Мощный всплеск патриотизма в эмигрантской среде сделал эмигрантов активными сторонниками прихода в Маньчжурию Красной армии и ликвидации Маньчжу-ди-го. В этой ситуации деятельность БРЭМ в деле национального воспитания эмигрантской молодёжи только способствовала росту патриотических и антияпонских настроений.

Как показывает короткая история БРЭМ, Бюро сумело реализовать часть своих основных задач – консолидировать российскую эмиграцию в Маньчжу-ди-го и обеспечить ее относительную национально-культурную автономию, в то же время потерпев фиаско в своих идейно-политических установках на борьбу за освобождение России от коммунистического режима. Бюро эмигрантов внесло существенный вклад в дело сохранения и развития русской культуры в Маньчжурской империи и формирование в среде эмигрантской молодёжи приверженности национальной культуре и патриотизма, противостоявшие целям японизации культурного ландшафта Маньчжу-ди-го в контексте изменения содержания имперской политики Японии на рубеже 1930–1940-х гг. Патриотический стержень молодёжной "политики" БРЭМ в ситуации Отечественной войны, которую вел советский народ, в известной мере способствовал росту симпатий молодой эмиграции к Советскому Союзу. И это особенно ярко проявилось в период советско-японской войны августа 1945 г., когда именно эмигрантская молодёжь оказала наиболее активную помощь советской армии в ликвидации японского присутствия в Маньчжурии.

Литература

1. Аурилин Е. Е. Бюро по делам российских эмигрантов в Маньчжурской империи (возникновение, структура, роль в судьбе российской эмиграции) // Белая армия. Белое дело: Ист. науч.-популярный альманах. Екатеринбург, 1996. № 1. С. 101–112.
2. Аурилене Е. Е., Потапова И. В. Русские в Маньчжоу-Ди-Го: "эмигрантское правительство". Хабаровск, 2004. 128 с.
3. Булатов И. А. Русская молодежь под идеологическим воздействием маньчжурских и японских властей (Маньчжу-Ди-Го, 1930-е годы) // Новый исторический вестник. 2021. № 2 (68). С. 131–147.
4. Великая Маньчжурская Империя. К десятилетнему юбилею. Харбин: Гос. организация Кио-ва-кай и Главное Бюро по делам российских эмигрантов в Маньчжурской империи, 1942. 422 с.
5. Государственная и квазигосударственная природа Маньчжоу-Го: исторические очерки / науч. ред. Б. В. Базаров. Иркутск: Изд-во "Оттиск", 2016. 254 с.
6. Движение молодёжи Кио-Ва. В 2 кн. [Б. м.], 1943. Кн. 1. 119 с.
7. Кейдун И. Б., Елисеева Я. А. Общая характеристика системы высших государственных органов Маньчжоу-го // Вестник Амурского государственного университета. Сер. Гуманитарные науки. 2010. № 48. С. 31–36.
8. Луч Азии. 1939. № 8 (60).
9. Луч Азии. 1943. № 7 (107).

10. Матковский И. 85 лет Национальной Организации Русских Скаутов // На сопках Маньчжурии. 1994. № 14. С. 4.
11. Мелихов Г. В. Белый Харбин: Середина 20-х. М.: Русский Путь, 2003. 440 с.
12. Накасима Т. Создание Бюро по делам русской эмиграции (БРЭМ) в Маньчжоу-Го, 1934–1935 // Россия и Япония: сборник статей. Вып. 8. Токио, 2010. С. 123–139.
13. Сборник законов и распоряжений Маньчжу-Ди-Го на русском языке / сост. М. Огуси. Харбин, 1935. Вып. 1. 1258 с.
14. Смирнов С. В. Дальневосточный тупик: русская военная эмиграция в Китае (1920 – конец 1940-х гг.). М.: ЛитРес: Самиздат, 2019. 712 с.
15. Смирнов С. В. "Один за всех, все за одного". Союз русских "мушкетёров" в Северо-Восточном Китае // Проблемы Дальнего Востока. 2015. № 1. С. 94–105.
16. Усов В. Н. Советская разведка в Китае: 30-е годы XX века. М.: Товарищество научных изданий КМК, 2007. 454 с.
17. Харбинское время. 1941. 1 февр.
18. Харбинское время. 1941. 13 сент.
19. Харбинское время. 1942. 1 марта.
20. Харбинское время. 1942. 2 марта.
21. Харбинское время. 1943. 26 нояб.
22. Хисамутдинов А. А. Русские волны на Тихоокеане: Из России через Китай, Корею и Японию в Новый Свет. Пекин; Владивосток: Изд-во "Рубеж", 2013. 640 с.
23. Хлеб Небесный. Харбин, 1943. № 9–10.

References

1. Aurilene E.E. Bureau for Russian Emigrants in the Manchurian Empire (origin, structure, role in the fate of Russian emigration) // The White Army. The White Case: A Historical Popular Science Almanac. Yekaterinburg, 1996. No. 1. P. 101–112. (In Russ.).
2. Aurilene E.E., Potapova I.V. Russians in Manchukuo: "The emigrant government". Khabarovsk: S. n., 2004. 128 p. (In Russ.).
3. Bulatov I.A. Russian youth under the ideological influence of the Manchurian and Japanese authorities (Manchu-Di-Go, 1930s) // New Historical Bulletin. 2021. No. 2 (68). P. 131–147. (In Russ.).
4. The Great Manchurian Empire. For the tenth anniversary. Harbin: Kio-wa-kai State Organization and the Main Bureau for Russian Emigrants in the Manchurian Empire, 1942. 422 p. (In Russ.).
5. The State and quasi-state Nature of Manchukuo: Historical essays / Ed. B.V. Bazarov. Irkutsk: Izdatel'stvo "Ottisk", 2016. 254 p. (In Russ.).
6. Kyo-wa Youth Movement. S. n., 1943. Vol. 1. 119 p. (In Russ.).
7. Keidon I.B., Eliseeva Ya.A. General characteristics of the system of higher state bodies of Manchukuo // Bulletin of the Amur State University. Ser. Humanities. 2010. No. 48. P. 31–36. (In Russ.).
8. Ray of Asia. 1939. No. 8 (60). (In Russ.).
9. Ray of Asia. 1943. No. 7 (107). (In Russ.).
10. Matkovsky I. 85 years of the National Organization of Russian Scouts // On the hills of Manchuria. 1994. No. 14. P. 4. (In Russ.).
11. Melikhov G.V. Bely Harbin: Mid-20s. Moscow: Russkii Put', 2003. 440 p. (In Russ.).
12. Nakashima T. The creation of the Bureau for Russian Emigration (BREEM) in Manchukuo, 1934–1935 // Russia and Japan. Tokyo, 2010. Iss. 8. P. 123–139. (In Russ.).
13. Collection of laws and orders of Manchu-Di-Go In Russian / Ed. M. Ogusi. Harbin: S. n. 1935. Iss. 1. 1258 p. (In Russ.).
14. Smirnov S.V. Far East Dead End: Russian Military Emigration in China (1920–late 1940s). Moscow: LitRes, Samizdat, 2019. 712 p. (In Russ.).
15. Smirnov S.V. "One for all, all for one". The Union of Russian "Musketeers" in North-eastern China // Problems of the Far East. 2015. No. 1. P. 94–105. (In Russ.).
16. Usov V.N. Soviet intelligence in China: the 30s of the twentieth century. Moscow: Association of Scientific Publications of the KMK, 2007. 454 p. (In Russ.).
17. Harbin time. 1941. February 1. (In Russ.).
18. Harbin time. 1941. September 13. (In Russ.).
19. Harbin time. 1942. March 1. (In Russ.).
20. Harbin time. 1942. March 2. (In Russ.).
21. Harbin time. 1943. November 26. (In Russ.).
22. Khisamutdinov A.A. Russian waves on Pacifica: From Russia through China, Korea, and Japan to the New World. Beijing; Vladivostok: Rubezh, 2013. 640 p. (In Russ.).
23. The Bread of Heaven. 1943. No. 9–10. (In Russ.).

Информация об авторе

Сергей Викторович Смирнов, д-р. ист. наук, профессор кафедры новой и новейшей истории Уральского федерального университета им. Первого Президента России Б.Н. Ельцина, Екатеринбург, Россия, e-mail: smirnov_sergei@mail.ru

Information about the author

Sergei V. Smirnov, Doctor of Historical Sciences, Professor, Department of Modern and Contemporary History, Ural Federal University named after the First President of Russia B.N. Yeltsin, Yekaterinburg, Russia, e-mail: smirnov_sergei@mail.ru

Поступила в редакцию 16.01.2023

Received 16.01.2023

Одобрена после рецензирования 12.02.2023

Approved 12.02.2023

Принята к публикации 16.02.2023

Accepted 16.02.2023

Научная статья
УДК 94
<https://doi.org/10.24866/1998-6785/2023-1/41-48>

"Последние из эсеров": Нью-Йоркская группа ПСР во второй половине 1940-х – начале 1950-х гг.

Алексей Валерьевич Антошин
Уральский федеральный университет им. Первого Президента России Б. Н. Ельцина,
Екатеринбург, Россия, alex_antoshin@mail.ru

Аннотация: Статья посвящена заключительному периоду в истории Партии социалистов-революционеров (эсеров), связанному с пребыванием ее лидеров в Нью-Йорке во второй половине 1940-х – начале 1950-х гг. Источниковой базой исследования послужили материалы Бахметевского архива Колумбийского университета (Нью-Йорк, США) и Гуверовского архива войны, революции и мира (Стэнфорд, США). Автор доказывает, что в описываемый период Нью-Йоркская группа ПСР оставалась единственным организационно оформленным подразделением эсеровской партии. Ключевым ее проектом стало издание журнала "За свободу", в котором печатались оставшиеся в живых лидеры ПСР. Автор приходит к выводу о том, что партия социалистов-революционеров внесла важный вклад в историю политической мысли России.

Ключевые слова: эсеры, русская эмиграция в США, демократическая эмиграция, "За свободу", В. М. Чернов, В. М. Зензинов, М. В. Вишняк, И. Н. Коварский

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 22-28-01705, проект "Интернационализация проблемы беженцев, "перемещенных лиц" и малых народов в условиях холодной войны", <https://rscf.ru/project/22-28-01705/>

Для цитирования: Антошин А. В. "Последние из эсеров": Нью-Йоркская группа ПСР во второй половине 1940-х – начале 1950-х гг. // Ойкумена. Регионоведческие исследования. 2023. № 1. С. 41–48. <https://doi.org/10.24866/1998-6785/2023-1/41-48>

Original article
<https://doi.org/10.24866/1998-6785/2023-1/41-48>

"The Last of the SRs": New York group of the AKP in the second half of the 1940s – early 1950s.

Aleksej V. Antoshin
Ural Federal University named after the First President of Russia B. N. Yeltsin,
Yekaterinburg, Russia, alex_antoshin@mail.ru

Abstract. The article is devoted to the final period in the history of the Party of Socialist Revolutionaries (SRs), associated with the stay of its leaders in New York in the second half of the 1940s - early 1950s. The source base for the study was the materials of the Bakhtmetev Archive of Columbia University (New York, USA) and the Hoover Archive of War, Revolution and Peace (Stanford, USA). The author proves that during the described period, the New York group of the AKP remained the only organizational unit of the Socialist-Revolutionary Party. Its key project was the publication of the magazine "For Freedom", which published the surviving leaders of the AKP. The author comes to the conclusion that the Socialist Revolutionary Party made an important contribution to the history of Russian political thought.

Key words: socialist-revolutionaries, Russian emigration to the USA, democratic emigration, "For Freedom", V. M. Chernov, V. M. Zenzinov, M. V. Vishnyak, I. N. Kovarsky

The study was supported by the grant of the Russian Science Foundation No. 22-28-01705, project "Internationalization of the problem of refugees, "displaced persons" and small peoples in the conditions of the Cold War", <https://rscf.ru/project/22-28-01705/>

For citation: Antoshin A. V. "The Last of the SRs": New York group of the AKP in the second half of the 1940s – early 1950s. // Ojkumena. Regional researches. 2023. No. 1. P. 41–48. <https://doi.org/10.24866/1998-6785/2023-1/41-48>

Неотъемлемой частью Русского зарубежья была интеллигенция. Несмотря на то, что в массовом сознании феномен русской эмиграции "первой волны" прежде всего связан с белым офицерством, во многих ее центрах (Берлин, Прага, Нью-Йорк и т.д.) интеллигенция играла немалую роль. Среди политических вождей русской демократической интеллигенции с дореволюционных времен весьма заметны были эсеры, пик популярности которых пришелся на революционные месяцы 1917 г.

В данной статье речь пойдет о заключительном этапе истории Партии социалистов-революционеров (ПСР), связанном с пребыванием ее лидеров в эмиграции в США в 1940-е – начале 1950-х гг. Исследователи уже не раз обращались к отдельным аспектам истории Нью-Йоркской группы ПСР. Как известно, автором одного из лучших очерков истории ПСР в эмиграции был М. Янсен [11]. Пожалуй, одними из первых российских историков, которые уделили серьезное внимание эмигрантскому периоду в истории ПСР, являют-

ся Г.С. Аноприева и Н.Д. Ерофеев [2]. Однако, бесспорно, как показывают работы специалиста по историографии истории социалистических партий России А.Ю. Суслова, большинство исследователей уделяют основное внимание деятельности эмигрантских эсеровских групп в межвоенный период [7; 8].

История эсеровской эмиграции в 1940-е гг., после отъезда группы видных эсеров из охваченной Второй мировой войной Европы в США значительно реже привлекает внимание исследователей. Здесь можно выделить в первую очередь работы А.И. Авруса, А.П. Новикова и О.В. Коноваловой [1; 5]. При этом следует учесть, что указанные выше статьи посвящены периоду Второй мировой войны и написаны прежде всего на основании материалов журнала "За свободу", который являлся последним издательским проектом ПСР. История данного издания подробно представлена в трудах П.Н. Базанова [3]. Однако, судьба эсеровской эмиграции после окончания Второй мировой войны почти не затрагивалась ранее в работах историков.

Архивные материалы, посвященные заключительному периоду в истории ПСР как организованной политической силы, находятся в основном в США. Следует учесть, что апартаменты проживавших в 1940-е гг. в Нью-Йорке эсеров находились неподалеку от Колумбийского университета, где базируется знаменитый Бахметевский архив – один из лучших русских архивов не только в США, но и во всем мире. Здесь находятся личные фонды видных деятелей Нью-Йоркской группы ПСР В.М. Зензинова и И.Н. Коварского. Именно они (а также В.М. Чернов, Н.И. Слуцкий и Макс Мунъес) значились в конце 1940-х гг. в составе Исполнительного комитета Нью-Йоркской группы ПСР – возможно, последнего руководящего органа в многолетней истории партии (См.: **Bakhmeteff Archive Research (BAR). Vladimir M. Zenzinov papers. Box 1. Folder "Correspondence. C-F". В. Чернов, В. Зензинов, М. Вишняк – Е. Ешурину. 12.05.1948**). Поэтому хранящиеся в Бахметевском архиве документы не могут не вызывать интерес у исследователей истории ПСР. Особенно большой массив ценных документов находится в насчитывающем 50 архивных коробок фонде В.М. Зензинова. Во второй половине 1940-х гг. В.М. Зензинов был одним из наиболее активных общественных деятелей русской эмиграции, участвовал во многих политических и благотворительных проектах. При этом он продолжал оставаться эсером, являясь для многих эмигрантов одним из символов старого неонародничества. Именно поэтому документы его фонда содержат немало информации о состоянии эсеровской эмиграции во второй половине 1940-х гг.

Бесспорно, к середине 1940-х гг. от партии эсеров оставались лишь элементы внешней оболочки. Фактически единственным центром эсеровской эмиграции стал Нью-Йорк, куда из Европы переехали остатки партии. Безусловно, символом ПСР и ее наиболее крупным теоретиком оставался Виктор Михайлович Чернов – участник народнического движения с конца 1880-х гг., один из основателей партии, избранный председателем Всероссийского Учредительного собрания. Однако после Второй мировой войны политическая активность В.М. Чернова была уже не слишком высока.

Ведущим эсеровским публицистом, претендовавшим на осмысление основных закономерностей развития общества и государства в XX в. стал Марк (Мордех) Веньяминович Вишняк – сын купца 1-й гильдии, ставший членом ПСР в условиях Первой русской революции; в 1917 г. он был одним из организаторов Московского комитета партии, а на единственном заседании Учредительного собрания в январе 1918 г. был избран секретарем этого органа.

Основная часть организационной работы в эсеровской партии в 1940-е гг. падала на уже упоминавшегося Владимира Михайловича Зензинова, который еще накануне революции 1905–1907 гг. был одним из лидеров Московского комитета ПСР, входил в Боевую организацию партии, был секретарем комиссии по делу Е.В. Азефа. Игравший активную роль в ПСР и в 1917 г., и в годы Гражданской войны, В.М. Зензинов, бесспорно, был и одной из ключевых фигур Нью-Йоркской группы партии.

В отличие от В.М. Зензинова мало участвовал в политической жизни эмиграции, но сохранял связь со старыми товарищами по партии Илья Николаевич Коварский, чей партстаж шел с 1899 г. Член ЦК с 1909 г., после Октября 1917 г. – член антибольшевистского Союза возрождения России, И.Н. Коварский многие годы возглавлял Общество российских врачей в Нью-Йорке.

Не все эсеры переезд из Европы за океан переживали легко: трудно было открыто признать тот факт, что в США их привлекали безопасность и уровень жизни. Кое-кто из старых эсеров несколько стеснялся этого выбора. Так, М.В. Вишняк, преподававший в начале 1940-х гг. русский язык сначала в Корнелльском университете, затем – на курсах офицеров американского флота, в 1944 г. снова вынужден был сменить место работы. В письме своему другу И.Н. Коварскому, несколько кокетничая, он отмечал: "Все "рады" за меня, что еду в чудное место, увижу Америку и прочее. Это звучит не утешением, а почти оскорблением... Внутренне я еду с несравненно более тяжелым самочувствием, чем в свое время в Нарымский край на четыре года! Конечно, я тогда был моложе на 34 года (ужас!). Но я знал, за что я еду, а теперь я знаю, для чего – для заработка! Не стыдно, конечно, но все же... не слишком лестно" (См.: М. В. Вишняк – И. Н. Коварскому. 27.06.1944 // *BAR. Pliā Nikolaevich Kovarsky papers. Box 1. Folder "Vishniak M. to Kovarskii I. N."*).

Помимо Исполнительного комитета, существовали и другие руководящие органы Нью-Йоркской группы: так, известно, что в состав ревизионной комиссии в 1940-е гг. входили В.М. Зензинов, Т.Б. Юзэфов, И.Н. Коварский, Л.Г. Раузен (См.: В.М. Зензинов – Т.Б. Юзэфову. 19.05.1942 // *BAR. Vladimir M. Zenzinov papers. Box 43. Folder "SR Party – New York group (1940s). 2"*). Именно эта комиссия контролировала уплату членских взносов, что в условиях эмиграции было непростой задачей. В фонде В.М. Зензинова в Бахметевском архиве сохранились первичные финансовые документы Нью-Йоркской группы, которые показывают, что членские взносы вносил весьма ограниченный круг лиц. Суммы, фигурируемые в этих документах, весьма небольшие (5, 10, 20 долларов). Одним из тех, кто мог себе позволить помогать ПСР более серьезно, был М.О. Левин (иногда он вносил по 50, 150 и даже 200 долларов) (**Финансовые документы ПСР // Там же**). Интересно, что на издательскую деятельность небольшие суммы вносили и такие известные, но не входившие в состав группы общественные деятели, как Д.Н. Шуб и М.М. Карпович (**Там же**).

К сожалению, даже в Бахметевском архиве сохранились лишь отдельные протоколы собраний Нью-Йоркской группы ПСР, что крайне затрудняет реконструкцию внутрипартийной жизни в 1940-е гг. На собраниях присутствовало 20-30 старых эсеров (помимо лидеров группы, бывали так же старый народоволец Я.Л. Делевский, С. Левина, Э. и Г. Слуцкие, братья Раузен, Д. Коенская, И. Шах и некоторые другие). Как показывают имеющиеся материалы, к числу важнейших вопросов, обсуждавшихся на собраниях, относилось издание журнала "За свободу".

Именно этот журнал стал последним печатным проектом как Нью-Йоркской группы ПСР, так и партии в целом. История данного издания подробно представлена в трудах П.Н. Базанова. Как отмечал В.М. Зензинов, к концу Второй мировой войны редакция "За свободу" состояла из него, В. М. Чернова и М.О. Левина (В.М. Зензинов – Г.Я. Аронсону. 05.07.1944 // *BAR. Vladimir M. Zenzinov papers. Box 44. Folder "Za svobodu (journal). Correspondence. A-B"*).

В 1947 г. вышел последний номер журнала "За свободу". Прекращение издания во многом было связано с долгами редакции данного журнала. Он печатался в типографии эсеров братьев Раузен, но даже один из них, Л.Т. Раузен, был вынужден обратиться к своим старым соратникам с просьбой все-таки выплатить долг. Обращаясь к ним "дорогие товарищи", он просил их принять во внимание, что "типография братьев Раузен базируется на личном труде их самих, что у нас нет прибылей от эксплуатации чужих рабочих" (Л.Т. Раузен – редакции журнала "За свободу". Получено 19.04. 1948 // *BAR. Vladimir M. Zenzinov papers. Box 44. Folder "Za svobodu (journal). Correspondence. P-R"*). Однако, очевидно, доходов у редакции практически не было, средства на издание журнала собирались среди членов Нью-Йоркской группы ПСР и сочувствующих с большим трудом. Поэтому журнал прекратил свое существование.

Через шесть лет, в 1953 г., была выдвинута идея возобновить издание журнала. "За свободу" мыслился как символ старого неонародничества, свидетельство того, что оно еще живо. Более того: инициаторы данного издания

подчеркивали, что, напротив, неонародническая идеология более точно, чем некоторые ее конкуренты (явно имелся в виду марксизм) могла ответить на ключевые вопросы времени. "Основные идеи эсерства не умерли и в настоящее время, – подчеркивали нью-йоркские эсеры. – Народническая идеология сохранилась, она во многих спорных вопросах даже одержала победу и привлекла к себе внимание новых, идущих нам на смену поколений" (**Материалы по попытке возобновления издания журнала "За свободу" в 1953 г. // BAR. Vladimir M. Zenzinov papers. Box 44. Folder "Za svobodu (journal). Correspondence. P-R"**). Старые эсеры были убеждены в том, что в будущей свободной России, "быть может, в других формах и в другом выражении", но воскреснут идеи ПСР. Инициаторы воззвания полагали, что именно на них лежит "святая обязанность донести мысли и идеи нашей партии до этого будущего". Воззвание подписали члены Нью-Йоркской группы ПСР С. Борода, Н. Воронович, М. Вишняк, В. Зензинов, Н. Калашников, И. Коварский, Л. Коварская, Д. Ковенская, М. Ковенская, С. Комякова, С. Левина, И. Раузен, Л. Раузен, Р. Раузен, М. Муньес, Г. Слуцкий, Э. Слуцкая, А. Чернов, И. Чернова, Я. Юделевский (Там же). Пожалуй, это было последнее такое крупное выступление Партии социалистов-революционеров в ее долгой истории. Однако возобновить издание журнала "За свободу" старым эсерам было уже не суждено.

Даже в этом воззвании инициативной группы признавалось, что "партии социалистов-революционеров как организованного целого в настоящее время не существует" (**Там же**). Нью-Йоркская группа фактически осталась единственной из уцелевших к середине 1940-х гг. эсеровских организаций.

Последние оставшиеся в живых эсеры жили довольно тесным кругом, пытаясь помогать друг другу. Как показывают, в частности, материалы фонда И.Н. Коварского в Бахметевском архиве, в 1940-е гг. в Нью-Йорке существовал маленький эсеровский круг общения – И.Н. Коварский, В.М. Зензинов, М.В. Вишняк, В.М. Чернов...Эти люди, знавшие друг друга около полувека, регулярно встречались, дружили семьями, переписывались между собой (**См.: BAR. Ilya Nikolaevich Kovarsky papers. Box 1. Folder "Vishniak M. to Kovarskii, 1941-1944" и др.**). Как и старые меньшевики, проживали они относительно недалеко друг от друга (так, скажем, В.М. Зензинов и А.И. Чернов жили на Риверсайд-драйв). Из воспоминаний внука В.М. Чернова А.Б. Сосинского известно, что многолетний лидер ПСР жил очень бедно – "в очень плохом" районе Нью-Йорка Бронксе (где основную массу населения составляли афроамериканцы), в "маленькой, тесной и плохой квартире". "Фактически у него не было никаких собственных источников дохода, – вспоминал А.Б. Сосинский, – и его поддерживала еврейская община и родственники Иды Самойловны (третьей жены В. М. Чернова – прим. А. В. Антошина)" [6, с. 262].

В случае, если кто-то из эсеров узнавал о бедствовавших товарищах, то чаще всего пытался организовать им сбор средств или иную материальную помощь. При этом критерием выступал тот факт, что данное лицо являлось носителем той же идейно-политической традиции, относилось к тому же кругу, что и те, кто ему помогал. Характерно письмо одного из эсеров В. М. Зензинову, написанное в январе 1948 г., где содержалась просьба помочь бедствовавшей в Лондоне А. Болотиной. Последняя характеризовалась как "бывшая народоволка", которая судилась по одному процессу вместе с О. С. Минором. "Очень желательна крупа..., очень любит "гречневую кашу"...Просить сама она не способна и не будет", – указывал корреспондент В. М. Зензинова (**Борода – В. М. Зензинову. 05.01.1948 // BAR. Vladimir M. Zenzinov papers. Box 6. Folder "Correspondence. A-B"**).

Некоторые люди из эсеровского круга все-таки вынуждены были обращаться к товарищам. Так, в фонде В. М. Зензинова хранится не способное оставить равнодушным письмо старой эмигрантки С. Турчинович. Вспоминая времена их молодости, события, связанные со знаменитым "делом Азефа", она при этом писала: "Если бы Литературный фонд мог мне прислать (через банк, а не в конверте, чтобы не конфисковали денег) 20 долларов, то это позволило бы мне уплатить все долги и вернуться к моему обычному, хотя и полуголодному, существованию" (**С. Турчинович – В.М. Зензинову. 04.03.1951 // BAR. Vladimir M. Zenzinov papers. Box 38. Folder "Subject files: Liga borby za narodnuu svobodu (1951–1952). Correspondence. S-T"**).

В целом и без того немногочисленная, эсеровская эмиграция ослабла еще и в результате того, что часть ее членов оказалась захвачена волной "советского патриотизма". Часть бывших эсеров перешли на открыто просоветские позиции. Среди них были и те, кто долгие годы занимал в ПСР серьезные позиции. Таков В.В. Сухомлин [9], об отходе которого от позиции партии писал В.М. Зензинов Ф. Адлеру уже в январе 1941 г. (См.: **V. Zenzinov to F. Adler. 07.01.1941 // BAR. Vladimir M. Zenzinov papers. Box 43. Folder "SR Party – New York group (1940s). 3"**). В ноябре 1941 г. В.В. Сухомлин сам написал письмо своим многолетним товарищам по партии, где прямо заявил о наличии непреодолимых разногласий между ним и остатками ПСР (**В.В. Сухомлин – Нью-Йоркской группе ПСР. 10.11.1941 // Там же**).

Уход В. В. Сухомлина вообще создал для ПСР весьма серьезную проблему, поскольку он знал о месте хранения партийного архива. Он сообщил своему старому товарищу по партии В.И. Лебедеву, что "все бумаги спрятаны в сохранившем месте", но места этого он ему не назвал. Когда же в январе 1946 г. В.М. Зензинов высказал В.И. Лебедеву предположение, что В.В. Сухомлин мог передать эти бумаги в посольство СССР, то В.И. Лебедев заметил, что это вполне возможно (**К судьбе архива ПСР // BAR. Vladimir M. Zenzinov papers. Box 43. Folder "SR Party – New York group (1940s). 2"**).

При этом некоторые из ставших "советскими патриотами" не хотели порывать личных связей со своими старыми товарищами-эсерами, очень болезненно переживая тот факт, что последние отказывались общаться с "покрашенными" друзьями. Таков старый парижский эсер Л. П. Уманский. Летом 1945 г. он с интересом читал журнал "За свободу" и даже "умолял" В. М. Зензинова прислать ему еще номера (См.: **Выдержка из письма Л. П. Уманского В. М. Зензинову. 15.07.1945 // BAR. Vladimir M. Zenzinov papers. Box 43. Folder "SR Party – New York group (1940s). 2"**). Однако постепенно он переходил на просоветские позиции, работая в редакции известной газеты "Советский патриот". В июне 1946 г., за полгода до смерти, он написал отчаянное письмо В. М. Зензинову: "Вот уже 15 дней лежу в постели, был при смерти. Выскочил на сей раз...Мысли острее перебирают прошлое, черты его в лицах, кто был и есть так далеко и так тебе близки...Все это в прошлом. В настоящем – грусть, тоска по старым товарищам, грусть по дружбе их и ужасная печаль за их молчание. Я нарочно попросил дать мне памятки моей, вернее, Вашей дружбы – карточки от Ваших посылок... "Зензинов", сказано в карточке, идет перечисление посылавшихся Вами, добрый мой, вещей...Слезами моими орошались невольно эти посылки: чувствую, что я не забыт. Но почему же, Бог мой, ни одного слова – ни ответа, ни привет...Как не вздрогнуть было при мысли: "Где же они, эти мои товарищи?". У меня такое чувство, что проживу не долго. Как был бы счастлив получить от Вас пару слов. Я боюсь, что относительно меня Вы клеветнически информированы...Что же мне делать? Как верить в правоту идей, будучи эсером, как признать во время войны, что моя эсеровская ставка на Россию бита и Россия для меня приемлема та, которую я вижу сейчас. Она в борении превозмогла, а сейчас превозмогает не чужеродные веления, а свое собственное, родное ей. Так пусть она и выходит на верно отмеченную ею же дорожку. Поможем ей, а не мешать будем ей" (См.: **Л.П. Уманский – В.М. Зензинову. 27.06.1946 // BAR. Vladimir M. Zenzinov papers. Box 6. Folder "Correspondence G-L"**). Заметим, что содержание письма показывает: В. М. Зензинов продолжал материально помогать своему старому другу даже после того, как тот перешел на открыто просоветские позиции. Однако душевной близости между старыми друзьями уже не было, общаться с Л.П. Уманским В.М. Зензинов не хотел, и это-то и огорчало больше всего его друга.

Самого В.М. Зензинова угнетало то обстоятельство, что в первые послевоенные годы, как и в 1920-1930-е гг., в эмиграции не было внутреннего единства. Все призывы наладить диалог с представителями иных политических течений оказывались тщетными. По этому поводу старый эсер горько сетовал в письме В.Н. Петрову в 1947 г.: "Вот уже который раз приходится наблюдать такой факт: приезжают люди из России в Европу или Америку и, прежде всего, обрушиваются на все течения русской эмиграции за то, что среди них нет единодушия в общем деле. Упрек совершенно справедливый. Но когда сами же они призывают к единению для общей борьбы, делают это так, что разье-

динение усиливается – начинаются прежде всего попреки, взаимная критика... Я вовсе не хочу сказать, что мы обязательно должны соглашаться во всем друг с другом, но мы должны искать друг в друге то, что нас соединяет, а не то, что нас разъединяет... Откуда такая раздражительность и нетерпимость?" **(В.М. Зензинов – В. Н. Петрову. 27.10.1947 // Там же).**

Как и у меньшевиков, были у старых эсеров, конечно, и связи вне круга членов партии. Следует учесть, что члены Заграничной делегации (ЗД) РСДРП и Нью-Йоркской группы ПСР были только частью российской демократической эмиграции. С ними взаимодействовали те представители эмигрантской интеллигенции, которые, придерживаясь демократических взглядов, не входили в состав партийных организаций. Некоторые из них давно отошли от повседневной эмигрантской политики, но сохраняли приверженность идеям свободы и демократии. Таков известный писатель М.А. Алданов, когда-то входивший в состав Трудовой народно-социалистической партии (энесов). В 1940-е гг. энесы представляли собой уже лишь фикцию, воспоминание о временах русских революций начала XX в. Но М.А. Алданов продолжал общаться с теми, кто когда-то, как и он, был приверженцами неонароднической идеологии. Так, он поддерживал связь с И.Н. Коварским, обсуждая, в частности, возможность привлечения его в состав авторов "Нового журнала" (См.: **BAR. Iliia Nikolaevich Kovarsky papers. Box 1. Folder "Aldanov M. A. to Kovarskii I. N."**).

Тем не менее, Нью-Йоркская группа ПСР после Второй мировой войны фактически держалась на энергии и энтузиазме В.М. Зензинова и нескольких его старых товарищей. В.М. Зензинов был членом множества фондов, комитетов и т.д., однако его силы были не беспредельны. В 1945 г. В.М. Вишняк так писал об этом: "Если человек должен на заработок тратить 6 часов в день и к тому же председательствует и руководит "Надеждой", пакует посылки Литературного Фонда, пишет книгу об Авксентьеве, распространяет "Встреча с Россией", переписывает эпистолярную литературу из Франции и т.д., и т.д., то на другое, хотя бы то касалось и общественного дела, издания "За свободу", его не хватает" **(М.В. Вишняк – И.Н. Коварскому. 19.11.1945 // BAR. Iliia Nikolaevich Kovarsky papers. Box 1. Folder "Vishnyak M. V. to Kovarskii, Apr.-Dec. 1945")**. "Где смена? – грустно вопрошал М.В. Вишняк своего старого товарища И.Н. Коварского. – Мы устали, постарели" **(Там же)**.

Однако именно состояние, в котором находилась эсеровская эмиграция, возможно, способствовало достижению договоренностей между ее лидерами и ЗД РСДРП. В те времена, когда эсеры представляли собой реальную политическую силу, они могли отстаивать свои неонароднические идеалы, стремиться к сохранению своей идентичности. Теперь все это потеряло значение. Старых русских социалистов оставалось так мало, что естественно вставал вопрос об определенной координации их усилий. Тем более, что меньшевики, обладавшие разнообразными международными связями, иногда могли быть полезными для старых неонародников. Так, например, в 1947 г. А.И. Чернов просил В.М. Зензинову выслать журнал "За свободу" А.Г. Алексееву, подчеркивая: "Это товарищ из с.-д., находится переводчиком в Берлине" **(См.: А.И. Чернов – В.М. Зензинову. 10.07.1947 // BAR. Vladimir M. Zenzinov papers. Box 44. Folder "Za svobodu (journal). Correspondence. C-F")**. В условиях, когда именно Германия была главным фронтом холодной войны, возможность доставить эсеровское издание в Берлин была очень привлекательной.

Вполне естественно, что наиболее активно проекты политического объединения меньшевиков и эсеров выдвигали те политические деятели, которые еще в 1917 г. были лидерами "объединенной демократии". Особое место среди них занимал И.Г. Церетели. По словам известного меньшевика Б.И. Николаевского, И.Г. Церетели еще в 1948 г. в качестве "ближайшей задачи" выдвигал создание меньшевистско-эсеровского центра. С ним были солидарны и сам Б.И. Николаевский, и другие меньшевики – Ю.П. Денике и С.Ю. Волин. При этом инициаторы этого проекта прекрасно понимали, что реальной политической роли этот союз играть не будет в силу ничтожности эсеров: "теперь с-р фикция", замечал Б.И. Николаевский в письме Д.Ю. Далину, "но для внешнего мира это звучит очень хорошо" **(Б.И. Николаевский – Д.Ю. Далину. 13.12.1948 // НИА. Boris I. Nicolaevsky collection. Ser.248. Box 477.**

Folder 3). Иными словами, данный проект заранее был рассчитан на внешний пропагандистский эффект: объединение двух крупнейших социалистических партий России в едином антибольшевистском блоке выглядело красиво. Впрочем, даже сам И.Г. Церетели понимал, что в плане реальной политики этот проект не мог являться самоцелью. Для него это был лишь шаг на пути достижения более важной задачи – создания "международного центра социалистической России" (Там же).

Зачастую лишь юбилеи старых эсеровских вождей были теми событиями, когда Нью-Йоркская группа ПСР могла напомнить о своем существовании более широким кругам эмигрантской общественности. Однако характерно, что в качестве организаторов подобных торжеств выступали не только эсеры, но и Нью-Йоркская группа РСДРП. Именно так в феврале 1949 г. в нью-йоркском "Мастер отеле" на Риверсайд драйв торжественно отмечалось 75-летие В. М. Чернова. На мероприятие приглашались друзья юбиляра из "социалистических кругов Нью-Йорка", среди докладчиков были Р. А. Абрамович и И. Г. Церетели (**См.: Материалы по организации вечера к юбилею В. М. Чернова // VAR. Vladimir M. Zenzinov papers. Box 43. Folder "SR Party – New York group (1940s). 2"**), Фактически именно такие мероприятия становились наиболее удобными площадками для сближения старых эсеров и меньшевиков.

Впрочем, очевидно, что партнерство меньшевиков и эсеров после Второй мировой войны не могло быть равноправным: старшим партнером в коалиции, конечно, выступала ЗД РСДРП. Это обстоятельство несколько обижало лидеров Нью-Йоркской группы ПСР, что иногда "пробивалось" и на страницах личной переписки. Так, в ноябре 1950 г. М.В. Вишняк с обидой пенял лидеру эмигрантского меньшевизма Р.А. Абрамовичу на то, что последний в своем выступлении на одном из совместных мероприятий все время подчеркивал роль РСДРП в русском революционном движении, а партия эсеров "ни словом ни в каком сочетании не была упомянута". При этом М.В. Вишняк указывал: "Я никогда не был фанатическим "партийцем" и сейчас не ощущаю себя таковым. Но я был и остаюсь эсером..." (**М.В. Вишняк – Р. Абрамовичу. 11.11.1950 // VAR. Vladimir M. Zenzinov papers. Box 37. Folder "Subject files: Liga borby za narodnuiu svobodu. 2"**).

Тем не менее процесс сближения эсеров и меньшевиков после войны действительно стал развиваться очень стремительно. Впоследствии М.В. Вишняк заметил, что у него именно с этого времени "почти каждый номер" меньшевистского "Социалистического вестника", в отличие от прошлого, вызывал одобрение, а то и восхищение...Недолго прошло, и я стал сотрудничать в "Вестнике" – не эпизодически или в "Свободной трибуне", а часто, из номера в номер, а потом стал участником редакционных совещаний "Вестника" [4].

В конечном итоге этот процесс закончился в 1952 г. заявлением 14 старых социалистов о необходимости создания в будущей России единой социалистической партии. Однако их оппоненты, естественно, не могли не отметить, что и в этом заявлении не произошло разрыва старых русских революционеров со своим прошлым, с тем, что начиная с середины XIX в. составляло сущность их мировоззрения [10].

Так в начале 1950-х гг. закончилась история эсеров – одной из первых политических партий России. Однако ее наследие "не кануло в лету": она стала ориентиром для некоторых подпольных молодежных кружков в Советском Союзе, а впоследствии – для деятелей диссидентского движения. История "левой альтернативы" актуальна и в современной России: неслучайно некоторые политические силы вновь стремятся использовать аббревиатуру "С.Р.". Данное обстоятельство свидетельствует о том, что история эсеровской партии, в том числе и ее эмигрантских группировок, еще не раз будет объектом внимания исследователей.

Литература

1. Аврус А. И., Новиков А. П. Эсеровский журнал "За Свободу" о внутренней и внешней политике СССР в годы Великой Отечественной войны // Военно-исторические исследования в Поволжье. Саратов: Изд-во Саратовского ун-та, 2003. Вып. 5. С. 313–323.

2. Аноприева Г., Ерофеев Н. Партия социалистов-революционеров // Политические партии России. Конец XIX – первая треть XX в. Энциклопедия. М.: РОССПЭН, 1996. С. 433–452.
3. Базанов П. Н. Издательская деятельность политических организаций русской эмиграции (1917–1988 гг.). СПб.: СПбГУКИ, 2008. 468 с.
4. Вишняк М. В. Памяти Б. И. Николаевского // Новое русское слово. 1966. 29 марта.
5. Коновалова О. В. Эсеровская эмиграция о роли СССР во Второй мировой войне // Великая Отечественная война 1941–1945 гг.: 60 лет Победы. Мат-лы конф. Красноярск: Красноярский государственный педагогический университет им. В.П. Астафьева, Сибирский юридический институт МВД России, 2005. С. 271–283.
6. Сосинский А. Б. Мой дед эсер В. М. Чернов (по семейным и личным воспоминаниям) // Судьбы демократического социализма в России. Сб. мат-лов. конф. М.: Изд-во им. Сабашниковых, 2014. С. 256–263.
7. Суслев А. Ю. Общероссийские социалистические партии после Октября 1917 г. в российской историографии: Автореф. дис... докт. ист. наук. Казань, 2014. 53 с.
8. Суслев А. Ю. Социалистические партии в Советской России: отечественная историография. Казань: Изд-во Казанского ун-та, 2006. 292 с.
9. Сухомлин В. В. Гитлеровцы в Париже // Новый мир. 1965. № 11. С. 111–156.
10. Херасков И. Единая социалистическая... // Возрождение. 1953. № 1. С. 163–166.
11. Янсен М. Социалисты-революционеры в эмиграции, начиная с 1925 г. // Партия социалистов-революционеров после октябрьского переворота 1917 г. Амстердам, 1989. С. 735–757.

References

1. Avrus A.I., Novikov A.P. Socialist-Revolutionary magazine "For Freedom" about the domestic and foreign policy of the USSR during the Great Patriotic War // Military-historical research in the Volga region. Saratov: Saratov Univ. publishing, 2003. Vol. 5. P. 313–323. (In Russ.).
2. Anoprieva G., Erofeev N. Party of Socialists-Revolutionaries // Political parties of Russia. The end of XIX – first part of XX centuries. Moscow: ROSSPEN, 1996. P. 433–452. (In Russ.).
3. Bazanov P. N. Publishing activity of political organizations of Russian emigration (1917–1988). Saint-Petersburg, 2008. 468 p. (In Russ.).
4. Vishnyak M. V. Pamyati B. I. Nicolaevskogo // Nvoe Russkoe Slovo. 1966. March 29. (In Russ.).
5. Konovalova O. V. Socialist-Revolutionary emigration on the role of the USSR in World War II // Great Patriotic War 1941–1945: 60 years of Victory. Krasnoyarsk: Krasnoyarsk State Pedagogical Univ., 2005. P. 271–283. (In Russ.).
6. Sosinsky A. B. My grandfather is a Social Revolutionary V. M. Chernov (according to family and personal memories) // The fate of democratic socialism In Russia. Moscow: Sabashnikovs publishing, 2014. P. 256–263. (In Russ.).
7. Suslov A. Ju. All-Russian socialist parties after October 1917 In Russian historiography. Kazan, 2014. 53 p. (In Russ.).
8. Suslov A. Ju. Socialist parties in Soviet Russia: Russian historiography. Kazan: Kazan Univ. publ., 2006. 292 p. (In Russ.).
9. Suhomlin V. V. Nazis in Paris // Novy mir. 1965. № 11. P. 111–156. (In Russ.).
10. Heraskov I. United socialist... // Vozrojenie. 1953. № 1. P. 163–166. (In Russ.).
11. Jansen M. Socialist-Revolutionaries in Emigration since 1925 // Party of Socialist-Revolutionaries after the October Revolution of 1917. Amsterdam, 1989. P. 735–757. (In Russ.).

Информация об авторах

Алексей Валерьевич Антошин, д-р. ист. наук, профессор кафедры востоковедения Уральского федерального университета им. Первого Президента России Б.Н. Ельцина, Екатеринбург, Россия, e-mail: alex_antoshin@mail.ru

Information about the authors

Alexey V. Antoshin, Doctor of Historical Sciences, Professor, Department of Oriental Studies, Ural Federal University named after the First President of Russia B.N. Yeltsin, Yekaterinburg, Russia, e-mail: alex_antoshin@mail.ru

Поступила в редакцию 16.01.2023

Одобрена после рецензирования 17.11.2022

Принята к публикации 16.02.2023

Received 16.01.2023

Approved 17.11.2022

Accepted 16.02.2023

Научная статья
УДК 947.084:314.743(94)
<https://doi.org/10.24866/1998-6785/2023-1/49-58>

Памятная дата – 100-летие исхода Сибирской флотилии из Владивостока в русских периодических изданиях Австралии: газета "Единение" (г. Сидней), журнал "Австралийская лампада" (г. Брисбен)

Инесса Константиновна Капран
Общество изучения Амурского края, Владивосток, Россия;
Владивосток, Россия, kapran@mail.ru

Аннотация: В октябре 2022 г. русская эмиграция отметила памятную дату – 100-летие исхода Сибирской флотилии из Владивостока и окончание Гражданской войны на Дальнем Востоке России. В Австралии проживают потомки участников тех событий, которые часто называют дальневосточным исходом. В статье анализируются публикации периодических изданий газеты "Единение" (г. Сидней) и журнала "Австралийская лампада" (г. Брисбен) о мероприятиях, посвященных этой дате, а также личные истории иммигрантов как часть формирования "места памяти" для русских жителей Австралии.

Ключевые слова: русская иммиграция в Австралии, дальневосточный исход, историческая память, периодические издания русских иммигрантов в Австралии, "места памяти".

Для цитирования: Капран И. К. Памятная дата – 100-летие исхода Сибирской флотилии из Владивостока в русских периодических изданиях Австралии: газета "Единение" (г. Сидней), журнал "Австралийская лампада" (г. Брисбен) // Ойкумена. Регионоведческие исследования. 2023. № 1. С. 49–58. <https://doi.org/10.24866/1998-6785/2023-1/49-58>

Original article
<https://doi.org/10.24866/1998-6785/2023-1/49-58>

Memorable date – the 100th anniversary of the exodus of the Siberian flotilla from Vladivostok In Russian periodicals of Australia: the newspaper "Unity" (Sydney), the magazine "Australian Lamp" (Brisbane)

Inessa K. Kapran
Society for the Study of the Amur Territory,
Vladivostok, Russia, kapran@mail.ru

Abstract. In October 2022, Russian emigration celebrated the 100th anniversary of the exodus of the Siberian flotilla from Vladivostok and the end of the Civil War in the Russian Far East. In Australia, there are descendants of participants in those events, which are often called the Far Eastern outcome. The article analyzes the publications of the periodicals of the newspaper "Unification" (Sydney) and the magazine "Australian Lamp" (Brisbane) about events dedicated to this date, as well as the personal stories of immigrants as part of the formation of a "place of memory" for Russian residents of Australia.

Key words: Russian immigration in Australia, Far Eastern exodus, historical memory, periodicals of Russian immigrants in Australia, "places of memory"

For citation: Kapran I. K. Memorable date – the 100th anniversary of the exodus of the Siberian flotilla from Vladivostok In Russian periodicals of Australia: the newspaper "Unity" (Sydney), the magazine "Australian Lamp" (Brisbane) // Ojkumena. Regional researches. 2023. No. 1. P. 49–58. <https://doi.org/10.24866/1998-6785/2023-1/49-58>

В октябре 2022 г. исполнилось сто лет исходу Сибирской флотилии под командованием контр-адмирала Г.К. Старка из Владивостока. Это событие завершило период Гражданской войны в России и историю белой Приамурской государственности 1921–1922 гг. как последнего очага антибольшевистского сопротивления. Дальневосточный исход в составе более 10 тысяч человек происходил морским путем на кораблях Сибирской флотилии и присоединившимся к ним судам Доброфлота и частных компаний, а также и сухопутным путем через китайскую границу. Подробный отчет о деятельности Сибирской флотилии за период 1920–1924 гг. и о дальневосточном исходе был написан Г.К. Старком (1878–1950) в эмиграции в Париже и опубликован в полной версии в книге "Старк Ю.К. Последний оплот. Отчет о деятельности Сибирской флотилии 1920-1924" [12]. Участники дальневосточного исхода дополнили ряды русской эмиграции в Китае и США, впоследствии многие из них и их потомков оказались в Австралии, в связи с новой волной эмиграции из Китая с середины 1950-х до второй половины 1980 гг. [3, с. 362]. Наиболее полным научным исследованием в российской историографии о становлении русской диаспоры в Австралии с конца XIX в. до второй половины 80-х гг. XX в. является монография Г.И. Каневской, в которой проанализированы периоды иммигрантских волн, общественно-политическая и культурно-просветительская деятельность русских общин на пятом континенте [3]. По данным Г.И. Каневской, с 1952 по 1986 гг. из Китая в Австралию прибыло 15 тыс.

человек, преимущественно русских [3, с. 173]. По мнению автора монографии, "издательская деятельность русских в Австралии способствовала становлению общественной и культурной жизни русской диаспоры" [3, с. 61]. Представители иммиграции также внесли свой вклад в изучение истории русских иммигрантов в Австралии публикацией 4-х томного издания "История русских в Австралии" с 2004 по 2013 гг., подготовленного и изданного редакцией журнала "Австралиада – русская летопись" под руководством редактора Н.А. Мельниковой [2]. В этом издании были тематически обобщены в разделы и тома материалы: воспоминания, исторические и биографические очерки, фотографии, собранные редакцией журнала и представляющие "свой" взгляд как на исторические события в России, повлекшие волны эмиграции, так и на периоды формирования и условия жизни русских общин в Австралии. В данном издании подчеркивается большое значение периодических изданий и литературного творчества для сохранения этнической идентичности и исторической памяти в среде русских австралийцев об исторических событиях, связанных с эмиграцией из России, и судьбах представителей старшего поколения. Этому вопросу посвящен отдельный раздел во втором томе "История русских в Австралии" [2, с. 161].

Автор данной статьи также уделяла внимание в своих исследованиях значению периодических изданий в сохранении исторической памяти о послереволюционной эмиграции из России и соотносила ее с концепцией французского философа Пьера Нора о "местах памяти" [4]. Термин "место памяти" был предложен П. Нора в 1980-е гг. применительно к истории Франции [11, с. 17-50]. Концепция ученого построена на противопоставлении истории, основанной на фактах, и памяти как экзистенциального опыта, который бывает как коллективным, так и индивидуальным. "Места памяти" позволяют осуществить идентификацию субъекта с той или иной общностью. К числу таких мест относят музеи, памятные даты, праздники, ритуалы и тексты, в данном случае особое значение имеют мемуары и воспоминания. Система "мест памяти" отсылает к событиям прошлого и вызывает эффект сопричастности с историческими событиями.

По нашему мнению, периодические издания русских иммигрантов в Австралии являются таким "местом памяти", так как большинство публикаций в изданиях посвящены событиям прошлого, тесно связаны с революцией в России 1917 г. и последующей гражданской войной. Для потомков послереволюционной российской эмиграции эти публикации способствовали формированию в среде молодого поколения этнической идентичности, их пониманию необходимости сохранить русскую культуру, православную веру и традиции, в какой бы стране мира они ни проживали по воле судьбы.

Истории дальневосточного исхода из Владивостока в 1922 г. были посвящены многие публикации, основанные на воспоминаниях участников дальневосточного исхода и их потомков в журнале "Австралиада – русская летопись". Русское историческое общество в Австралии было основано Анатолием и Ольгой Закрочимскими, а также Петром и Кирией Татариновыми в 1994 г. В том же году по инициативе Н. А. Мельниковой с целью сбора и публикации информации о жизни и достижениях русских в Австралии был учрежден журнал "Австралиада – русская летопись", который на протяжении 25 лет выходил ежеквартально. Деятельность журнала была отмечена Министерством иностранных дел России. **(Буклет. "Австралиада-Русская летопись и Русское историческое общество в Австралии. 25 лет. 1994-2019." Сидней, 2019. Из архива автора).**

К 90-летию дальневосточного исхода в 2012 г. Русское Историческое Общество в Австралии издало тематический сборник "90-летие Великого Исхода Белых Русских из Владивостока 1922–2012. В память наших отцов и дедов, покинувших свою родину навсегда. Сборник статей и воспоминаний", в котором были собраны воспоминания некоторых участников этого события [1]. В честь 100-летия дальневосточного исхода в 2022 г. этот сборник планируется переиздать с некоторыми дополнениями. Памятная дата 100-летия исхода Сибирской флотилии из Владивостока отмечалась в России выставками и конференциями. Однако, на наш взгляд, большое значение имеет эта памятная дата в среде потомков участников дальневосточного исхода, как

"место памяти", которое будет передано последующим поколениям русских в Австралии.

Благодаря развитию информационных технологий публикации о событиях из жизни русских австралийцев стали доступны на сайтах русскоязычных периодических изданий Австралии. Источниками для написания данной статьи послужили публикации, размещенные на сайтах общеавстралийской русскоязычной газеты "Единение" (г. Сидней) – была основана в 1950 г. [5], а также нравственно-образовательного журнала "Австралийская лампада" (г. Брисбен), который учрежден Л.Л. Ларкиной в 2009 г. [7]. Кроме того, для написания статьи использована переписка за период октябрь-ноябрь 2022 г. с представителями русской иммиграции Австралии из личного архива автора статьи – Капран И.К., сведения из которой, впервые вводятся в научный оборот. Публикация сведений об указанных мероприятиях в среде русских австралийцев содержат личные истории, мнения, воспоминания, которые могут быть использованы российскими исследователями для анализа восприятия событий столетней давности, связанных с дальневосточным исходом, в современной среде русской иммиграции в Австралии.

В публикации на сайте газеты "Единение" за 18 ноября 2022 г., в статье редактора Владимира Кузьмина (по материалам И. Аполлоновой, К. Татариновой, А. Ивачева) сообщается о торжественном мероприятии 12 ноября 2022 г., состоявшемся в зале Русского клуба в Сиднее, которое подготовили и провели члены Русского исторического общества в Австралии к 100-летию дальневосточного исхода из Владивостока [5].

В статье В. Кузьмина указывается: "12 ноября в Русском клубе Сиднея собрались люди нашей общины, чтобы почтить память незабываемых событий 100-летней давности, исхода флотилии кораблей под предводительством контр-адмирала Старка из Владивостока, увозившей части Белой армии и мирное население. Родственники некоторых людей, собравшиеся в этот день в Русском клубе, покидали родину в 1922 г. на кораблях Сибирской флотилии" [5]. В подготовке памятного мероприятия, выпуске Юбилейной медали и издания юбилейной брошюры (на русском и английском языках) приняли участие члены Русского исторического общества в Австралии: Ирина Аполлонова, Кира Татаринова, Алексей Ивачев, Людмила Ангус, Борис Быданов, Константин Зиссерман [5]. На встрече с представителями русской общины Сиднея в Русском клубе присутствовал журналист из Владивостока Игорь Петренко редактор журнала "Клуб директоров". Выступление с историческим обзором событий для мероприятия подготовила Ирина Аполлонова. Присутствовавшим на встрече были зачитаны приветственные сообщения из г. Москвы от Дома русского зарубежья имени А.И. Солженицына (*ред. авт.*), из г. Владивостока от Дальневосточного информационно-культурного центра "Русское зарубежье" Приморского краевого отделения Русского географического общества-Общества изучения Амурского края, от редактора журнала "Австралийская лампада" Людмилы Ларкиной из г. Брисбена (*ред. авт.*) [5].

В мероприятии впервые прозвучали личные истории людей, чьи отцы и деды участвовали в этой завершающейся части Гражданской войны и вынуждены были покинуть Родину. По мнению автора данной статьи, эти сведения стали примером устной истории, сохраненной потомками участников тех событий с яркими акцентами повседневной жизни того времени, дополняющими официальные исторические факты. Устная история в изложении воспоминаний о трагической странице российской истории в среде русской иммиграции в Австралии способствует формированию коллективной памяти и консолидации этнического сообщества.

Так, в статье сообщается о том, что "отец Никиты Михайловича Серебрякова, штабс-капитан, воевал против немцев в Первую мировую войну, затем в армии Колчака участвовал в Ледовом походе через Сибирь и Байкал. В 1922 г. он вместе с войсками перешел в Никольск-Уссурийске границу и оказался в Китае" [5]. "Дед Константина Матвеева – генерал-лейтенант Константин Сахаров, участник Русско-японской и Первой мировой войн, а также Гражданской войны, включая Сибирский Ледовый поход. Отец Киры Дмитриевны Татариновой, Дмитрий Константинович Кротков, 19-летним юношей после окончания срочного годичного курса Иркутского военного училища был послан на фронт. Он начал свою военную карьеру в Тобольске. А

затем отходил вместе с войсками Колчака на Восток. Белым войнам и тысячам беженцев приходилось передвигаться вдоль железнодорожного пути. Люди и лошади шли без достаточного питания, у войска не было хорошего обмундирования, проходили они долгие переходы по болотам и через реки, проваливаясь в полужамёрзшую воду. Холода наступили такие, что, по рассказам Дмитрия Кроткова, тогда молодого казака-сотника, всадники вынуждены были время от времени слезать с лошадей и бежать рядом с ними, чтобы не замёрзнуть. Температура доходила до минус 50 градусов. Были случаи, когда молодые юнкера, не сделавшие этого, замерзали до смерти, сидя в седле" [5]. Ирина Аполлонова в своем докладе рассказала, что отход белых частей впоследствии был назван "Крестовым ледяным походом": "Самый ужасный этап похода был, когда войска пришли на берег озера Байкал. Озеро нужно было переходить по льду – чехи и красные партизаны перекрыли другие пути. На Пасху 1920 г. где-то между разъездом Кука и станцией Яблоновой в Забайкалье был убит старший брат её отца, подпоручик Аркадий Аполлонов, выпускник Читинского военного училища, успевший уже отличиться в боях, за что получил Георгиевский крест. Ему было тогда не более двадцати лет" [5].

В октябре 1922 г., когда войска красных приближались к Владивостоку, контр-адмиралу Г. К. Старку, командующему Сибирской военной флотилией, был дан приказ Правителем Приамурского Земского Края и Воеводой Земской Рати генерал-лейтенанта М. К. Дитерихса готовить корабли для эвакуации [12, с. 263-266].

"Часть беженцев, у которых были деньги, смогли покинуть Владивосток на частных пароходах, направляясь главным образом в Шанхай. Остальные пытались уехать с войсками. Людей грузили с минимумом вещей на военные корабли, не приспособленные для перевозки пассажиров и перегруженные военными грузами..." [5].

Так, житель Сиднея Роман Перминов, рассказывал "историю своей бабушки, которая стояла на причале с двумя маленькими детьми. Над ней жалился какой-то моряк, ринулся вниз по трапу, схватил их и притащил на палубу судна "Манджур". За ней подняли трап, и в следующую минуту корабль отчалил от пристани" [5]. Кира Татаринова рассказывала, что "в то время её свекру Сергею Петровичу Татаринову было 15 лет, он был кадетом Хабаровского корпуса. Со своими друзьями он сидел всю ночь под дождем на берегу Русского острова, ожидая корабля. Его с братом вывезли на судне "Патрокл" 25 октября, в тот же день, когда красные вошли во Владивосток" [5]. Флотилия под командованием контр-адмирала Г.К. Старка вышла в открытое море. Командование флотилией не знало, какое государство примет русских беженцев и как сложится их судьба. Первой остановкой был ближайший от Владивостока порт Гензан на северном побережье Кореи, которая с 1910 г. была колонией Японии [12, с. 291-295]. "...Японцы позволили сойти на берег беженцам, кадетам и части разоружённых военных. Их поместили в карантинных деревянных бараках, построенных наспех, с огромными щелями и земляным полом. Провизии выдали мало, питания не хватало. Чины групп генералов Лебедева и Глебова нанялись на чёрную работу, предоставленную японцами, по рытью оросительных канав и постройке железнодорожной насыпей, на заработок покупали питание для всех беженцев. Люди начали болеть, появились эпидемии тифа, скарлатины и кори. Болезни уносили людей, главным образом детей. Около Гензана выросло русское кладбище. Оставив часть гражданских пассажиров и некоторых военных на суше, флотилия опять вышла в море. За всю эвакуацию единственная поддержка Старку была оказана русским морским агентом (*ред. авт.* Назначен по приказу А.В. Колчака в 1919 г.) контр-адмиралом Б.П. Дудоровым из Токио. Он смог договориться с американским послом о возможности принятия русских кораблей и беженцев в Маниле на Филиппинах" [5]. Г.К. Старк решил вести большую часть флотилии в Манилу, но зайти по дороге в Шанхай, где оставить там тех, кто хотел этого. В Шанхай вышло 16 кораблей. Корабли попали в сильнейший шторм. Канонерская лодка "Лейтенант Дыдымов" затонула по пути в Шанхай. На корабле погибли все – 23 кадета Хабаровского и Омского корпусов, 6 женщин, командир корабля, командир 3-го дивизиона, 9 офицеров, 3 гардемарина, 34 члена команды [12, с. 314-315].

Отец Киры Дмитриевны Татариновой – Дмитрий Константинович Кротков был адъютантом генерал – лейтенанта Ф. Л. Глебова (1888–1945). Он рассказывал своей дочери, что, "прибыв в Шанхай местные власти, вначале потребовали, чтобы они ушли. Глебов ответил, что им некуда идти, и отказался спустить флаги и сдать оружие. Со временем малым группам позволяли выходить на берег. Простояли они там 40 месяцев, голодали, болели и умирали. А когда городу понадобилась защита, то вспомнили о тренированных и вооруженных русских воинах. Генерал Глебов согласился помочь, с условием, что офицеры остаются на своих постах. Они так хорошо выполнили задание, что им была предложена постоянная служба. Был создан Шанхайский Русский полк, который просуществовал до 1945–47 гг." [5].

Часть кораблей флотилии контр-адмирала Г. К. Старка покинули Шанхай и пошли в Манилу (Филиппины). По прибытии морякам и их семьям оказали помощь местные население и американский Красный Крест. Контр-адмирал Г.К. Старк продал оставшиеся корабли и разделил эту сумму средств между всеми оставшиеся с ним людьми. Г.К. Старк уехал во Францию, работал там шофёром такси и возглавлял воинские объединения, умер в 1950 г. [12, с. 494].

"В эти дни в России, в Москве в Доме русского зарубежья, во Владивостоке проходят выставки, обсуждения и "круглые столы", посвященные этой дате. Участвовали в них (он-лайн ред.авт.) и потомки участников дальневосточного исхода – Кира Дмитриевна Татаринова, Татьяна Сергеевна Гартунг", – рассказала собравшимся людям в Русском клубе И. Аполлонова [5].

В своем письме Капран И.К. от 12 ноября 2022 г. Алексей Петрович Ивачев дополнил информацию о торжественном событии 12 ноября 2022 г. в Русском клубе: "Началось мероприятие с молебна, на встрече были зачитаны приветствия из Владивостока (в сокращенном виде), Москва (ДРЗ), Брисбена (видео). Длилось мероприятие около 4 часов. Выступила с основным докладом - ведущая Ира Аполлонова. После этого был показан мой 17 мин. ролик. После перерыва были другие выступления. Интересные экспонаты из коллекции наград и холодного оружия были представлены Борисом Быдановым. Зал был красиво оформлен. Тёплая, доброжелательная атмосфера. Была представлена масса фотографий, продавались по себестоимости юбилейные публикации и медали Русского исторического общества в Австралии. Помощники мероприятия получили подарки и цветы. Многие после окончания заседания остались в клубе ещё так на час для общения и чаепития. Выдавался при входе лотерейный билетик, что позволило зафиксировать количество гостей - около 70 человек. Присутствовали внуки и правнуки атамана Г. М. Семёнова, внук генерала К.В. Сахарова и др." (**Письмо Капран И.К. от Алексея Петровича Ивачева, 12 ноября 2022 г., г. Сидней. Из архива автора**).

А.П. Ивачев многие годы занимается исследованием захоронений русских иммигрантов послереволюционной волны на кладбище Руквуд в Сиднее. Благодаря его кропотливой работе стало известно, что судьбы многих участников белого движения в конце их жизненного пути были связаны с Австралией. Некоторые фамилии сообщены в тексте Приветственного адреса от Русского исторического общества в Австралии, подписанного членами правления (Кира Татаринова, Ирина Аполлонова, Татьяна Худоногова), отправленного на открытие 5 октября 2022 г. выставки во Владивостоке "Последний исход. Владивосток 1922–2022", которая была подготовлена Дальневосточным информационно-культурным центром "Русское зарубежье" Приморского краевого отделения Русского географического общества – Общества изучения Амурского края на площадке Арт-галереи "Централь" (ул. Светланская, д.11).

Цитата: "...Сейчас мы также готовимся отметить нынешнее 100-летие исторического исхода из Владивостока. Вспомним и помянем всех тех, кто тогда эвакуировался из Приморья, эмигрировал в Австралию и умер здесь. Их было много. Назовём только некоторых из них (из списка местного исследователя А. Ивачёва):

1. Капитан 1-го ранга ФОМИН, Николай Георгиевич (1888–1964)
2. Капитан 2-го ранга ВАКСМУТ Анатолий Петрович (1889–1973)
3. Подпоручик ВАСИЛЬЕВ, Николай Николаевич (1889–1970)
4. Гардемарин КАЗАНСКИЙ, Лев Владимирович (1900–1976)

5. Лейтенант КАМПЕР, Андрей Матвеевич (1901–1981)
6. Сотник СКВ КРОТКОВ, Дмитрий Константинович (1898–1960)
7. Лейтенант КУРОВ, Сергей Владимирович (1895–1973)
8. Старший лейтенант РИФ КУРОШ, Андрей Фёдорович (1897–1957)
9. Мичман ЛАБЗИН, Борис Мартемьянович (1896–1972)
10. Мичман ЛЮБАРСКИЙ, Константин Алексеевич (1897–1963)
11. Старший гардемарин МЕДЕМ, барон Алексей Павлович (ск. 1974)
12. Мичман МОТЫЛЁВ, Владимир Капитанович (ск. 1955)
13. Старший лейтенант НЕСТЕРОВ, Михаил Иванович (1893–1976)
14. Полковник СТЕПАНИЩЕВ, Николай Михайлович (1899–1970)
15. Мичман ТРЕГУБОВ, Владимир Иванович (–1935)
16. Мичман ФАДДЕЕВ, Владимир Порфирьевич (1897–1982)
17. Лейтенант ХОЛОДКОВСКИЙ, Игорь Александрович (ск. 1954)..."

(Приветственный адрес от Русского исторического общества в Австралии, на открытие 5 октября 2022 г. выставки во Владивостоке "Последний исход. Владивосток 1922 – 2022". Из архива автора).

Таким образом, публикация в газете "Единение" и личные впечатления Алексея Петровича Ивачева о мероприятии в честь 100-летия дальневосточного исхода в Сиднее дополняют уже известные сведения по поводу хронологии событий дальневосточного исхода и отражают процесс сохранения исторической памяти не только потомками участников дальневосточного исхода, но и популяризируют эту информацию через периодическую печать в современной среде русской иммиграции в Австралии.

О торжественном мероприятии к 100-летию дальневосточного исхода из Владивостока в г. Брисбене сообщается в статье редактора нравственно-образовательного журнала "Австралийская лампада" Людмилы Ларкиной "100 лет последнему исходу русских из России отметили в Брисбене. Вопреки всему оставаться человеком и нести добро и свет...", опубликованной на сайте журнала [7].

Как сообщает в своей статье Л. Ларкина: "Мероприятие состоялось в Свято-Николаевском соборе в Брисбене в воскресенье 27 ноября 2022 г., которое собрало вместе представителей разных волн эмиграции: как потомков белых эмигрантов, отцы и деды которых были вынуждены оставить Россию после гражданской войны, так и представителей постсоветских волн эмиграции. Все собранные средства от данного благотворительного мероприятия пойдут на подготовку празднования 100-летия Свято-Николаевского храма в Брисбене, как первого русского православного прихода в Австралии" [7].

После панихиды в память русских людей, покоящихся в земле австралийской, прихожане и гости собрались в прицерковном зале, где их ждал вкусный обед, приготовленный сестричеством [7]. Настоятель прихода протоиерей Гавриил Макаров после трапезы и общей молитвы, открыл творческую встречу с прихожанами, на которой присутствовало около 30 человек. Литературно-музыкальная композиция была подготовлена коллективом литературно-музыкального салона "Австралийская лампада" под руководством Л.Л. Ларкиной. "Литературно-музыкальный салон "Австралийская лампада" организует и проводит мероприятия в течение 13 лет в виде историко-литературных, музыкальных композиций, устраивая мероприятия в виде спектаклей, целью которых является не только дать возможность зрителям насладиться музыкой, романсами, поэзией, танцами, но и окунуться в изучение истории, которая ненавязчиво преподносится в ходе мероприятия" [7].

Литературно-музыкальная композиция "Последний исход" состояла из трех частей: "Прощание с Родиной", "На чужбине" и "Австралия в судьбе русских беженцев". В первой части мероприятия "Прощание с Родиной" на экране были показаны исторические видео кадры (хроника) и ведущими Людмилой Ларкиной и Надеждой Черных было рассказано о том, как 25 октября 1922 г. из Владивостока уходили последние 30 кораблей военной Сибирской флотилии. "Благодаря умелому командованию Георгия Карловича Старка, военным морякам удалось в сложившихся условиях сделать невозможное, забрав на корабли более 10 тысяч беженцев, среди которых было много детей, кадетов, военных, специалистов самых разных областей и разного возраста беженцев" [7].

"Почетным гостем мероприятия был Игорь Борисович Лабзин – сын морского офицера Бориса Мартемьяновича Лабзина, который 25 октября 1922 г. с Сибирской флотилией был вынужден оставить Россию навсегда. Молодой мичман Борис Лабзин добрался до Индонезии, где у него и харбинской девушки Веры родился сын Игорь, который уже более 60 лет проживает в Брисбене. Игорь Борисович очень трогательно поделился живыми воспоминаниями об отце" [7]. Более подробно о судьбе своего отца И.Б. Лабзин написал в своей книге "Россия и революция. Мой отец как офицер и человек", которая была издана в России в 2018 г. [6]. В ходе мероприятия также почтили память брисбенского иконописца Арсения Иосифовича Савицкого, ушедшего в 19-летнем возрасте из Владивостока с Сибирской флотилией. Вспомнили ныне покойного сына иконописца, Кирилла Арсеньевича Мартин, благодаря воспоминаниям которого и сохранным им фотографиям, документам, Людмилой Ларкиной были написаны две книги: "Брисбенский иконописец Арсений Савицкий" и "Гардемарин с чужой судьбой" [9]. Арсений Савицкий, Борис Лабзин и многие другие русские, вынужденно оставившие Россию 100 лет назад, покоятся в Брисбене. Многие нашли свой последний приют в других городах Австралии. Всех их вспомнили поименно как в ходе творческой программы, так и во время панихиды в соборе. Вторая часть мероприятия "На чужбине" была открыта также историческими видео кадрами, рассказывающими о тяжелых лишениях русских в Шанхае, в Корее, Филиппинах, в Индонезии, Аргентине и в других странах, где рассеялись русские беженцы. Третья часть называлась "Австралия в судьбе русских беженцев" [7].

"Не многим беженцам удалось добраться до Австралии, но и тем, кто добирался до 5-го континента, тоже приходилось не просто. Русские в Австралии получали самую тяжелую работу на сахарном тростнике, на рудниках, на строительстве железных дорог. Надо отметить, что какой бы ни была сложной жизнь, русский человек всегда тянулся к культуре, к искусству. В 1926 г. в Брисбене появилась библиотека, организованная священником Свято-Николаевского прихода Андрианом Турчинским. Его матушка Анна Турчинская играла на фортепиано, организовывала поэтические чтения в своем доме, а их две дочери пели. В 1926 г. семья Турчинских вместе с прихожанами встречала в Брисбене известную русскую балерину Анну Павлову, прибывшую в Австралию с гастролями [7].

Творческую встречу, завершила своей авторской песней молодая исполнительница Инесса Хук, в которой есть слова:

Я русская. Своих корней я не стыжусь.
Я русская. Своим наследием делюсь.
Я русская, но не машу я флагом.
Я русская – миру во благо [7].

После торжественного мероприятия Л.Л. Ларкина взяла видео интервью у настоятеля Свято-Николаевского собора г. Брисбен о. Гавриила Макарова [10].

Из беседы становится известно, что его родители русские жители Китая, оказались там с волной эмиграции после гражданской войны в России. Родители приехали в Австралию из г. Хайлар в 1961 г., о. Гавриилу было тогда 3 года. В Сиднее они участвовали в жизни русской общины, в семье разговаривали только на русском языке, воспитывали своих детей в традициях православной веры и русской культуры. Своих детей они отправили учиться в прицерковную русскую школу. Большое влияние на формирование личности о. Гавриила оказал протоиерей Ростислав Ган, который создал в Сиднее молодежную группу "Китеж". Впоследствии о. Гавриил стал ее председателем. Это обстоятельство помогло о. Гавриилу в познании национальной культуры русского народа и осознания своей идентичности, сопричастности к истории России. После кончины своего духовного наставника он решил стать священником [10].

Свой путь к служению Богу начал в 22 года, когда оставил незаконченное инженерное образование в Сиднейском университете и уехал в семинарию при Свято-Троицком монастыре в г. Джорданвилль (США). Со своей будущей женой Ириной перед отъездом провели церковное обручение и только через год обвенчались и вместе вернулись в семинарию для продолжения обучения. Жили в отдельном домике, предназначенном для семейных

семинаристов. После семинарии стал священником в г. Джелонг (Австралия). В России побывал впервые в 2001 г. как паломник и после посещения святых мест Московского Кремля и Санкт-Петербурга вернулся в Австралию с большой любовью к своей исторической Родине. Впоследствии несколько раз бывал в сопровождении молодежных групп в паломнических поездках по России [10]. В 2007 г. между РПЦ Московского патриархата и РПЦЗ был подписан акт о каноническом общении, что сделало возможным формирование групп молодых людей из разных стран. Группы были большими, иногда более 100 человек из 27 стран, где проживают русские люди. Сейчас у о. Гавриила большая семья, 13 внуков [10]. На русском языке говорят дети, ассоциируют себя с русским народом. Внуки понимают русский язык, ходят в прицерковные школы, но влияние англоязычной культуры сказывается в большей степени, чем на детей. В своем интервью о. Гавриил отметил, что основная его деятельность – это служба в соборе. Ведь многие православные священники в Австралии совмещают церковную службу и работу для обеспечения своей жизни. В свободное время о. Гавриил занимается столярным делом и любит делать киоты для икон. В своем приходе отмечает, что многие новоприбывшие русские прихожане до приезда в Австралию были далеки от веры, и только ощутив оторванность от Родины, пришли в церковь и проявили тяготение к русской культуре и православию [10]. В мае 2023 г. Свято-Николаевский собор будет отмечать свое столетие. Это старейший православный приход в Австралии [10].

Таким образом, интервью о. Гавриила как пример устной истории имеет документальную ценность для изучения русской иммиграции в Австралии, так как сообщает факты и интересные подробности из жизни русских в Австралии, демонстрирует восприятие русского человека, выросшего в англоязычной среде, своей исторической Родины, стремление к познанию ее традиций. Интервью о. Гавриила является примером осознания русским иммигрантом себя как части культурного наследия России, его искреннее желание служения во благо русских людей и стремление передать свой личный опыт не только своим потомкам, но и прихожанам.

Людмила Ларкина и о. Гавриил Макаров активно сотрудничают с Русским Общественным Центром австралийского штата Квинсленд под председательством Елены Чипизубовой. В 2021 г. с приходом нового правления под ее руководством была восстановлена традиция ежегодных Владимирских балов, утраченная с 2012 г. [8]. Владимирские балы, проводимые в честь равноапостольного князя Владимира-Крестителя Руси, – это старая традиция русских эмигрантов, рассеянных по миру после революции в России в 1917 г. Во время Владимирского бала 29 июля 2022 г. в Русском Общественном Центре Брисбена звучали песни на русском, итальянском, английском языках. Песни на русском языке прозвучали в исполнении Ольги Деревцовой под аккомпанемент трех музыкантов ансамбля "Самоцветы" [8].

Анализируя публикации на сайтах газеты "Единение" и журнала "Австралийская лампада", по нашему мнению, можно предложить для обозначения периодических изданий, а также общественных центров русской общины в Австралии, мероприятий в чести памятной даты 100-летия дальневосточного исхода – термин "место памяти". Памятная дата – 100-летие дальневосточного исхода, отмечаемая в 2022 г. в русских общинах Сиднея и Брисбена, на наш взгляд, стала "местом памяти" не только для нескольких поколений потомков участников тех событий, но также и для представителей новых российских волн иммиграции для осознания себя как части истории России, со всеми ее трагическими событиями.

Литература

1. 90-летие Великого Исхода Белых Русских из Владивостока 1922–2012. В память наших отцов и дедов, покинувших свою родину навсегда. Сборник статей и воспоминаний. Сидней: Русское Историческое Общество в Австралии, 2012. 48 с.
2. История русских в Австралии. Т. 2. Сидней: Австралиада – русская летопись. Сидней: Русское Историческое Общество в Австралии, 2008. 282 с.
3. Каневская Г.И. "Мы еще мечтаем о России...". История русской диаспоры в Австралии (конец XIX в. – вторая половина 80-х гг. XX в.). Владивосток: Изд-во Дальневосточного университета, 2010. 369 с.
4. Капран И.К. Периодические издания русских жителей Китая как "места памяти" // Издательское дело на Дальнем Востоке: наука и практика. Владивосток: Издательский дом Дальневост. федерал. ун-та, 2013. 76 с.
5. Кузьмин В. 100-летие Дальневосточного исхода. // Сайт газеты "Единение", URL: <https://www.unification.com.au/articles/1668234170/> (дата обращения: 10.01.2023).
6. Лабзин И.Б. Россия и революция. Мой отец как офицер и человек. СПб.: Лики России, 2018. 256 с.
7. Ларкина Л.Л. 100 лет последнему исходу русских из России отметили в Brisбене. Вопреки всему оставаться человеком и нести добро и свет... // Сайт журнала "Австралийская лампада", URL: http://australianlampada.com/article/sobitia/sobitia_5335.html (дата обращения: 10.01.2023).
8. Ларкина Л.Л. Владимирский бал 2022 в Brisбене. // Сайт журнала "Австралийская лампада", URL: http://australianlampada.com/article/sobitia/sobitia_5332.html (дата обращения: 11.01.2023).
9. Ларкина Л.Л. Гардемарин с чужой судьбой. Brisбен: Австралийская лампада, 2018. 348 с.
10. Ларкина Л.Л. Интервью с настоятелем Собора в Brisбене пр. Гавриилом Макаровым "Последний исход" 27.11.2022 // Сайт журнала "Австралийская лампада", URL: https://www.youtube.com/watch?v=7FGume_z744 (дата обращения: 10.01.2023).
11. Нора П. Проблематика мест памяти // Франция – память. СПб: Издательство Санкт-Петербургского университета, 1999. С. 4–50.
12. Старк Ю.К. Последний оплот. Отчет о деятельности Сибирской флотилии 1920–1924. СПб.: Русско-Балтийский информационный центр "Блиц", 2015. 624 с. и илл.

References

1. 90th anniversary of the Great Exodus of White Russians from Vladivostok 1922–2012. In memory of our fathers and grandfathers who left their homeland forever. Collection of articles and memoirs. Sydney: Russian Historical Society in Australia, 2012. 48 p. (In Russ.).
2. History of Russians in Australia. T. 2. Sydney: Australia is a Russian chronicle. Sydney: Russian Historical Society in Australia, 2008. 282 s. (In Russ.).
3. Kanevskaya G.I. "We still dream of Russia".... The history of the Russian diaspora in Australia (late XIX century – the second half of the 80s. XX century). Vladivostok: Publishing House of the Far Eastern University, 2010. 369 p. (In Russ.).
4. Kapran I.K. Periodicals of Russian residents of China as a "place of memory" // Publishing in the Far East: science and practice. Vladivostok: Publishing house Dalnevost. federal. str., 2013. 176 p. (In Russ.).
5. Kuzmin V. 100th anniversary of the Far Eastern exodus. // Website of the newspaper "Unification," URL: <https://www.unification.com.au/articles/1668234170/> (accessed 10.01.2023). (In Russ.).
6. Labzin I.B. Russia and the revolution. My father is like an officer and a human being. St. Petersburg: Faces of Russia, 2018. 256 s. (In Russ.).
7. Larkina L.L. 100 years of the last Russian exodus from Russia was noted in Brisbane. Against the odds of remaining human and carrying good and light... Australian Lamp magazine website // URL: http://australianlampada.com/article/sobitia/sobitia_5335.html (accessed 10.01.2023). (In Russ.).
8. Larkina L.L. Vladimirsky Ball 2022 in Brisbane. // Australian Lamp Magazine Website, URL: http://australianlampada.com/article/sobitia/sobitia_5332.html (accessed 11.01.2023). (In Russ.).
9. Larkina L.L. Midshipman with someone else's fate. Brisbane: Australian Lamp, 2018. 348 p. (In Russ.).
10. Larkina L.L. Interview with Abbot of Brisbane Cathedral Ave. Gabriel Makarov "The Last Outcome" 27.11.2022 // Australian Lamp Magazine Website, URL: https://www.youtube.com/watch?v=7FGume_z744 (accessed 10.01.2023). (In Russ.).
11. Nora P. Memory problems // France - memory. St. Petersburg: Publishing House of St. Petersburg University, 1999. S. 4–50. (In Russ.).
12. Stark Y.K. Last stronghold. Report on the activities of the Siberian Flotilla 1920–1924. St. Petersburg: Russian-Baltic Information Center "Blitz," 2015. 624 p. And ill. (In Russ.).

Информация об авторе

Инеcса Константиновна Капран, канд. ист. наук, председатель дальневосточного информационно-культурного центра "Русское зарубежье" Приморского краевого отделения Русского географического общества – Общества изучения Амурского края, Владивосток, Россия, e-mail: kapran@mail.ru

Information about the author

Inessa K. Kapran, Candidate of Historical Sciences, Chairman of the Far Eastern Information and Cultural Center "Russian Abroad", Primorsky Regional Branch of the Russian Geographical Society – Society for the Study of the Amur Territory, Vladivostok, Russia, e-mail: kapran@mail.ru

Поступила в редакцию 12.01.2023

Received 12.01.2023

Одобрена после рецензирования 12.11.2022

Approved 12.11.2022

Принята к публикации 16.02.2023

Accepted 16.02.2023

Научная статья
УДК 930 (092)
<https://doi.org/10.24866/1998-6785/2023-1/59-66>

Тема Гражданской войны на Дальнем Востоке в журнале "Кадетская переключка" (Нью-Йорк) в период 1971–2005 гг.

Татьяна Сергеевна Кулепанова (Шугайло)
Общество изучения Амурского края,
Владивосток, Россия, gandy-t@rambler.ru
Руслан Владимирович Кулепанов
Институт истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН,
Владивосток, Россия, csword@mail.ru

Аннотация: В статье анализируются материалы журнала русской военной эмиграции "Кадетская переключка" (Нью-Йорк), посвященные истории Гражданской войны 1917–1922 гг. на Дальнем Востоке и участию кадетского движения в данных событиях. Издание, выпускавшееся Объединением кадет российских корпусов за рубежом в период 1971–2009 гг., не только освещало деятельность кадетских ассоциаций, способствовало сохранению традиций русской армии, но и публиковало воспоминания участников Гражданской войны, а также аналитические статьи по истории войн XX в. Знакомство с материалами журнала позволяет расширить источниковую базу при изучении тематики Гражданской войны на Дальнем Востоке.

Ключевые слова: *русская эмиграция, русская эмигрантская пресса, США, СССР, Гражданская война, Белое движение*

Для цитирования: Кулепанова (Шугайло) Т. С., Кулепанов Р. В. Тема Гражданской войны на Дальнем Востоке в журнале "Кадетская переключка" (Нью-Йорк) в период 1971–2005 гг. // Ойкумена. Регионоведческие исследования. 2023. № 1. С. 59–66. <https://doi.org/10.24866/1998-6785/2023-1/59-66>

Original article
<https://doi.org/10.24866/1998-6785/2023-1/59-66>

The theme of the Civil War in the Russian Far East in the magazine "Cadets Roll Call" (New York) in the period 1971–2005.

Tatyana S. Kulepanova (Shugaylo)
Society for the Study of the Amur Territory,
Vladivostok, Russia, randy-t@rambler.ru
Ruslan V. Kulepanov
Institute of History, Archaeology and Ethnography of the Peoples of the Far East, FEB RAS,
Vladivostok, Russia, csword@mail.ru

Abstract. The article analyzes the materials of the magazine of Russian military emigration "Cadet Roll Call" (New York), dedicated to the history of the Civil War 1917–1922 in the Far East and the participation of the cadet movement in these events. The magazine, published by the Association of Cadets of Russian Cadet Corps abroad in the period 1971–2009, not only covered the activities of cadet associations, contributed to the preservation of the traditions of the Russian army, but also published memoirs of participants in the Civil War, as well as analytical articles on the history of wars of the 20th century. The study of the journal materials allows you to expand the historical source base when studying the subject of the Civil War in the Far East.

Key words: *Russian emigration, Russian emigrant press, the United States, the USSR, Russian Civil War, White Army*
For citation: Kulepanova (Shugaylo) N. S., Kulepanov R. V. The theme of the Civil War in the Russian Far East in the magazine "Cadets Roll Call" (New York) in the period 1971–2005. // Ojkumena. Regional researches. 2023. No. 1. P. 59–66. <https://doi.org/10.24866/1998-6785/2023-1/59-66>

В настоящее время в период 100-летия окончания Гражданской войны на Дальнем Востоке историки вновь обращаются к тем событиям вековой давности. В современной отечественной и зарубежной литературе по сей день ведутся дискуссии о причинах этой величайшей трагедии в истории России и факторах, повлиявших на ход военного конфликта, большой интерес ученых вызывают и другие аспекты данной темы. История Гражданской войны на Дальнем Востоке отличалась рядом особенностей, выделяющих данное противостояние из череды подобных: вовлеченностью в конфронтацию разнородных политических сил и группировок – как внутренних, так и внешних; сложными географическими особенностями региона, затруднявшими установление контроля над территориями, в результате чего военные действия приобрели затяжной характер и завершились только к 1922 г. Исследование проблем этого сложного исторического периода актуально сегодня в контексте украинского кризиса и других конфликтов, разгоревшихся на постсоветском пространстве, а также усиливающейся конфронтации России и стран западного блока. В этих условиях особенно важно изучать взгляды представителей русской военной эмиграции, любивших свою родину и выступавших за сохранение целостности российского государства, на события и трагический рас-

кол общества в годы Гражданской войны. Представители Русского Зарубежья разных волн в прошлом играли определенную роль в формировании имиджа России за рубежом, и сегодня в столь непростой международной обстановке продолжают влиять на формирование позитивного образа русского народа.

На протяжении длительного периода времени в советской историографии Гражданскую войну воспринимали односторонне, в соответствии с господствующей государственной идеологией, что приводило к тому, что значительный пласт источников оставался неизвестным отечественным авторам либо использовался ограниченно. В новейшей российской историографии появилась возможность обратиться к такой категории источников, как материалы русской эмигрантской периодики, содержащей воспоминания и аналитические статьи представителей послереволюционной русской эмиграции, бывших свидетелями и участниками событий Гражданской войны, осмыслявших произошедшее сквозь призму собственных знаний, убеждений и опыта. Между тем, анализируя уникальную информацию, которую содержат данные материалы, следует учитывать их субъективный характер и относиться к представленным сведениям критически.

Особое внимание теме истории Гражданской войны уделялось в прессе русской военной эмиграции, в частности в органах печати русских кадетских корпусов. Одним из таких изданий являлся журнал "Кадетская переключка", основанный в 1971 г. в Нью-Йорке решением 2-го Объединенного съезда российских кадет за рубежом и выходявший на протяжении 38 лет [1, с. 340]. Данное издание не только освещало деятельность русского военного сообщества за рубежом, способствовало сохранению традиций и особого духа русских кадетских корпусов, но и публиковало воспоминания участников Гражданской войны, в том числе и на дальневосточном фронте, рассказывало о судьбах представителей Белой армии.

Отдельные специалисты уже обращались к материалам "Кадетской переключки", используя сведения журнала для изучения и анализа различных пластов отечественной и мировой истории. Так, исследователи Р.А. Саутин и Е.М. Кунжаров рассматривали издание как источник информации по истории участия воинских формирований Сибири, в особенности сибирского казачества, в военных конфликтах начала XX в., в том числе в событиях Гражданской войны на Дальнем Востоке [17, с. 118–122]. М. Адамович, главный редактор "Нового журнала", который издается в Нью-Йорке по сей день русскими эмигрантами, в одной из своих статей изучала материалы "Кадетской переключки", посвященные участию Белой военной эмиграции во Второй мировой войне [1, с. 340–341].

Авторы данной статьи задаются целью проанализировать публикации по истории Гражданской войны на Дальнем Востоке, представленные в журнале "Кадетская переключка", и на основе этого нарратива выявить специфику восприятия представителями русской эмиграции тех далеких событий, а также обозначить ценность данных исторических источников для последующих исследователей.

Не случайно "Кадетская переключка", представлявшая собой историко-публицистический журнал книжного формата, зародилась в 1970-е гг. Именно в этот период перед сообществом российских кадетов остро встал вопрос о сохранении национальной идентичности русской молодежи в эмиграции и передаче традиций российского воинства потомкам. Издание являлось информационным органом Объединения кадет российских кадетских корпусов за рубежом. Журнал, прежде всего, знакомил читателей с информацией об общекадетских съездах, однако основные статьи посвящались истории российского кадетства, деятельности кадетских корпусов в период Октябрьской революции 1917 г. и Гражданской войны, их становлению и развитию в эмиграции. Главными редакторами были представители русской послереволюционной военной эмиграции, а также потомки деятелей Белого движения, участники кадетских объединений Русского Зарубежья: П.В. Олферьев (1971–1978), Н.В. Козьякин (1978–1992), А.Б. Йордан (1992–2002), И.Н. Андрушкевич (2002–2009). Что касается авторов издания, то в большинстве они являлись в прошлом офицерами Российской империи, выпускниками и преподавателями кадетских корпусов, изредка встречались среди корреспондентов журнала

дети офицеров-эмигрантов, а также представители послевоенной волны эмиграции [1, с. 340–341; 6, с. 98–99].

Если попытаться охарактеризовать материалы, опубликованные в данном журнале по теме истории Гражданской войны на Дальнем Востоке, следует обратить внимание на статьи выпускников 1-го Сибирского Императора Александра I и Хабаровского графа Муравьева-Амурского кадетских корпусов, многие из которых сражались на стороне Белого движения и оказались в центре данных событий в формированиях Добровольческой армии. Журнал № 9 "Кадетской переключки" за 1974 г. был посвящен истории данных образовательных учреждений, которые в ходе Гражданской войны были переведены во Владивосток на о. Русский [16, с. 5–8]. Здесь в непростых условиях корпуса смогли дать несколько выпусков учащихся. Публикации о зарождении и развитии данных корпусов были подготовлены выпускниками этих учреждений: С.В. Марковым (1904–1973 гг.), участвовавшим с 13 лет в сражениях Гражданской войны в составе войск генерала В.О. Каппеля, и П.Г. Гаттенбергером (1906 – 1991 гг.), потомственным военным, учащимся Хабаровского кадетского корпуса, прошедшим вместе с этим учреждением весь тяжелый путь эмиграции [10, с. 58–73; 6, с. 92; 7; 16, с. 5–8]. Оба автора, опираясь на собственные воспоминания, свидетельства однокашников и сослуживцев, подробно описывали как части воспитанников и наставников Сибирского и Хабаровского кадетских корпусов в 1922 г. в тяжелейших условиях покидали Приморье в составе эскадры Г.К. Старка. На этом пути в Китайском море корабли попали в страшный шторм, погубивший крейсер "Лейтенант Дыдымов", на борту которого находились 30 юных кадет. В дальнейшем эти образовательные учреждения продолжили свою деятельность по воспитанию молодого поколения за рубежом в Шанхае, а затем в 1924 г. в Югославии [6, с. 92–93]. В данном номере журнала, помимо интереснейших материалов по истории Сибирского и Хабаровского корпусов, приводились списки кадет и чинов персонала учебных учреждений, были опубликованы биографии выдающихся деятелей кадетского движения и напечатаны уникальные фотографии.

Отдельный пласт публикаций на страницах журнала был посвящен той роли, которую сыграли представители кадетского движения в событиях Гражданской войны. В силу юного возраста, особенностей образования, способствовавших формированию патриотических настроений в среде кадетства и безусловной поддержки монархического государственного устройства, кадеты были одними из тех, кто первыми откликнулись на призыв генерала М. Алексеева оказать вооруженное сопротивление большевикам [1, с. 336].

Биографическая история одного из авторов журнала Бориса Арсеньевича Павлова (1906–1994 гг.), присоединившегося к Белому движению в подростковом возрасте, являлась типичной для многих представителей кадетских корпусов. Павлов был кадетом 2-го Московского кадетского корпуса, после закрытия учебного заведения в 1917 г. большевиками его перевели в Советскую пролетарскую школу 1 ступени. В 13 лет он, отпросившись навещать отца в г. Ливны (Орловская обл.), вступил добровольцем в Алексеевский полк Белой армии, в котором в дальнейшем в период Гражданской войны принимал участие в боевых действиях, служил разведчиком. В 14 лет был награжден Георгиевским крестом IV степени за разведку сил большевиков в Ростове [11]. В 1920 г. Павлова, как малолетнего, отправили в интернат при Константиновском военном училище до эвакуации Крыма, затем в эмиграции он находился в Югославии и США [7].

Павлов на страницах журнала отмечал, что к осени 1917 г. в 31 кадетском корпусе России в старших классах находилось около 3 тыс. человек, имевших оружие и способных участвовать в политической и вооруженной борьбе. В то же время, как писал журналист, ученики младших классов, также патриотически настроенные, практически не были вовлечены в данное противостояние. Ряд преподавателей занимали нейтральную позицию и пытались предотвратить вступление кадет-старшекласников в вооруженную борьбу с большевиками. Вместе с тем, по словам автора, кадеты и юнкера формировали наиболее мотивированные части Добровольческой армии генерал-лейтенанта А.И. Деникина. Как указывал Павлов, о степени вовлеченности кадет в боевые действия свидетельствовал тот факт, что в Крымском кадетском корпусе в Югославии, в котором он обучался в 1920–1926 гг., половина подрост-

ков в возрасте 13–15 лет до эмиграции участвовали в сражениях Гражданской войны, а трое – успели в этот период стать георгиевскими кавалерами [13, с. 16–28].

Журналист отмечал тот факт, что высокий уровень мотивации кадет приводил к серьезным потерям в боях. Безусловно, офицерский корпус Белой армии стремился сохранить жизнь юным кадетам, но сложная обстановка на полях сражений, колоссальные военные потери, отсутствие мобилизационных резервов вынуждали привлекать учащихся кадетских корпусов к боевым действиям. Так, в связи с тем, что Белое движение в Сибири и на Дальнем Востоке испытывало острый дефицит офицерского состава, по приказу А.В. Колчака подготовка кадет в 6 корпусах, находившихся на территории подконтрольной белогвардейцам, в том числе в Сибирском и Хабаровском кадетских корпусах, была ускорена. Таким образом, ожидалось, что ребята, закончившие 7-й класс в 1919 г., немедленно продолжат обучение и пройдут годовой курс за полгода, чтобы пополнить ряды офицеров Белой армии [13, с. 16–28].

Журналисты "Кадетской переклички" посвящали многие материалы анализу событий Гражданской войны, а также рассуждениям о причинах поражения Белого движения. Характеризуя положение на Восточном фронте в период конца 1918 – начала 1919 гг., авторы отмечали беспомощность правительства А.В. Колчака, не способного взять под контроль ситуацию на территории Дальнего Востока, разрываемого грабеджами и террором атаманов Г.М. Семенова и И.П. Калмыкова. Полковник Белой армии, председатель Городской думы Владивостока (1921 г.) Николай Александрович Андрушкевич (1885 – 1944 (?) гг.) отразил в своих воспоминаниях, опубликованных в "Кадетской перекличке", многогранную общественно-политическую обстановку, сложившуюся на Дальнем Востоке в годы Гражданской войны [2, с. 230; 3, с. 245]. Он жестко критиковал и осуждал Семенова и Калмыкова за бандитизм по отношению к мирному населению, что, на его взгляд, дискредитировало Белое движение и способствовало росту популярности большевиков в народной среде [2, с. 236–240, 244, 245; 3, с. 246, 247]. "Чита, Хабаровск и Забайкальская железная дорога продолжали оставаться во власти произвола. Человеческая жизнь там, по-видимому, не ценилась. Подруге Семенова, харбинской певице, известной под именем Машка Шарабан, понравились как-то бриллианты одной дамы, и эта дама была убита вместе с мужем, полковником... Все это творилось под видом борьбы с большевиками. Понятие же о том, кто большевики, было, по-видимому, слишком неопределенным", – писал Андрушкевич [3, с. 245].

Столь же негативно автор относился к интервентам, обвиняя их в недружественной политике по отношению к белогвардейцам, военных преступлений и пособничестве большевикам [3, с. 255, 262, 263]. Андрушкевич рассказывал о сложностях, которые испытывало правительство Колчака с привлечением на сторону белогвардейцев местного населения, вынужденного в конце 1918 – начале 1919 гг. лавировать между большевиками, колчаковцами, семеновцами и хунхузами [2, с. 242, 243; 3, с. 241]. Рассуждая о причинах поражения белогвардейцев, он подчеркивал, что произвол, который творили союзники Колчака, повлиял на падение популярности Белого движения, а также снижение эффективности антибольшевистской пропаганды. "Слово "атаманщина" стало общим и распространенным. Им определялось всякое самовластие, злоупотребление властью и произвол. Наличие атаманщины доказывало, что правительство Верховного правителя не так сильно, как надо. Опыт атаманов показал далее, что можно дерзать на все. Именно после победы Семенова стали как-то болезненно заметными проявления атаманщины, – делился наблюдениями Андрушкевич. – На фронте обнаружилось самовластие и непокорность Гайды, потом бунт Гайды во Владивостоке, непокорность ислушание Верховному правителю генерала Розанова во Владивостоке и т.д. Я лично считаю, что начало развала нашего дела в Сибири было положено атаманом Семеновым" [3, с. 254–255].

В воспоминаниях Андрушкевича интерес представляют описания сложных межличностных взаимоотношений среди лидеров Белого движения, в частности, негативное отношение к пребыванию в Омске генерала П.П. Иванова-Ринова, имевшего в прошлом связи с партией эсеров [3, с. 243, 256]. Как писал автор, в условиях Гражданской войны, когда обстановка требовала

максимальной слаженности, продолжали существовать конфликты не только среди представителей военной верхушки Белого движения, но и в среде гражданской администрации, что еще больше ухудшало ситуацию и склоняло народные массы на сторону тех, кто мог бы обеспечить некоторую стабильность. В данном контексте Андрушкевич описывал кризис гражданской администрации Приморской области, сопровождавшийся уходом управляющего данной областью И.И. Циммермана и заменой его М.М. Эверсманом [3, с. 255].

По мнению Б.А. Павлова, к распаду Белой армии привели такие факторы, как разрозненность сил белогвардейцев, неспособность сформулировать политическую программу, идеологическую платформу, привлекательные для широких масс населения, а также внутренние разногласия среди лидеров движения. В рассуждениях на данную тему особенно он отмечал шаткость идеологической базы Белого движения в период Гражданской войны [12, с. 23–40]. Мы можем говорить о том, что мемуары Н.А. Андрушкевича, а также статьи Б.А. Павлова выделялись на фоне многих других подобных публикаций участников Белого движения критическим подходом в восприятии противоборствующих сторон в Гражданской войне, попыткой отойти от привычной идеализации представителей лагеря белогвардейцев и более объективно, значительно шире взглянуть на произошедшие события.

Другой автор "Кадетской переклички" К.М. Перепеловский (1903 – 1992 гг.) также сумел выйти далеко за рамки представлений о Гражданской войне, собственных активных участиям Белого движения. Он являлся воспитанником Тифлисского кадетского корпуса, участником Гражданской войны на юге России. После эвакуации через Крым Перепеловский находился в эмиграции в Париже, где с 1952 г. был помощником редактора крупного военно-исторического журнала "Военная быль". С осени 1986 г. он являлся начальником отдела Российского Обще-Воинского Союза (РОВС) в Европе [7].

В отличие от послереволюционных эмигрантов, участников Белого движения, К.М. Перепеловский не воспринимал революционный лагерь как некий монолитный однородный пласт. Следует отметить, что многие авторы Белой эмиграции в исторических исследованиях экстраполировали свой собственный опыт участия в Гражданской войне на юге России, где наблюдалось противостояние двух лагерей – Добровольческой армии и большевиков, на другие регионы страны в этот период. Однако ситуация, складывавшаяся в Сибири и на Дальнем Востоке в 1918 – 1922 гг., где сталкивались множество политических сил, была более сложной и многогранной.

Перепеловский же отмечал тот факт, что в период Гражданской войны на Дальнем Востоке, особенно на первом этапе (1917–1918 гг.), большую роль в революционном движении помимо большевиков играли эсеры, влиявшие на ход развития событий в регионе и на настроения масс. Действительно, на Дальнем Востоке эсеро-меньшевистские органы власти функционировали на протяжении длительного периода времени, несмотря на наличие противников как слева, в лице большевиков, так и справа, в лице белого генералитета и казачьих атаманов. Представители эсеров и меньшевиков сохраняли определенное влияние в коалиционных и антибольшевистских правительствах вплоть до 1922 г. [8, с. 252–255, 316, 317, 500–502].

В качестве одной из основных причин поражения Белого движения в целом К.М. Перепеловский называл большую эффективность революционной пропаганды, способствовавшей разложению армии Колчака, а также инертность зажиточных слоев и интеллигенции Российской Империи, которые вместо активной помощи белогвардейцам, предпочитали покинуть страну или поддерживать движение пассивно [14, с. 5–74]. Успех большевистской пропаганды автор связывал с активным недовольством местного населения жесткой политикой колчаковского правительства, вызвавшей кризис в тылу [8, с. 318–324; 14, с. 57].

Характеризуя процесс формирования Белой армии, автор не замалчивал факт перехода значительной части представителей офицества Российской Империи на сторону большевиков, что способствовало укреплению сил Красного движения [14, с. 15–16]. Другой корреспондент "Кадетской переклички", представитель послевоенной волны русской эмиграции журналист Б.С. Бровцын посвятил данной проблеме целую статью. Ссылаясь на данные, приведенные известным советским историком А.Г. Кавтарадзе в монографии

"Военные специалисты на службе Республики Советов 1917 – 1920 гг.", он указывал, что в период 1918–1920 гг. 185 генералов Императорской армии состояли в корпусе Генерального штаба Рабоче-Крестьянской Красной армии (из них подавляющее большинство состояло добровольно и только 6 – по мобилизации), а также на сторону большевиков перешли и участвовали в боевых действиях свыше 450 офицеров [5, с. 96; 15, с. 246–249].

Наличие данных публикаций свидетельствует о том, что отдельные журналисты Русского зарубежья, представители как послереволюционной, так и послевоенной волн эмиграции, осознавали те трудности, с которыми сталкивалось Белое движение в вопросе привлечения на свою сторону кадровых офицеров. При этом следует отметить, что отдельные авторы, не поддерживая выбор военных Императорской армии, перешедших на сторону Красного движения, в то же время по-человечески старались не осуждать этих людей в резкой форме [5, с. 99; 14, с. 15–16]. Данная позиция выделялась на фоне суждений по данному вопросу многих представителей лагеря белогвардейцев. Так, Бровцын в своей статье, перечисляя знакомых ему военных царского времени, оставшихся в СССР, отмечал, что все они приняли данное решение в силу разных жизненных обстоятельств, при этом вовсе не испытывая симпатий к коммунистической власти. Называя этих людей "изменниками русскому делу", в то же время он писал: "В личном плане я не могу им бросить камень упрека: они неправы, но виноваты ли они?" [5, с. 99].

На протяжении второй половины XX в. в публикациях представителей Белой эмиграции, размещаемых на страницах антикоммунистической прессы, неоднократно звучали опасения о том, что в России вновь могут повториться трагические события Октябрьской революции 1917 г. и последующей Гражданской войны 1917 – 1922 гг. В большей степени данные события являлись психологически травмирующими для участников Белого движения, и спустя десятилетия воспоминания о данном периоде времени вызывали у этих людей определенную эмоциональную реакцию. В результате на протяжении второй половины 1940-х – начала 1990-х гг. в антикоммунистической прессе Русского зарубежья наблюдалась корреляция между нарастанием кризисных состояний в общественно-политической обстановке в СССР и ростом в среде русской эмиграции тревожного ожидания кровавого народного бунта на родине. В период перестройки проводником этих опасений стало нарастание национальных движений в советских республиках, а также углубление экономического и общественно-политического кризиса в СССР [4, с. 33–45]. Данная тенденция наблюдалась и на страницах журнала "Кадетская перекличка". Так, один из редакторов издания Н.В. Козьякин в 1989 г. делился своими тревогами о том, что реформы перестройки в СССР приведут к "хаосу времен керенщины" [9, с. 56]. В 1992 г., когда черед реформ президента Б.Н. Ельцина не улучшила экономическую и общественно-политическую ситуацию в стране, журналисты послереволюционной эмиграции с тревогой видели в России признаки надвигающейся революции и гражданской войны, которые "зальют кровью страну" и откроют ее границы для иностранной интервенции [18, с. 56].

Периодика военной эмиграции, в частности органы печати русских кадетских корпусов, такие как журнал "Кадетская перекличка", не только уделяли большое внимание воспитанию молодежи за рубежом в духе традиций русского воинства, отражали деятельность кадетского движения Российской империи за рубежом. Журналисты "Кадетской переклички" в крайне сложных условиях жизни на чужбине, исключительно благодаря собственной колоссальной самоотдаче и энтузиазму, сумели провести большую научно-исследовательскую работу, создавая труды по истории войн начала XX в. Данные исследования приобретают особую значимость, когда понимаешь, что из тех, кто остался в Советском Союзе, лишь единицы бывших офицеров Императорской армии имели возможность заниматься созданием исторических работ, да и то в условиях значительного идеологического прессинга [6, с. 3].

Материалы о Гражданской войне, в том числе на Дальнем Востоке, опубликованные в журнале "Кадетская перекличка", содержат прямые свидетельства очевидцев тех далеких событий, и сегодня по-прежнему представляют определенный интерес для ученых. Между тем, рассматривая публикации журнала как исторический источник, следует учитывать, что авторы материа-

лов, участники русского кадетского движения, анализировали события Гражданской войны субъективно, с позиции представителей лагеря белогвардейцев. Однако отдельные авторы журналов в своих рассуждениях сумели выйти далеко за рамки представлений о Гражданской войне, свойственных участникам Белого движения, высказывали нетривиальные суждения о ходе и фигурантах данных событий.

Литература

1. Адамович М. "Не знал я вас, господа кадеты..." // Новый журнал. Нью-Йорк. 2016. № 283. С. 335–355.
2. Андрушкевич Н.А. Последняя Россия. Воспоминания о Дальнем Востоке // Кадетская переключка. Нью-Йорк. 2004. № 75. С. 228–254.
3. Андрушкевич Н.А. Последняя Россия. Воспоминания о Дальнем Востоке // Кадетская переключка. Нью-Йорк. 2005. № 76. С. 241–265.
4. Бодиско В. Насрэддин Ходжа // Кадетская переключка. Нью-Йорк. 1984. № 35. С. 33–45.
5. Бровцын Б.С. Царские генералы на красной стороне // Кадетская переключка. Нью-Йорк. 1989. № 47. С. 95–99.
6. Волков С.В. Русская военная эмиграция: издательская деятельность / С.В. Волков. М.: Пашков дом, 2008.
7. Волков С.В. Участники Белого движения в России. База данных No 2. URL: http://swolkov.org/2_baza_beloe_dvizhenie/2_baza_beloe_dvizhenie_abc-01.htm (дата обращения: 11.10.2022).
8. Дальний Восток России в период революции 1917 года и Гражданской войны (История Дальнего Востока России; Т. 3, кн. 1). Владивосток: Дальнаука, 2003.
9. Козьякин Н.В. Дороги к истинной вере // Кадетская переключка. Нью-Йорк. 1989. № 47. С. 47–56.
10. Марков С., Росселевич А. Хабаровский графа Муравьева-Амурского кадетский корпус, 1888–1925 // Кадетская переключка. Нью-Йорк. 1974. № 9. С. 58–73.
11. Павлов Б.А. Первые четырнадцать лет: Посвящается памяти алексеевцев. М.: ИЦ-Гарант, 1997 URL: http://militera.lib.ru/memo/russian/pavlov_ba/index.html (дата обращения: 11.10.2022)
12. Павлов Б.А. Генерал В.О. Каппель и его "каппелевцы" // Кадетская переключка. Нью-Йорк. 1981. № 29. С. 23–40.
13. Павлов Б.А. Кадеты в Белом движении // Кадетская переключка. Нью-Йорк. 1976. № 16. С. 16–28.
14. Перепеловский К.М., Белое движение. Доклад, прочитанный на VII Съезде Кадет Российских Кадетских Корпусов в Париже 28 июля 1980 г. // Кадетская переключка. Нью-Йорк. 1980. № 26. С. 5–74.
15. Петин Д.И., Сушко А.В. Бывшие белые офицеры в раннем советском социуме: к анализу российской историографии // Омские социально-гуманитарные чтения – 2022 : материалы XV Международ. науч.-практ. конф. (Россия, Омск, 22–24 марта 2022 г.) / М-во образования Ом. обл. [и др.]; отв. ред. Л. А. Кудринская. Омск: Изд-во ОмГТУ, 2022. С. 246–249.
16. Росселевич А. Введение // Кадетская переключка. Нью-Йорк. 1974. № 9. С. 5–8.
17. Саутин Р.А., Кунжаров Е.М. Журнал "Кадетская переключка" как источник по истории участия сибирских воинских формирований в военных конфликтах начала XX в. // Проблемы социально-экономического развития Сибири. 2016. № 2 (24). С. 118–122.
18. Третьяков С.А. Политический разброд в России // Кадетская переключка. Нью-Йорк. 1992. № 52. С. 48–57.

References

1. Adamovich M. "I didn't know you, gentlemen cadets..." // New magazine. New York. 2016. № 283. P. 335–355. (In Russ.).
2. Andrushkevich N.A. Last Russia. Memories of the Far East // Cadet Roll Call. New York. 2004. № 75. P. 228–254. (In Russ.).
3. Andrushkevich N.A. Last Russia. Memories of the Far East // Cadet Roll Call. New York. 2005. № 76. P. 241–265. (In Russ.).
4. Bodisko V. Nasreddin Hodja // Cadet Roll Call. New York. 1984. № 35. C. 33–45. (In Russ.).
5. Brovcyn B.S. Tsarist generals on the red side // Cadet Roll Call. New York. 1989. № 47. P. 95–99. (In Russ.).
6. Volkov S.V. Russian military emigration: publishing / S.V. Volkov. Moscow: Pashkow House, 2008. (In Russ.).
7. Volkov S.V. Members of the White movement In Russia. Database № 2. URL: http://swolkov.org/2_baza_beloe_dvizhenie/2_baza_beloe_dvizhenie_abc-01.htm (accessed 11.10.2022). (In Russ.).

8. The Far East of Russia during the Revolution 1917 and the Civil War (History of Russian Far East; Chapter. 3, book. 1). / Vladivostok: Dal'nauka, 2003. (In Russ.).
9. Kozjakin N.V. Roads to True Faith // Cadet Roll Call. New York. 1989. № 47. P. 47–56. (In Russ.).
10. Markov S., Rosselevich A. Khabarovsk Cadet Corps named after Count Muravyov-Amursky, 1888–1925 // Cadet Roll Call. New York. 1974. № 9. С. 58–73. (In Russ.).
11. Pavlov B.A. The first fourteen years: Dedicated to the memory of the Alekseyevites. / Moscow: ITS-Garant, 1997 URL: http://militera.lib.ru/memo/russian/pavlov_ba/index.html (accessed 11.10.2022). (In Russ.).
12. Pavlov B.A. General V.O. Kappel and his "Kappelites" // Cadet Roll Call. New York. 1981. № 29. P. 23–40. (In Russ.).
13. Pavlov B.A. Cadets in the White movement // Cadet Roll Call. New York. 1976. № 16. P. 16–28. (In Russ.).
14. Perepelovskii K.M. White movement. Report read at the VII Congress of Cadets of the Russian Cadet Corps in Paris on July 28, 1980 // Cadet Roll Call. New York. 1980. № 26. P. 5–74. (In Russ.).
15. Petin D.I., Sushko A.V. Former white officers in the early Soviet society: to the analysis of Russian historiography // Omsk Social and Humanitarian Readings – 2022: Materials XV international scientific and practical conference. (Russia, Omsk, 22–24 march 2022 г.) / Ministry of education Omsk region. [and etc]; managing editor. L.A. Kudrinskaya. Omsk: Publishing house OmGTU, 2022. P. 246–249. (In Russ.).
16. Rosselevich A. Introduction. // Cadet Roll Call. New York. 1974. № 9. P. 5–8. (In Russ.).
17. Sautin R.A., Kunzharov E.M. "Kadetskaya Pereklichka" as a source of the history of Siberian military formations in armed conflicts at the beginning of XX century // Problems of Social and Economic Development of Siberia. 2016. № 2 (24). P. 118–122. (In Russ.).
18. Tret'yakov S.A. Political confusion In Russia // Cadet Roll Call. New York. 1992. № 52. P. 48–57. (In Russ.).

Информация об авторах

Татьяна Сергеевна Кулепанова (Шугайло), независимый исследователь дальневосточного информационно-культурного центра "Русское зарубежье" Приморского краевого отделения Русского географического общества – Общества изучения Амурского края, Владивосток, Россия, e-mail: randy-t@rambler.ru

Руслан Владимирович Кулепанов, старший лаборант Института истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН, Владивосток, Россия, e-mail: csword@mail.ru

Information about the authors

Tatyana S. Kulepanova (Shugaylo), Independent Researcher, Far Eastern Information and Cultural Center "Russian Abroad", Primorsky Regional Branch of the Russian Geographical Society – Society for the Study of the Amur Territory, Vladivostok, Russia, e-mail: randy-t@rambler.ru

Ruslan V. Kulepanov, Senior Assistant, Institute of History, Archaeology and Ethnography of the Peoples of the Far East, FEB RAS, Vladivostok, Russia, e-mail: csword@mail.ru

Поступила в редакцию 16.01.2023

Одобрена после рецензирования 13.02.2023

Принята к публикации 16.02.2023

Received 16.01.2023

Approved 13.02.2023

Accepted 16.02.2023

Россия и АСЕАН: региональное сотрудничество

Елена Сергеевна Бурова
Институт Китая и современной Азии РАН, Москва, Россия, epylcina@yandex.ru
Диана Альбертовна Владимирова
Дальневосточный федеральный университет, Владивосток, Россия, vladimirova.da@dvfu.ru
Лариса Николаевна Гарусова
Дальневосточный федеральный университет, Владивосток, Россия, lgarusova@mail.ru
Елена Александровна Глазкова
Дальневосточный федеральный университет, Владивосток, Россия, sh_elenaa@mail.ru
Виктор Иванович Егупов
Владивостокский государственный университет, Владивосток, Россия, v.egupov@vvsu.ru
Артём Леонидович Лукин
Дальневосточный федеральный университет, Владивосток, Россия, artlugin@mail.ru
Владимир Моисеевич Мазырин
Институт Китая и современной Азии РАН, Москва, Россия, mazyrin_v@mail.ru
Елена Андреевна Рыбаченко
Дальневосточный федеральный университет, Владивосток, Россия, rybachenko.ea@dvfu.ru
Пётр Юрьевич Самойленко
Дальневосточный федеральный университет, Владивосток, Россия, samoylenko.pyu@dvfu.ru
Александр Якубович Соколовский
Дальневосточный федеральный университет, Владивосток, Россия, yalishanda@mail.ru
Суриани Сури
Высшая школа экономики, Москва, Россия, surisalim@gmail.com
Ты Тхи Лоан
Вьетнамский научный институт исследований культуры и искусства, Ханой, Вьетнам, tuthiloanh@yahooh.com

Ключевые слова: АСЕАН, Россия, Вьетнам, Камбоджа, Индонезия, региональное сотрудничество, диалоговое партнерство, Дальневосточный федеральный университет

Для цитирования: Бурова Е. С., Владимирова Д. А., Гарусова Л. Н., Глазкова Е. А., Егупов Е. В., Лукин А. Л., Мазырин В. М., Рыбаченко Е. А., Самойленко П. Ю., Соколовский А. Я., Сури Суриани, Ты Тхи Лоан. Россия и АСЕАН: региональное сотрудничество // Ойкумена. Регионоведческие исследования. 2023. № 1. С. 67–79. <https://doi.org/10.24866/1998-6785/2023-1/67-79>

Round Table
<https://doi.org/10.24866/1998-6785/2023-1/67-79>

Russia and ASEAN: Regional cooperation

Elena S. Burova
Institute of China and Modern Asia, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia, epylcina@yandex.ru
Diana A. Vladimirova
Far Eastern Federal University, Vladivostok, Russia, vladimirova.da@dvfu.ru
Larisa N. Garusova
Far Eastern Federal University, Vladivostok, Russia, lgarusova@mail.ru
Elena A. Glazkova
Far Eastern Federal University, Vladivostok, Russia, sh_elenaa@mail.ru
Viktor I. Egupov
Vladivostok State University, Vladivostok, Russia, v.egupov@vvsu.ru
Artyom L. Lugin
Far Eastern Federal University, Vladivostok, Russia, artlugin@mail.ru
Vladimir M. Mazyrin
Institute of China and Modern Asia, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia, mazyrin_v@mail.ru
Elena A. Rybachenko
Far Eastern Federal University, Vladivostok, Russia, rybachenko.ea@dvfu.ru
Petr Yu. Samoylenko
Far Eastern Federal University, Vladivostok, Russia, samoylenko.pyu@dvfu.ru
Alexander Ya. Sokolovsky
Far Eastern Federal University, Vladivostok, Russia, yalishanda@mail.ru
Suriani Suri
Higher School of Economics, Moscow, Russia, surisalim@gmail.com
Tu Thi Loan
Vietnam Science Institute for Cultural and Art Research, Hanoi, Vietnam, tuthiloanh@yahooh.com

Key words: ASEAN, Russia, Vietnam, Cambodia, Indonesia, regional cooperation, dialogue partnership, Far Eastern Federal University

For citation: Burova E. S., Vladimirova D. A., Garusova L. N., Glazkova E. A., Egupov E. V., Lukin A. L., Mazyrin V. M., Rybachenko E. A., Samoylenko P. Yu., Sokolovsky A. Ya., Suriani Suri, Tu Thi Loan. Russia and ASEAN: Regional cooperation // Ojkumena. Regional researches. 2023. No. 1. P. 67–79. <https://doi.org/10.24866/1998-6785/2023-1/67-79>

Круглый стол с международным участием "Россия и АСЕАН: региональное сотрудничество", который был проведен 22 ноября 2022 г., объединил российских и зарубежных исследователей из Дальневосточного федерального университета (г. Владивосток), Санкт-Петербургского государственного университета (г. Санкт-Петербург), Института Китая и Современной Азии (г. Москва), Государственного Университета – Высшая Школа Экономики (г. Москва), Научного института исследований культуры и искусств (г. Ханой, Вьетнам), Департамента информации и связи г. Дананг (г. Дананг, Вьетнам). В онлайн-формате представители академического и вузовского сообщества выступили с докладами и обсудили раз теоретические и практические аспекты сотрудничества, а также перспективы реализации комплексного плана по стратегическому партнерству между Российской Федерацией и Ассоциацией государств Юго-Восточной Азии (2021–2025 гг.). Круглый стол развил дискуссию в свете прошедшего в 2021 г. юбилея 30-летия отношений с Ассоциацией и 25-летия диалогового партнерства Россия-АСЕАН. В рамках круглого стола участники обсудили аспекты продвижения российско-асеановского стратегического партнерства с акцентом на такие приоритетные направления сотрудничества, как внешнеполитическая координация, наука и инновации, цифровизация экономики, культурного сотрудничества, а также коснулись актуализированного 5-летнего комплексного плана действий Россия-АСЕАН, принятого в минувшем году.

Лукин А. Л.: Уважаемые участники сегодняшнего мероприятия, разрешите вас поприветствовать и сразу задать следующим вопросом: отношения России с АСЕАН – это отношения с единым блоком или отношения с десятью разными государствами? Наверное, это все-таки второй вариант. Не секрет, что степень единства в рамках АСЕАН весьма низка. На это, кстати, недавно обратил внимание министр иностранных дел РФ Сергей Лавров: "...в АСЕАН...нет единого мнения, как дальше действовать в сфере безопасности в этом регионе".

Коль скоро в рамках АСЕАН отсутствует единство, то имеет смысл рассмотреть отношения России с каждой из стран Юго-Восточной Азии (ЮВА) по отдельности. Далее я попытаюсь очень сжато охарактеризовать текущее состояние отношений РФ с девятью из десяти членов Ассоциации.

Вьетнам. СРВ – единственная страна ЮВА, с которой Россия официально состоит в отношениях "стратегического партнерства". Однако в последнее время российско-вьетнамское стратегическое партнерство сталкивается с трудностями. В условиях антироссийских санкций Запада Вьетнам ведет себя крайне осторожно. Может даже возникнуть впечатление, что Ханой дистанцируется от России. Так, в марте 2022 г. по решению вьетнамских властей было прервано прямое авиасообщение между РФ и Вьетнамом и до сих пор (по состоянию на ноябрь) не восстановлено. Ряд вьетнамских банков отказались от сотрудничества с российской платежной системой "Мир". Судя по всему, такое дистанцирование от России вызвано прежде всего желанием Ханоя не портить отношения с США.

Мьянма. Отношения РФ с Мьянмой демонстрируют положительную динамику. Пожалуй, они сейчас развиваются более успешно, чем с какой-либо другой страной АСЕАН. Достаточно сказать, что глава военного правительства Мьянмы Мин Аун Хлайн в течение 2022 г. два раза посетил Россию, в том числе принял участие в качестве почетного гостя в Восточном экономическом форуме. Однако с Мьянмой не все просто. Военное правительство не контролирует значительную территорию страны. Многие страны не признают легитимность военного правительства во главе с Мин Аун Хлайном и ввели санкции. Постоянный представитель Мьянмы в ООН не подчиняется нынеш-

ним властям Мьянмы, сохраняя лояльность предыдущему правительству, которое было отстранено военными от власти в феврале 2021 г. В ООН он голосует за антироссийские резолюции.

Лаос. Наряду с Мьянмой, Лаос проявляет желание укреплять связи с Россией невзирая на санкции. Так, именно в столицу Лаоса, Вьентьян, осенью 2022 г. был запущен регулярный авиарейс из Владивостока, который стал первым международным рейсом для владивостокского аэропорта после введения западных санкций. Власти Лаоса подчеркивают, что хотят видеть у себя как можно больше туристов из России.

Индонезия. Отношения Джакарты с Москвой в целом сохраняют нейтрально-дружелюбный характер даже несмотря на события вокруг Украины. Многие в индонезийском обществе поддерживают действия России, либо относятся к ним достаточно спокойно. Однако существенной динамики в двустороннем сотрудничестве давно уже не наблюдается, причем застой возник еще до нынешнего украинского кризиса. Ранее заявленные российско-индонезийские экономические проекты остаются нереализованными. Джакарта еще в 2021 г. отказалась от ранее заключенной сделки по закупке российских истребителей. В. Путин не поехал на саммит "большой двадцатки" на индонезийский Бали в ноябре 2022 г., что, возможно, свидетельствует о том, что хозяева мероприятия не были готовы предоставить гарантии необходимые для продуктивного визита.

Камбоджа. В марте 2022 г. Пномпень осудил специальную военную операцию России. Более того, Камбоджа даже выступила ко-спонсором соответствующей резолюции в Генеральной ассамблее ООН, за что удостоилась похвалы Джо Байдена во время его визита в Пномпень в ноябре 2022 г.. Судя по всему, несмотря на давнюю историю дружественных отношений, Пномпень сегодня не рассматривает Россию в качестве ключевого партнера.

Таиланд. Бангкок ведет себя весьма сдержанно и осторожно. Несмотря на то, что Таиланд официальный союзник США, он не стал вводить санкции против России. Таиланд не стал закрываться от российских туристов и в Таиланд по-прежнему летают российские авиакомпании. Однако помимо туризма положительной динамики в российско-тайских отношениях почти не наблюдается.

Сингапур. Город-государство – единственный член АСЕАН, который официально ввел санкции против России. Однако, как подчеркивают сингапурские представители, с которыми мне довелось общаться: "введенные Сингапуром санкции против России принципиально отличаются от американских и европейских – сингапурские санкции направлены не против России, а именно против специальной военной операции. Санкции Сингапура являются более узкими и более адресными".

Филиппины. Манила осудила действия России на Украине и голосует в ООН по украинскому вопросу против России, но, даже будучи официальным союзником США, свои собственные санкции Филиппины не ввели. Уже понятно, что медовый месяц в отношениях Москвы и Манилы, который наблюдался в первые годы президентского срока Родриго Дутерте, закончился. Новый президент Фердинанд Маркос-мл. будет в лучшем случае равнодушен к России.

Малайзия. В целом придерживается нейтралитета по украинскому вопросу, хотя значительная часть малазийского общества, прежде всего в силу антизападных настроений, симпатизирует России. Но транслируется ли это в реальный рост российско-малазийского взаимодействия? К сожалению, этого пока не наблюдается.

Владимирова Д.А.: Слово для доклада предоставляется Мазырину Владимиру Моисеевичу, руководителю Центра изучения Вьетнама и АСЕАН Института Китая и современной Азии РАН, доктору экономических наук, профессору. Тема доклада: Возможности сотрудничества России и стран АСЕАН в области обмена рабочей силой (на примере Вьетнама).

Мазырин В.М.: Обмен рабочей силой – очень важная форма сотрудничества между РФ и СРВ. Она имеет историю с 1980-х гг., когда СССР принял на трудовую подготовку более 100 тыс. вьетнамцев. Она прервалась в 1991 г., хотя после того тысячи рабочих остались в России, составив сегодня костяк вьетнамской диаспоры. Этот опыт имеет большое экономическое, социальное

и культурное значение, т. к. наряду с подъемом благосостояния увеличивал человеческий капитал. Сегодня следует обратить внимание и на возможность путем обмена людьми проводить влияние нашей мягкой силы, которая, по сути, Россией сегодня слабо применяется. Как следствие, знания о России и ее понимание в СРВ, особенно среди молодого поколения, практически равны нулю, что неблагоприятно сказывается на сотрудничестве двух стран. По этим причинам прием рабочей силы из Вьетнама становится насущно необходимым, если мы не хотим потерять его окончательно.

В России не создано условий для решения этой задачи и есть ощущение, что решать ее наши власти не стремятся. Действующее ССТ между ЕАЭС и СРВ не предусматривает свободного движения рабочей силы на территории участников, с Вьетнамом у РФ нет межправительственного соглашения о ее приеме в новой форме, как и конкретных договоров между операторами двух сторон. Для Вьетнама это необходимая правовая основа, вне которой он не хочет направлять своих граждан за рубеж. Создание западными СМИ, ныне формирующими информационный фон в СРВ, из России образа изгоя и нарушителя прав человека, также не способствует привлечению вьетнамцев. Перестал действовать и прежде главный стимул – материальный: заработки в РФ потенциально ниже, чем в других странах приема мигрантов.

Контрпродуктивно действуют правовые рестрикции на работу мигрантов в России. Розничная торговля и услуги – основная сфера занятости вьетнамцев – находится под общим запретом для иностранцев, тем не менее именно в ней трудоустроено большинство мигрантов из СРВ. Это значит, что они работают полу(не)легально со всеми вытекающими негативными последствиями. В то же время на производстве, в строительстве, где нужны рабочие руки и можно трудиться легально, занята самая незначительная часть вьетнамцев. Также не благоприятствуют притоку мигрантов нормы привлечения рабочей силы в главный регион страны, где ощущается ее нехватка – на Дальний Восток. При том, что здесь давно трудятся большие общины китайцев и корейцев, приезд жителей СРВ – наиболее близкой к РФ страны в ЮВА – не стимулируется. Его канализация в принятой форме персональных квот и приглашений от хозяев бизнеса для вьетнамцев трудно реализуема и сводится к частным случаям.

Из этого вытекает необходимость найти формат, приемлемый и для РФ, и для Вьетнама. Им могло бы стать создание в ДВО специализированных предприятий производственной сферы (аграрного сектора, промышленности например, швейных и пищевых цехов, строительства), в которых не только рабочая сила, но и управленческий персонал, хозяева нанимались в СРВ. При этом совмещению интересов бизнеса (самый мощный, эффективный мотор активности вьетнамцев) и местной власти помогло бы частно-государственное партнерство. Допустимо также формирование целиком вьетнамских сельских поселений типа кооперативов при должном надзоре правовых структур РФ.

Справедливо было бы и поощрение экспорта рабочей силы из России во Вьетнам. Пока он носит зачаточный характер, охватывает в основном бизнес-среду и фрилансеров, происходит гл. образом стихийно – на индивидуальной основе. Сегодня сложились стимулы для такой эмиграции внутри России и с вьетнамской стороны, поскольку она охватывает преимущественно рабочую силу средней и высокой квалификации, к тому же молодую.

Опыт в этой сфере следует распространять и на другие страны АСЕАН с учетом их отличий от СРВ, например, высокой доли квалифицированной рабочей силы. Интересам РФ отвечало бы подробное и выгодное изложение соответствующих положений в будущем соглашении о свободной торговле с Ассоциацией в целом.

Владимирова Д.А.: Слово предоставляется моим коллегам с кафедры Тихоокеанской Азии Дальневосточного федерального университета Глазковой Елене и Рыбаченко Елене. Тема доклада: Торгово-экономическое сотрудничество РФ и СРВ: вызовы и перспективы.

Глазкова Е.А., Рыбаченко Е.А.: В 2021 г. Российская Федерация и Социалистическая Республика Вьетнам отметили 20-летие установления отношений стратегического партнерства. За последние два десятилетия российско-вьетнамские отношения вышли на новый уровень, непрерывно укрепля-

лись и уверенно развивались по всему спектру направлений в духе дружбы и взаимовыгодного сотрудничества.

В настоящее время важнейшими направлениями российско-вьетнамского сотрудничества по-прежнему остаются нефтегазовая отрасль и энергетика, военная техника и технологии, промышленное производство, образование и обучение, наука и культура.

Пандемия COVID-19 значительно затруднила сотрудничество по многим социально-экономическим проектам, сторонам пришлось искать новые пути для стабилизации торгово-экономической сферы в новых условиях. В период с 2020 по 2022 гг. состоялись ряд запланированных встреч на высшем уровне, которые позволили преодолеть трудности и барьеры, вызванные эпидемией COVID-19, сохранить традиционные сферы сотрудничества, но в то же время найти новые направления, отвечающие требованиям изменившейся реальности. К примеру, стороны заинтересованы в расширении сотрудничества в области чистой энергетики и возобновляемых источников энергии.

Однако вьетнамские предприятия по-прежнему сталкиваются с трудностями в поставках товаров в больших объемах на постоянной и долгосрочной основе. Поэтому, чтобы иметь возможность стабильно экспортировать продукцию на российский рынок, вьетнамскому бизнесу необходимо иметь стратегию и выстроить систему поставок в принимающей стране. Реальность показывает, что вьетнамскому и российскому бизнесу по-прежнему не хватает информирования о рынках друг друга. Поэтому бизнесу необходимо активно участвовать в специализированных выставках и ярмарках для изучения рынка и поиска деловых партнеров.

Совершенно очевидно, что стороны заинтересованы в расширении всестороннего торгово-экономического сотрудничества, для чего необходимо ускорить устранение возникающих трудностей, развивать сотрудничество в традиционных областях и в то же время расширять сотрудничество в новых и потенциальных областях, таких как построение цифровой экономики, развитие инфраструктуры, расширение авиационного сотрудничества с целью создания качественных изменений в двусторонних отношениях.

Российская Федерация и Социалистическая Республика Вьетнам высоко ценят положительное развитие двусторонних отношений во всех сферах экономики. Стороны намерены принимать меры по преодолению вызовов, укреплению сотрудничества между Россией и Вьетнамом в сферах торговли, инвестиций, в области туризма, труда, образования и обучения, науки и техники. Вьетнамский бизнес проявляет все больший интерес к инвестициям на Дальний Восток России, особенно в области горнодобывающей промышленности и сельского хозяйства.

Отношения между Российской Федерацией и Социалистической Республикой Вьетнам – это отношения традиционной дружбы и доверия, прошедшие проверку временем и успешно развивающиеся во многих сферах. Во многом этому способствует регулярный и содержательный политический диалог, который не прерывался даже в условиях пандемии. Регулярные контакты на всех уровнях еще раз свидетельствуют о высоком уважении вьетнамской партии, государства и народа к вьетнамско-российским отношениям и обещают внести вклад в укрепление дружбы и доброго всестороннего стратегического партнерства между двумя странами.

Владимирова Д.А.: Слово для доклада предоставляется сотруднику Центра изучения Вьетнама и АСЕАН Института Китая и современной Азии РАН Буровой Елене Сергеевне. Тема доклада: "О российско-камбоджийских отношениях".

Бурова Е.С.: Спасибо, Диана Альбертовна. В развитии российско-камбоджийских связей наметились определенные позитивные подвижки. Между РФ и Камбоджей выявилось совпадение или близость позиций в отношении целого ряда глобальных и региональных проблем: полное неприятие "цветных революций", осуждение смены политических режимов путем внешнего вмешательства, необходимость оказания отпора международному терроризму, стремление к формированию полицентричной системы международных отношений в АТР, а также отстаивание множественности моделей развития государств и др.

Экономическое взаимодействие серьезно отстает от политического и характеризуется определенной нестабильностью. Сумма накопленных российских инвестиций в камбоджийской экономике в 2021 г. не превышала 135 млн долл., а их доля составила лишь 0,32%. Объем двустороннего товарооборота крайне незначительный и подвержен сильным колебаниям. Так, в 2015–2018 гг. товарооборот возрос почти втрое – с 36,4 млн долл. до 92,8 млн долл. Таким образом, темпы роста достигали 36% в год. Однако в 2019 г. возобладал обратный тренд, и взаимная торговля просела до 55,3 млн долл. Ковидный 2020 г. и последовавший за ним 2021 г. были отмечены ростом – 14% и 33%, достигнув 64,4 млн и 96,7 млн долл. соответственно. Вместе с тем доля РФ во внешнеторговом обороте Камбоджи возросла лишь с 0,17% до 0,22% [ASEANStat].

Однако начавшаяся в феврале 2022 г. СВО оказала определённое негативное влияние на диалог между Москвой и Пномпенем. Камбоджа не только открыто выразила неодобрение СВО, но и стала соавтором резолюции, осуждающей действия РФ на Украине.

Посол РФ в Камбодже Анатолий Боровик напомнил премьеру в Twitter, что "именно Москва помогла Пномпеню в самый трудный период его истории". Однако НПК прекрасно понимает, что нынешние экономические отношения с Россией серьезно отличаются от тех, что были в 1980-е гг., когда изолированный пномпеньский режим во главе с НРПК (предшественницей НПК) выживал за счет советской политической и экономической поддержки.

В марте состоялся телефонный разговор Хун Сена и Си Цзиньпина, накануне визита японского премьер-министра в Камбоджу. По заявлению МИД КНР, лидеры стран договорились "занимать взвешенную и справедливую позицию по ситуации на Украине" и работать над мирным урегулированием. Звонок Си Цзиньпина Хун Сэну незадолго до прибытия Кисиды, по-видимому, был неким напоминанием Камбодже о том, что нельзя слишком сближаться с Японией и Западом. Однако вопреки договоренности с самым главным партнером Камбоджи, с которым их объединяет "нерушимая" дружба, Хун Сен ужесточил риторику, назвав российскую военную операцию "вторжением".

В июле же представители Пномпеня заявляли, что Камбоджа никого не считает врагом, особенно Россию, с которой их связывает 60 лет отношений. А в августе министр иностранных дел РФ Сергей Ларов нанёс рабочий визит в Камбоджу и встретился с премьер-министром Хун Сеном и министром иностранных дел Камбоджи Праком Сокхонном. Было отмечено, что "Камбоджа и Россия будут поддерживать и активизировать политический диалог, регулярные контакты между правительствами, парламентами, местными властями и политическими партиями. Они будут укреплять взаимовыгодное сотрудничество в области торговли и инвестиций, науки и технологий, образования и культуры, обороны и безопасности, создавая благоприятные условия для деятельности организаций и компаний во всех секторах экономики".

В начале же ноября Хун Сен снова подчеркнул антироссийскую настроенность Пномпеня и заявил о предоставлении технической помощи Украине и отправке туда специалистов-саперов.

Подобная политика Пномпеня может быть объяснена двумя факторами, которые будут сдерживать двустороннее российско-камбоджийское сотрудничество. Во-первых, в 2023 г. в Камбодже пройдут очередные выборы, в рамках которых Хун Сен наметил передать власть своему сыну Хун Манету. Династическое правление вызывает серьезную критику со стороны стран Запада и, прежде всего, США. Прозападная же позиция дает надежду на осуществление намеченной смены власти безболезненным путем, без санкций и критики. Во-вторых, не следует исключать и экономический прагматизм. Несмотря на то что в последние годы страна активно искала возможность диверсифицировать свои торговые потоки, в том числе выступая с предложением заключить соглашение о свободной торговле с ЕАЭС с целью снизить зависимость от рынков ЕС и США, камбоджийцы понимают сложность реализации намеченного. Однако, принимая во внимание практику балансирования и извлечения максимальных выгод [Кучеренко, 2021], можно предположить, что Пномпень не будет отвергать точки соприкосновения с РФ, если таковы обозначатся.

Владимирова Д.А.: Слово для доклада предоставляется профессору вьетнамского научного института исследований культуры и искусства (Вьетнам) Ты Тхи Лоан. Тема доклада: "Культурное сотрудничество Вьетнама и России: достижения и проблемы".

Ты Тхи Лоан. Среди стран АСЕАН Вьетнам – единственная страна, имеющая всеобъемлющее стратегическое партнерство с Россией. Это результат давних традиций дружбы и взаимовыгодного сотрудничества, возвращенных поколениями предшественников, проверенных временем, выдержавших потрясения, отвечающих коренным интересам народов двух стран. Мало найдется других стран, вызывающих такую глубокую любовь и привязанность в сердцах вьетнамцев, как Россия. Это чувство проистекает не только из политической и экономической поддержки и сотрудничества, которые Россия оказывает Вьетнаму, но и из сочувствия в сердцах и чувствах людей. Вьетнам и Россия имеют близкие и схожие подходы по большинству международных и региональных вопросов. Поэтому Вьетнам является важным мостом между Россией и АСЕАН для реализации стратегии "Большой Евразии" и политики "Взгляд на Восток" Российской Федерации.

На основе всестороннего сотрудничества во всех аспектах между Вьетнамом и Россией культурное сотрудничество за последние 30 лет достигло многих успехов. Программы сотрудничества осуществляются во многих областях: музыка, театр, кино, изобразительное искусство, фотография, выставки, цирк, культурное наследие, художественный перевод, архивные записи, ремесла и другие виды искусства. Между университетами, киностудиями, библиотеками, музеями, художниками и академическими кругами двух стран установлено много прямых отношений. Например, только в год пересечения Вьетнама и России за два года с 2019 по 2020 г. в двух странах было проведено более 200 мероприятий. В настоящее время Россия является страной с самым большим количеством туристов во Вьетнаме в Европе и стабильным ростом.

Однако сделанные достижения все еще скромны по сравнению с потенциалом и силами двух стран, сотрудничество не является устойчивым, характер сотрудничества по-прежнему не инициативен, в основном основан на духе инклюзивности, не привлекает к участию социальные ресурсы. Русский язык все менее популярен во Вьетнаме, точно так же и в России меньше интересуются вьетнамской культурой.

В настоящее время глобальный экономический спад в результате пандемии COVID-19, специальная военная операция России в Украине, а также эмбарго США и Запада против России оказывают большое влияние на культурное сотрудничество между Вьетнамом и Россией.

В ближайшее время для развития культурного сотрудничества между двумя странами необходимы более активные и эффективные действия и решения на всех этапах: механизм координации; финансовая поддержка; человеческие ресурсы; коммуникативная деятельность; обмен творческими коллективами; учебная деятельность; художественный перевод; семинары и обмены между писателями, художниками и учеными, особенно ускорение строительства Вьетнамского культурного центра в России, служащего мостом для культурного и литературного сотрудничества между двумя странами.

Укрепление и развитие вьетнамо-российских отношений сотрудничества в духе всестороннего стратегического партнерства не только приносит взаимную выгоду народам двух стран, но и способствует укреплению мира, развития и стабильности в регионе АСЕАН и во всем мире. В этих отношениях культура является вестником мира, наиболее эффективным мостом, помогающим народам объединиться и построить мирный, гуманный и устойчивый мир.

Владимирова Д.А.: Предоставляю слово для доклада коллеге из Высшей школы экономики (г. Москва) Сури Суриани. Тема ее доклада: "Сотрудничество между Россией со странами АСЕАН: потребности стран АСЕАН на российские сельскохозяйственные продукты".

Сури Суриани. Очень важный момент можно заметить после присяги в качестве президента Филиппин, Президент Филиппин Фердинанд Маркос-младший заявил, что его стране, возможно, придется обратиться к России для удовлетворения своих потребностей в топливе на фоне резкого роста

мировых цен на энергоносители и борьбы с давлением со стороны западных союзников, призывающих избегать Москву.

Со стороны Индонезии, которая призвала G7 не вводить санкции против поставок удобрений из России, президент Индонезии заявил, что украинское зерно и российские удобрения способствуют продовольственной стабильности. Он надеется, что Россия не продлит ограничения на экспорт пшеницы.

Президент Индонезии Джоко Видодо, который участвовал в саммите G7 в Баварии в качестве гостя, призвал лидеров стран – членов объединения дать гарантии, что российские продовольствие и удобрения будут освобождены от санкций. Об этом он заявил на встрече с президентом России Владимиром Путиным.

Путин, со своей стороны, заявил, что, хотя формально Запад не вводил санкций против российского продовольствия и удобрений, под ограничения попали владельцы компаний-производителей, что "затрудняет заключение контрактов, осложнило действие финансовых операций.

Товарооборот России и Индонезии в 2021 г. вырос на 40% с \$2,3 до \$3,3 млрд.

Торговый представитель России в Индонезии Сергей Россоматов сообщил, что это исторический максимум за последние три десятилетия.

Он уточнил, что импорт вырос за год почти на 50%, с \$1,78 до \$2,65 млрд, преимущественно в Индонезии отечественные производители закупают пальмовое масло (53% от доли импорта), машины и оборудование (9,8%), натуральный каучук (5,7%), обувь (5,3%), какао-бобы и продукты их переработки (4,3%). Сейчас российские экспортеры и производители стремятся выйти на рынки Азии и развивать эти направления, поэтому мы можем оценить потенциал индонезийского рынка.

Индонезия в настоящее время ведет переговоры о Свободной Торговле с Евразийским экономическим союзом, премьер-министр России Дмитрий Медведев подтвердил это на 14-м саммите стран Восточной Азии в ноябре 2019 г. Это означает, что российским предприятиям необходимо уже сейчас начать маркетинговые исследования возможностей на этом рынке. Стоит отметить, что в стране проживает либеральное мусульманское население и в стране действуют исламские халяльные и другие правила, хотя туристический остров Бали является индуистским.

Тем не менее Индонезия является хорошим выбором в качестве торгового партнера России. Индонезия является четвертой по численности населения страной в мире и 10-й по величине экономикой по паритету покупательной способности.

Республика также была воротами в АСЕАН для российского автопроизводителя КАМАЗ, который в 2018 г. открыл в стране завод и ряд сервисных центров. Индонезия является членом блока АСЕАН, в который также входят Бруней, Камбоджа, Лаос, Малайзия, Мьянма, Филиппины, Сингапур, Таиланд и Вьетнам. Эти страны пользуются преимуществами свободной торговли друг с другом, поэтому в соответствии с правилами происхождения товары одной страны могут беспощинно экспортироваться в другую. АСЕАН также имеет соглашения о свободной торговле с Китаем и Индией. Это означает, что при определенных обстоятельствах российское производственное предприятие может беспощинно экспортировать продукцию на эти рынки.

Сейчас торговля России с Индонезией также имеет положительную динамику. В январе 2022 г. объем двусторонней торговли достиг 415 миллионов долларов США, при сохранении тенденции это даст годовой товарооборот в размере 4,98 миллиарда долларов США и позволит достичь цели двусторонней торговли на два года раньше запланированного срока.

В настоящее время Россия продает в Индонезию различные товары: от нефти и газа до удобрений и автомобильных запчастей, а также полуфабрикаты из железа, угольные брикеты и калийные удобрения. В Индонезии растет число русских экспатриантов, особенно на Бали, в этом секторе есть много возможностей для роста.

Стоит отметить, что у России также есть Соглашение об избежании двойного налогообложения с Индонезией, которое при правильном использовании может снизить налоги на прибыль для российских организаций, базирующихся в Индонезии.

Путин также подтвердил свою готовность предоставить большое количество пшеницы беднейшим странам бесплатно в качестве гуманитарной помощи. Такой подход, по мнению Кремля, поддерживает Джокови.

"Также подтверждено совместное намерение и дальше выстраивать взаимовыгодные отношения России и Индонезии в различных сферах", – заявили в Кремле.

Владимирова Д.А.: Предоставляю слово своим коллегам, а именно: Соколовскому А. Я., Егупову Е. В. и себе. Речь пойдет о сотрудничестве России со странами АСЕАН в области науки и образования на примере Дальневосточного федерального университета (ДВФУ).

Соколовский А.Я.: Дальневосточный федеральный университет (ДВФУ) в современных условиях, определяемых политикой России разворота на Восток, активно развивает "восточный вектор" сотрудничества в области науки, образования и новых технологий с университетами, исследовательскими, образовательными, инновационными, промышленными, деловыми, правительственными и некоммерческими организациями стран АСЕАН. И хотя среди членов этой влиятельной международной организации ЮВА у России, в силу исторических причин, сложились наиболее тесные связи с Социалистической Республикой Вьетнам и даже достигли уровня всеобъемлющего стратегического партнерства, однако мы стремимся добиться прогресса и с другими дружественными нам странами этого региона. Поэтому ДВФУ стал эффективной площадкой для развития диалога России не только со странами АСЕАН, но и всего Азиатско-Тихоокеанского региона. На это, в частности, указывается в Программе развития ДВФУ на 2021-2030 гг, утвержденной и согласованной Минобрнауки. Особо важная роль ДВФУ как важной геополитической точки диалога России со странами АТР подтверждается ежегодно проводимым на его территории Восточным экономическим форумом, а также проходящих в его рамках международных Университетских форумов.

По состоянию на июль 2022 г. ДВФУ активно сотрудничает со 180 иностранными партнерами. Плодотворное сотрудничество с зарубежными партнерами осуществляется по следующим направлениям: совместные научные исследования, организация и проведение международных конференций, семинаров, круглых столов, летних школ, реализация двух дипломных программ и программ включенного обучения, академических обменных программ студентами и преподавателями, профессиональных стажировок, участие студентов и преподавателей в зарубежных грантовых программах. В настоящее время на различных образовательных программах университета обучается более 19,5 тысяч студентов, в том числе 3,5 тысячи из зарубежных стран, включая страны АСЕАН. Одним из наиболее значимых достижений международной деятельности ДВФУ является создание зарубежных представительств. К настоящему времени открыты представительства ДВФУ в г. Токио на базе университета Токай, в г. Ханой на базе Ханойского национального университета, в Пекине на базе Китайской академии общественных наук и в г. Ноида на базе университета Амита (Индия). В ближайшее время в Республике Союз Мьянма откроется филиал Дальневосточного федерального университета (ДВФУ). Он станет первым российским и единственным иностранным вузом в стране. Соответствующее соглашение подписано на заседании 3-й Межправительственной Российско-Мьянманской комиссии по торгово-экономическому сотрудничеству в городе Нейпидо. Филиал будет готовить специалистов для Республики Союз Мьянма в области IT и медицины.

Егупов В.И., Владимирова Д.А.: Дальневосточный федеральный университет сегодня – значимый игрок в научно-образовательном и инновационном пространстве Азиатско-Тихоокеанского региона (АТР). Биомедицина является одним из приоритетных направлений развития ДВФУ, а ученые Школы биомедицины прекрасно зарекомендовали себя на международном уровне.

В 2018 г. в Школе биомедицины ДВФУ при поддержке Центрального научно-исследовательского института эпидемиологии Роспотребнадзора открылся Международный научно-образовательный центр молекулярных технологий, переименованный впоследствии в Центр биологической безопасности. Основной задачей Центра является обучение отечественных и зарубежных специалистов (в первую очередь из стран Азиатско-Тихоокеанского

региона) современным методикам диагностики инфекционных заболеваний. О создании центра было объявлено в 2017 г. на III Восточном экономическом форуме, когда Роспотребнадзор и ДВФУ заключили меморандум о сотрудничестве.

В 2018 г. первыми слушателями Центра молекулярных технологий ДВФУ стали специалисты из Вьетнама, которые прошли курс обучения в рамках выполнения Роспотребнадзором программы содействия Вьетнаму в борьбе с угрозами инфекционных болезней. Слушателей семинара познакомили и обучили современным молекулярно-генетическим технологиям по диагностике инфекционных заболеваний на основе отечественных тест-систем.

В период 02–06 декабря 2019 г. для специалистов из стран ASEAN на базе Международного научно-образовательного Центра биологической безопасности ШБМ прошёл образовательный семинар "Использование современных молекулярно-генетических технологий в обеспечении биологической безопасности".

В семинаре приняли участие 19 старших должностных лиц и руководителей подразделений, задействованных для обеспечения биологической безопасности, из Мьянмы, Таиланда, Лаоса, Камбоджи, Малайзии, Индонезии, Брунея, Филиппин. В течение пяти дней российские специалисты из Федеральной службы Роспотребнадзора, ДВФУ и ДВО РАН, а также сотрудники Центра успешно провели обучение, состоящее из 25 лекционных и семинарских занятий по общим вопросам организации системы биологической безопасности различных уровней.

С 21 по 25 марта 2022 г. для специалистов из стран ASEAN был проведен ещё один образовательный семинар по вопросам контроля инфекционных заболеваний, новейшими отечественными технологиями мониторинга социально-значимых и природно-очаговых заболеваний. В мероприятии приняли участие руководители и представители подразделений по обеспечению биологической безопасности из Вьетнама, Камбоджи и Мьянмы.

14–18 ноября 2022 г. состоялся очередной международный обучающий семинар для специалистов из стран ASEAN. "Использование современных молекулярно-генетических технологий в обеспечении биологической безопасности: пищевая безопасность, антибиотикорезистентность и генно-модифицированные организмы" под бессменным руководством профессора ДВФУ Михаила Шелканова. Среди слушателей семинара – представители 7 стран ASEAN: Брунея, Вьетнама, Камбоджи, Лаоса, Малайзии, Мьянмы, Таиланда. Перед слушателями выступили с лекциями ведущие российские специалисты из Москвы и Владивостока, включая преподавателей ДВФУ, которые рассказали о современных методиках, технологиях, а также тест-системах, расходных материалах и оборудовании российского производства. Центральным событием семинара стало знакомство с Международным научно-образовательным Центром биологической безопасности Роспотребнадзора в ДВФУ и занятия в мобильных лабораториях на базе высокопроходимых автомобилей КАМАЗ, которые успешно зарекомендовали себя в различных климатических условиях и регионах мира.

Всего за 2019–2022 гг. в Международном научно-образовательном Центре биологической безопасности Института наук о жизни и биомедицины ДВФУ прошли обучение и повысили квалификацию свыше 100 представителей стран ASEAN. Достигнуты договоренности о продолжении данной работы в ближайшем будущем.

Владимирова Д.А.: По вопросу проблем имиджевого позиционирования и продвижения экономического и гуманитарного сотрудничества российского Дальнего Востока со странами Юго-Восточной Азии свои суждения выскажет наш коллега Петр Юрьевич Самойленко, доцент кафедры Тихоокеанской Азии ДВФУ.

Самойленко П.Ю.: Одной из важнейших задач в развитии Дальнего Востока России и Приморского края в настоящее время является усиление сотрудничества со странами Азиатско-тихоокеанского региона. При этом очевидно, что региону требуется определенное и продуманное имиджевое позиционирование, ориентированное целевым образом на страны Юго-Восточной Азии и предусматривающее приоритетную работу с целевыми группами в этих странах.

Основными имиджевыми доминантами современного российского Дальнего Востока и Приморского края могут и должны стать следующие: использование потенциала природных ресурсов региона; более активное экспортное позиционирование сельского хозяйства региона; работа с высоко маржинальными статьями импорта, такими как переработанные морские биологические ресурсы и продукция агропромышленного комплекса; появление практики переработки и экспорта востребованной в Азии продукции Уссурийской тайги, такой как дикоросы; активизация проектов в области туризма, включая такие направления, как экологический туризм, образовательные проекты и так далее; в связи с тем, что ведущие экономики ЮВА делают упор на развитие технологий в рамках производства, то неочевидным, но достаточно перспективным направлением в работе со странами указанного региона является использование имеющегося на Дальнем Востоке потенциала в сфере IT – эта база обучения на уровне ССУЗов и ВУЗов, производственные компании, наличие специалистов, а также проекты создания определенной материальной базы в рамках сотрудничества – к примеру, строительство на Дальнем Востоке дата-центров.

Использование позитивного исторического бэкграунда сотрудничества с такими странами ЮВА, как Вьетнам, в том числе и в рамках транзита грузов через Владивосток.

Активизация побратимских связей с городами ЮВА и иных принципов так называемой стратегии "мягкой силы".

Использование возможностей логистических (прежде всего контейнерных) сервисов для визуализации образов, связанных с Дальним Востоком России.

Формирование системы постоянного информирования стран ЮВА об актуальных событиях, происходящих на Дальнем Востоке России. Делать это нужно и через представителей и иностранные диаспоры соответствующих стран, находящиеся на Дальнем Востоке России. Также необходимо создание специализированных и тематических информационных ресурсов, в том числе в сети Интернет, ориентированных на бизнес Дальнего Востока России и стран ЮВА и позволяющих создавать постоянную актуальную информационную повестку по этим вопросам.

Владимирова Д.А.: По вопросу отношений стран АСЕАН и США выступит профессор кафедры Тихоокеанской Азии, Гарусова Лариса Николаевна.

Гарусова Л.Н.: Внешнеполитическая стратегия "Свободного и открытого Индо-Тихоокеанского региона", инициированная президентом Д. Трампом и продолженная в настоящее время президентом Дж. Байденом, нацелена на сдерживание Китая и сохранение влияния США через поддержание традиционных "блоков" американского присутствия в регионе. Среди них – создание системы коллективной безопасности через сеть традиционных и новых союзников и партнёров, а также содействие региональному экономическому развитию с участием США. Последнее имеет особое значение для стран АСЕАН, заинтересованных в получении новых возможностей и ресурсов в условиях глобальной конкуренции США и Китая.

Отказ президента Трампа от участия в Транстихоокеанском партнёрстве объективно сузил американские возможности комплексной реализации проекта Индо-Пацифики в части экономического сдерживания Китая, так как для стран региона, в том числе и государств АСЕАН, чрезвычайно значимы торгово-экономические связи с последним. С одной стороны, стремление американской администрации конкурировать с Пекином создало новые возможности для взаимодействия США и Юго-Восточной Азии. Так, возобновились экономические отношения Вашингтона с государствами региона Меконг, большинство из которых входит в АСЕАН (Таиланд, Мьянма, Лаос, Вьетнам, Камбоджа), расширило круг партнёров США в ЮВА. С другой стороны, с учётом *незаменимости Китая в обеспечении жизнеспособности региональных торговых и инвестиционных потоков, а также его проникновения в сеть региональных механизмов сотрудничества, сдерживание Пекина в стиле холодной войны не является для стран АСЕАН выгодной опцией. Поэтому США не могут рассчитывать на полную поддержку странами АСЕАН своей*

антикитайской политики, являющейся стержнем концепта "Свободного и открытого Индо-Тихоокеанского региона".

Ассоциация государств Юго-Восточной Азии имеет свой взгляд на политику США, равно как и собственные претензии на лидерство в регионе. Государства АСЕАН отвергают любое узкое определение Китая в качестве "гегемонистской угрозы", которую призвана сдерживать коалиция Quad (США-Индия-Австралия-Япония), являющаяся организационной основой региональной стратегии США. Почти все малые и средние страны Юго-Восточной Азии рассматривают Пекин как незаменимую заинтересованную сторону, которая должна быть вовлечена в Индо-Пацифику на институциональной основе через АСЕАН и другие многосторонние механизмы.

У стран АСЕАН в настоящее время возникла дилемма: как им относиться к Китаю и Соединённым Штатам, чью сторону занять? Им бы не хотелось осложнять отношения ни с одним из мировых лидеров. По мнению исследователя Брукингского института Р. Хейдариана, *единомышленники региональных и международных держав должны выбрать вместо стратегии "сдерживания" стратегию разумного "ограничения" Китая. Такая стратегия предполагает взвешенное использование комбинации дипломатических, экономических и военных инструментов для ограничения "худших инстинктов Пекина" и "поощрения его лучших намерений". Все это должно превратить Китай в ответственного лидера в системе международных отношений.*

И Вашингтон, и Пекин, продвигая свои проекты, стремятся опередить соперника и заручиться поддержкой государств региона. Так, Китай стал финансистом крупных инфраструктурных проектов в ЮВА в рамках "Инициативы Пояса и пути" (BRI). В ответ на это США предложили *новые формы технической помощи и консультаций таким странам, как Мьянма и Вьетнам, которые позволили им улучшить условия своих инфраструктурных кредитов с Пекином.*

Таким образом, страны АСЕАН могут извлекать выгоду из конкуренции США и Китая, сохраняя при этом собственный баланс интересов и претендуя на роль некоего самостоятельного политического и экономического центра в ЮВА.

Владимирова Д.А.: Коллеги, большое спасибо за содержательные доклады. Мы смогли сегодня обсудить возможное сотрудничество России и стран АСЕАН в области экономики, в социально-культурно сфере (культуру, миграцию, образование и контакты между людьми), а также некоторые аспекты политического взаимодействия России и стран АСЕАН. Считаю, что обмен мнениями состоялся и был весьма содержателен.

Информация об авторах

Елена Сергеевна Бурова, научный сотрудник Центра изучения Вьетнама и АСЕАН Института Китая и современной Азии РАН, Москва, Россия, e-mail: epylcina@yandex.ru

Диана Альбертовна Владимировна, канд. ист. наук, профессор кафедры Тихоокеанской Азии Дальневосточного федерального университета, Владивосток, Россия, e-mail: vladimirova.da@dvfu.ru

Лариса Николаевна Гарусова, д-р. ист. наук, профессор кафедры Тихоокеанской Азии Дальневосточного федерального университета, Владивосток, Россия, e-mail: lgarusova@mail.ru

Елена Александровна Глазкова, ст. преподаватель кафедры Тихоокеанской Азии Дальневосточного федерального университета, Владивосток, Россия, e-mail: sh_elenaa@mail.ru

Виктор Иванович Егупов, ведущий специалист отдела по социальной и культурной адаптации Международного института подготовки и адаптации иностранных граждан Владивостокского государственного университета, Владивосток, Россия, e-mail: v.egupov@vvsu.ru

Артём Леонидович Лукин, канд. полит. наук, доцент кафедры международных отношений кафедры Дальневосточного федерального университета, Владивосток, Россия, e-mail: artlukin@mail.ru

Владимир Моисеевич Мазырин, д-р. экон. наук, руководитель Центра изучения Вьетнама и АСЕАН Института Китая и современной Азии РАН, Москва, Россия, e-mail: mazyrin_v@mail.ru

Елена Андреевна Рыбаченко, ст. преподаватель кафедры Тихоокеанской Азии Дальневосточного федерального университета, Владивосток, Россия, e-mail: rybachenko.ea@dvfu.ru

Пётр Юрьевич Самоыленко, канд. полит. наук, доцент кафедры международных отношений кафедры Дальневосточного федерального университета, Владивосток, Россия, e-mail: samoilenko.pyu@dvfu.ru

Александр Якубович Соколовский, канд. филол. наук, профессор кафедры Тихоокеанской Азии Дальневосточного федерального университета, Владивосток, Россия, e-mail: yalishanda@mail.ru

Суриани Сури, преподаватель индонезийского языка Высшей школы экономики, Москва, Россия, e-mail: surisalim@gmail.com

Ты Тхи Лоан, доктор наук, профессор Вьетнамского научного института исследований культуры и искусства, Ханой, Вьетнам, e-mail: tuthiloanh@yahoocom

Information about the authors

Elena S. Burova, Researcher, Center for Vietnam and ASEAN Studies, Institute of China and Modern Asia, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia, e-mail: epylcina@yandex.ru

Diana A. Vladimirova, Candidate of Historical Sciences, Professor, Department of Pacific Asia, Far Eastern Federal University, Vladivostok, Russia, e-mail: vladimirova.da@dvfu.ru

Larisa N. Garusova, Doctor of Historical Sciences, Professor, Department of Pacific Asia, Far Eastern Federal University, Vladivostok, Russia, e-mail: lgarusova@mail.ru

Elena A. Glazkova, Senior Lecturer, Department of Pacific Asia, Far Eastern Federal University, Vladivostok, Russia, e-mail: sh_elenaa@mail.ru

Viktor I. Egupov, Leading Specialist, Department for Social and Cultural Adaptation, International Institute for Training and Adaptation of Foreign Citizens, Vladivostok State University, Vladivostok, Russia, e-mail: v.egupov@vvsu.ru

Artyom L. Lukin, Candidate of Political Sciences, Associate Professor, Department of International Relations, Far Eastern Federal University, Vladivostok, Russia, e-mail: artlukin@mail.ru

Vladimir M. Mazyrin, Doctor of Economics, Head of the Center for Vietnam and ASEAN Studies, Institute of China and Modern Asia, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia, e-mail: mazyrin_v@mail.ru

Elena A. Rybachenko, Senior Lecturer, Department of Pacific Asia, Far Eastern Federal University, Vladivostok, Russia, e-mail: rybachenko.ea@dvfu.ru

Petr Yu. Samoilenko, Candidate of Political Sciences, Associate Professor, Department of International Relations, Far Eastern Federal University, Vladivostok, Russia, e-mail: samoilenko.pyu@dvfu.ru

Alexander Ya. Sokolovsky, Candidate of Philological Sciences, Professor, Department of Pacific Asia, Far Eastern Federal University, Vladivostok, Russia, e-mail: yalishanda@mail.ru

Suriani Suri, Teacher of Indonesian, National Research University Higher School of Economics, Moscow, Russia, e-mail: surisalim@gmail.com

Tu Thi Loan, PhD, Professor, Vietnam Science Institute for Cultural and Art Research, Hanoi, Vietnam, e-mail: tuthiloanh@yahoocom

Поступила в редакцию 23.01.2023

Received 23.01.2023

Принята к публикации 16.02.2023

Accepted 16.02.2023

Научная статья
УДК 321.01
<https://doi.org/10.24866/1998-6785/2023-1/80-94>

Опыт междисциплинарного исследования трансграничного региона: Дальний Восток России – Северо-Восточный Китай

Александр Николаевич Демьяненко
Институт экономических исследований ДВО РАН, Хабаровск, Россия, demyanenko@ecrin.ru
Максим Вадимович Клиценко
Высшая школа медиа, коммуникаций и сервиса Тихоокеанского государственного университета,
Хабаровск, Россия, 007756@pnu.edu.ru

Аннотация: В статье приводится ретроспективный анализ проблем российско-китайского сотрудничества в трансграничном регионе ДВ-СВК. В частности, в статье уделяется внимание вопросу формирования трансграничных регионов на субнациональном уровне, таких как Дальний Восток (ДВ) и Северо-Восточный Китай (СВК). В данном контексте выделяется не территория, а регион (независимо от его масштаба), то есть пространственная система. Причем система сверхсложная, открытая и динамичная.

Ключевые слова: *Дальний Восток России, Северо-Восток Китая, трансграничный регион, региональная концепция*

Исследование выполнено при финансовой поддержке внутреннего гранта ТОГУ: 8.22 ТОГУ "Российско-китайское сотрудничество в новых реалиях: дальневосточное измерение" стратегического плана развития университета до 2030 года "Приоритет 2030".

Для цитирования: Демьяненко А. Н., Клиценко М. В. Опыт междисциплинарного исследования трансграничного региона: Дальний Восток России – Северо-Восточный Китай // Ойкумена. Регионоведческие исследования. 2023. № 1. С. 80–94. <https://doi.org/10.24866/1998-6785/2023-1/80-94>

Original article
<https://doi.org/10.24866/1998-6785/2023-1/80-94>

Experience of interdisciplinary research of the transborder region: the Far East of Russia – Northeast China

Aleksandr N. Demyanenko
Khabarovsk, Russia, demyanenko@ecrin.ru
Maksim V. Klitsenko
Higher school of media, communication and service, Pacific National University,
Khabarovsk, Russia, 007756@pnu.edu.ru

Abstract. The article provides a retrospective analysis of Russian-Chinese cooperation problems in the cross-border region of the Far East and Northeast China. In particular, the article focuses on the formation of cross-border regions at the subnational level, such as the Far East (Far East) and Northeast China (NEC). In this context, not a territory is singled out, but a region (regardless of its scale), that is, a spatial system. Moreover, the system is extremely complex, open and dynamic.

Key words: *Russian Far East, Northeast of China, transboundary, regional concept*

The study was financially supported by the PNU internal grant: 8.22 PNU "Russian-Chinese cooperation in new realities: the Far Eastern dimension" of the University's strategic development plan until 2030 "Priority 2030".

For citation: Demyanenko A. N., Klitsenko M. V. Experience of interdisciplinary research of the transborder region: the Far East of Russia – Northeast China // Ojkumena. Regional researches. 2023. No. 1. P. 80–94. <https://doi.org/10.24866/1998-6785/2023-1/80-94>

Введение

В последние годы только ленивый не обращался в той или иной форме к обсуждению проблем российско-китайского сотрудничества. Количество публикаций как в отечественной, так и в зарубежной научной и околонучной литературе, посвященных тем или иным аспектам упомянутого сотрудничества труднообозримо. Тем не менее до настоящего времени существует ряд тем и подходов в исследованиях российско-китайского сотрудничества, которые не получили должного освещения. В частности, это относится к формированию трансграничных регионов на субнациональном уровне, таких как Дальний Восток (ДВ) – Северо-Восточный Китай (СВК).

Наша цель заключается прежде всего в том, чтобы привлечь внимание коллег к реальным проблемам российско-китайского сотрудничества в

трансграничном регионе ДВ-СВК. По нашему мнению, одним из подходов, позволяющим понять механизмы строительства не только упомянутого выше трансграничного региона, но и на других территориях российско-китайского приграничья, является ретроспективный анализ.

Естественно, приграничное сотрудничество или, точнее, трансграничное сотрудничество предполагает наличие территории, в пределах которой это сотрудничество имеет место. Тем не менее до настоящего времени ни в отечественной, ни в зарубежной науке нет общепринятого понимания ни того, что есть трансграничные территории, ни того, каким образом эти территории следует выделять.

Трансграничный регион ДВ-СВК в данной статье рассматривается как частный случай пространственных социально-экономических систем. Специфика определяется прежде всего самим фактом взаимодействия регионов субнационального уровня по обе стороны государственной границы.

При этом трансграничный регион ДВ-СВК обладает рядом специфических черт. Пожалуй, главная из них заключается в том, что с момента его возникновения в конце XIX в. и по настоящее время этот регион представлял собой место пересечения интересов не только России и Китая, но и других глобальных и региональных акторов, среди которых не только США и Япония, что очевидно, но и Великобритания, Германия.

Вторая особенность рассматриваемого трансграничного региона заключается в том, что конфигурация его границ, как и характер взаимодействий между российским ДВ и СВК находились в процессе постоянных изменений. Более того, на определенных этапах, когда в силу тех или иных причин имела место смена интеграционных процессов на процессы дезинтеграции, трансграничный регион как пространственная социально-экономическая система переходил в латентную фазу.

Еще одна особенность (вполне возможно, эта черта присуща не только рассматриваемому региону) – это несовпадение границ административно-территориального деления и границ трансграничного макрорегиона. Прежде всего отметим, что нет никаких оснований, кроме "удобств управления", рассматривать экономику в пределах ДФО как пространственную систему¹, – скорее всего, это конгломератная структура².

По нашему мнению, в настоящее время в границах ДФО следует выделять как минимум три макрорегиона: Забайкалье, Якутия и Дальний Восток. Эти макрорегионы отличаются друг от друга и по совокупности природных факторов, что находит отражение в структуре ландшафтного пространства³, пространственной организации экономики и систем расселения, то есть в конечном счете в организации социального пространства. В дальнейшем, говоря о ДВ, мы имеем в виду не ДФО, а именно ДВ, и, прежде всего, Южную макророзу в его пределах⁴.

Для СВК (Маньчжурия) в меньшей степени, чем для ДВ, характерно несовпадение границ административных и границ пространственных социально-экономических систем. Показательно, что провинция Ляонин, традиционно рассматриваемая как часть Маньчжурии, в последней сетке макрорегионов (выделенных прежде всего по экономическим, но не только основаниям) одновременно является частью макрорегиона СВК и Бохайского залива [12, с. 48]. Здесь будет уместно отметить, что обособление северной Маньчжурии от южной в явном виде стало проявляться еще до русско-японской войны. Поэтому по изложенным выше причинам, авторы посчитали возможным принять

¹ Достаточно подробно этот вопрос был рассмотрен в ряде публикаций последних лет: [27; 28; 42].

² О конгломератных пространственных структурах [26].

³ О ландшафтных зонах и макрорегионах [16].

⁴ О макроэкономическом зонировании ДФО [7; 12].

СВК без южной Маньчжурии, то есть в самом общем виде в пределах провинций Хэйлунцзян и Цзилинь⁵.

Следовательно, если мы не используем готовую сетку административно-территориального деления (АТД), то нам придётся признать, что определение границ приграничных территорий – задача нетривиальная⁶. И задача становится еще более сложной, если мы намерены осуществить выделение не территории, а региона (независимо от его масштаба), то есть пространственной системы. Причем системы сверхсложной, открытой и динамичной.

Методология и методика исследования

Исходный методологический принцип, которым руководствовались авторы данной статьи, можно сформулировать следующим образом: трансграничный регион представляет собой своего рода пространственную проекцию российско-китайского сотрудничества. То есть мы имеем дело не с неким своеобразным контейнером, вмещающим различных акторов, вовлеченных в приграничное сотрудничество, а с социальным конструктом⁷. И в качестве такового трансграничный регион рассматривается нами как открытая пространственная система, границы которой не только проницаемы, но и находятся в режиме постоянных изменений, что, в свою очередь, обусловлено изменениями в масштабах и формах российско-китайского сотрудничества. Более того, регион в этом случае – это не только категория академического, а отчасти и экспертного, дискурса, но и дискурса общественного, как "просторечная, курсивная единица, плавающая в сознании людей" [47, с. 239].

Скорее всего, нет оснований полагать, что возможно какое-то одно, пригодное на все случаи жизни, решение относительно того, что есть приграничные территории, как и универсальный метод их выделения. И в том, и в другом случае, если не все, то очень многое будет определяться целями исследования и отчасти квалификацией исследователя.

По нашему мнению, своеобразным твердым ядром научно-исследовательской программы, предлагаемой авторами статьи, может стать региональная концепция, которая может быть дополнена теорией сложности (theory of complexity) [34; 35] и теоретическими концепциями из области международных отношений.

Применительно к заявленной теме подход с позиции теории сложных систем к исследованию трансграничных регионов, и в том числе ДВ-СВК, подчеркивает их динамичность, процессуальность и непредсказуемость. Более того, подход с точки зрения теории сложных систем акцентирует внимание на существовании множественных форм организации, в нашем случае сотрудничества в пределах трансграничного региона. При этом, как правило, изменения имеют нелинейный характер; "причины" и "следствия" необязательно пропорциональны друг другу, а микро- и макроуровни анализа неравнозначны⁸.

Что же касается природы трансграничных регионов, то они не являются ни социальными, ни природными. Скорее, в данном случае следует говорить о гибридной природе этих пространственных систем.

И последнее по счету, но не по значимости: так как контролировать будущие состояния сложных систем крайне сложно, то "соответственно, знать заранее, что именно вызовет желаемые будущие изменения, почти невозможно" [35, с. 123]. Но, не вдаваясь в технологии сценарного прогнозирования, тем не менее следует отметить, что всякий раз воссоздание трансграничного

⁵ Отметим, что в научной литературе, посвящённой российско-китайскому сотрудничеству, превалирует "административная" трактовка и СВК (с провинцией Ляонин) и ДВ, которая отождествляет его с ДФО. См., например: [33].

⁶ Показателен обмен мнениями относительно содержания термина "регион" на страницах журнала "Ойкумена. Регионоведческие исследования" [30].

⁷ О регионе как социальном конструкте [48].

⁸ В этой связи приведем мнение одного из экспертов в области международных отношений Г. Кристофферсен: "О чем бы ни договаривались президенты Путин и Си, это модифицируется на местном уровне" [41].

региона ДВ-СВК, будучи процессом нелинейным и трудно предсказуемым, как правило, связано с пересборкой уже существовавших элементов. Это придает особое значение историческому знанию, а следовательно, инструментарию ретроспективного анализа, ориентированного на выявление тех знаний и умений, которые актуальны для выявления и решения современных проблем становления и эффективного функционирования трансграничного региона.

Естественно, что, имея дело со сложным социальным феноменом в качестве объекта исследования, авторы не могли игнорировать и результаты теоретических поисков в социально-гуманитарных дисциплинах. В первую очередь речь идет о целом ряде теоретических концепций, таких как производство пространства А. Лефевра, концепции полей П. Бурдьё и мобильностей Д. Урри, которые с известной долей условности можно рассматривать, пользуясь терминологией И. Лакатоша, как защитный пояс научно-исследовательской программы. И раз речь зашла о защитном поясе предлагаемой научно-исследовательской программы, то она преимущественно состоит не столько из упомянутых выше теоретических концепций (при всей их значимости), сколько из практики применения этих концепций при принятии решений в политической, экономической, культурной и иных сферах жизнедеятельности общества⁹.

Результаты исследования

Сразу отметим, что история российско-китайского сотрудничества нас интересует с конца XIX в., то есть с того времени, когда по обе стороны государственной границы начали складываться (прежде всего на российской стороне) регионы макроуровня (Дальний Восток и Маньчжурия)¹⁰. В пределах этого временного периода характер и направления российско-китайского сотрудничества в регионе не оставалось неизменным. По-нашему мнению, можно говорить как минимум о четырех этапах, отличающихся друг от друга не только движущими силами, масштабами, структурой и формами сотрудничества, но и контекстом. Говоря о контексте, мы имеем в виду как геополитическую, так и внутривнутриполитическую ситуацию.

От КВЖД до японской оккупации Маньчжурии

Этот период, впрочем, как и все последующие, отличался крайней противоречивостью и "размытостью" границ. В самом общем виде временные границы мы определяем следующим образом: начало – это конец XIX в., завершение – оккупация Маньчжурии Японией. Характерная черта (несмотря на вооруженные конфликты между сторонами) заключалась в том, что для Российской империи (затем СССР) и Китая сотрудничество было взаимовыгодным, во всяком случае в экономической сфере.

Несомненно, важнейшим проектом этого периода было строительство, а затем и совместная эксплуатация Китайско-Восточной железной дороги (КВЖД). КВЖД – это не столько, как бы сказали сейчас, инфраструктурный проект, сколько, по-нашему мнению, транспортно-колониальный комбинат, если использовать терминологию начала XX в. Хотя при разработке и на начальной стадии реализации проекта имели хождение мнения относительно того, что Транссиб и КВЖД могут стать своего рода мостом между Европой и Тихим океаном, по окончании русско-японской войны стало очевидным, что обе эти железнодорожные магистрали имеют скорее значение колониационное, чем транзитное. Впрочем, здесь необходимо уточнение: Транссиб имел, несомненно, огромное значение в качестве инструмента колонизации Сибири

⁹ Более подробно этот сюжет рассмотрен в [13].

¹⁰ О становлении дальневосточного макрорегиона [11]. Что же касается становления макрорегиона СВК или, иначе, Маньчжурии, то это в первую очередь работа [3]. Из современных работ отечественных авторов упомянем [12], а из зарубежных авторов особого упоминания заслуживает работа [40], содержащая обстоятельный анализ эволюции концепции макрорегиона в контексте исследования Китая в академическом сообществе, в том числе и китайском.

и ДВ, а вот КВЖД оказала как минимум не меньшее значение для колонизации СВК¹¹ и отчасти Приамурского края.

Однако, как бы ни был значим проект КВЖД, им не исчерпывается все многообразие российско-китайского сотрудничества. Прежде всего, следует упомянуть трудовую миграцию из Китая на строительство порта и крепости во Владивостоке, Уссурийской железной дороги¹². Кроме того, значительное количество китайцев работало на золотых приисках Приамурского края¹³.

Другая форма российско-китайского сотрудничества – это организация выходцами из Китая торговых и промышленных предприятий на территории Приамурского края¹⁴. В свою очередь, российские предприниматели не так быстро, как того хотелось российским властям, создавали промышленные и торговые предприятия в Маньчжурии¹⁵.

В конечном итоге в начале XX в. на сопредельных территориях Маньчжурии (после русско-японской войны – ее северной части), Приамурья и Приморья сформировалась экономическая система, на роль организующего центра которой во все большей мере претендовал быстрорастущий Харбин. Этот город, основанный русскими, достаточно быстро стал крупнейшим промышленным и транспортно-распределительным центром, чему в немалой мере способствовало то обстоятельство, что он имел выходы сразу к Бохайскому заливу Желтого моря (Дальний, Порт-Артур) и в Японское море (Владивосток)¹⁶. Харбин быстро и надолго стал уникальным социальным феноменом, своего рода плавильным котлом, в котором происходил интенсивный культурный обмен¹⁷.

Не столь впечатляющим, но несомненным был экономический рост и ДВ: росли города, шло интенсивное освоение природно-ресурсного потенциала Приморья и Приамурья¹⁸, происходило формирование каркаса транспортной инфраструктуры (морские порты, речные пристани, железные дороги)¹⁹, открывались предприятия обрабатывающей промышленности (показательно, что развитие промышленности, и в первую очередь обрабатывающей, шло на качественно новой технологической основе), росли товароборот и иностран-

¹¹ Здесь уместно привести мнение В.А. Анучина: "Русские буквально "открыли" Маньчжурию для остального мира, в том числе и для Китая", и это "открытие" сопровождалось ростом численности населения с 8,1 млн. чел в 1891 г. до 15,8 млн. чел. в 1908 г. [3, с. 42].

¹² По данным В.В. Граве, "... 77 000 вообще на казенных работах Уссурийского участка Китайско-Восточной жел. дор. и ее поставщиков, т.е. 78% всей рабочей силы на казенных там работах, достигающей 105 000 человек" [9, с. 7].

¹³ Количество китайцев, работавших на приисках, выражалось в следующих цифрах: в 1906 г. – 5 933; 1907 г. – 7 041; 1908 г. – 17 460; 1909 г. – 30 429. [9, с. 63]. Детальный анализ китайского отходничества на ДВ в дореволюционный период дан в [32].

¹⁴ По данным В.В. Граве на выходцев из Китая в 1910 г. приходилось более 4,8 тыс. торговых и промышленных предприятий, тогда как на русских и других иностранцев – немногим более 7 тыс. [9, с. 27–28].

¹⁵ В целом к 1914 г. российские частные вложения в Маньчжурии составили почти 91 млн. руб. [14, с. 48].

¹⁶ Относительно формирования этого трансграничного региона см. также [15].

¹⁷ Это мнение все больше разделяют как отечественные, так и китайские исследователи. См., например: [1; 6; 31].

¹⁸ Приведем только некоторые данные: "В 1913–1914 гг. в морях и реках Дальнего Востока добывалось не менее 10-12 млн пудов рыбы (14–15% общероссийской добычи) и других продуктов моря" [17, с. 313].

¹⁹ Перед первой мировой войной Владивосток вошел в число пяти крупнейших морских портов России. За 1906–1913 гг. общий грузооборот порта вырос в 3,4 раза и достиг 89,7 млн пудов. ... а в 1916 г. – 160,4 млн пудов. За 1914–1916 гг. грузооборот Уссурийской железной дороги увеличился на 54,4%, КВЖД – на 97% [17, с. 319].

ные инвестиции в конечном счете росло благосостояние населения²⁰, что, в свою очередь, стимулировало приток переселенцев из Европейской России.

Конечно, экономические процессы, как и состояние социально-культурной сферы имели нелинейный характер: русско-японская война, смена политического режима в России не могли не сказаться на состоянии трансграничного региона. Но, и это крайне важно отметить, они не отменили того тренда, который был задан С.Ю. Витте.

И здесь следует перейти к оценкам и перспективам развития ДВ, полученным "из первых рук". Для начала мнение Н.Н. Колосовского от 1925 г.: "Дальний Восток в производственном отношении связан с Тихоокеанскими странами. Успехи и неудачи нашего Дальне-Восточного хозяйства обусловлены успехами борьбы за рынки Тихого океана" [24, с. 236]. Под такими словами мог подписаться и сам С.Ю. Витте.

Вернемся в 1923 г., к статье "Перспективы хозяйства Дальнего Востока", в которой мы находим, в частности: "За последние 8 лет, со времени Европейской войны хозяйство нашей Тихоокеанской окраины имело несколько своеобразную судьбу. Оно не имело критической точки 1913 г., характерной для Европейской России, как год максимального подъема. За годы гражданской войны на востоке несмотря на перебои в отдельных отраслях хозяйства, мы все же в общем и целом имеем относительное развитие хозяйства Д. Востока" [23, с. 102]. Иначе говоря, несмотря на мировую войну, интервенцию и гражданскую войну, экономика развивалась. И причина роста экономики, "объясняется главным образом, воздействием на него Японского рынка и с Манчжурии" [23, с. 103].

Если кратко подвести итоги первого этапа российско-китайского сотрудничества в рассматриваемом трансграничном регионе, то следует констатировать следующее:

во-первых, российско-китайское сотрудничество было локализовано ДВ и СВК, которые в рассматриваемый период находились на начальной фазе формирования макрорегионов;

во-вторых, реализация флагманского проекта – КВЖД – сопровождалась формированием трансграничного региона ДВ-СВК;

в-третьих, смена политических режимов (а они происходили достаточно часто) по обе стороны границы, как и вооружённые конфликты, несомненно, оказывали влияние на российско-китайское сотрудничество, но не отменяли его;

в-четвертых, наряду с формальной регионализацией, шла и неформальная регионализация, в ходе которой имели место не только кросс-культурный обмен, но и обмен самыми различными хозяйственными практиками;

наконец, в-пятых, изначально российско-китайское сотрудничество в трансграничном регионе находилось под воздействием геополитических факторов: на масштабы, направления и формы двустороннего сотрудничества оказывали влияние не только Япония, но и такие глобальные игроки, как США и Великобритания.

В конечном счете именно геополитические факторы, послужившие первопричиной первого "Поворота на Восток" и формирования трансграничного региона, сыграли определяющую роль в том, что регион, как пространственная социально-экономическая целостность, распался.

Конец 1940-х – 1950-е гг.

Это своего рода "золотой век" российско-китайских отношений, когда русский с китайцем были "братья навек". Братство имело под собой идеологическую подоплеку в виде марксизма-ленинизма, а следовательно, строительства социализма²¹. Но было и еще одно основание, имевшее уже геополитический характер.

²⁰ Здесь можно было бы привести множество данных относительно благосостояния жителей Приморья и Приамурья, но мы посчитали возможным вместо этого привести цитату: "Приамурский земледелец живет так, как может представиться крестьянину земледельцу большинства губерний Европейской России только во сне, или в сказке ..." [37, с. 38].

²¹ Несмотря на вполне определенные различия в понимании того, что есть марксизм-ленинизм, у советских и китайских коммунистов, которые в конечном итоге привели к конфронтации.

тический характер: борьба с империалистической угрозой (или обеспечение безопасности обеих стран) в лице, прежде всего, США.

Если на предшествующем этапе трансграничный регион ДВ-Маньчжурия был практически единственной локацией реализации российско-китайского сотрудничества, то на втором этапе сотрудничество вышло за пределы ДВ и СВК, хотя по-прежнему оба макрорегиона (прежде всего, СВК) были основной локацией осуществления сотрудничества.

На СВК в годы первой пятилетки (1953–1957 гг.) приходилось до 50% вновь построенных промышленных объектов и до 25% государственных инвестиций. В результате к 1958 г. на СВК приходилось до 15% суммарного ВРП, 24% промышленного производства, при этом доля региона в численности населения Китая составляла 8% [12, с. 49, 57].

Одновременно шло строительство и модернизация инфраструктуры и промышленных предприятий на юге ДВ, продукция которых была предназначена для реализации на китайских рынках. Однако основные товарные потоки формировались за пределами ДВ, в европейской части СССР. Таким образом, ДВ по большей части выполнял функции транзита²².

В то же время нельзя отрицать и того факта, что ДВ был основным потребителем поступающих из КНР свежих и консервированных овощей, фруктов, мяса и мясопродуктов, яиц, соевых бобов и т.п. Причем важно отметить, что значительная часть этого потока осуществлялась в рамках приграничной торговли, то есть происходил процесс формирования институтов не только на межгосударственном, но и на региональном уровне. Более того, в эти же годы отмечались, хотя и эпизодические, взаимодействия на уровне отдельных организаций, в частности, в сфере сельскохозяйственного производства.

Итак, подведем итоги второго этапа межрегионального российско-китайского сотрудничества:

во-первых, российско-китайское сотрудничество конца 1940-х–1950-х гг. в своей основе имело идеологические основания, которые тесно переплетались с геополитическими и экономическими; при этом советское руководство считало возможным удерживать Китай на положении "младшего брата", но "попытка удерживать Китай на подчиненных ролях, потерпела крах", что привело к конфронтации и в конечном счете к дезинтеграции трансграничного региона;

во-вторых, российско-китайское сотрудничество в отличие от предшествующего этапа не было локализовано в пределах трансграничного региона; более того, имела место определенная асимметрия между китайской и советской частями трансграничного региона: СВК в результате сформировался как индустриальная база общенационального значения, тогда как ДВ остался в положении периферийного региона, который по большей части обеспечивал транзит;

в-третьих, появились новые формы российско-китайского сотрудничества, а именно военно-техническое и туризм и, если первая не несла в себе "региональную компоненту", то вторая – несомненно, да.

Следует также упомянуть еще об одной специфической черте второго этапа сотрудничества между российским ДВ и СВК: об отсутствии трудовых мигрантов из Китая в пределах ДВ.

Конец 1980-х – середина 2010-х гг.

Третий этап российско-китайского сотрудничества охватывает период с подписания ряда межправительственных соглашений о сотрудничестве в 1988 г. между СССР и КНР и до событий на Украине, имевших место в 2014 г. Сразу же следует отметить, что сам факт формирования отношений доверия в сфере безопасности создает условия для сотрудничества, но эти условия не действуют автоматически. Чтобы реализовать потенциал сотрудничества необходима государственная политика, направленная на его реализацию.

Отсутствие внятной региональной политики как в РФ, так и в КНР в начале рассматриваемого этапа сопровождалось децентрализацией принятия управленческих решений на субрегиональном уровне, т.е. на уровне дальне-

²² Даже на пике российско-китайского сотрудничества, то есть на конец 1950-х гг., "доля взаимного приграничного товарооборота в общем государственном составляла всего 0,4%" [29, с. 92].

восточных субъектов РФ и провинций СВК²³. Здесь будет уместным привести цитату из Р. Коуза и Н. Вана: "... череда событий, приведшая Китай к капитализму, никем не планировалась, а итоги реформ оказались полной неожиданностью для всех" [25, с. 11]. По-нашему мнению, этот тезис можно отнести и к трансформационным процессам в РФ.

Поэтому не удивительно, что конец 1980-х и большая часть 1990-х гг. – это время, когда российско-китайское сотрудничество в трансграничном регионе осуществлялось на неформальной основе²⁴. Достаточно вспомнить "челноков"²⁵ и китайские рынки, возникшие во всех сколько-нибудь крупных городах ДВ²⁶. На эти же годы приходится массовый приток на ДВ китайских строительных рабочих²⁷.

И тем не менее следует признать, что китайские товары (продукты питания, одежда, обувь и т.п.) и китайские рабочие, равно как и открытие китайского рынка для товаров, производимых на территории ДВ, сыграли важную роль в стабилизации дальневосточного общества в наиболее сложные годы трансформационного перехода.

Следует иметь в виду, что приграничное сотрудничество в 1990-е–2000-х гг. имело позитивный эффект и для экономики СВК, прежде всего, провинций Хэйлунцзян (в большей мере) и Цзилинь (в меньшей). В наибольшей мере этот эффект проявился в поясе приграничной открытости, то есть в приграничных с ДВ уездах Хэйлунцзяна и Цзилиня. "В 2008 г. их доля во внешнем товарообороте Дунбэя составляла 13%, при этом доля этих территорий в ВРП макрорегиона едва достигала 2%" [18, с. 195]. При этом доля России во внешней торговле крупнейших экономических центров СВК даже в 2016 г. была крайне невелика и составляла для: Шэньяня – 0,6%; Харбина – 3,4%, Чанчуня – 0,4% [18, с. 200]. Если в 2000 г. на Россию приходилось более 91% их товарооборота, то в 2010 г. – только 42% [18, с. 205].

Усилия государства в это время были направлены на создание многочисленных программ и стратегий развития ДВ (в самой разной конфигурации), как, впрочем, и Сибири, содержавших, по мнению авторов одного из докладов Валдайского клуба, "много полезного. Но их объединяет одно: они не работают и работать не могут" [19, с. 20–21]. И с этим выводом трудно не согласиться.

Подведем итоги третьего этапа российско-китайского сотрудничества в трансграничном регионе.

Во-первых, после почти тридцатилетнего периода дезинтеграции возобновление российско-китайского сотрудничества привело к восстановлению трансграничного региона ДВ-СВК, но на качественно иной базе, чем это было в 1950-е гг. Если на предшествующем этапе сотрудничества СССР осуществлял многочисленные инвестиционные проекты на территории СВК, то с конца 1980-х и до событий в Украине 2014 г. основной формой сотрудничества стала приграничная торговля, зачастую с использованием "серых" схем. Что же касается обмена услугами, то за исключением туризма, он был незначителен. Накануне событий в Украине 2014 г., "азиатский вектор политики Рос-

²³ Об особенностях политических процессов в дальневосточных субъектах РФ и Китая: [5; 25].

²⁴ По мнению китайских экспертов, в 1990-е гг.: "... экономическое взаимодействие Китая и России на Дальнем Востоке осуществлялось преимущественно снизу-вверх, тогда как правительства двух стран не имели каких-либо механизмов регулирования и контроля в развитии "спонтанной" трансграничной торговли, что приводило к некоторым негативным последствиям для её участников" [36, с. 16].

²⁵ В конце 2000-х гг. почти 90% от общего числа иностранных туристов, прибывших в Хэйлунцзян, были российские граждане [18, с. 210].

²⁶ В 1993 г. торговля с Китаем формировала 90% всего внешнеторгового оборота Дальнего Востока. С 1992 по 1994 гг. эта доля достигала 50% внешней торговли Хабаровского и Приморского краёв [36, с. 15].

²⁷ В 1990-е гг. ежегодный приток трудовых ресурсов из Китая вырос с 10 до 20 тыс. чел. С начала нового столетия число китайских трудовых мигрантов на Дальнем Востоке установилось на уровне 30–40 тыс. чел. [36, с. 15].

сии еще не наполнился реальным содержанием. Курс на развитие восточных регионов страны застопорился" [19, с. 5]. Все "содержание" свелось к созданию ряда имиджевых проектов в ходе подготовки к саммиту АТЭС во Владивостоке в 2012 г. и ряда институциональных новаций²⁸. Ожидаемого притока инвестиций из стран АТР и, прежде всего, из КНР не последовало. Как, впрочем, и опережающего развития экономики ДВ, равно как и повышения доходов проживающего здесь населения. Миграционный отток населения – очевидное тому свидетельство.

Во-вторых, изменилась локация российско-китайского сотрудничества в трансграничном регионе ДВ-СВК, которое с российской стороны сконцентрировалось в региональных столицах южной зоны ДВ (прежде всего, городские агломерации Владивостока, Хабаровска и Благовещенска), а с китайской – в приграничных городах и уездах. Это не могло не сказаться на изменении конфигурации границ трансграничного региона ДВ-СВК: с российской стороны – это полоса экономического тяготения Транссиба, т.е. Южная экономическая макрizona Дальневосточного макрорегиона, а с китайской – бассейн Сунгари или то, что в начале XX в. именовали Северной Маньчжурией, т.е. без провинции Ляонин и территорий провинции Хэйлунцзян за Большим Хинганом.

"Поворот на Восток" или поворот на Китай?

Современный этап российско-китайского сотрудничества качественно отличается от всех предшествующих, прежде всего, тем, что он происходит на фоне все усиливающейся конфронтации РФ и "коллективного Запада", причиной которой послужили известные события в Украине 2014 г.

В явном виде прослеживается отход от преимущественно экономических целей, которые декларировались в начале "Поворота на Восток", в сторону целей, имеющих, скорее, геополитический и цивилизационный характер.

При этом в явном виде меняются и географические границы (локализация) Поворота и его контекст. Первоначально рассматривались две локализации Поворота: первая – Сибирь и ДВ (именно так: Сибирь и ДВ) и вторая – страны Восточной Азии. Впоследствии же его локализацией стали только ДВ и Китай.

Если первоначально никто не отказывался от концепции "Большой Европы" от Лиссабона до Владивостока, то затем была провозглашена концепция "Большой Евразии"²⁹, а точнее, возможно, "Большой Азии"³⁰.

Итак, ДВ в предлагаемой концепции "Большой Евразии", или, иначе, евразийского партнерства, "на девяносто процентов совпадающего с китайской концепцией "Один пояс, один путь"" [8, с. 6], просто растворился. И тому есть вполне простые причины: России не удалось решить ни задачу вхожде-

²⁸ Речь идет о создании Министерства по развитию Дальнего Востока и таких новациях, как "дальневосточный гектар", свободный порт Владивосток, ТОСЭРы и пр. В подавляющем числе случаев, оценки экспертами [38; 43] эффективности самого Министерства весьма скептические. Только один пример такого рода оценок: "Министерству по развитию Дальнего Востока России, созданному в 2012 году, нечем похвастаться в своей работе. Пока он не выполнил своей основной функции – сделать регион привлекательным как для бизнеса, так и для населения" [43, с. 19].

²⁹ Более подробно о самой концепции Большой Евразии: [8; 20; 21; 22; 45; 46; 50; 51].

³⁰ Д. Тренин отмечает, что с нового уровня взаимоотношений между Россией и Китаем, достигнутого в 2014 г., отношения между Москвой и Пекином, скорее всего, придут к тому, что "вместо Большой Европы от Лиссабона до Владивостока создается Большая Азия от Шанхая до Санкт-Петербурга" [50, с. 15]. Несколько иной точки зрения на причины появления и цели Большой Евразии придерживаются зарубежные политологи [41; 45; 49].

ния в интеграционные процессы в Восточной Азии³¹, ни задачу подъема экономики ДВ на качественно новый уровень³².

Осталось выяснить, почему "Поворот на Восток ... достигнув определённых успехов, выдыхается. Основных причин две. Это была попытка ускоренного развития только Дальнего Востока с его ограниченным человеческим капиталом. Была разорвана Сибирь – единый исторический и экономический регион. В проекте не было идейной основы, которой можно было бы увлечь. Он был по большей части опять же технократическим. Не стал своим, народным, даже и для жителей Тихоокеанской Сибири" [22, с. 23].

Таково мнение одного из идеологов "Поворота на Восток" – С.А. Карганова. Тут и комментировать нечего. Конечно же, хотелось бы подробнее об успехах. Но коль об оных нет ничего, то остается только выразить удивление по поводу: а) отсутствия идейной основы, (т.е. модернизация российского общества и экономики, через интеграцию с быстро развивающимися странами Восточной Азии и ускоренное развитие ДВ – уже не идея и не национальный приоритет на весь XXI в.?) и б) утверждения, что все, что за Уралом – Сибирь (хотя и населению ДВ, и российским администраторам было ясно еще в начале XX в.: ДВ – это не Сибирь и уж тем паче не Тихоокеанская Сибирь).

Показательно, что, несмотря на все институциональные новации, последовавшие вслед за провозглашением "Поворота на Восток", "... 90% инвестиций в регионе по-прежнему обеспечиваются внутривосточными ресурсами. Объём частных и в особенности прямых иностранных инвестиций остаётся незначительным, при этом возможность привлечения инвесторов ограничена европейскими и североамериканскими санкциями" [4, с. 8]. Однако проблема не только в том, что не удалось обеспечить желаемый уровень иностранных инвестиций в экономику ДВ. Еще большей проблемой является сокращение размеров государственного финансирования, начиная с 2013 г.

Ознакомившись с позицией европейских экспертов относительно состояния российско-китайских отношений между ДВ и СВК, уместно обратиться к одной из работ китайских исследователей, а именно Ф. Шаолэй и Ц. Хэн [36]. После констатации факта, что лидеры и правительства обеих стран прилагают колоссальные усилия для продвижения проектов сотрудничества между СВК и ДВ, следует признание, что реализация проектов оставляет желать лучшего. Так, из 104 крупных проектов с суммарными инвестициями в размере 47,9 млрд. долл., которые должны быть завершены в 2016 г., было реализовано 25 проектов с суммарными инвестициями 11,77 млрд. долл. При этом из всех проектов, запланированных на российской стороне, лишь 8 привлекли китайские инвестиции в размере 1,77 млрд и только один из запланированных проектов на китайской стороне привлёк российские инвестиции в сумме 0,63 млрд. долл. [36, с. 18].

Еще более важен для понимания сотрудничества между ДВ и СВК результирующий вывод, к которому приходят китайские эксперты: "При нынешнем масштабе и уровне торгово-экономического сотрудничества рыночная интеграция Китая и России невозможна в условиях нехватки необходимого персонала, капитала, масштабности рынка и объёма услуг" [36, с. 20].

Однако, есть один аспект проблемы, на который обращают внимание, не только китайские, но и западноевропейские эксперты. Это уровень доверия между партнерами. Так, И. Бонд приводит мнение китайских аналитиков: "инвестиционные условия в России всегда были плохими и не улучшились после украинского кризиса, несмотря на обнадеживающие заявления российского руководства. Китайские компании хотели бы инвестировать, но риски были слишком высоки" [39, с. 19].

³¹ Приведем ряд статистических данных для иллюстрации положения дел в торгово-экономических отношениях РФ и стран Восточной и Юго-Восточной Азии: "В 2021 году на долю Китая приходилось 14 % экспорта российских товаров и 24 % импорта. Напротив, ... доля России в китайской торговле практически не изменилась в течение последнего десятилетия. В экспорте китайских товаров она составляет около 2 %, а в импорте – около 3 %" [44, с. 11; 19, с. 10, 12, 16, 20].

³² По мнению А.Г. Аганбегяна "...общая задача, поставленная перед Дальним Востоком, – развитие всей экономической системы, характеризуемое темпами роста валового регионального продукта, весьма далека от решения" [2, с. 167].

Неслучайно, что наиболее успешной формой сотрудничества в трансграничном регионе является приграничная торговля (в которой преобладают малые фирмы), на долю которой приходится немногим более 15% товарооборота между двумя странами [43, с. 19].

Поэтому, стоит обратить внимание хотя бы на некоторые положения работы Д. Тренина "Верные друзья? Как Россия и Китай воспринимают друг друга". В частности, "при всех успехах Китая россияне не считают его особенно привлекательной страной в плане модернизации и инноваций. В то же время они по-прежнему ценят его как политического партнера и "уравнивающую" силу на мировой арене, чей вес и значение быстро увеличиваются" [51, с. 13]. Это своего рода политический и экономико-технологический аспект. Но есть еще культуральный аспект: "... китайцы считают, что в культурном плане между ними и россиянами есть мало общего. Россияне придерживаются того же мнения" [51, с. 23].

Если же от затянувшегося анализа различных точек зрения на современное состояние российско-китайских отношений вернуться к трансграничному региону ДВ-СВК, то следует отметить, что впервые регион, если и не распался, то как минимум оказался на грани полной дезинтеграции вначале из-за антиковидных мер, а затем и все усиливающихся санкций в отношении РФ. Хотя КНР формально не присоединилась к санкциям и даже увеличила импорт углеводородов из РФ (правда, с большим дисконтом), высокий уровень вовлеченности китайской экономики в глобальную экономику делает крайне неопределенными перспективы российско-китайского сотрудничества. Как и то, в каком направлении и в каких формах будет функционировать трансграничный регион ДВ-СВК, который может превратиться просто в территорию транзита российских углеводородов из России в Китай.

Заключение

Итак, время подводить итоги ретроспективного анализа российско-китайского сотрудничества в трансграничном регионе "ДВ-СВК". Но прежде кратко о том контексте, в рамках которого формировался, а затем и видоизменялся исследуемый нами трансграничный регион.

Во-первых, российско-китайское сотрудничество с момента своего зарождения и по настоящее время никогда не было делом двух стран – России и Китая; статус великих держав неизбежно привлекал внимание других глобальных геополитических игроков, которые оказывали большее или меньшее влияние на двусторонние отношения Китая и России.

Во-вторых, в обеих странах имеет место высокий уровень переплетения отдельных подсистем общества, каждая подсистема (экономическая, социально-культурная, политическая) видоизменяется в зависимости от других, поэтому выделить какую-то из них в качестве доминирующей весьма проблематично.

В-третьих, трансграничный регион ДВ-СВК с момента возникновения в конце XIX – начале XX вв. находился в состоянии постоянных изменений: периоды сотрудничества (интеграции) перемежались периодами конфронтации (вплоть до военного противостояния) или дезинтеграции, что сопровождалось изменениями конфигурации границ региона. Иначе говоря, имеет место не линейный, а, скорее всего, циклический характер трансформационных процессов в пределах трансграничного региона ДВ-СВК.

В-четвертых, на разных этапах сотрудничества в трансграничном регионе ДВ-СВК формы сотрудничества и их значимость не оставались неизменными; неизменным оставалось то, что сотрудничество осуществлялось как в рамках государственной политики, так и на неформальной основе.

В-пятых, в настоящее время по обе стороны границы происходит если и не отказ от масштабных усилий по модернизации экономики ДВ ("Поворот на Восток") и СВК, то, по крайней мере, замедление трансформационных процессов. Это не могло не сказаться на трансграничном регионе ДВ-СВК, который все более выполняет транзитные функции при свертывании взаимодействия между российской и китайской частями. В конечном счете это привело к локализации сотрудничества (в первую очередь, экономического) в приграничных уездах и городах с китайской стороны, и в крупнейших городских агломерациях (Владивосток, Хабаровск, Благовещенск) – с российской.

Наконец, говоря о современном этапе, следует отметить, что после 24 февраля 2022 г. события в трансграничном регионе развиваются в условиях крайней неопределенности, источники которой находятся далеко за пределами региона и задаются не только и даже не столько взаимоотношениями между КНР и РФ, сколько действиями "коллективного Запада". Дополнительным источником неопределенности является само географическое положение трансграничного региона. Обычно, говоря о географическом положении отмечают, что оно само по себе работает на потенциал развития, но нынешняя ситуация напоминает, что у каждой медали есть обратная сторона. Соседское положение таких стран, как КНР, Япония, США и Россия, которые, по определению С. Хантингтона, относятся к стержневым государствам сразу четырёх разных цивилизаций, дает основания предположить – такое соседство имеет не только положительные последствия, но и как минимум включает в себе конфликтный потенциал. Конечно, в обозримой перспективе реализация этого потенциала маловероятна, но вполне возможна [10, с. 8].

Литература

1. Аблова Н.Е. КВЖД и российская эмиграция в Китае: Международные и политические аспекты истории (первая половина XX в.). Автореф. дис... д.и.н. М.: Институт Дальнего Востока, 2005. 44 с.
2. Аганбегян А.Г. Развитие Дальнего Востока: национальная программа в контексте национальных проектов // *Пространственная экономика*. 2019. Т. 15. № 3. С. 165–187.
3. Анучин В. А. Географические очерки Маньчжурии. М.: Географгиз, 1948. 300 с.
4. Блакисруд Х., Рове Э.У., Вакульчук Р. Дальневосточные инициативы России во времена геополитических потрясений. М., 2018. 11 с.
5. Бляхер Л.Е. Региональные бароны // *Отечественные записки*. 2012. № 3. С. 305–311.
6. Бляхер Л.Е., Бляхер М.Л. Город в тени империй: жизнь, смерть и посмертие "имперского города" Харбина // *Полития*. 2022. № 1. С.131–161.
7. Вишневецкий Д. С., Демьяненко А. Н. Макроэкономическое зонирование как метод стратегического анализа: Дальний Восток России // *Пространственная экономика*. 2010. № 4. С. 6–31.
8. Вперёд к Великому океану - 6: люди, история, идеология, образование. Путь к себе. М., 2018. 64 с.
9. Граве В.В. Китайцы, корейцы и японцы в Приамурье / *Труды Амурской экспедиции*. Вып. XI. СПб, 1912. 464 с.
10. Демьяненко А.Н. О стратегических инициативах по развитию Дальнего Востока России в контексте исторического опыта // *Регионалистика*. 2016. Т. 3. № 3. С. 6–13.
11. Демьяненко А.Н. Российский Дальний Восток: становление экономического макрорегиона // *Регионалистика*. 2017. Т. 4. № 5. С. 5–19.
12. Демьяненко А.Н., Изотов Д.А. Территориальная организация экономики КНР и проблема экономического районирования // *Пространственная экономика*. 2008. № 1. С. 43–61.
13. Демьяненко А.Н., Ярулин И.Ф., Бурик М.В., Клиценко В.М. Российско-китайское сотрудничество в новых реалиях: региональное измерение. Препринт научного доклада. М.: ИКСА РАН, 2022. 70 с.
14. Жигалов Б.С. КВЖД в дальневосточной политике России (1906–1914 гг.) // *Вестник Томского Государственного Университета. История*. 2008. №1. С. 22–44.
15. Изотов Д.А. Проблемы экономического взаимодействия сопредельных регионов России и Китая // *Регионалистика*. 2014. Т. 1. № 1. С. 48–70.
16. Исаченко А.Г. Ландшафтная структура Земли, расселение, природопользование. СПб.: Изд-во СПбУ, 2008. 320 с.
17. История Дальнего Востока СССР в эпоху феодализма и капитализма (XVII в. – февраль 1917 г.) М.: Наука, 1990. 471 с.
18. История Северо-Восточного Китая XVII–XXI вв.: в 5 кн. Кн. 5. Северо-Восточный Китай в период возрождения старо промышленной базы. Владивосток: ИИАЭ ДВО РАН, 2018. 356 с.
19. К Великому океану: хроника поворота на Восток. Сборник докладов Валдайского клуба. М.: Фонд развития и поддержки Международного дискуссионного клуба "Валдай", 2019. 352 с.
20. Караганов С.А. Введение // *К Великому океану – 4: Поворот на Восток. Предварительные итоги и новые задачи*. М., 2016. С. 5–6.
21. Караганов С.А. Россия – возвращение домой (вместо предисловия) // *Вопросы географии*. 2019. № 148. С. 9–15.
22. Караганов С.А. Сибирь – исток и будущее нашего величия как державы // *Вопросы географии*. 2022. № 154. С.17–27.

23. Колосовский Н.Н. Перспективы хозяйства Дальнего Востока // Бюллетени Госплана. 1923. № 11–12. С. 102–110.
24. Колосовский Н.Н. Хозяйственные проблемы Сибири // Плановое хозяйство. 1925. №5. С. 236–246.
25. Коуз Р., Ван Н. Как Китай стал капиталистическим. М.: Новое издательство, 2016. 386 с.
26. Лексин В.Н., Швецов А.Н. Государство и регионы. М.: УРСС, 2000. 368 с.
27. Минакир П.А., Демьяненко А.Н., Прокапало О.М., Горюнов А.П. Интеграция и дезинтеграция в экономическом пространстве России: методологический аспект // Ойкумена. Регионоведческие исследования. 2018. № 4. С. 43–54.
28. Минакир П.А., Исаев А.Г., Демьяненко А.Н., Прокапало О.М. Экономические макрорегионы: интеграционный феномен или политико-географическая целесообразность? Случай Дальнего Востока // Пространственная экономика. 2020. Т. 16. № 1. С. 66–99.
29. Мир после войны: дальневосточное общество в 1945–1950-е гг. Владивосток: Дальнаука, 2009. 696 с.
30. Регион: проблемы концептуализации, идентификации и конструирования / Л. Е. Бляхер, А. Н. Демьяненко, А. А. Киреев [и др.] // Ойкумена. Регионоведческие исследования. 2021. № 1. С. 67–76.
31. Самойлов Н. А., Старовойтова Е. О., Ходяков М. В., Янченко Д. Г. Китайско-Восточная железная дорога – историческое наследие двух народов: перспективы изучения // Новейшая история России. 2016. № 3. С. 205–210.
32. Соловьев Ф.В. Китайское отходничество на Дальнем Востоке России в эпоху капитализма. М.: Наука, 1989. 127 с.
33. Татценко К.В. Тенденции экономического взаимодействия Дальнего Востока России и Северо-Востока Китая. Владивосток: Дальнаука, 2006. 216 с.
34. Ури Дж. Мобильности М.: Праксис, 2012. 576 с.
35. Урри Д. Как выглядит будущее? М.: Изд. дом "Дело" РАНХиГС, 2019. 320 с.
36. Шаолэй Ф., Хэн Ц. Развитие Дальнего Востока и китайско-российские отношения: новое видение и новые подходы. М., 2019. 24 с.
37. Шликевич С.П. Колонизационное значение земледелия в Приамурье / Труды Амурской экспедиции. Вып.5. СПб., 1911. 142 с.
38. Blakkisrud H. Russia's turn to the East: The Ministry for the Development of the Far East, and the domestic dimension // Policy Brief. 2017. No 8. 4 p.
39. Bond I. Russia and China. Partners of choice and partners of choice and necessity? London: Centre for European Reform, 2016. 54 p.
40. Cartier C. Origins and Evolution of a Geographical Idea. The Macroregion in China // Modern China. 2002. Vol. 28. No. 1. P. 79–143.
41. Christoffersen G. The Russian Far East and China's Northeast: A Decade in the Shadow of the Belt and Road Initiative // The Asan Forum. November - December 2022 / Special Forum Issue "Conceptualizing the Big Picture In Russia's "Turn to the East". URL: <https://theasanforum.org/the-russian-far-east-and-chinas-northeast-a-decade-in-the-shadow-of-the-belt-and-road-initiative/> (дата обращения: 15.01.2023).
42. Demyanenko A.N., Ukrainsky V.N. The myth and reality of the Russian Far East as economic system // Proceedings of the International Scientific Conference "FarEastCon" (ISCFEC 2020). Series: Advances in Economics, Business and Management Research. Vladivostok, 2020.
43. Development of Russian-Chinese Trade, Economic, Financial and Cross-Border Relations: Working Paper 20/2015 / [V.E. Petrovsky et al.]; RIAC. Moscow: Spetskniga, 2015. 36 p.
44. Korhonen L., Heli Simola N. How important are Russia's external economic links? // BOFIT Policy Brief 2/2022. 14 p.
45. Köstem S. Russia's Search for a Greater Eurasia: Origins, Promises, and Prospects // Kennan Cable. 2019. No. 40 (February). 9 p.
46. Lukin A., Novikov D. Greater Eurasia: From Geopolitical Pole to International Society? / Diesen, G., Lukin, A. (eds). The Return of Eurasia. Palgrave Macmillan, Singapore, 2021. P. 33–78.
47. Paasi A. Deconstructing regions: notes on the scales of spatial life // Environment and Planning A. 1991. Vol. 23. P. 239–256.
48. Paasi A. Regions are social constructs, but who or what 'constructs' them? Agency in question // Environment and Planning A. 2010. Vol. 42. P. 2296–2301.
49. Rozman G. Tracking Russia's 'Turn to the East' over a Decade // The Asan Forum. November - December 2022 / Special Forum Issue "Conceptualizing the Big Picture In Russia's "Turn to the East". URL: <https://theasanforum.org/tracking-russias-turn-to-the-east-over-a-decade/> (дата обращения: 15.01.2023).
50. Trenin D. From Greater Europe to Greater Asia? The Sino-Russian Entente. Carnegie Moscow Center, 2015. 21 p.
51. Trenin D. The End of EURASIA: Russia on the Border between Geopolitics and Globalization. Carnegie Moscow Center, 2002. 340 p.

References

1. Ablova N.E. CER и Russian Emigration in China: International and Political Aspects of History (The First half of the Twentieth Century). M.: Far East Institute, 2005. 44 p. (In Russ.).
2. Aganbegyan A.G. Development of the Far East: a National Program in the Context of National Projects // *Spatial Economics*. 2019. Vol. 15. no. 3. P. 165–187. (In Russ.).
3. Anuchin V.A. Geographical articles of Manchuria. M.: Geographgiz, 1948. 300 p. (In Russ.).
4. Blakkisrud H., Rowe E.W., Vakulchuk R. Russia's Far East Initiatives in Troubled Geopolitical Times. M., 2018. 11 p. (In Russ.).
5. Blyakher L.E. The regional barons // *Domestic Notes*. 2012. No.3. P. 305–311. (In Russ.).
6. Blyakher L.E., Blyakher M.L. City in the shadow of empire: life, death and afterlife "emperor city" of Harbin // *Politija*. 2022. No 1. P. 131–161. (In Russ.).
7. Vishnevskiy D.S., Demyanenko A.N. Macroeconomic Zoning as a Method of Strategic Analysis: The Russian Far East // *Spatial Economics*. 2010. No. 4. P. 6–31. (In Russ.).
8. Toward the Great Ocean – 6: people, history, ideology, education. The way to myself. M., 2018. 64 p. (In Russ.).
9. Grave V.V. Chinese, Korean and Japanese in Amur Region / *Amur expedition Essays*. Vol. XI. SPb, 1912. 464 p. (In Russ.).
10. Demyanenko A.N. On the Strategic Initiatives for Development of Russian Far East in the Context of Historical Experience // *Regionalistica [Regionalistics]*. 2016. Vol. 3. No. 3. P. 6–13. (In Russ.).
11. Demyanenko A.N. Russian Far East: The Formation of Economic Macroregion // *Regionalistica [Regionalistics]*. 2017. Vol. 4. No. 5. P. 5–19. (In Russ.).
12. Demyanenko A.N., Izotov D.A. Territorial Organization of Economy of the People's Republic of China and Problem of economic zoning // *Spatial economics*. 2008. No 1. P. 43–61. (In Russ.).
13. Demyanenko A.N., Yarulin I.F., Burik M.V., Klitsenko M.V. Russian-Chinese cooperation in new realities: regional dimension. Preprint. M.: ICCA RAS, 2022. 70 p. (In Russ.).
14. Zhigalov B.S. CER in Far East Politic (1906–1914) // *Tomsk State University Journal of History*. 2008. No. 1. P. 22–44. (In Russ.).
15. Izotov D.A. The Problems of Economic Interaction between Neighboring Regions of Russia and China // *Regionalistica [Regionalistics]*. 2014. Vol. 1. No. 1. P. 48–70. (In Russ.).
16. Isachenko A.G. Landscape Earth Structure, resettlement, environmental management. SPb., 2008. 320 p. (In Russ.).
17. History of Far East of USSR in feudal and capitalism period (XVII – feb 1917) M.: Science, 1990. 471 p. (In Russ.).
18. The History of Northeast China XVII–XXI Century: in 5 vol. Vol. 5. Northeast China during the Revival of Old Industrial Base. Vladivostok: IHAE FEB RAS, 2018. 356 p. (In Russ.).
19. Toward to Great Ocean: Chronicle Turn to the East. Valday club collection of Reports. M.: Development and Support Fund of International Valday discussion club, 2019. 352 p. (In Russ.).
20. Karaganov S.A. Introduction // *Toward to Great Ocean – 4: Turn to the East. Preliminary results and New Tasks*. M., 2016. P. 5–6. (In Russ.).
21. Karaganov S.A. Russia – returning home (instead Foreword) // *Geography researches*. 2019. Vol.148. P. 9–15. (In Russ.).
22. Karaganov S.A. Siberia – the Source and Future of Our Greatness as a Country // *Geography researches*. 2022. Vol. 154. P. 17–27. (In Russ.).
23. Kolosovskii N.N. Perspectives of Far East Economy // *Gov plan Bulletins*. 1923. No.11-12. P. 102–110. (In Russ.).
24. Kolosovskii N.N. Economic Problems of Siberia // *Planned economy*. 1925. No. 5. P. 236–246. (In Russ.).
25. Coase R., Wang N. How China Became Capitalist. M.: New Publishing, 2016. 386 p. (In Russ.).
26. Leskin V.N., Shvetsov A.N. State and regions. M.: URSS, 2000. 368 p. (In Russ.).
27. Minakir P.A., Dem'yanenko A.N., Prokapalo O.M., Goryunov A.P. Integration and disintegration In Russia's economic space: methodological aspects // *Ojkumena. Regional researches*. 2018. No. 4. P. 43–54. (In Russ.).
28. Minakir P.A., Dem'yanenko A.N., Prokapalo O.M., Goryunov A.P. Integration and disintegration In Russia's economic space: methodological aspects // *Ojkumena. Regional researches*. 2018. No. 4. P. 43–54. (In Russ.).
29. The world after the war: the Far-Eastern Society in 1945–1950's years. Vladivostok: Dalnauka, 2009. 696 p. (In Russ.).
30. Region: problems of conceptualization, identification and construction / Bliakher L. E., Dem'yanenko A. N., Kireev A. A., [etc] // *Ojkumena. Regional researches*. 2021. No. 1. P. 67–76. (In Russ.).
31. Samoylov N.A., Starovoytova E.O., Khodjakov M.V., Yanchenko D.G. Chinese Eastern Railway – the Heritage of Two Empires: Research Perspectives // *Modern history of Russia*. 2016. No. 3. P. 205–210. (In Russ.).
32. Solov'ev F.V. Chinese seasonal work In Russian Far East in times of capitalism. M.: Nauka, 1989. 127 p. (In Russ.).

33. Tatcenko K.V. Economic cooperation tendencies In Russian Far East and Northeast China. Vladivostok: Dal'nauka, 2006. 216 p. (In Russ.).
34. Urry J. Mobilities. M.: Praxis, 2012. 576 p. (In Russ.).
35. Urry J. What is the future? M.: "Delo" RANEPА, 2019. 320 p. (In Russ.).
36. Shaolei F., Heng C. Development of the Far East and Sino-Russian Relations: A New Vision and New Approaches. M., 2019. 24 p. (In Russ.).
37. Shlikevich S.P. The colonization value of agriculture in the Amur region / The results of the Amur expedition. Vol.5. SPb., 1911. 142 p. (In Russ.).
38. Blakkisrud H. Russia's turn to the East: The Ministry for the Development of the Far East, and the domestic dimension // Policy Brief. 2017. No. 8. 4 p.
39. Bond I. Russia and China. Partners of choice and partners of necessity? London: Centre for European Reform, 2016. 54 p.
40. Cartier C. Origins and Evolution of a Geographical Idea. The Macroregion in China // Modern China. 2002. Vol. 28. No. 1. P. 79–143.
41. Christoffersen G. The Russian Far East and China's Northeast: A Decade in the Shadow of the Belt and Road Initiative // The Asan Forum. November - December 2022 / Special Forum Issue "Conceptualizing the Big Picture In Russia's "Turn to the East". URL: <https://theasanforum.org/the-russian-far-east-and-chinas-northeast-a-decade-in-the-shadow-of-the-belt-and-road-initiative/> (accessed 15.01.2023).
42. Demyanenko A.N., Ukrainsky V.N. The myth and reality of the Russian Far East as economic system // Proceedings of the International Scientific Conference "FarEastCon" (ISCFEC 2020). Series: Advances in Economics, Business and Management Research. Vladivostok, 2020.
43. Development of Russian-Chinese Trade, Economic, Financial and Cross-Border Relations: Working Paper 20/2015 / [V.E. Petrovsky et al.]; RIAC. Moscow: Spetskniga, 2015. 36 p.
44. Korhonen L., Heli Simola N. How important are Russia's external economic links? // BOFIT Policy Brief 2/2022. 14 p.
45. Köstem S. Russia's Search for a Greater Eurasia: Origins, Promises, and Prospects // Kennan Cable. 2019. No. 40 (February). 9 p.
46. Lukin A., Novikov D. Greater Eurasia: From Geopolitical Pole to International Society? / Diesen, G., Lukin, A. (eds). The Return of Eurasia. Palgrave Macmillan, Singapore, 2021. P. 33–78.
47. Paasi A. Deconstructing regions: notes on the scales of spatial life // Environment and Planning A. 1991. Vol. 23. P. 239–256.
48. Paasi A. Regions are social constructs, but who or what 'constructs' them? Agency in question // Environment and Planning A. 2010. Vol. 42. P. 2296–2301.
49. Rozman G. Tracking Russia's 'Turn to the East' over a Decade // The Asan Forum. November - December 2022 / Special Forum Issue "Conceptualizing the Big Picture In Russia's "Turn to the East". URL: <https://theasanforum.org/tracking-russias-turn-to-the-east-over-a-decade/> (accessed 15.01.2023).
50. Trenin D. From Greater Europe to Greater Asia? The Sino-Russian Entente. Carnegie Moscow Center, 2015. 21 p.
51. Trenin D. The End of EURASIA: Russia on the Border between Geopolitics and Globalization. Carnegie Moscow Center, 2002. 340 p.

Информация об авторах

Александр Николаевич Демьяненко, д-р. геогр. наук, главный научный сотрудник Института экономических исследований ДВО РАН, Хабаровск, Россия, e-mail: demyanenko@ecrin.ru

Максим Вадимович Клиценко, канд. соц. наук, директор Высшей школы медиа, коммуникаций и сервиса Тихоокеанского государственного университета, Хабаровск, Россия, e-mail: 007756@pnu.edu.ru

Information about the authors

Aleksandr N. Demyanenko, Doctor of Geographical Sciences, Khabarovsk, Russia, e-mail: demyanenko@ecrin.ru

Maksim V. Klitsenko, Candidate of Sociology, Director of the Higher school of media, communication and service, Pacific National University, Khabarovsk, Russia, e-mail: 007756@pnu.edu.ru

Поступила в редакцию 21.12.2022

Одобрена после рецензирования 12.02.2023

Принята к публикации 16.02.2023

Received 21.12.2022

Approved 12.02.2023

Accepted 16.02.2023

Научная статья
УДК 94(47).082
<https://doi.org/10.24866/1998-6785/2023-1/95-103>

Влияние национального фактора на сложное крестьянское домохозяйство Саратовского Поволжья в конце XIX в.

Павел Юрьевич Мельников

Саратовская государственная юридическая академия, Саратов, Россия, p_melnikov@list.ru

Аннотация: В статье проанализированы характеристики сложной, многопоколенной крестьянской семьи в зависимости от ее национальной принадлежности. Классификация семей производилась в соответствии с Кембриджской системой Питера Ласлетта. В качестве исходного материала послужили первичные переписные листы земской сельскохозяйственной переписи 1880-х – первой половины 1890-х гг. При помощи статистических методов была установлена взаимосвязь между национальностью и распространенностью сложной семьи. Также была проанализирована распространенность сложной семьи у трех национальностей в зависимости от размера домохозяйства.

Ключевые слова: Саратовская губерния, национальность, русские, мордва, татары, семья, домохозяйство, семейная структура, историческая демография

Для цитирования: Мельников П. Ю. Влияние национального фактора на сложное крестьянское домохозяйство Саратовского Поволжья в конце XIX в. // Ойкумена. Регионоведческие исследования. 2023. № 1. С. 95–103. <https://doi.org/10.24866/1998-6785/2023-1/95-103>

Original article
<https://doi.org/10.24866/1998-6785/2023-1/95-103>

The influence of the national factor on the complex peasant household of the Saratov Volga region at the end of the XIX century

Pavel Yu. Melnikov

State and Law, Saratov State Law Academy, Saratov, Russia, p_melnikov@list.ru

Abstract. The article analyzes the characteristics of a complex, multi-generational peasant family, depending on its nationality. The classification of families was carried out in accordance with the Cambridge system of Peter Laslett. Primary census sheets of the zemstvo agricultural census of 1880s – the first half of the 1890s served as the source material. With the help of statistical methods, the relationship between nationality and the prevalence of a complex family was established. The prevalence of a complex family among three nationalities was also analyzed depending on the size of the household.

Key words: Saratov province, nationality, Russians, Mordovians, Tatars, family, household, family structure, historical demography

For citation: Melnikov P. Yu. The influence of the national factor on the complex peasant household of the Saratov Volga region at the end of the XIX century // Ojkumena. Regional researches. 2023. No. 1. P. 95–103. <https://doi.org/10.24866/1998-6785/2023-1/95-103>

Великие Реформы второй половины XIX в. повлекли за собой серьезнейшие перемены в самых различных областях государственного управления и общественного устройства. Эти изменения могли проходить быстро, а могли иметь отложенный характер, проявляясь медленно и постепенно. Одним из консервативных институтов с подобной медленной модернизацией была крестьянская семья.

Вначале необходимо сделать терминологическое уточнение. По сложившейся в историко-демографической литературе традиции термины "семья", "двор" и "домохозяйство" используются как идентичные – поскольку в подавляющем числе случаев речь идет о группе родственников, проживающих под одной крышей и ведущих совместное хозяйство. Очевидно, что из этого принципа есть исключения – домохозяйства одиноких людей или не родственников под определение семьи не подходят. Однако в настоящей работе речь пойдет о таких структурах, для которых изложенная выше взаимозаменяемость терминов вполне применима. Для классификации будет использоваться методология Кембриджской группы П. Ласлетта, по которой все домохозяйства подразделяются на 6 групп: одиночки, бессемейные, малые, расширенные, сложные и неопределенные; каждая из групп имеет свои подварианты [15].

Исследования, посвященные второй половине XIX в., показывали отчетливый тренд перемен в крестьянском домохозяйстве: уменьшение количества семей сложных и соответствующее увеличение численности семей малых

(супружеских, нуклеарных) [5]; основной механизм этого процесса – семейные разделы, широко описанные современниками [1]. Однако понятно, что данный процесс не был универсальным; он мог по-разному проявляться в различных социальных группах, варьироваться в зависимости от национального, экономического или регионального факторов.

В качестве объекта исследования будет использоваться крестьянская семья Саратовского Поволжья. Анализируемая информация взята из земских сельскохозяйственных переписей, проводившихся в Саратовской губернии в течение 1880-х – 1890-х гг. Общий объем первичного материала, сохранившегося в ГАСО – 5036 домохозяйств, распределенных по 4 уездам Саратовской губернии (Кузнецкий, Хвалынский, Петровский, Камышинский) (**Государственный архив Саратовской области (ГАСО). Ф. 421 (Саратовский губернский статистический комитет). Оп. 1. Д. 439, 440, 441, 452, 453, 454, 455, 456, 457, 7295, 7296, 7297, 7298, 7299, 7300, 7301, 7302, 7303, 7304, 7342, 7343, 7344, 7345, 7346, 7347, 7348, 7349, 7350, 7351, 7352, 7353, 7354, 7355, 7356**). Такое распределение домохозяйств выгодно, поскольку в выборке оказываются представлены как южные (Камышинский), так и северные (Кузнецкий, Хвалынский и Петровский) уезды – с разными типами почв, техникой ее обработки, размерами землевладения (а это все факторы влияния на экономику семьи). Сами по себе переписи производились для оценки экономического состояния крестьянского домохозяйства, однако в числе прочего учитывали и семейный состав: в специальной таблице поименно перечислялись все члены коллектива с указанием возраста, трудоспособности, грамотности. Поскольку сохранившиеся материалы такого рода в пореформенной России редки, это делает данные земских переписей очень ценным источником. Так, опираясь на указанные выше материалы, уже были сделаны выводы о распространенности сложного домохозяйства в Саратовском Поволжье, его численности, поколенном составе, а также его вариантах [8]. В данной статье попробуем оценить влияние на распространенность сложной семьи национального фактора.

Национальный состав Саратовской губернии

Саратовская губерния не была моноэтничной; согласно переписи 1897 г. в ней проживало более 12 национальностей, определяемых по их родному языку. Наиболее многочисленными из них были пять: русские (76,8 %), немцы (6,9 %), украинцы (6,2 %), мордва (5,2 %), татары (3,9 %); остальные национальности весьма немногочисленны – в среднем около 0,1 % (чуть выделяются из них чуваша – 0,6 %). Однако это общие цифры по губернии, а в данном случае более актуальными являются показатели по сельской местности: русские 74,6 %, немцы 7,3 %, украинцы 7 %, мордва 6 %, татары 4,3 %. [10, с. IV]. Как можно заметить, цифры различаются, но в принципе незначительно – в пределах 1 %, и большинство – в сторону увеличения доли сельского населения сравнительно с общим показателем (исключение – русские). При этом распределение этносов по территории губернии также было неравномерным. Русские преобладали во всех уездах, однако в Сердобском уезде (север губернии) их проживало абсолютное большинство – 99,7 %, а в Камышинском (юг) – только 44,46 %. Украинцы преимущественно жили в Аткарском, Камышинском и Балашовском уездах (частично в Саратовском и Царицынском), в других практически не наблюдались. Немцы в подавляющем большинстве концентрировались в Камышинском уезде (40 %, т.е. почти сравнялись в русскими), частично в Саратовском и Аткарском уездах. Наконец, мордва в основном жила в Хвалынском, Петровском и Кузнецком уездах, а татары – также в Хвалынском и Петровском. К сожалению, сохранившиеся материалы земских переписей не охватывают национальный состав губернии полностью: в переписных листах фигурируют лишь русские, татары и мордва; однако и эта выборка позволяет делать определенные выводы о влиянии национально-культурных особенностей на семейную структуру.

Дореформенные источники описательного характера отмечали преобладание среди русского населения сложной, многопоколенной семьи: "Великороссияне живут большими семействами: у них целый род, состоящий часто из десяти, нередко даже из двенадцати душ, имеет общую собственность, общее хозяйство и состоит под управлением одного хозяина, обыкновенно

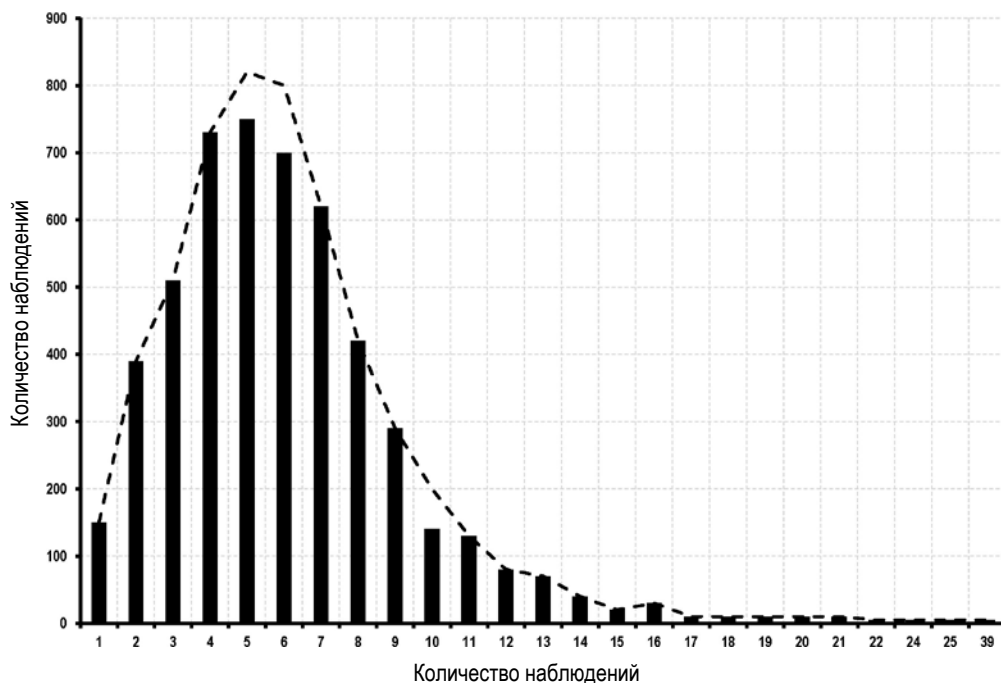

Рис. 1. Распределение домохозяйств по размеру.

Fig. 1. Distribution of households by size.

Источник: (ГАСО. Ф. 421), [11].

Source: (SASR. F. 421), [11].

старшего в роде, который распоряжается всеми делами и которому все повинуются, как дети отцу, как младшие старшему. В Малороссии, напротив, не только двоюродные, дальние родственники не сохраняют между собой хозяйственного единства, но даже женатый сын обыкновенно отделяется от отца, строит особую избу и заводит особое хозяйство. Два женатые брата почти никогда не уживаются вместе. Даже там, где бедность или другие обстоятельства препятствуют разделу, нет такого повиновения старшему, нет единства и в собственности и труде" [13, с. 78]. Аналогичные свидетельства делались и применительно к мордве: "По всем вероятностям отличительным признаком старинного мордовского двора была многотягольность, которая, однако, с течением времени все уменьшается...; уже самое устройство мордовского двора указывает на задружное устройство семьи у этого народа, так как и до сих пор еще можно зачастую встретить по три и даже по четыре избы в одной общей связи... В большинстве случаев среди Эрзи попадаются больше такие семьи, которые состоят из отца и сыновей, хотя бы женатых с детьми, но недалеко еще то время, когда нередко можно было встретить семьи, где число членов доходило до 50 – 60 душ; к сожалению, под влиянием обрусения, такие громадные семьи насчитываются теперь уже по пальцам..." [6, с. 152 – 153]. Описательные характеристики татарской семьи не столь однозначны: "Во второй половине XIX – начале XX в. среди татарского населения всех групп наряду с малой семье, состоящей из двух поколений – родителей и детей, широко бытовала и неразделенная семья, в которой проживало несколько брачных пар" [3, с. 12]. Можно только отметить, что процесс семейных разделов – основной путь трансформации сложных семей в простые – интенсифицировался у татар уже в конце 1850-х гг., еще до Великих реформ [14].

Прежде чем анализировать данные переписей, необходимо оценить репрезентативность этого материала, чтобы иметь основания распространять полученные результаты на генеральную совокупность. Проверка носит визуальный характер и оценивает распределение материала.

Табл. 1. Распределение сложных домохозяйств по национальностям
Table 1. Distribution of complex households by nationality

Национальность	Количество сложных семей	В % от числа семей национальности	В них проживало (чел.)	В % от числа людей национальности
Русские	1241	33,7%	9983	48 %
Мордва	365	43,6 %	3610	61,1%
Татары	125	24,1 %	1056	35 %
Всего	1731		14649	

Источник: составлено автором на основе: (ГАСО. Ф. 421).

Source: compiled by the author based on: (SASR. F. 421).

Как видно из диаграммы (*рис. 1*), распределение домохозяйств по численности имеет вполне определенную закономерность. Оно унимодально и немного ассиметрично на правую сторону – из-за небольшой группы крупных домохозяйств численностью от 11 человек и выше. Их доля в совокупной численности исследуемых домохозяйств составляет только 7,2 %, однако тест Колмогорова – Смирнова ($d = 1,2247$, $p < 0,1$) не позволяет считать это распределение нормальным.

Впрочем, ненормальность распределения не является проблемой сама по себе: это может быть свойство генеральной совокупности. Обобщенные данные по Саратовской губернии о количестве домохозяйств определенного размера отсутствуют. Однако в качестве своеобразного эталона можно использовать отдельно изданные материалы Петровского уезда, включающие в себя 32,5 тыс. единиц наблюдения [11, с. 112–113]. На *рис. 1* они обозначены пунктирной линией (для удобства сопоставления значения уменьшены в масштабе 1:4). Как можно заметить, форма распределения в обоих случаях практически идентична, что является аргументом в пользу репрезентативности выборки.

Специфика сложного домохозяйства в зависимости от национальности

Национальный состав домохозяйств, представленный в анализируемых материалах переписей, выглядит следующим образом: русские – 3680 домохозяйств, мордва – 838, татары – 518. Это ожидаемо не соответствует пропорциям национальностей по всей губернии, но существенной проблемой не является. Наиболее распространенная в литературе количественная характеристика семьи – ее средний размер – выглядит следующим образом: 5,6 у русских, 7,1 у мордвы и 5,8 у татар.

В общем виде распределение сложных домохозяйств по национальностям в материалах переписей представлено в *таблице 1*.

Первый очевидный вывод: большая распространенность сложной семьи наблюдается у мордвы – и по простому подсчету домохозяйств, и по количеству проживающих. В последнем параметре мордовские семьи обогнали татарские почти в 1,7 раза, русские семьи занимают промежуточное положение. Что интересно, средний размер сложного домохозяйства дает несколько иную картину: у русских – 8 человек, у мордвы – 9,9, у татар – 8,4.

Однако простое сопоставление процентных долей не является окончательным аргументом в решении вопроса. Анализируемые материалы переписей, даже при подтверждении их репрезентативности, не дают точного соответствия национального состава выборки и генеральной совокупности (доля русского населения губернии, как отмечалось ранее, существенно выше, а татар и мордвы – ниже). Поэтому в нашем случае необходимо проверить взаимосвязь национальности и сложного домохозяйства при помощи специальных статистических методов. Одним из таких методов является критерий согласия χ^2 ("хи – квадрат"). Данный критерий относится к непараметрическим методам статистики, поэтому ненормальность распределения данных, отмеченная

Табл. 2. Соотношение количества сложных и остальных домохозяйств
Table 2. The ratio of the number of complex and other households

Национальность	Сложные семьи	Остальные (не сложные)	Всего
Русские	1241	2439	3680
Мордва	365	473	838
Татары	125	393	518
Всего	1731	3305	5036

Источник: составлено автором на основе: (ГАСО. Ф. 421).

Source: compiled by the author based on: (SASR. F. 421).

выше, не является проблемой. Суть данного метода сводится к проверке гипотезы о том, "... что распределение какой-либо категориальной переменной в генеральной совокупности совпадает с заданным распределением, тогда как альтернативная гипотеза утверждает, что распределение этой переменной какое-то иное, но не предполагаемое". [2, с. 156]. Для применения критерия χ^2 строится специальная таблица сопряженности, показывающая распределение анализируемого параметра в выборке (таблица 2).

При работе с критерием χ^2 (как и с многими другими статистическими критериями) формулируются две гипотезы. Первая (обозначается как H_0 или "нулевая гипотеза") утверждает, что национальность не оказывает влияния на распространенность сложной семьи; вторая гипотеза (H_1 или "альтернативная гипотеза"), напротив, утверждает, что взаимосвязь между этими факторами есть. Далее рассчитывается критерий χ^2 со степенью свободы $df=2$ (расчет производился с помощью программы Statistica). В итоге мы наблюдаем $\chi^2=759,9$ при $p<0,05$, что существенно превышает критическое значение (5,991) [4, с. 148]. Следовательно, нулевая гипотеза о независимости признаков может быть отклонена; взаимосвязь между национальной принадлежностью и сложной семейной структурой есть.

Однако остается непонятым, между какими конкретно группами существует статистически значимое различие. Это можно выяснить, осуществляя попарное сравнение исследуемых групп [4, с. 147–150]. Получается три таблицы 2×2 (русские – мордва, русские – татары, мордва – татары); расчет производится при $df=1$ с поправкой Йетса. Результаты получаются следующие: русские/мордва $\chi^2=28,38$, $p<0,05$; русские/татары $\chi^2=18,6$, $p<0,05$; мордва/татары $\chi^2=51,5$, $p<0,05$. Во всех трех случаях значение χ^2 существенно превышает критическое значение 3,841. Следовательно, можно фиксировать существенные различия в распространенности сложной семьи среди каждой из национальных групп Саратовской губернии.

Теперь, после подтверждения взаимосвязи распространения сложной семьи и национальности в Саратовской губернии, попробуем выяснить соотношение сложного домохозяйства определенной национальности с его численностью. Число членов семьи может существенно различаться в зависимости от многих факторов и, соответственно, влиять на ее структуру. Обычно этот процесс описывался как путь от простой супружеской пары до сложной братской семьи [12, с. 117]. Интуитивно понятно, что чем существеннее по размерам семья, тем больше у нее шансов трансформироваться из обычной супружеской в сложную. Однако эта взаимосвязь неоднозначная; например, семья из 4 человек может быть как малой (супруги и дети), так расширенной (супруги, ребенок и родственник) или сложной (две супружеские пары). Б.Н. Миронов на основании данных по четырем губерниям (Ярославской, Нижегородской, Пермской и Киевской) предложил следующую схему: "Отдельные локальные исследования подтверждают расчет, что семьи численностью до 5 человек исключительно чаще всего являлись малыми, в 6 человек – расширенными и в 7 и более – составными (сложными. – П. М.)" [9, с. 225]. В рамках данной статьи доли малых и расширенных домохозяйств не анализируются. Для проверки соответствия сложной семьи и ее размера распределим

Табл. 3. Соотношение размера сложного домохозяйства и национальности его участников (в %)
 Table 3. The ratio of the size of a complex household and nationality of its participants (in %)

Размер домохозяйства	Русские (в %)	Мордва (в %)	Татары (в %)	Среднее (в %)
4	10	4,7	3,7	6,1
5	22,4	14,9	13,5	16,9
6	37,8	21,1	30,4	29,8
7	50,5	55	26,9	44,1
8	68	61,8	34	54,6
9	78,3	81,8	61,5	73,9
10	93,3	92,9	82,4	89,5
11	94,7	100	87,5	94,1
12	100	100	83,3	94,4
13	100	100	85,7	95,2
14	100	100	100	100,0

Источник: составлено автором на основе: (ГАСО. Ф. 421).

Source: compiled by the author based on: (SASR. F. 421).

данные в таблицу сопряженности, где по горизонтали будут находиться факторы национальности, а в вертикали – размеры домохозяйства; показатели для лучшей сопоставимости будут представлены в процентах. Результаты представлены в *таблице 3*.

Необходимо оговориться: размер домохозяйства в 14 человек не является максимальным. В материалах переписей присутствуют более крупные коллективы от 15 до 25 человек, и даже одно особо крупное домохозяйство в 39 человек; просто все они независимо от национальности являются сложными, так что нет необходимости заносить их в таблицу. Общее количество таких крупных домохозяйств – 69 наблюдений (т.е. 1,4 % от общей численности изучаемого материала и 4 % от всех сложных семей). Преимущественно это русские и мордовские дворы, а все, что более 20 человек, – только мордовские.

Как видно из таблицы, сложные домохозяйства в среднем значении доминируют в группах от 8 человек и выше; в группах менее 8 человек сложные домохозяйства занимают менее половины структур и, таким образом, конкурируют с малыми и расширенными домохозяйствами. Кроме того, на диаграмме очень хорошо заметно, что процентная доля татарских сложных семей существенно ниже среднего показателя, а доля мордовских и русских – выше, с некоторым перевесом у русских семей. Семьи из 10 человек и выше можно все учитывать, как сложные. Это следует принимать во внимание при экстраполяции выводов на регионы со схожей спецификой населения.

Может показаться странным, что мордовские сложные семьи при соотношении с размером уступают место русским семьям, в то время как по *рис. 2* у мордвы как раз сложные семьи наиболее распространены и по количеству наблюдений, и по количеству проживающих. Это можно объяснить преобладанием мордовских наиболее крупных домохозяйств – от 15 человек и выше [7].

Заключение

Сложные домохозяйства присутствовали в семейной структуре крестьянского населения Саратовской губернии конца XIX в. и занимали в ней существенную долю – 34,3 % всех домохозяйств и 49,2 % проживавшего населения. Иными словами, на тот момент каждое третье домохозяйство было сложным, и почти каждый второй житель деревни находился в его составе; средний размер такого коллектива – 8,45 человека на двор. При этом распро-

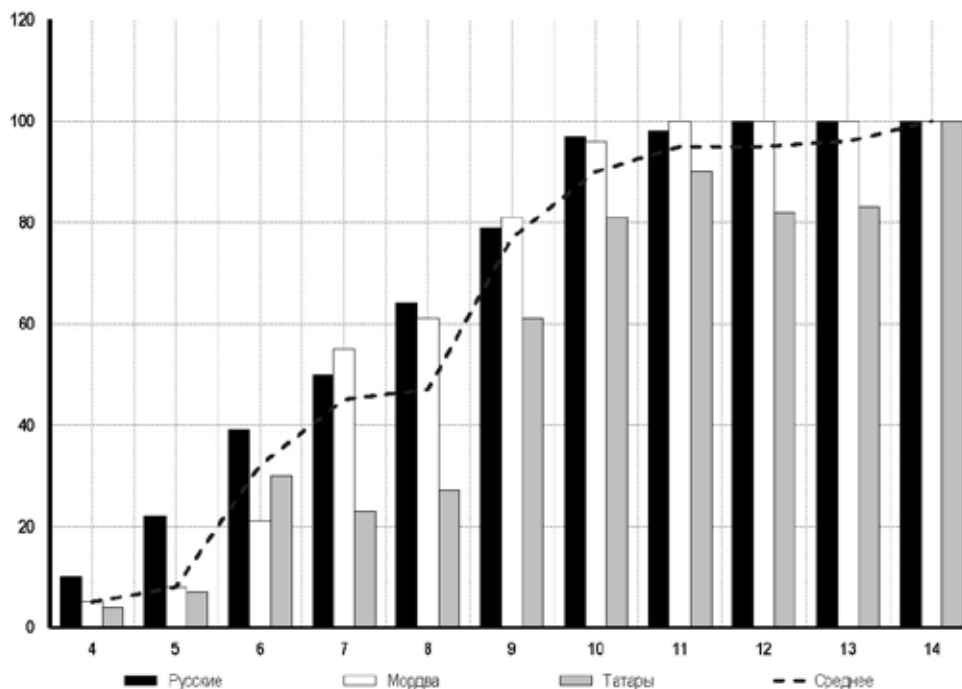

Рис. 2. Соотношение размера сложного домохозяйства и национальности его участников

Fig. 2. Relation between the size of a complex household and nationality of its participants

Источник: составлено автором на основе: (ГАСО. Ф. 421).

Source: compiled by the author based on: (SASR. F. 421).

странность такой семьи была неравномерна и зависела от ряда факторов, один из которых – национальный. Анализируемые материалы сельскохозяйственных переписей содержат данные по трем из пяти наиболее крупных этносов Саратовской губернии – русским, мордве и татарам. Соответственно, при помощи критерия χ^2 установлена взаимосвязь между распространенностью сложной семьи и фактором национальности, что в принципе соответствует источникам описательного характера. Наиболее распространены такого рода коллективы у мордвы – 43,6 % всех дворов и 61,1 % населения; у русских крестьян эти показатели – 33,7 % дворов и 48 % населения, у татар – 24,1 и 35 % соответственно. Средние размеры сложных семей варьируются: 8 человек у русских, 8,4 у татар, 9,9 – у мордвы.

Анализ распределения по их размеру дает следующую картину: сложные домохозяйства начинают доминировать начиная с 8 человек, структуры от 10 человек и больше можно все учитывать как сложные. При этом размер семьи у русских и мордвы практически всегда выше среднего, а у татар – ниже среднего показателя. Наиболее крупные сложные семьи, превышающие по составу 15 человек, – преимущественно мордовские (а коллективы более 20 человек все мордовские). Напротив, небольшие по размеру сложные семьи (4 – 6 человек) чаще встречаются у русских крестьян. Можно предположить, что причина этого явления – более активное использование процедуры выделения, при котором супружеская семья женатого сына превращалась в самостоятельную единицу, не разрушая при этом сложную семью полностью.

Оценивая влияние национальности на тип домохозяйства, следует учитывать, что она не являлась единственным фактором. В материалах земских переписей можно найти такие индикаторы домохозяйства, как религиозная принадлежность домохозяйина, его статус (государственный, крепостной, удельный), возраст, размер землевладения и ряд других. Оценка совокупного влияния этих параметров является перспективой дальнейших исследований.

Литература

1. Безгин В.Б. Крестьянская повседневность (традиции конца XIX – начала XX в.) М. Тамбов: Изд.-во Тамб. гос. тех. ун-та, 2004. 304 с.
2. Бослаф С. Статистика для всех. М.: ДМК-Пресс, 2015. 586 с.
3. Бусыгин Е.П., Зорин Н.В., Мухина З.З. Сельская женщина в семейной и общественной жизни. Казань: Изд-во Казан. ун-та, 1986. 140 с.
4. Гланц С. Медико-биологическая статистика. М.: Практика, 1998. 459 с.
5. Демографическая модернизация. 1900–2000. М.: Новое издательство, 2006. 608 с.
6. Майнов В. Очерк юридического быта мордвы // Записки императорского русского географического общества по отделению этнографии. 1885. Т. XIV. Вып. 1. С. 1–267.
7. Мельников П.Ю. Мордовская семья Саратовской губернии конца XIX в. По данным земских сельскохозяйственных переписей // Гуманитарий: актуальные проблемы гуманитарной науки и образования. 2021. Т. 21. № 3 (55). С. 229–241.
8. Мельников П.Ю. Сложная крестьянская семья Саратовской губернии в конце XIX в. // Ойкумена. Регионоведческие исследования. 2022. № 1 (60). С. 73–83.
9. Миронов Б.Н. Социальная история России периода империи (XVIII – начало XX в.) Генезис личности, демократической семьи, гражданского общества и правового государства. В 2 т. СПб.: "Дмитрий Буланин", 2003. Т. 1. 583 с.
10. Первая всеобщая перепись населения Российской империи, 1897 г. Т. XXXVIII. Саратовская губерния. СПб.; Издание Центрального статистического комитета Министерства внутренних дел. 1904. 249 с.
11. Сборник статистических сведений по Петровскому уезду Саратовской губернии. По данным исследования 1894 г. Выпуск 1. Саратов: Изд. Саратов. губ. земства, 1897. 327 с.
12. Столяров А. А. К вопросу изучения русских сельских семей Среднего Поволжья в XVI – начале XX в. // Вопр. этнографии Среднего Поволжья. Казань: Изд-во Казан. ун-та, 1980. 120 с.
13. Тарновский В.В. О делимости семей в Малороссии // ЖМВД. 1854. Ч. V. Отд. 3. С. 73–102.
14. Файзрахманов И.З. Семейные разделы в татарских деревнях в 1820–1860-х гг. // Гасырлар авазы. 2015. № 1–2. С. 37–39.
15. Household and Family in Past Time: Comparative Studies in the Size and Structure of the Domestic Group over the Last Three Centuries in England, France, Serbia, Japan and Colonial North America. / Laslett P., Wall R. (eds.). Cambridge, Cambridge Univ. Press, 1972. 623 p.

References

1. Bezgin V.B. Peasant everyday life (traditions of the late XIX – early XX centuries) M. Tambov: Tambov Publishing House. State Those. Un-ta, 2004. 304 p. (In Russ.).
2. Boslaf S. Statistics for everyone. M.: DMK-Press, 2015. 586 p. (In Russ.).
3. Busygin E.P., Zorin N.V., Mukhina Z.Z. Rural woman in family and social life. Kazan: Kazan Publishing House. un-ta, 1986. 140 p. (In Russ.).
4. Glantz S. Medico-biological statistics. M.: Practice, 1998. 459 p. (In Russ.).
5. Demographic modernization. 1900–2000. M.: New publishing house, 2006. 608 p. (In Russ.).
6. Mainov V. Essay on the legal life of the Mordovians // Notes of the Imperial Russian Geographical Society for the Department of Ethnography. 1885. T. XIV. Issue. 1. S. 1–267. (In Russ.).
7. Melnikov P.Yu. Mordovian family of the Saratov province of the late XIX century. According to zemstvo agricultural censuses // Humanitarian: actual problems of humanitarian science and education. 2021. V. 21. No. 3 (55). P. 229–241. (In Russ.).
8. Melnikov P.Yu. Complex peasant family of the Saratov province at the end of the 19th century. // *Ecumene. Regional studies*. 2022. No. 1 (60). P. 73–83. (In Russ.).
9. Mironov B.N. The social history of Russia during the period of the empire (XVIII – early XX century) The genesis of the individual, the democratic family, civil society and the rule of law. In 2 volumes. St. Petersburg: "Dmitry Bulanin", 2003. Vol. 1. 583 p. (In Russ.).
10. The first general census of the population of the Russian Empire, 1897, Vol. XXXVIII. Saratov province. St. Petersburg; Publication of the Central Statistical Committee of the Ministry of Internal Affairs. 1904. 249 p. (In Russ.).
11. Collection of statistical information on the Petrovsky district of the Saratov province. According to a study in 1894. Issue 1. - Saratov: Ed. Saratov. lips. Zemstvo, 1897. 327 p. (In Russ.).
12. Stolyarov A. A. On the issue of studying Russian rural families of the Middle Volga region in the 16th - early 20th centuries. // *Question. ethnography of the Middle Volga region*. Kazan: Kazan Publishing House. un-ta, 1980. 120 p. (In Russ.).
13. Tarnovsky V.V. On the divisibility of families in Little Russia // *ZhMVD*. 1854. Part V. Det. 3. S. 73–102. (In Russ.).
14. Fayzrakhmanov I.Z. Family divisions in Tatar villages in the 1820s–1860s // *Gasyrlar Avaza*. - 2015. No. 1–2. P. 37–39. (In Russ.).

15. Household and Family in Past Time: Comparative Studies in the Size and Structure of the Domestic Group over the Last Three Centuries in England, France, Serbia, Japan and Colonial North America. / Laslett P., Wall R. (eds.). Cambridge, Cambridge Univ. Press, 1972. 623 p.

Информация об авторе

Павел Юрьевич Мельников, канд. ист. наук, доцент кафедры истории государства и права Саратовской государственной юридической академии, Саратов, Россия, e-mail: p_melnikov@list.ru

Information about the author

Pavel Yu. Melnikov, Candidate of Historical Sciences, Associate Professor, Department of History of State and Law, Saratov State Law Academy, Saratov, Russia, e-mail: p_melnikov@list.ru

Поступила в редакцию 26.09.2022

Received 26.09.2022

Одобрена после рецензирования 04.02.2023

Revised 04.02.2023

Принята к публикации 16.02.2023

Accepted 16.02.2023

Научная статья
УДК 504.3.054
<https://doi.org/10.24866/1998-6785/2023-1/104-113>

О состоянии почвенно-растительного покрова южного сектора Дальнего Востока России и проблемах его рационального использования. Часть 2

Юрий Анатольевич Наумов

Владивостокский государственный университет, филиал в г. Находка, Россия, naumov_ua@mail.ru

Аннотация: Статья посвящена изучению состояния почвенно-растительного покрова южного сектора Дальнего Востока России. В результате показано, что наибольшей антропогенной трансформацией этот покров подвергался в южной половине Дальнего Востока, особенно в Приморском крае, что связано с наиболее ранним и самым интенсивным освоением природных ресурсов этого региона. Автором даны рекомендации по рациональному использованию почвенных и растительных ресурсов.

Ключевые слова: *вырубка лесов, пожары, лесопереработка, экологическое состояние, дикоросы*

Для цитирования: Наумов Ю. А. О состоянии почвенно-растительного покрова южного сектора Дальнего Востока России и проблемах его рационального использования. Часть 2 // Ойкумена. Регионоведческие исследования. 2023. № 1. С. 104–113. <https://doi.org/10.24866/1998-6785/2023-1/104-113>

Original article
<https://doi.org/10.24866/1998-6785/2023-1/104-113>

On the state of the soil and vegetation cover of the Russian Far East and the problems of its rational use. Part 2

Yury A. Naumov

Nakhodka branch of the Vladivostok State University, Nakhodka, Russia, naumov_ua@mail.ru

Abstract: The article is devoted to the study of the state of the soil and vegetation cover in southern sector of the Russian Far East. As a result, it is shown that this cover was subjected to the greatest anthropogenic transformation in the southern half of the Far East, especially in the Primorsky Territory, which is associated with the earliest and most intensive development of the natural resources of this region. The author gives recommendations on the rational use of soil and plant resources.

Key words: *deforestation, fires, timber processing, ecological state, wild plants*

For citation: Naumov Yu. A. On the state of the soil and vegetation cover of the Russian Far East and the problems of its rational use. Part 2 // Ojkumena. Regional researches. 2023. No. 1. P. 104–113. <https://doi.org/10.24866/1998-6785/2023-1/104-113>

Объектом научных исследований данной статьи является почвенно-растительный покров северного сектора Дальнего Востока (ДВ) России. По существу ДВ представляет собой мегарегион, поэтому первоначальный замысел автора отразить представленную тему во всей её масштабности в одной статье вошли в противоречие с требованиями журнала. Понимая это, автор разделил материал на две статьи: в 1-ой охарактеризован южный сектор мегарегиона (Приморский и Хабаровский края, Амурская область и Еврейская автономная область), а во 2-ой – северный сектор (Сахалинская и Магаданская области, Камчатский край и Чукотский автономный округ). В 1-ой статье приводятся предварительные выводы, а во 2-ой окончательные, касающиеся всего мегарегиона.

Предметом исследований является характеристика объекта ДВ, особенностей его хозяйственного освоения, проблем и экологического состояния.

Цель статьи – изучение состояния почвенно-растительного покрова северного сектора ДВ и проблем его рационального использования в территориальном отношении.

В изучение данной темы применялись следующие методы: статистический, исторический, сравнительно-географический, картографический и другие.

Фактический материал, который использовал автор, это в основном доклады о состоянии окружающей среды за последние годы по каждому из субъектов ДВ, которые публикуются Минприроды РФ, а также публикации автора и его коллег. Следует заметить, что автор с 80-х гг. XX в. интересуется экологическим состоянием региона, вследствие чего постарался использовать сравнительный и исторический методы в широком временном диапазоне.

Поднимаемая автором проблематика была корректно изложена в ряде публикаций [5-9], однако последние материалы, изложенные в докладах Минприроды, их значительно дополняют.

Сахалинская область [3]. Её численность населения 490 тыс. человек (2018 г.). Этот регион является единственным островным в РФ. Он в наибольшей степени страдает от загрязнения нефтегазодобычи.

В структуре земель данной категории преобладают лесные площади – 76,3% (95,2 тыс. га, табл.1) и болота – 15,3% (19,1 тыс. га).

К землям лесного фонда относятся те, которые покрыты лесной растительностью, а также не покрытые ею, но предназначенные для восстановления: вырубки, гари, прогалины и другие – и предназначенные для ведения лесного хозяйства нелесные земли (просеки, дороги, болота и другие).

Растительность Сахалинской области прошла длительный путь формирования. Область расположена в двух зонах: таёжной и смешанных лесов, граница между которыми проходит по южной окраине Сахалина от г. Чехова к г. Анива.

На территории Сахалина выделяются четыре растительные подзоны с 13 ботаническими районами. Границы между подзонами простираются в северо-западном направлении в соответствии с простираемостью изотерм и коэффициентов увлажнения. Границы районов совпадают с границами орографических объектов.

В южной подзоне расположена часть Западно-Сахалинских гор. В её формировании участвуют все описанные выше группы растений, но в иных соотношениях. Из таежной группы преобладают темнохвойные леса с господством пихты (травяные, травяно-бамбуковые, зеленомошные). Лиственничные леса встречаются реже, часто они являются вторичными, приурочены к низменностям и болотам, отмечаются и в горах. Болота в подзоне преимущественно низинные с хорошо разложившимся торфом и богатой болотной растительностью. На поймах равнин и гор хорошо развито крупнотравье, проникающее на значительные высоты в низкогорьях по увлажненным ложбинам. Темнохвойные, а особенно каменноберезовые и пойменные леса, обогащены прибореальными видами древесной, кустарниковой, травянистой растительности и лианами. В тайге растет падуб, в каменноберезовых лесах – бамбук, клены, в пойменных ольхово-ивовых лесах – вяз, клен, ясень, аралия, элеутерококк, кардиокринум, купена и ландыш. Здесь также хорошо представлена прилиторальная, скально-каменистая группа растений и эндемики. Для горных районов подзоны характерна вертикальная поясность растительности. Нижний пояс представлен зеленомошно-травяными, травяными, травяно-бамбуковыми и бамбуковыми, елово-пихтовыми лесами, которые сильно изменены рубками и пожарами. Выше он сменяется поясом каменноберезовых бамбуковых лесов, обогащенных кустарниками, а в верхней части – кедровым стлаником. Наиболее высокие вершины покрыты зарослями кедрового стланика. В нижней части пояса отмечается бамбук и высокотравье по увлажненным западинам и ложбинам, хорошо представлены арктоальпийские виды растений (рододендроны, багульник, брусника, лишайники и др.). Южная тайга наиболее освоена и изменена хозяйственной деятельностью человека.

Подзона темнохвойных лесов с примесью широколиственных пород занимает крайний юго-запад Сахалина, находящийся под влиянием теплого Цусимского течения. В этой подзоне пихта преобладает над елью, широко распространена береза каменная (Эрмана), спускающаяся в некоторых местах к берегу моря, редко встречается белая береза, обычная в средней тайге. В связи с небольшой высотой здесь слабо выражена высотная поясность, менее представлена арктическая и скально-каменистая группа растений.

Таежная группа растений является одной из наиболее многочисленных. Она насчитывает более 200 видов и представлена деревьями (елово-пихтовыми и лиственничными лесами, мелколиственными лесами), кустарниками, цветковыми растениями, папоротниками и плаунами. Елово-пихтовые леса покрывают горные склоны до высоты 500–700 м. В основном они представлены елью аянской и пихтой сахалинской с участием ели Глена и пихты Майра. Лиственничные леса являются в основном равнинными, представлены ли-

Таблица 1. Основные показатели лесных и земельных ресурсов северного сектора Дальнего Востока
Table 1. Main indicators of forest and land resources of the northern sector of the Far East

Регион	Площадь лесов		Площадь с/х земель (тыс. га)	
	тыс. га	%	используемые	нарушенные
Сахалинская область	95,2	76,30	166,8	-
Камчатский край	44226,1	0,09	472,2	2,7
Магаданская область	45607,0	0,05	131,4	58,9
ЧАО	27738,0	6,90	8,6	-

Источник: [1; 2; 3; 4].

Source: [1; 2; 3; 4].

стенницей даурской, произрастающей на бедных песчаных и заболоченных почвах.

К прибореальному комплексу растений относятся представители широколиственных лесов (деревья: дуб монгольский, клён, ясень, вяз, аралия, бархат сахалинский и др.; кустарники: скиммия, падуб, волчегондик иезский и др., бамбук (саза), а также многочисленная группа травянистых растений, лиан. Группа травянистых растений представлена такими растениями, как кардиокринум, ландыш, купена, злак мискантус, осоки садоанская и японская, двулистник и многие другие). Всего прибореальная группа растений насчитывает около 100 видов.

Низкогорная группа растений, приуроченная к скалам и каменистым россыпям, по численности не уступает таёжной (около 200 видов), но более своеобразная по видовому составу. Представителями этой группы растений являются ситник трехчешуйный, осока округлая, зубровка альпийская, дриада, лапчатка снежная, гречишник живородящий, карликовые ивы, кассиопея, полынь арктическая, рододендрон и др.

Значительной по численности (свыше 100 видов) является группа растений произвольно привнесенных японскими и русскими земледельцами на Сахалин или из Европы (пикульник, овсюг и многие другие), или из стран Восточной Азии (синеглазка, гречишники и др.). Растения этой группы обитают на культурных землях (поля, огороды, сады), а также на пустырях, пастбищах, вдоль дорог и троп, в городах и поселках.

Растительный мир области богат и разнообразен, что способствует его широкому использованию в народном хозяйстве. Древесные растения используются в качестве лесопромышленного сырья и топлива (ель, пихта, лиственница). Особенно многочисленная в области группа плодово-ягодных и пищевых растений (красника, три вида черники, смородина, жимолость съедобная, черемуха айнская, рябина бузинолистная, шиповники, актинидия, лимонник, папоротники, клюква, грибы и др.). Группа кормовых и силосных растений представлена вейником Лангсдорфа, белокопытником, белокрыльником камчатским, гречихой Вейриха и сахалинской и др. Они отличаются высокой урожайностью и большим содержанием питательных веществ, особенно белков. Многие растения используются для производства лекарств (ландыш Кейске, черемуха острокольная, аралия травянистая, элеутерококк (свободноягодник), лимонник китайский, ромашка, брусника, красника, чистотел, валериана и др.). На острове высокая степень эндемизма и много видов краснокнижных растений. Из этого можно сделать вывод, что растительный мир привлекателен для пешего, прогулочного туризма, экотуризма, а также познавательных экскурсий.

Развитию туризма препятствуют незаконные рубки лесов. Только в 2019 г. выявили 65 таких случаев.

Как сообщил заместитель руководителя регионального агентства лесного и охотничьего хозяйства Данила Дударев, на островах в 2020 г. незаконно вырубил 3,6 тысячи кубометров древесины. Для сравнения: в 2019 г. – более 16 тысяч.

Ущерб лесному фонду составил 28,2 млн рублей. В 2019 г. – 162,6 млн рублей. То есть объём незаконных рубок лесных насаждений уменьшился в 5 раз, а ущерб – в 6 раз.

Основная масса нарушений связана с тем, что лес рубяют строители, расчищая площадки под объекты, или во время добычи полезных ископаемых. Частые нарушения – несвоевременное оформление документов, отступление от проектов освоения лесов. При этом древесина в оборот не поступает, основная часть её уничтожается в процессе расчистки земельных участков.

Почвы на равнинах о. Сахалина торфяно-подзолисто-болотные суглинистые, средне – и слабоподзолистые супесчаные; в долах – болотные и аллювиальные лугово-дерновые и лугово-глеевые; в горах – буротаежные неоподзоленные и слабооподзоленные; в Восточно-Сахалинских горах встречаются горные подзолистые.

Общая площадь земельного фонда Сахалинской области по состоянию на 1 января 2021 г. составляет 8 710,1 тыс. га. Из общей площади земли: сельскохозяйственного назначения составляют 166,8 тыс. га (1,92%), земли населенных пунктов – 86,7 тыс. га (1%), земли промышленности и транспорта – 333,4 тыс. га (3,83%), земли особо охраняемых территорий – 124,8 тыс. га (1,43%), земли лесного фонда – 6 982,8 тыс. га (80,17%), земли запаса – 968,8 тыс. га (11,11%) и земли водного фонда – 46,8 тыс. га (0,54%).

Земли оздоровительного, рекреационного и историко-культурного назначения занимают 0,5 тыс. га. Это главным образом месторождения грязей, различные источники, санатории "Сахалин", "Синегорские минеральные воды", областное государственное автономное учреждение "Центр медико-социальной реабилитации "Чайка". Все земли используются по назначению.

Помимо этого, на территории области имеется 57 памятников природы, в том числе местного значения (комплексные, геологические, ботанические, зоологические).

В состав земель, относимых к категории земель населенных пунктов, входят как сельскохозяйственные, так и несельскохозяйственные угодья.

К землям запаса относятся земли, находящиеся в государственной или муниципальной собственности и не предоставленные гражданам или юридическим лицам.

Земли запаса являются резервом для организации предоставления земельных участков для новых землепользований.

Земельные угодья являются основным элементом государственного земельного учета и подразделяются на сельскохозяйственные и несельскохозяйственные угодья. К сельскохозяйственным угодьям относятся пашня, залежь, сенокосы, пастбища, многолетние насаждения. Несельскохозяйственные угодья – это земли под водными объектами, болотами, лесами, землями застройки, землями под дорогами, нарушенные земли и прочие земли.

Сельскохозяйственные угодья категории "земли сельскохозяйственного назначения" – это земельные угодья, систематически используемые для получения сельскохозяйственной продукции. Сельскохозяйственные угодья подлежат особой охране. Предоставление их для несельскохозяйственных нужд допускается в исключительных случаях с учетом кадастровой стоимости угодий.

Сельскохозяйственное производство Сахалинской области находится в крайне сложных природных условиях. Островное расположение области, большое количество осадков, заболоченность территории оказывает большое влияние на продуктивность земель и ухудшает их качественное состояние.

Общая площадь сельскохозяйственных угодий на землях сельскохозяйственного назначения составляет 85 тыс. га, из них пашни – 35,7 тыс. га. Это в основном вновь освоенные территории лесных площадей и торфяников с низким естественным плодородием. Поэтому при освоении земель и их окультуривании вносилось большое количество органических удобрений, требовалось внесение больших доз извести.

С начала пожароопасного сезона в 2020 г. на территории лесного фонда зарегистрировано 14 лесных пожаров. Общая площадь, пройденная огнём за этот год, составила 230 гектаров. Из них 224 гектара – это лесная площадь. За аналогичный период прошлого года было зарегистрировано 25 лесных пожаров. Общая площадь выгорания составила 79,5 гектара. Тенденция к улучшению ситуации идёт – все зафиксированные пожары потушили в течение первых суток. По утверждению заместителя министра экологии Сахалинской области от 70 до 90% пожаров происходит из-за антропогенного фактора.

Сахалинская область выделяется среди других субъектов ДВ добычей нефти, которая сопровождается её периодическими разливами, а также нарушениями при складировании нефтесодержащих отходов. Например, около села Вал Ногликского района был организован полигон таких отходов. В 2018 г. жители этого села организовали митинг, требования которого – прекратить дальнейшее расширение полигона, который всё больше охватывает места традиционного отдыха жителей, ловли рыбы и места её нереста.

Камчатский край [1]. Его население составляет 312 тыс. человек. Здесь основными источниками антропогенного загрязнения поверхностных вод является ТЭК.

Общая площадь лесов составляет 44226 тыс. га (см. табл.1). Флора Камчатки в целом имеет бореальный характер, богата берингийскосевероамериканскими элементами, широкое распространение также имеют евроазиатские бореальные элементы. В северной части полуострова значительная роль принадлежит горно-тундровым аркто-альпийским видам. Большая часть видов флоры Камчатки имеет циркумполярный ареал. Материковая часть Камчатского края и северная часть полуострова находятся в зоне воздействия субарктического климата. Здесь преобладают тундровые и лесотундровые ландшафты. В составе кустарникового яруса основное место принадлежит ольховому и кедровому стланикам, а также кустарниковым и карликовым видам ив и берез. Основная часть полуострова находится в поясе умеренного климата и характеризуется преобладанием лесных ландшафтов.

В субальпийском поясе господствуют бореальные, субальпийские и субарктические стланики и кустарники, такие как кедровый стланик, ольха кустарниковая, рябина бузинолистная, лапчатка кустарниковая, жимолость сизая, шиповник тупошковый, ива красивая, ива аляскинская, ива копьевидная и другие.

На высотах 600-800 м над уровнем моря господствуют сообщества кедрового и ольхового стлаников, на высотах от 900-1000 м до 1600-1700 м – горные тундры. На высотах 1800-2000 м каменисто-щебнистые осыпи и россыпи, лавовые и шлаковые поля, вулканические пески и гольцы лишены высшей растительности, здесь господствуют синузии эпифитных лишайников. Закономерности высотного размещения горнотундровых сообществ заметно меняются от побережья Тихого океана до центральных районов полуострова. Так, в Ключевской группе вулканов на высотах 900-1100 м распространены голубичные тундры.

Заросли кедрового стланика поднимаются в горы до 1200 м. Они занимают около 41% лесопокрытой площади края, наиболее широко распространены на высотах 600-900 м над уровнем моря. Среди куртин ольхового и кедрового стлаников располагается растительность субальпийских лугов, кустарничковых, кустарничково-лишайниковых и луговинных тундр.

Основную угрозу лесу несут пожары и нерациональная вырубка. Особенно тревожная ситуация сложилась с хвойными лесами. Когда-то они господствовали на полуострове, занимая почти всю его территорию, но постепенно уступили первенство каменно-березовым лесам. Сейчас ареал их распространения не превышает 6% всего лесопокрытия.

Почвенный покров Камчатки относится к лугово-лесной зоне лесных грубогумусных почв. Здесь представлены вулканические охристые, вулканические аллювиальные, слабообразованные, торфяные типы почв.

Почвы Камчатки формировались в условиях холодной и избыточной влажности, основными их компонентами являются кислые и слабокислые породы вулканического происхождения. Для них характерны слоистость профиля, легкий механический состав, рыхлость сложения, бедность элементов питания, слабость микробиологических процессов, бедность беспозвоночными.

На процесс почвообразования на Камчатке помимо других факторов влияет вулканизм, в результате которого образуются почвы, уникальные по своим свойствам и строению. Существенной особенностью таких почв является наличие в их профиле погребенных гумусовых горизонтов, образование которых связано с выпадением пеплов. В результате периодического поступления вулканического материала и перекрытия им поверхности происходит своеобразное "омоложение" почв, а вследствие погребения ранее существовавших почвенных горизонтов формируется сложный слоистый профиль, состоящий из нескольких наложенных друг на друга элементарных профилей. Общая площадь с/х земель 477,2 тыс. га. Из них к нарушенным относят земли на площади 2,7 тыс. га.

За 2019 г. инспекторы лесоохраны провели более 950 рейдов, в ходе которых выявили 145 нарушителей. Лесопожарные формирования, по сообщению Агентства лесного хозяйства края, на Камчатке зарегистрировали в 2021 г. пожары на площади почти 114 тыс. га.

Все возгорания установлены в Пенжинском районе.

Магаданская область [2]. Численность ее населения составляет 137 тыс. человек. Основные источники загрязнения представлены многочисленными предприятиями горнодобывающей промышленности и ЖКХ.

На Кольме труднодоступностью и удаленностью лесных пожаров объяснили нежелание их ликвидировать, накануне космический мониторинг зафиксировал почти полтора десятка пожаров на площади 1473 тыс. га.

Распределение земель по категориям показывает преобладание в структуре земельного фонда земель лесного фонда общей площадью 45607 тыс. га, на долю которых приходится 96,4%, на земли сельскохозяйственного назначения приходится 131,4 тыс. га (0,7%), земли запаса – 0,6%, земли промышленности, транспорта и иного несельскохозяйственного назначения – 0,1%, земли природоохранного назначения составляют – 1,9%, земли населенных пунктов – 0,2%, земли водного фонда – 0,2% от всего земельного фонда. Из этих земель к нарушенным относят 58,9 тыс. га (см. табл. 1), что выдвигает область в лидеры. Связанно это с тем, что с 30-х гг. XX в. и по настоящее время в крае ведется отработка россыпного золота драгами. Мощное воздействие водных струй драг на почвогрунты привело к тому, что "перепаханности" до неузнаваемости оказались многие долины бассейна р. Кольма. Рекультивация нарушенных земель в этих долинах имеет незначительные объемы.

Современное землепользование области сформировалось под воздействием горнодобывающего комплекса, гидротехнического и промышленного строительства, сельского хозяйства, транспорта, оказавших ряд негативных факторов на современное состояние земли. Спецификой рассматриваемой территории является почти повсеместное наличие многолетней мерзлоты.

Мерзлотный фактор оказывает основное негативное воздействие на развитие естественных и сельскохозяйственных ландшафтов. В настоящее время имеющаяся информация о состоянии и использовании земель, о развитии негативных процессов в области является недостаточной. На территории области земли сельскохозяйственного назначения занимают 0,7% от общей площади земель региона. К общим процессам, негативно влияющим на плодородие почв и снижение их качества в условиях региона, можно отнести следующие факторы: наличие водной и ветровой эрозии; термокарстовые явления; вторичное мерзлотное заболачивание; подтопление, затопление; переуплотнение почв; дегумификация; кислотность; зарастание кустарником и лесом; техногенное нарушение земель предприятиями.

В настоящее время состояние земель области, находящихся в сфере сельскохозяйственной деятельности, остается неудовлетворительным, на что повлиял развал крупных сельскохозяйственных предприятий, а фермерские хозяйства не могут обрабатывать достаточно большие площади сельскохозяйственных угодий. Сельскохозяйственные угодья, переданные в фонд перераспределения земель при ликвидации крупных сельскохозяйственных предприятий в ходе земельной реформы, большей своей частью остаются невостребованными, вследствие чего происходит деградация почвенного покрова. Неиспользуемые земли на протяжении десятилетий без проведения специальных мероприятий по сохранению и повышению почвенного плодородия заболачиваются, повышается почвенная кислотность, развиваются про-

цессы дегумификации, происходит переуплотнение почв, а также зарастание сорняковой растительностью, кустарником и лесом. Спад сельскохозяйственного производства в области, снижение общего уровня культуры земледелия из-за финансовых и материально-технических проблем пользователей в ходе реформирования привели к значительному ухудшению состояния и сокращению использования сельскохозяйственных земель.

Значительный ущерб наносится оленьим пастбищам, который обусловлен нарушением почвенного покрова при ведении золотодобычи, геологоразведочных работ, прокладке временных дорог, строительством технологических насыпей, добычей грунта в карьерах, торфоразработках. Не менее вредны косвенные нарушения: ветровая и водная эрозия, изменение уровня грунтовых вод, загрязнение окружающей среды отходами нефтепродуктов.

Анализ результатов государственного мониторинга состояния и использования земель, проведенный на территориях отдельных районов области в течение 2011–2018 гг. позволяет сделать вывод, что общая экологическая ситуация в области относительно удовлетворительная. Однако в связи с тем, что главной отраслью экономики области является добыча полезных ископаемых, существуют очаги с сильным нарушением земель вокруг основных промышленных центров. Многолетние разработки месторождений цветных металлов обусловили формирование на территории области особых техногенных экосистем и наличие значительных площадей нарушенных земель. Изучение изменений площадей нарушенных земель показывает, что нарушенные земли на территории области подвержены динамике роста. За период 2013–2018 гг. площади нарушенных земель увеличились на 34%. Значительные доли площадей нарушенных земель от общего объема освоенности приходятся на недропользование и наземное строительство. Незначительные доли нарушенных земель являются следствием агропромышленного освоения и гидротехнического строительства.

Согласно государственной статистической отчетности за 2018 г. наибольшие площади нарушенных земель приходятся на категорию земель лесного фонда – 70% от общей площади нарушенных земель на территории области. Это связано с тем, что в основном на категории земель лесного фонда ведутся горнодобывающие работы. Второе место по количеству нарушенных земель занимает категория земель промышленности – 23% от общей площади нарушенных земель.

Лиственница и стланик растут по 150–200 лет и составляют основу лесов Магаданской области. Стланик рубят к Новому году, лиственницу – для изготовления электрических столбов. Вырубки проводятся и на законных основаниях. В 2021 г. губернатор Магаданской области запретил вырубку лиственницы и стланика.

В ходе проверки соблюдения законодательства об охране лесов от пожаров прокуратура Ольского района выявила факт незаконной вырубки деревьев. 159 лиственниц уничтожили в рекреационной зоне возле минерализованной полосы в селе Гадля

За 2021 г. на территории Колымы зарегистрировали 108 природных пожаров на площади в 213 тысяч гектаров (для сравнения, площадь Москвы – 251 тысяча гектаров). Из них: на землях лесного фонда – 90 пожаров на площади 213 тысяч га, в том числе покрытой лесом – 98,9 тысячи га. По вине населения произошло только 17,8% возгораний, от линейных объектов – 2,2%. Грозы стали причиной 80% пожаров.

Чукотский автономный округ (ЧАО) [4]. Этот субъект является самым малонаселенным (49 тыс. человек) и наименее освоенным в хозяйственном отношении на ДВ.

Общая площадь лесов достигает 27738 тыс. га (6,9% от общей площади округа, см. табл. 1). Общий запас древесины на корню – 86 млн кубометров.

По данным космического мониторинга на территории Магаданской области в 2021 г. насчитывалось более 20 действующих лесных пожара. Большая часть из них находилась в отдаленной и труднодоступной местности. В том числе на территории Ольского, Северо-Эвенского и Омсукчанского городских округов.

Растительность преимущественно тундровая. Распространены горные сухие тундры с карликовыми кустарниками и кустарничками, камнеломка-

ми. Низменности заняты лишайниковыми (ягель, цетрарии), моховыми и кочкарными тундрами с изреженной растительностью (пушица, осоки, мытник, кустарнички голубики, брусники и др.). Лишайниковые и кочкарные тундры используются как оленьи пастбища. В бассейне р. Анадырь и других рек встречаются леса из лиственницы, тополя, чозения, берёзы; из кустарников – ива, ольха, смородина, малина, шиповник и др. Полоса вдоль Северного Ледовитого океана и острова относится к арктической пустыне.

Около половины лесной площади Чукотки покрыто "стелющимися" лесами, представленными зарослями кедрового стланика, а также другими видами кустарников: ивой, ольхой и березой. В зоне северной тайги первый ярус состоит из лиственницы, которая используется в строительстве, однако общие запасы этой породы дерева невелики, а прирост очень медленный, поэтому производственные заготовки не ведутся. Сложилось так, что в одном из самых отдаленных регионов России в списке основных экологических проблем отсутствует незаконная вырубка леса.

На удалении от побережий морей характерны тундры с неприхотливой кустарниковой ольхой и кедровым стлаником, осокой и пушицей, голубикой, брусничкой и моршкочкой. Площади последней очень полезной ягоды велики, но используются они крайне мало.

На континентальной части Чукотки в долинах рек произрастают чозениево-тополевые леса вперемежку с березой, разнообразной кустарниковой растительностью, красной и черной смородиной, междуречные пространства заняты даурской лиственницей.

Между тем эта растительная скудость скорее видимая: на Чукотке произрастает свыше 900 видов высших растений, более 400 видов мхов и столько же лишайников. Уникальная для всех арктических территорий планеты флора острова Врангеля – самого северного участка суши Чукотки – насчитывает не менее 385 видов растений, что значительно больше, чем флора любого равновеликого острова в зоне Арктики.

В округе действуют природный заповедник "Остров Врангеля", природно-этнический парк "Берингия", государственный зоологический заказник республиканского значения "Лебединый", государственные природные заказники регионального (окружного) значения "Автокууль", "Туманский", "Тундровый", "Усть-Танюрерский", "Чаунская губа", "Теюкууль", "Омолонский".

Кроме того, на территории Чукотского автономного округа находятся 20 памятников природы регионального значения.

Особо охраняемые природные территории занимают площадь 1 327,6 тыс. га.

На Чукотке преобладают горно-тундровые почвы. На низменностях распространены глеевые, глеево-болотные и торфянисто-глеевые почвы; по долинам рек и под лиственничным редколесьем – глеево-подзолистые почвы. Для сельского хозяйства наиболее пригодны аллювиальные и торфяно-подзолистые почвы речных долин, бассейн р. Анадырь. Площадь сельскохозяйственных земель в округе наименьшая из всех регионов ДВ – 8,6 тыс. га.

В 2020 г. было зарегистрировано 111 лесных пожаров – почти в 1,7 раза больше, чем годом ранее. Площадь, пройденная огнем, в сравнении с аналогичным периодом прошлого года увеличилась в 4,3 раза – до 394,3 тыс. га.

С начала года на 01 июля 2021 г. зарегистрировано 66 пожаров, что на 18,5% ниже уровня 2020 г. При пожарах погибло 6 человек.

Объемы незаконной рубки леса на Дальнем Востоке, выявленные мониторингом из космоса, по сравнению с 2019 г. снизились в 2 раза – с 80 до 34,4 тыс. кубометров древесины. Наибольший объем нелегально заготовленной древесины специалисты зафиксировали в Приморском крае – почти 15 тыс. кубометров. По сравнению с 2019 г. объем незаконной вырубки в регионе увеличился в 1,5 раза.

Выводы

Анализ представленных материалов показывает, что ДВ обладает огромными лесными и земельными ресурсами. Из регионов на первом месте по площади лесных ресурсов выделяется Хабаровский край, по площади ис-

пользуемых с/х земель – Амурская область. Однако эффективному использованию этих ресурсов препятствует нерешенность целого ряда проблем:

- 1) низкий уровень управления лесным хозяйством, коррумпированность административных органов различного ранга;
- 2) наиболее длительное, по сравнению с другими регионами, антропогенное воздействие, усиливающееся в настоящее время, на природные комплексы Приморского края;
- 3) нарушение территориального баланса норм заготовки дикоросов;
- 4) применение для лесозаготовки морально и физически устаревшей техники;
- 5) из всех регионов наиболее широкому спектру воздействия подвергается Приморский край (эрозионному разрушению земель, их загрязнению металлами, пестицидами, радионуклидами);
- 6) из всех регионов по площади антропогеннонарушенных земель выделяется Магаданская область, а по разнообразию видов нарушений – Приморский край;
- 7) отмечается снижение концентраций гумуса в почвах большинства регионов;
- 8) значительная площадь (более 1 млн га) когда-то использованных, а ныне заброшенных с/х земель;
- 9) незначительность объемов рекультивации с/х земель;
- 10) значительный ущерб лесным ресурсам от пожаров (более 1-го млрд рублей только по Приморскому краю).

В связи с этим автором даются следующие рекомендации по повышению эффективности использования лесных и земельных ресурсов ДВ: усилить роль авиалесоохраны для защиты лесов от пожаров; ужесточить законодательные нормы за незаконные рубки лесов; уделить большее внимание рекультивации нарушенных земель; увеличить роль агромелиоративных и других мероприятий по повышению плодородия почв.

Литература

1. Доклад о состоянии окружающей среды в Камчатском крае в 2018 году. Петропавловск-Камчатский: Министерство природных ресурсов и экологии Камчатского края, 2019. 370 с.
2. Доклад о состоянии окружающей среды в Магаданской области в 2015 году. Магадан: Министерство природных ресурсов и экологии Магаданской области, 2020. 187 с.
3. Доклад о состоянии окружающей среды в Сахалинской области в 2019 году. Южно-Сахалинск: Министерство природных ресурсов и экологии Сахалинской области, 2020. 170 с.
4. Доклад о состоянии окружающей среды в Чукотском автономном округе в 2017 году. Анадырь: Министерство природных ресурсов и экологии Чукотского автономного округа, 2018. 117 с.
5. Мандрик А.Т. Формирование и развитие рыбной промышленности на Дальнем Востоке России (XVII-XIX вв.) // Хозяйственное освоение русского Дальнего Востока в эпоху капитализма. Владивосток: ДВО АН СССР, 1989. С. 49–61.
6. Мошков А.В. Структуры изменения в региональных территориальных отраслевых системах российского Дальнего Востока. Владивосток: Дальнаука, 2008. 268с.
7. Романов М.Т. Территориальное устройство хозяйства и населения на российском Дальнем Востоке. Владивосток: Дальнаука, 2004. 232 с.
8. Христофорова Н.К. Экологические проблемы региона: Дальний Восток – Приморье: Учебное пособие. Владивосток–Хабаровск: Хабаровск. кн. изд-во, 2005. 304 с.
9. Урусов В.М., Лобанова И.И. Природопользование. Часть 2. Ресурсы. Владивосток: Дальнаука, 2009. 412 с.

References

1. Report on the state of the environment in the Kamchatka Territory in 2018. Petropavlovks-Kamchatsky: Ministry of Natural Resources and Ecology of the Kamchatka Territory, 2019. 370 p. (In Russ.).
2. Report on the state of the environment in the Magadan region in 2015. Magadan: Ministry of Natural Resources and Ecology of the Magadan Region, 2020. 187 p. (In Russ.).
3. Report on the state of the environment in the Sakhalin region in 2019. Yuzhno-Sakhalinsk: Ministry of Natural Resources and Ecology of the Sakhalin Region, 2020. 170 p. (In Russ.).
4. Report on the state of the environment in the Chukotka Autonomous Okrug in 2017. Anadyr: Ministry of Natural Resources and Ecology of the Chukotka Autonomous Okrug, 2018. 117 p. (In Russ.).

5. Mandrik A.T. Formation and development of the fishing industry in the Russian Far East (XVII-XIX centuries) // Economic development of the Russian Far East in the era of capitalism. Vladivostok: FEB AN USSR, 1989. S. 49–61. (In Russ.).
6. Moshkov A.V. Structures of change in the regional territorial branch systems of the Russian Far East. Vladivostok: Dalnauka, 2008. 268 p. (In Russ.).
7. Romanov M.T. Territorial structure of the economy and population in the Russian Far East. Vladivostok: Dalnauka, 2004. 232 p. (In Russ.).
8. Khristoforova N.K. Ecological problems of the region: Far East - Primorye: Textbook. Vladivostok-Khabarovsk: Khabarovsk. book. publishing house, 2005. 304 p. (In Russ.).
9. Urusov V.M., Lobanova I.I. Nature management. Part 2. Resources. Vladivostok: Dalnauka, 2009. 412 p. (In Russ.).

Информация об авторе

Юрий Анатольевич Наумов, д-р. геогр. наук, профессор филиала Владивостокского государственного университета в г. Находка, Находка, Россия, e-mail: naumov_ua@mail.ru

Information about the author

Yury A. Naumov, Doctor of Geographical Sciences, Professor of the Nakhodka branch of the Vladivostok State University, Nakhodka, Russia, e-mail: naumov_ua@mail.ru

Поступила в редакцию 16.05.2022

Одобрена после рецензирования 07.02.2023

Принята к публикации 16.02.2023

Received 16.05.2022

Revised 07.02.2023

Accepted 16.02.2023

Научная статья
УДК 314.74
<https://doi.org/10.24866/1998-6785/2023-1/114-126>

Влияние пандемии COVID на социально-экономическое положение китайских мигрантов в России

На Ван

Тихоокеанский государственный университет, Хабаровск, Россия, wangnazoya@yandex.ru

Эльвира Октавьевна Леонтьева

Тихоокеанский государственный университет, Хабаровск, Россия, elvira.leontyeva@gmail.com

Полина Юрьевна Леонтьева

Томский государственный университет, Томск, Россия, leontevap6@gmail.com

Аннотация: В статье на материале интервью рассматриваются изменения в жизни и в трудовой деятельности китайских мигрантов, ориентированных на долгосрочное проживание и ведение бизнеса в России. Выявлено, что влияние пандемии, обычно негативно оцениваемое экспертами на макроуровне, на микроуровне привело к структурным изменениям этнического бизнеса и адаптацией мигрантов к новым вызовам: у кого-то финансовая сторона изменилась к лучшему, кто-то обанкротился, а кто-то не заметил существенной разницы, кроме изменения формы оказания услуг. Выделенные нами последствия мы рассматриваем по трём основным направлениям: изменения в экономическом положении мигрантов и в структуре китайского предпринимательства, перенос экономической активности в виртуальное пространство и изменения в социальном самочувствии и жизненных планах.

Ключевые слова: пандемия COVID, китайские мигранты, миграция, китайское предпринимательство

Для цитирования: На Ван, Леонтьева Э. О., Леонтьева П. Ю. Влияние пандемии COVID на социально-экономическое положение китайских мигрантов в России // Ойкумена. Регионоведческие исследования. 2023. № 1. С. 114–126. <https://doi.org/10.24866/1998-6785/2023-1/114-126>

Original article
<https://doi.org/10.24866/1998-6785/2023-1/114-126>

The impact of the COVID pandemic on the socio-economic situation of Chinese migrants In Russia

Na Wang

Pacific State University, Khabarovsk, Russia, wangnazoya@yandex.ru

Elvira O. Leontyeva

Pacific State University, Khabarovsk, Russia, elvira.leontyeva@gmail.com

Polina Yu. Leontyeva

Tomsk State University, Tomsk, Russia, leontevap6@gmail.com

Abstract: Based on the interview material, the article examines changes in the life and work of Chinese migrants who are focused on long-term residence and doing business In Russia. It was revealed that the impact of the pandemic, usually negatively assessed by experts at the macro and the micro levels, led to structural changes in ethnic business and the adaptation of migrants to new challenges: someone's financial side changed for the better, someone went bankrupt, and someone did not notice a significant difference, except for the change in the way of rendering service. We consider the consequences, highlighted by us, in three main areas: changes in the economic situation of migrants and in the structure of Chinese entrepreneurship, the transfer of economic activity to the virtual space and changes in social well-being and life plans.

Key words: COVID pandemic, Chinese migrants, migration, Chinese entrepreneurship

For citation: Na Wang, Leontyeva E. O., Leontyeva P. Yu. The impact of the COVID pandemic on the socio-economic situation of Chinese migrants In Russia // Ojkumena. Regional researches. 2023. No. 1. P. 114–126. <https://doi.org/10.24866/1998-6785/2023-1/114-126>

Введение: постановка проблемы

По прошествии более чем двух лет борьбы с пандемией гендиректор Всемирной организации здравоохранения (ВОЗ) Тедрос Адханом Гебрейесус заявил, что в конце 2022 г. чрезвычайная ситуация может завершиться [1], и уже к настоящему моменту для всей мировой общественности очевидно, что это не самый глобальный вызов нашего времени. Тем не менее последствия пандемии стали весьма ощутимы в первую очередь для наиболее уязвимых социальных групп, к которым можно отнести мигрантов. В этой статье мы обращаемся к анализу и обобщению опыта переживания пандемийных лет китайскими мигрантами, проживающими на Дальнем Востоке России.

Китайская миграция является одним из самых активных миграционных направлений в мире. Согласно данным Международной организации

миграции, до 2019 г. включительно численность китайских мигрантов, находящихся за рубежом, составила 10 730 тысяч человек, и это третье после Мексики и Индии место в мире по количеству мигрантов [14]. Самые популярные страны, интересные китайцам для эмиграции, – США, Канада, и Австралия. Причём интерес к Австралии в течение последних лет стремительно развивается, догоняя лидеров. Так, по данным запроса пользователей поисковика Байду, эмиграцией в Австралию в 2020–21 г. интересовались 4,5 млн. человек (для сравнения: США – 5,8 млн) [11]. С учётом того, что уже в 2016 г. китайская диаспора в Австралии насчитывала 1 777 400 чел [7, с. 650], численность в 1,3 – 1,5 млн. чел китайцев в Австралии, о которых пишут в СМИ, к настоящему времени выглядит вполне правдоподобно.

Хотя Россия не находится в первых 20-ти странах по популярности для китайских мигрантов, после вспышки пандемии на территории России осталось достаточно большое количество китайских мигрантов. В основном это студенты; индивидуальные предприниматели и наёмные рабочие (персонал китайских компаний).

Мигрантская тематика, одна из самых популярных в социальных науках, заслужила внимание исследователей и в контексте постпандемийной ситуации. Так, наибольший отклик у социологов и демографов [2, 3, 4, 5] вызвал анализ новых проблем, возникших перед трудовыми мигрантами: ситуация сокращения миграционных потоков и рабочих мест, сложности адаптации мигрантов к новым условиям, в которых затруднены трансграничные перемещения и др.

Наряду с внутрirosсийскими проблемами, внимание исследователей привлекает макрорегиональный и глобальный уровень. Так, Рязанцев С.В. и др. [10] представили сравнительный анализ и последующий синтез негативных последствий пандемии COVID-19 в призме занятости и положения именно трудовых мигрантов в СНГ. По итогу исследования были выявлены основные проблемы, с которыми столкнулись трудовые мигранты, и разработан комплекс мер по их минимизации. Другой коллектив под руководством этого автора [9] представил результаты сравнительного анализа влияния пандемии COVID-19 на положение трудовых мигрантов в странах Европы, Северной Америки, Азии, Австралии и Океании. В ходе анализа было выявлено, что последствия пандемии могут сильно повлиять в долгосрочном плане на тенденции и характер трудовой миграции как на глобальном, так и на региональном и страновом уровнях.

О том, что более высококвалифицированные сотрудники имели больше шансов на сохранение рабочего места, чем менее опытные работники, от которых избавлялись в первую очередь, писали Разин М.В., Караваев Е.С., Стурова Н.А. [8], такую точку зрения поддерживают и авторы данного исследования.

Влияние пандемии на китайских мигрантов реже привлекает внимание исследователей. Здесь можно отметить работу Зуенко И. Ю. [6]. Автор обращает внимание на ситуацию приграничной торговли между Россией и Китаем и показывает, что экономические последствия кризиса будут гораздо более тяжёлыми для российской приграничной торговли. На Дальнем Востоке больше всего пострадал гостиничный, ресторанный и туристический бизнес во Владивостоке и Благовещенске, а для экономики региона в целом наиболее тяжёлой проблемой станет прекращение доступа на рынок китайской рабочей силы. Прогноз на 2020–2021 о банкротстве и уходе с рынка большого числа китайских компаний, работающих в сельском хозяйстве и строительстве, подтвердился: большинство мигрантов "застряли" в Китае и не смогли вернуться на рабочие места в Россию, сворачиваются интеграционные инициативы, сжимаются китайские общины в России и российские в Китае. Показанные этим автором тренды созвучны тем, которые отражают мнения наших респондентов – представителей китайской общины в Хабаровске.

Исследователи не обошли вниманием и психологические проблемы, с которыми столкнулись мигранты. Так, Рязанцев С.В., Вазиров З.К. и Гарибова Ф.М. [10] отмечают, что у многих мигрантов на родине остались близкие родственники, в том числе супруги и дети. Закрытие границ означает для них полное прекращение контактов, что имело для людей негативные социальные и психологические последствия. Особенно болезненно это проявляется

при необходимости вернуться на родину (важное семейное событие, похороны, рождение ребенка, свадьба).

Со стороны китайских исследователей и официальных структур также был активный отклик на существующие проблемы. Так, в "Докладе о миграционной ситуации Китая в 2021 году" [11] так же, как и в других источниках, отмечается, что пандемия охватила весь мир и глубоко повлияла на международную миграцию населения. Под влиянием пандемии у многих людей были нарушены такие планы, как учёба и работа за границей или миграция за рубеж. Однако люди не отказываются от намерения переехать в другие страны и строят более рациональные и диверсифицированные планы на миграцию.

Китайские исследователи также уделяли большое внимание международным отношениям и сотрудничеству между Россией и Китаем во время пандемии. Среди них наиболее заметны работы следующих авторов: Гуан Гуйхай [13], Цай Юньчжэ [12], Чжан Цзянь и Сюэ Цзэчжэн [16]. Многие исследователи изучали влияние пандемии на экономику и общество в России, например, на жизнь простых людей, образование, туристическую сферу, инвестиции, потребление, экспорт и другие [15; 17]. Кроме того, освещение проблем, с которыми столкнулись китайские мигранты, стало популярной темой в СМИ. Например, известное китайское интернет-издание "Новости Пэнпай" (The Paper – 澎湃新闻) и "Мы-Медиа" We Media (Self-Media – 自媒体) освещает события из жизни мигрантов, их жизнь и работу в России до и во время пандемии, то, как они боролись с болезнью, как изменилась жизнь финансово и психологически, каковы их планы на будущее. Проведённый обзор этих ресурсов показывает, что влияние пандемии на мигрантов – очень популярная тема на всех уровнях дискурса. Но что касается аналитиков и исследователей, то большинство из них, как с российской, так и с китайской стороны, оценивают влияние пандемии как негативное, приводя в виде аргументов снижение глобальных экономических показателей. Однако собранные авторами интервью с китайскими мигрантами, проживающими на Дальнем Востоке России, показывают, что в отдельных сегментах мелкого/семейного бизнеса ситуация немного другая. Таким образом, если на макроуровне негативное влияние пандемии, бесспорно, то на микроуровне процесс более сложный – мы полагаем, что здесь начинают работать практики адаптации к новым вызовам, и "снизу" формируются стратегии противодействия негативным последствиям. Этот процесс и стал предметом нашего эмпирического исследования. Несмотря на опережая полученные выводы, можно сказать, что успешная адаптация имела место в случае диверсификации каналов продвижения услуг – например, выход на онлайн-рынок через цифровые платформы, переквалификации (для переводчиков или туроператоров), смены жизненной стратегии (для студентов, которые остались в России после окончания бакалавриата).

Безусловно, пандемия сильно изменила жизнь китайских мигрантов в России. Однако гибкость, адаптивность и наличие некоторого (иногда значительного) опыта укоренённости в местной среде способствовали тому, что её последствия на микроуровне были минимизированы. На примере китайских мигрантов, проживающих на Дальнем Востоке России, мы показываем, как вырабатывались эти стратегии и как сами мигранты оценивают влияние пандемии на их жизнь в России.

Описание исследования

В основу полученных выводов были положены материалы глубинных интервью с представителями китайской общины дальневосточных городов: Хабаровска, Петропавловска-Камчатского, Благовещенска и Биробиджана. Выбор качественных методов исследования был обусловлен тем, что в отношении исследуемой социальной группы затруднительно получить знание о генеральной совокупности и, соответственно, нет возможности построить репрезентативную выборку для количественного исследования. Кроме того, имеются большие сложности с доступностью респондентов в силу их закрытости, обособленного образа жизни, языкового барьера, недоверия к опросам.

Поскольку очень часто мелкий китайский бизнес в России носит семейный характер, в качестве эмпирической базы исследования было собрано 35 интервью – семейных историй этнических китайцев, проживающих в России от 3 до 20 лет. Интервью проводились либо с одним членом семьи, рассказы-

вающим о семейном бизнесе в период пандемии (8 чел.), либо с обоими супругами (27 семей) в форме устного собеседования на родном (китайском) языке. В некоторых случаях к беседе подключались взрослые дети. Таким образом, не считая детей, нашими респондентами стали 62 человека. В силу обозначенной выше специфики социальной группы отбор респондентов проводился через рекомендации ранее опрошенных респондентов ("снежный ком").

Исследование проводилось с января 2019 г. по январь 2022 г. До марта 2020 г. собеседование проводилось очно, а позднее из-за ограничения передвижения и каналов коммуникации – через мессенджеры: китайский WeChat (微信), WhatsApp, а также в он-лайн формате с помощью текстовых, видео или голосовых сообщений.

Все 35 опрашиваемых семей являются женатыми парами. У 34 семей, кроме одной молодой пары, есть дети: 5 семей имеют троих детей, 14 семей – двоих, 15 семей – одного. Большинство семей живут в России два или три поколения.

Большинство членов опрошенных семей проживают в России по долгосрочным визам, разрешающим трудовую деятельность. Однако некоторые из них в силу долгого проживания получили гражданство (2 человека), статус постоянного жительства (6 человек) и статус временного жительства (3 человека).

По роду деятельности большая часть респондентов и их семьи имеют свой бизнес в таких сферах, как:

- торговля (розница и опт) на овощных рынках и базах;
- торговля (розница и опт) товарами широкого потребления (одежда, обувь, предметы быта и пр.);

- ремонт автомобилей;
- рестораны и кафе китайской кухни;
- логистические, транспортные услуги;
- туристические компании;
- переводчики, преподаватели китайского языка;
- наёмные рабочие в китайских компаниях.

После вспышки пандемии часть респондентов остались в Китае и не могли вернуться в Россию, другие столкнулись со сложным возвращением на прежние рабочие места в Россию (транзитом через другие страны и города), оставив членов семьи в Китае. Таким образом, на время проведения исследования наши респонденты не были полностью локализованы на территории России. Вынужденно или добровольно часть из них оказалась в этот период на территории Китая, где так же, как и оставшиеся в России мигранты, проходила период адаптации к новым вызовам.

По результатам проведённого исследования выяснилось, что говорить ни об однозначном ухудшении социально-экономического положения китайских мигрантов за период пандемии, ни тем более о его улучшении не приходится. Их положение, как и всех других мигрантов, изменилось, но эти изменения носили разный характер в разных сегментах их деятельности и, что особенно важно, субъективно по-разному оценивались респондентами: у кого-то финансовое положение изменилось к лучшему, кто-то обанкротился, а кто-то не заметил существенных изменений, кроме того, что перешёл на другую форму предоставления услуг. В зависимости от успешности адаптации к новым условиям деятельности мы разбили мигрантов на несколько групп,

Первая из них – те, кто адаптировался, не меняя места ведения бизнеса, т.е. оставшись в России. В рамках этой группы мы наблюдаем две стратегии, которые в конечном счёте сделали именно эту группу самой успешной – это диверсификация видов деятельности и переквалификация. Вторая по успешности группа представлена мигрантами, которые выехали в Китай и (добровольно или вынужденно) пытались адаптироваться на родине, сохраняя построенный в России бизнес. И третья группа представлена мигрантами, локализованными на территории обеих стран, но не сумевшими адаптироваться к новой ситуации. В следующем параграфе подробнее рассмотрим, что повлияло на такие разные результаты и почему одни смогли адаптироваться и приумножить бизнес, а другие были вынуждены закрыться.

Успешные и неуспешные стратегии выхода мигрантов из кризиса

Наиболее существенные изменения в жизни и деятельности китайских мигрантов, мы разбили на следующие 3 сферы:

- изменения в экономическом положении мигрантов и в структуре китайского предпринимательства;
- перенос экономической активности в виртуальное пространство с использованием электронных мессенджеров WeChat и Instagram;
- изменения в социальном самочувствии и жизненных планах.

Рассмотрим подробнее каждое из этих направлений.

Изменения в экономическом положении мигрантов и в структуре китайского предпринимательства проявились в нескольких трендах:

- переквалификация мигрантов и появление новых видов деятельности;
- появление дефицита рабочей силы и дефицитных профессий на рынке труда;
- упадок и сокращение сектора, основанного на привлекаемой из Китая рабочей силы;
- стабилизация и расширение сектора, основанного на дистанционных технологиях и виртуальных коммуникациях.

• Как уже упоминалось выше, успешность выхода из кризиса зависела от сферы деятельности мигрантов. Те из них, кто был занят в ресторанном и туристическом бизнесе, хуже адаптировались из-за в принципе невысокой возможности диверсификации и переквалификации. В этом смысле мигрантские тренды соответствуют общим: так, по данным Росстата (<https://rosstat.gov.ru/folder/23457>), за 2019–2020 гг. число убыточных предприятий в сфере туризма выросло почти в полтора раза.

"У меня туристическая компания была довольна большая, специализирована на Россию. Но когда началась пандемия, границы между Китаем и Россией закрылись, у меня развить туризм по направлению из Китая в Россию не получилось. Я уже год как закрыла свою туристическую компанию, конечно потерпела убытки." (Света Хун, женщина, директор гостиничного комплекса и туристической компании в городе Фуюане)

Однако для тех, кто нашёл ресурсы для переквалификации и перешёл в другие сферы деятельности, адаптация прошла успешно и привела даже к росту дохода и расширению бизнеса, как в следующем примере гида-переводчика, переквалифицировавшегося в преподавателя китайского языка.

"Я работал до пандемии переводчиком, временно работал гидом в летний сезон. Работал с удовольствием, и лишние деньги были всегда, и везде ездил, путешествовал. В начале пандемии я надеялся, что все быстро закончится, но ситуация никак не улучшалась. В конце концов я потерял надежду, и у меня закончилась "подушка финансовой безопасности". Конечно, я думал вернуться в Китай, но это было невозможно, так как моя специальность - русский язык. И это достаточно узкий профиль, чтобы найти работу в Китае. К тому же я живу в России еще со студенческих времен, у меня тут много друзей, всё привычно, всё знакомо, и работа была. Моя компетенция – русский язык, и я не вижу своё профессиональное будущее без России, поэтому я в конце 2020 года решил открыть школу китайского языка. Вначале русские друзья попросили меня работать в качестве репетитора, помогать их детям в изучении китайского языка, потому что их дети в школе изучают китайский язык. Постепенно учеников стало больше, друзья помогли мне арендовать помещение и оформить все необходимые документы. Я работаю в этом направлении уже почти год, набираю опыт преподавания, у меня невысокие цены, но бизнес у меня идет хорошо, потому что я работаю с достаточным количеством учеников. В ближайшем будущем я собираюсь поступать в университет на педагогическую специальность, чтобы у меня был диплом. Когда работал гидом, то много времени забирали передвижения по городу, а сейчас свободное время наконец-то появилось, можно успокоиться и получить второе образование, на будущее пригодится. Никогда не думал, что я буду работать учителем, вот времена заставили нас менять профессию". (Александр Цзян, мужчина, 32 года, бывший переводчик, гид, сейчас владелец языковой школы)

Наиболее устойчивыми к потрясениям, по оценке наших респондентов, оказались торговля и образование, но и здесь потребовалась определённая перестройка. Владельцам торговых точек пришлось пересмотреть каналы поставок и формы торговли, а занятым в преподавании китайского языка освоить дистанционные формы обучения. Причём онлайн обучение китайскому языку стало той нишей, которая очень быстро стала заполняться людьми без опыта и специальной педагогической подготовки, вытесненных из других сфер (туризма, отелей и др.). Вышеописанный пример гида-переводчика является очень типичным для этой стратегии адаптации. Что же касается тех, кто давно практиковал преподавание, успешное освоение дистанционных форм обучения привело даже к росту доходов и расширению услуг.

"Пандемия и карантин повлияли на меня в лучшую сторону. Так как я с 2012 года попробовал учить детей китайскому языку, но мои действия не имели успеха. В качестве распространения своего учебного контента я использовал Instagram, YouTube. А с 2020 года во время карантина мы с учениками все перешли на онлайн форму обучения. Мы начали с учениками заниматься через Zoom и WhatsApp. Мне было непривычно, потом постепенно я привык к такому режиму обучения. У него есть плюс - экономия времени на проезд, у меня даже появилось свободное время. Я пользовался этим временем, чтобы разрабатывать видео-уроки, и вкладывал их в сеть. Через интернет заниматься очень удобно, так как нет привязки к местоположению, и я могу давать уроки ученикам, находящимся в любом месте мира. Один ученик, с которым я занимаюсь, живёт в Украине, ещё одна живёт в Новой Зеландии, мы все познакомились через интернет и до сих пор занимаемся. Вот я и говорю, что из-за пандемии у меня наоборот стало больше клиентов и доходы увеличились." (Илья Лу, мужчина, 31 год, преподавание китайского языка в городе Хабаровске)

"У меня, в принципе, не изменилась ситуация и до пандемии, и во время её. Я чувствовал панику, не знал, что делать, а потом всё встало на свои места. Клиенты делают заказы через WhatsApp, WeChat, инстаграм, а я собираю товары и загружаю в машину. Оплаты идут тоже через интернет, онлайн. Если говорить о потерях и убытках в бизнесе, у нас этой тенденции сейчас не видно. Клиенты также остались, новых клиентов мы привлекаем тоже через интернет. Снижение покупательской способности, безусловно, влияет на наш бизнес, и падение курса рубля нам, конечно, невыгодно и не прибыльно." (Петя Лин, мужчина, 45 лет, владелец оптовой точки торговли домашней одеждой на рынке)

Вторым важным пунктом изменений в этом направлении стало появление новых форм коммуникации между продавцами и покупателями. Традиционная сфера ведения бизнеса для китайских мигрантов – это торговля, где несколько лет назад, помимо традиционных оптовой и розничной торговли появилась новая форма – торговое посредничество со стороны физических лиц (закупка по поручению (代购)). Высокая разница в ценах на брендовые товары делает выгодным их закупку в России для клиентов, которые живут в Китае. Посредники отправляют товар китайским клиентам и получают за это комиссионные. Под влиянием пандемии эта услуга стала полностью оказываться через онлайн платформы и срослась с блоггерской деятельностью, получив название "продажный стриминг". Одна из наших респонденток, Рита раньше занималась закупками по поручению через WeChat, а сейчас у неё главный доход от ведения блога и онлайн трансляции с целью сбыта товара, продажный стриминг. Через такой канал она реализует не только российские, но и китайские товары. Рита живёт в России, однако и клиенты, и её целевая аудитория – китайцы.

"Во время пандемии начала пробовать вести блог, показывать интересные моменты своей жизни в России, сначала просто интересно было общаться с подписчиками, а потом стало больше людей смотреть. Честно говоря, я не знала, что так много людей интересуются Россией. В начале я продавала русские товары, т.к. я до этого занималась закупками по поручению, зная, какие бренды нравятся клиентам, а потом и начала продавать китайские товары. У меня сейчас подписчиков около 150 тысяч, зарабатываю хорошо, иногда чувствую себя как звезда шоу бизнеса, но это всё-таки новая сфера, очень много непонятных моментов, придётся самой

разобраться и придумать новые и прикольные видео и сторис." (Даша Чжан, женщина, блогер, продажный стриминг)

В отношении состояния этнического бизнеса также отметим некоторые изменения. Закрывтие ряда китайских предприятий произошло не только по причине отсутствия клиентов или падения спроса – как это было в отношении туризма – а также из-за закрытия каналов поставки китайской рабочей силы на рынке труда.

"У меня закрылась автомастерская во время пандемии, а деревообрабатывающий завод тоже еле-еле работает, потому что рабочие не могут прибыть в Россию. У меня работники почти все китайцы, они сначала в Китае ждали, и мы думали, скоро закончится пандемия, и они приедут в Россию. Но они так и не смогли приехать, у нас нет работников, и завод не может работать. Мы пытались нанять работников других национальностей, и все равно не получилось. За аренду помещения платил я целый год, потом не смог и закрыл мастерскую." (Миша Чжан, мужчина, 52 года, владелец семейного деревообрабатывающего бизнеса и ремонтной мастерской)

"Во время пандемии у меня закрылся ресторан китайской кухни, потому что я не смог найти повара." (Вова Ли, мужчина, 49 лет, бывший владелец ресторана китайской кухни.)

При этом уровень доходов мигрантов с одной стороны, снизился из-за сокращения бизнеса, с другой стороны, многие мигранты отмечают экономию и аккумуляцию средств за счёт сокращения количества поездок в Китай. То есть, условно говоря, снижение объёма работы и уровня доходов компенсировалось сокращением самых затратных статей расходов.

"Большинство моих клиентов – китайцы, которые живут в здании, где располагается мой магазин, поэтому если сравнивать ситуацию до пандемии и после пандемии, то разница большая. Много китайцев уехали в конце 2019 года и в начале 2020 года, а как раз в это время началась пандемия и многие не смогли вернуться в Россию, или вернулась только часть членов семьи, чтобы следить за бизнесом. Поэтому у меня мало клиентов, и доходов мало, и курс рубля не очень хороший, соответственно, дела у меня идут не очень хорошо. Но я начал выкладывать в разные группы для мигрантов WeChat мои продукты – они по большей части китайские, и клиентов стало больше. С другой стороны, я уже два с половиной года не ездил в Китай, и хорошо сэкономил деньги, потому что мне не пришлось покупать дорогостоящие билеты." (Дима Бянь, мужчина, 45 лет, свой магазинчик на первом этаже китайского общежития в Хабаровске)

"У меня бизнес идет не очень хорошо - людей стало мало ходить, конкуренция большая, и конкуренты не только на рынках, но и в магазинах. Я работаю на рынке, на улице, поэтому QR-коды не нужны, но всё равно покупателей стало меньше. И они всегда хотят скидок." (Саша Шан, мужчина, 37 лет, владелец торговой точки игрушек на центральном рынке)

Как мы уже упоминали, самыми негативными последствиями пандемии стали для того сегмента, который занимали многочисленные кафе и рестораны китайской кухни. Выход из кризиса и определённая рутинизация пандемийной проблематики в настоящее время показывают, что эти изменения необратимы. Так, в г. Хабаровске даже визуально заметно, что на месте закрывшихся в последние два года китайских кафе появляются точки восточной кухни мигрантов из среднеазиатских стран. Наши респонденты, занятые в этой сфере бизнеса, отмечают, что наиболее существенными препятствиями для выхода из кризиса является нехватка рабочих рук и высокая конкуренция за поваров китайской кухни, мастеров по ремонту машин, строителей и других работников сферы услуг.

"У меня был один повар. Во время пандемии директор другого ресторана предложил заплатить больше, и он ушёл от нас. А мы потерпели убытки, потому что до сих пор трудно или, лучше сказать, невозможно привлечь поваров из Китая в Россию. Это происходит по многим причинам: дорогие билеты; сложно сделать визу; работники боятся приехать в Россию, так как здесь ситуация с пандемией сложнее; оплата государственных пошлин на документы, зарплаты работников тоже выросли; и прочее. Сейчас у меня остался один повар, и я был вынужден повысить ему зарплату, чтобы он не ушёл. Мне приходится очень осторожно относиться к нему,

боюсь, что вдруг обижу его, и он тоже уйдет. Иногда я чувствую, как будто я работник, а он хозяин, и я везде должен облизывать его, чтобы он хорошо работал." (Паша Сюй, мужчина, 48 лет, владелец ресторана китайской кухни)

"Я недавно хотел найти одного переводчика для нашей компании, потому что 40 работников из Китая приехали работать в Россию. В принципе, приехали и переводчики в том числе, но их не хватило, поэтому начальник решил найти ещё сотрудников. Я спросил всех знакомых и незнакомых в Хабаровске, во Владивостоке, в Благовещенске, и оказалось, нигде нет свободных переводчиков. Я уже подавал заявление в группе WeChat, тоже результатов не было. До пандемии это была небольшая проблема, а сейчас кажется, что эта миссия невыполнима." (Саша Лю, мужчина 39 лет, менеджер и переводчик)

Нарушение каналов поставки рабочей силы и её дефицит привели к тому, что предприниматели стали конкурировать за китайских работников, находящихся на территории России и выплачивать им более высокую зарплату. В этом смысле материальное положение тех мигрантов, кто остался в России в качестве наёмного рабочего в этническом секторе, оказалось более привлекательным по сравнению с оставшимися в Китае соотечественниками.

"Хорошо, что я в 2020 году во время Нового года не поехала в Китай со своими работниками, иначе бы тоже застряла там, а так всё-таки бизнес идёт, но тоже очень много проблем. У меня 3 работника потребовали повышения зарплаты и требуют у меня компенсацию. Я, конечно, понимаю их, и сейчас негде найти других работников, я подняла зарплату с 12,000 юаней в месяц до 15,000 юаней, лишь бы работали." (Наташа - жена Миши Чжан, 51 год, совладелец семейного деревообрабатывающего бизнеса и ремонтной мастерской по ремонту автомобилей)

Наши респонденты, сравнивая опыт адаптации к пандемии мигрантов, оставшихся в России и уехавших в Китай, отмечают, что вторые пережили этот период менее успешно. Китайцы, которые были вынуждены остаться на родине, считают, что реализовать в России в это время у них получилось бы лучше. В Китае они, так же как и те, кто остался в России, пробовали переориентировать свою деятельность, но успешных случаев нам неизвестно.

"Когда началась пандемия, я не смог вернуться в Россию. Оставшись в Китае, я открыл ресторан, но быстро обанкротился. Затем я работал в супермаркете, и мне не понравилось, просто сидеть дома тоже не получилось, потому что началась депрессия. Я очень жду, когда откроют границы между Китаем и Россией. Но, с другой стороны, границы вроде бы открыты, но попасть в Россию тяжело, билет на самолет трудно достать. Я очень жду, когда будет можно свободно ездить между Китаем и Россией." (Сергей Сяо, мужчина, 39 лет, бывший владелец ремонтной мастерской автомобилей)

Сравним ситуацию Сергея Сяо с его другом, который остался в России после вспышки пандемии. Друг адаптировался лучше: несмотря на различные проблемы, финансовые потери были минимальные и бизнес продолжался развиваться.

"Пандемия случилась накануне китайского нового года, я тоже собрался домой поехать на две недели, чтобы с родными отметить праздник. Думал-думал, но всё-таки остался, решил, что ещё немного денег заработаю. За два года пандемии я сэкономил деньги на билетах в Китай и накопил нужную сумму на покупку ещё одного рабочего места на рынке. В общем, много моих конкурентов уехало в Китай, и у меня работы стало больше. Конечно, сложности есть, но я доволен, потому что мой маленький бизнес развивается, несмотря на трудное время." (Антон Дин, мужчина, 45 лет, изготовление ключей и ремонт обуви)

Одна из наших респондентов Катя Чжу в России занималась торговлей овощами и фруктами, до начала пандемии уехала в Китай, где открыла семейный ресторан. По её словам, бизнес в Китае идёт не очень хорошо, и она ждёт изменения ситуации, чтобы вернуться в Россию.

"Я очень хочу вернуться в Россию. Во-первых, в Китае заниматься бизнесом не так легко, как я раньше думала. Казалось, что в России нам тяжело, потому что мы не знаем язык. А сейчас поняли, что хотим вернуться в

Россию и заниматься привычным нам бизнесом. Во-вторых, нашему ребёнку 4 годика, он ходит в частный платный садик, а потом пойдет в школу, в институт, и это всё будет большая финансовая нагрузка для нас. Ещё хотим, чтобы он знал русский язык. В будущем, если не поступит в институт, то сможет работать переводчиком, потому что знает 2 языка." (Катя Чжу, 28 лет, розничная продажа овощей и фруктов на овощной базе)

Большинство из тех, кто успешно адаптировался, сделали это благодаря переносу экономической активности в виртуальное пространство с использованием электронных мессенджеров WeChat и Instagram.

WeChat как средство общения всегда активно использовался китайскими мигрантами: через эту платформу осуществляется связь с консульством, с партнёрами по бизнесу, с китайскими родственниками и т. д. WeChat среди мигрантов очень популярен. Нельзя представить себе повседневную жизнь китайцев без WeChat. Существуют разные функциональные группы WeChat, в которых мигранты могут найти всю необходимую информацию: информационные сообщения из консульства, продажу билетов, продажу товаров, поиск работы, найм на работу, рекламу, обмен валюты и т.д. В отличие от других мессенджеров, WeChat является национальной китайской платформой – виртуальным прообразом КНР, объединяющим всех китайцев вне зависимости от места их физической локации. Это позволяет выполнять не только коммуникативную, но и интегративную функцию консолидации сообщества, которую ранее осуществляли разные традиционные структуры диаспоры – газеты, советы, общественные объединения. Наличие этого мощного инструмента коммуникации было очень важным и до пандемии, но в её период позволило максимально быстро и безболезненно переместить все виды личной и деловой активности в виртуальное пространство. Наши респонденты говорят о том, что сам переход от личных контактов и способов получения товаров и услуг к виртуальным на начальном этапе проходил болезненно, вызвал недоверие и панику, затем прошёл период освоения и рутинизации, и в настоящее время получил признание как более эффективный инструмент. Многие респонденты говорят о том, что после снятия всех ограничений они не вернуться к прежним формам бизнес-контактов.

"Я получаю информацию через WeChat, там я могу видеть статус китайских друзей и мигрантов, которые живут в России и общаются с нами. Ещё я каждый день общаюсь с родителями, чтобы им не скучно было." (Сергей Гуань, мужчина 43 года, занимающийся ремонтом обуви и изготовлением ключей)

Если WeChat используется для поддержки коммуникаций с соотечественниками, то для контактов с российскими партнёрами китайские мигранты освоили Инстаграм, который ранее среди китайских мигрантов не был популярен.

"У меня школа китайского языка, и моя русская жена помогает мне вести аккаунт в инстаграм, чтобы привлекать потенциальных клиентов. Я ещё выкладываю сторисы учебного процесса и пишу посты на китайском и русском языках, показываю интересные видео из китайского интернета; новости из китайских СМИ и много другой полезной и интересной информации. Потому что мои клиенты - русская аудитория." (Александр Цзян, мужчина, 32 года, бывший переводчик, гид и сейчас владелец языковой школы)

"Я сама сижу в инстаграме, читаю новости, получаю сообщения от друзей, смотрю красивые фотографии, и считаю, что сейчас профиль инстаграм - один из сильнейших рекламных инструментов. Я выкладываю рекламу в инстаграме, чтобы привлечь клиентов." (Алина Сунь, 31 год, аспирантка, подрабатывает преподавателем китайского языка)

"Моя русская подруга помогла мне создать аккаунт в инстаграме, и сейчас я выкладываю информацию в профиль о своих свежих фруктах, предлагаю бесплатную доставку по городу, пока оттуда клиентов немного, но надеюсь, этот поток будет расти, это всё равно не лишний способ продавать. Мы в России живём и работаем, надо адаптироваться ко всему. Раз технологии интернета уже входят в наши жизни, тогда нужно принимать их и использовать во благо себе." (женщина, 27 лет, торгует овощами и фруктами на овощной базе)

Китайские консульства также оказывали помощь соотечественникам, находящимся в России во время эпидемии. Такие акции, как раздача масок, лекарств, материальной помощи, а также полезная информация, публикуемая в WeChat, были отмечены и оценены мигрантами как существенная поддержка.

"Подтверждаю, что некоторые мигранты, которые работают на овощной базе и на рынке, получали противоэпидемические принадлежности, называемые "Пакет с любовью". Этот пакет содержит одноразовые медицинские маски, медицинские маски НРЗ-0101 и НРЗ-0111, несколько одноразовых перчаток и бахил, и листок, содержащий информацию о мерах безопасности во время карантина. Эти меры поступали от консульства несколько раз. (Мария Лю, Саша Шан, Пётя Ли, Сергей Чжао, Дима Бянь, Таня Янь и другие)

И хотя маски и другие средства индивидуальной защиты сами по себе важны, самая большая ценность участия консульства в поддержке соотечественников заключалась в его морально-психологической стороне. Китайцы, которые в силу обстоятельств остались в России, отмечали чувство тоски, заброшенности, подавленности, которые нарастали из-за неопределённости ситуации. Родственные связи и соблюдение семейных традиций имеет большое значение для китайцев. Например, Новый год является праздником, на который все родственники обязательно собираются под одной крышей. Отсутствие возможности быть вместе со своей семьёй на этот праздник переживалось мигрантами не менее сильно, чем провалы в бизнесе.

"Мы с женой уже два с половиной года не ездили домой в Китай, у нас маленькая дочь, которая сейчас живет у тещи, мы очень скучаем по ней и можем общаться только по WeChat. Не знаем, когда сможем съездить домой, потому что границы сейчас почти закрыты, билет на самолет дорогой, в Китае ты должен просидеть на карантине, прилетев из другой страны, минимум три недели и плюс другие расходы. Мы примерно посчитали, чтобы поехать в Китай, нужно 10 тысяч юаней (в рублях около 120 тысяч рублей). Ещё неизвестно, сможем ли мы обратно вернуться в Россию. Скоро китайский Новый год, и мы особенно скучаем по дому." (Витя Чжоу, мужчина, 29 лет, работает в китайской компании в Еврейской автономной области)

Все перечисленные изменения привели к тому, что китайские мигранты выстраивают долгосрочные стратегии с учётом того, что в ближайшее время не будет доступно свободное перемещение через границу. Российские китайцы рассматривают перспективы получения образования и покупки жилья в России, а китайцы-мигранты, которые покинули Россию в этот период, планируют свою жизнь, ориентируясь на возможности, доступные в КНР. Так, многие из наших респондентов за последние годы были вынуждены корректировать свои планы: Катя Чжу (из интервью номер 1) и Сергей Сао (из интервью номер 2) сейчас в Китае устраивают бизнес, но ждут возможностей вернуться в Россию. Саша Хао (интервью номер 12) хотел, чтобы его дочь поехала в Китай учиться и найти себе жениха, а сейчас поменял свои планы. Дочь сейчас помогает ему в семейном магазине, работает продавцом и нашла себе парня. Другой наш собеседник (интервью №11) решил купить в Хабаровске квартиру, готовится к долгосрочным планам, связанными с Россией. Китайцы-мигранты сейчас организуют свою жизнь так, чтобы дети в России поддерживали уровень владения родным языком, пока нет возможности ехать учиться в Китай.

"Моя дочь сейчас учится в третьем классе гимназии № 4. В школе преподаётся китайский язык, но не на том уровне, как бы мы хотели, всё-таки мы китайцы, и я хочу, чтобы она хорошо знала родной язык. Раньше я могла отправить её на лето в Китай к бабушке и дедушке, чтобы практиковаться в родном языке, а сейчас нет возможностей ездить. Поэтому я решила, что она, помимо школьных занятий китайским языком, будет заниматься ещё 2 раза в неделю с репетитором-китайцем, носителем языка. Я, в принципе, могла бы её учить, но тяжело воспитывать своих детей. Пока нет возможности ездить в Китай, надо накопить знания, потому что открытие границ будет внезапным, а она недостаточно хорошо говорит по-ки-

тайски, и как же она будет общаться с бабушкой и дедушкой." (Лена Цуй, женщина, 39 лет, переводчик и менеджер китайской компании)

При усложнившейся ситуации с трансграничными перемещениями, между Китаем и Дальним Востоком России, китайские мигранты все равно стремятся вернуться назад на рабочие места на Дальнем Востоке. Причина этого в том, что в отличие от Китая здесь меньше конкуренция, больше вероятность получения более высокой прибыли, а также обучения детей и дальнейшей их интеграции в семейный бизнес, для которого немаловажно знание языка и местной среды, поэтому возможность получения детьми второго языка – русского, кроме родного китайского, дает преимущество детям в будущем.

Заключение

В результате проведенного исследования мы выявили, что пандемия неоднозначно повлияла на жизнь китайских предпринимателей в России. Быстрое освоение виртуальных площадок ведения бизнеса, перенос социальной и экономической активности в WeChat, переквалификация и изменение форм бизнес-коммуникаций позволили владельцам мелких семейных предприятий в сфере торговли пережить этот кризис с небольшими финансовыми потерями. Сфера образования в области изучения китайского языка даже расширилась и претерпела некоторый подъём, а ресторанные и туристические услуги оказались самым проблемным звеном – отели и кафе, работающие на китайских туристов и содержащиеся мигрантами за счёт привлекаемой из КНР рабочей силы вынуждены были закрыться. Серьёзным оказалось влияние пандемии и на морально-психологическое состояние китайских мигрантов. Сложившиеся практики свободного и простого перемещения через границу, связи между Дальним Востоком России и Северо-Восточными провинциями КНР стали за последние годы той дальневосточной обыденностью, которую внезапное закрытие границ резко изменило. Помимо финансовых потерь, это привело к разделению семей, нарушению планов и изменению жизненных стратегий, нарушению семейных связей и традиций. Всё это продолжает влиять на жизнь мигрантов, требует переопределения смыслов и целей, постоянной адаптации к меняющейся реальности и её новым вызовам.

Литература

1. ВОЗ допустила завершение пандемии COVID-19 в 2022 году. URL:<https://ria.ru/20220124/pandemiya1769239396.html>. (дата обращения: 01.07.2022).
2. Денисенко М.Б., Мукомель В. И. Коронавирус и трудовая миграция // Аналитический бюллетень НИУ ВШЭ об экономических и социальных последствиях коронавируса в России и в мире. 2020. № 7. С. 51–54.
3. Денисенко М.Б., Мукомель В. И. Самочувствие трудовых мигрантов в период пандемии: российский кейс // Научное обозрение. Серия 1. Экономика и право. 2021. № 3. С. 74–82
4. Денисенко М.Б., Мукомель В.И. Трудовая миграция в России в период коронавирусной пандемии // Демографическое обозрение. 2020. Т. 7. № 3. С. 84–107.
5. Дьяченко А. Н., Печуров И. В., Мамина Д. А. Миграционная ситуация в России в период пандемии COVID-19(на примере трудовой миграции) // ВЕСТНИК ЮРГТУ (НПИ). 2020. № 5. С. 65–72.
6. Зуенко И. Ю. Пандемия коронавируса и российско-китайское региональное сотрудничество // Известия Восточного института 2020. № 2. С.15–28.
7. Каткова Е.Ю. Роль китайской диаспоры в формировании новой иммиграционной политики Австралии // Вестник РУДН. Серия Международные отношения. 2018. Т.18. №3. С. 642–655.
8. Разин М.В., Караваев Е.С., Стурова Н.А. Особенности миграционной ситуации в РФ в период пандемии COVID-19 // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2020. №1. С. 92–95.
9. Рязанцев С.В., Брагин А.Д., Рязанцев Н.С. Положение трудовых мигрантов в регионах мира: вызовы пандемии COVID-19 и реакция правительств // Научное обозрение. Серия 1 Экономика и право. 2020. № 3. С. 7–21.
10. Рязанцев С.В., Вазиров З.К., Гарибова Ф.М. "Зависшие на границах" между Россией и Родиной: мигранты из стран Центральной Азии во время пандемии COVID-19 // Научное обозрение. Серия 1 Экономика и право. 2020. № 3. С. 45–58.

11. 2021年中国移民行业数据报告 = Доклад о миграционной ситуации Китая в 2021 году // 百度发布 = Китайская поисковая система "Байду". URL: https://www.sohu.com/a/485831628_237406 (дата обращения: 21.04.2022).
12. 蔡运喆. 疫情叙事博弈中的中俄协作 = Цай Юньчжэ. Сотрудничество Китая и России во время пандемии. URL: <http://elsxk.hlju.edu.cn/info/1148/2613.htm> (дата обращения: 20.08.2022).
13. 关贵海. 从新冠疫情背景下俄罗斯立场看中俄关系的走向 = Гуан Гуйхай. Взгляд на направление китайско-российских отношений с позиции России в контексте эпидемии. URL: <https://d.wanfangdata.com.cn/periodical/gjzzyj202003008> (дата обращения: 28.08.2022).
14. 李其荣. 国际移民的重要贡献 - 《2020世界移民报告》解析 = Ли Цижун. Важные вклады международной миграции - Анализ "Доклад о миграции в мире 2020" // 中国社会科学网. 2021年 = Китайская сеть социальных наук. 2021. URL: http://www.cssn.cn/gjgxx/gj_bwsf/202110/t20211013_5366649.shtml (дата обращения: 19.06.2022).
15. 余鑫. 疫情对俄罗斯的影响分析 = Юй Синь. Анализ влияния пандемии на Россию // 吉林省社会科学院现代交际. 2020年22期 第237-239页 = Современная коммуникация, Цилиньская академия социальных наук. 2020. № 22. 237-239. URL: <https://x.cnki.net/kcms/detail/detail.aspx?dbcode=CJFD&dbname=CJFDTOTAL&filename=xkjj202022080> (дата обращения: 15.12.2021).
16. 张健, 徐泽正. 疫情下的俄罗斯经济及其对外的影响 = Чжан Цзянь и Сюэ Цзэчжэн. Влияние пандемии на экономику и дипломатию в России // 世界观察. 2021 (2). 51-53. = Глобальный мониторинг. 2021(2). 51-53. URL: <https://d.wanfangdata.com.cn/periodical/gjrz202103012> (дата обращения: 23.07.2022).
17. 张申浩, 陈嘉阳. 浅谈新冠肺炎对于俄罗斯社会和经济的影响 = Чжан Шэньхао, Чэнь Цзяян. Обсуждение социального и экономического влияния пандемии на Россию. URL: https://xw.qq.com/cmsid/20210730A0HIAF00?pgv_ref=baidutw (дата обращения: 08.09.2022).

References

1. The WHO has presumed the ending of the COVID-19 pandemic in 2022. URL: <https://ria.ru/20220124/pandemiya1769239396html> (accessed 01.07.2022) (In Russ.).
2. Denisenko M.B., Mukomel V.I. Coronavirus and Labor migration // Analytical bulletin of HSE on economic and social consequences of the coronavirus pandemic In Russia and globally. 2020. No 7. P. 51-54. (In Russ.).
3. Denisenko M.B., Mukomel V.I. Migrants' well-being during the pandemic: Russian case// Science review. Ed 1. Law and economics. 2021. No 3. P. 74-82. (In Russ.).
4. Denisenko M.B., Mukomel V.I. Labor migration In Russia during the coronavirus pandemic// Demographic review. 2020. Vol. 7. No 3. P. 84-107. (In Russ.).
5. D'yachenko A.N., Pechkurov I.V., Mamina D.A. Migration situation In Russia during the COVID-19 pandemic (on the example of labor migration)// SRSPU (NPU) bulletin. 2020 No 5. P. 65-72. (In Russ.).
6. Zuenko I.Yu. Coronavirus Pandemic and Russo-Chinese Regional Cooperation // Oriental Institute Journal. 2020/2 (46). P.15-28. (In Russ.).
7. Katkova E. Yu. Chinese Diaspora's Role in Formation of Australian New Immigration Policy. Vestnik RUDN. International Relations. 2018. 18 (3). P. 642-655. (In Russ.).
8. Razin M.V., Karavaev E.S., Sturova N.A. The specifics of migration situation In Russian Federation during the COVID-19 pandemic// Humane, Social and Economic Sciences Journal. 2020. No.1. P. 92-95. (In Russ.).
9. Ryazancev S.V., Bragin A.D., Ryazancev N.S. The situation of migrant workers in the regions of the world: the challenges of the COVID-19 pandemic and the response of Governments// Science review. Ed 1. Law and economics. 2020. No 3. P. 7-21. (In Russ.).
10. Ryazancev S.V., Vazirov Z.K., Garibova F.M. "Stuck on the borders" between Russia and the Motherland: migrants from Central Asian countries during the COVID-19 pandemic// Science review. Ed 1. Law and economics. 2020. No 3. P. 45-58. (In Russ.).
11. 2021年中国移民行业数据报告 = Report on China's migration situation in 2021// 百度发布 = Chinese search engine "Baidu". URL: https://www.sohu.com/a/485831628_237406 (accessed 21.04.22) (In Chin.).
12. 蔡运喆. 疫情叙事博弈中的中俄协作 = Czaj Yun`chzhe`. Cooperation between China and Russia during the pandemic. URL: <http://elsxk.hlju.edu.cn/info/1148/2613.htm> (accessed 20.08.2022) (In Chin.).
13. 关贵海. 从新冠疫情背景下俄罗斯立场看中俄关系的走向 = Guan Gujxaj. The view at the direction of Sino-Russian relations from Russia's perspective in the context of the epidemic. URL: <https://d.wanfangdata.com.cn/periodical/gjzzyj202003008> (accessed 28.08.2022) (In Chin.).
14. 李其荣. 国际移民的重要贡献 - 《2020世界移民报告》解析 = Li Cizhun. Important contributions of international migration - Analysis of the "World Migration Report 2020" // 中国社会科学网. 2021年 = China Social Sciences Network. 2021. URL: http://www.cssn.cn/gjgxx/gj_bwsf/202110/t20211013_5366649.shtml (accessed 19.06.2022) (In Chin.).

15. 余鑫. 疫情对俄罗斯的影响分析 = Yuj Sin`. Analysis of the impact of the pandemic on Russia // 吉林省社会科学院现代交际. 2020年22期 第237-239页 = Modern Communication, Jilin Academy of Social Sciences. 2020.No 22. 237-239. URL: <https://x.cnki.net/kcms/detail/detail.aspx?dbcode=CJFD&db-name=CJFDTOTAL&filename=xkjj202022080> (accessed 15.12.2021) (In Chin.).

16. 张健, 徐泽正. 疫情下的俄罗斯经济及其对外交的影响 = Chzhan Czzyan` i Syue` Czze` chzhe` n. //世界观察. 2021(2). 51-53. = Global Monitoring. 2021(2). 51-53. URL: <https://d.wanfangdata.com.cn/periodical/gjrz202103012> (accessed 23.07.2022) (In Chin.).

17. 张申浩, 陈嘉阳. 浅谈新冠肺炎对于俄罗斯社会和经济的影响 = Chzhan She`n` xao, Che`n` Czzyayan. Discussion of the social and economic impact of the pandemic on Russia. URL: https://xw.qq.com/cmsid/20210730A0HIAF00?pgv_ref=baidutw (accessed 08.09.2022) (In Chin.).

Информация об авторах

На Ван, аспирантка Тихоокеанского государственного университета, Хабаровск, Россия, e-mail: wangnazoya@yandex.ru

Эльвира Октавьевна Леонтьева, д-р. соц. наук, профессор Высшей школы международных исследований и дипломатии Тихоокеанского государственного университета, Хабаровск, Россия, e-mail: elvira.leontyeva@gmail.com

Полина Юрьевна Леонтьева, студентка Томского государственного университета, Томск, Россия, e-mail: leontevap6@gmail.com

Information about the authors

Na Wang, Postgraduate student, Pacific State University, Khabarovsk, Russia, e-mail: wangnazoya@yandex.ru

Elvira O. Leontyeva, Doctor of Sociology, Professor, Higher School of International Studies and Diplomacy, Pacific State University, Khabarovsk, Russia, e-mail: elvira.leontyeva@gmail.com

Polina Yu. Leontyeva, Student, Tomsk State University, Tomsk, Russia, e-mail: leontevap6@gmail.com

Поступила в редакцию 11.11.2022

Одобрена после рецензирования 11.02.2023

Принята к публикации 16.02.2023

Received 11.11.2022

Revised 11.02.2023

Accepted 16.02.2023

От самопрезентации к самопроявлению: стратегии подростков видеоблогеров в социальных сетях

Маргарита Рафаильевна Хуснутдинова
Московский государственный психолого-педагогический университет,
Москва, Россия, husnutdinovaMR@mgppu.ru

Татьяна Анатольевна Посакалова
Московский государственный психолого-педагогический университет,
Москва, Россия, poskakalova@gmail.com

Аннотация: Взросление современных детей происходит в едином поле возможностей реального и виртуального миров. Процессы поиска себя и самопознания неразрывно связаны с коммуникативной культурой онлайн пространства. В статье обозначены особенности самовыражения себя подростками видеоблогерами в социальных сетях. Выделены три основные стратегии: самопрезентация идеального "Я", самопроявление и альтернативная самопрезентация. Анализ осуществлен на основе результатов социологического опроса "Цифровая социализация подростков", реализованного Центром Междисциплинарных исследований современного детства ГФБОУ ВО МГППУ в 2022 г.

Ключевые слова: *подросток, видеоблогер, социальные сети, самопрезентация, стратегия самопрезентации*

Для цитирования: Хуснутдинова М. Р., Посакалова Т. А. От самопрезентации к самопроявлению: стратегии подростков видеоблогеров в социальных сетях // Ойкумена. Регионоведческие исследования. 2023. № 1. С. 127–136. <https://doi.org/10.24866/1998-6785/2023-1/127-136>

Original article

<https://doi.org/10.24866/1998-6785/2023-1/127-136>

From self-presentation to self-manifestation: social media strategies for teen vloggers

Margarita R. Khusnutdinova
Moscow State University of Psychology & Education, Moscow, Russia, husnutdinovaMR@mgppu.ru
Tatiana A. Poskakalova

Moscow State University of Psychology & Education, Moscow, Russia, poskakalova@gmail.com

Abstract: Contemporary children grow up in a mixed field of possibilities of real and virtual worlds. The processes of self-search and self-knowledge are inextricably linked with the communicative culture of the online space. The article outlines the features of self-expression by teenagers as video bloggers in social networks. Three main strategies are identified: Ideal self-presentation, self-manifestation and alternative self-presentation. The analysis was carried out based of a sociological survey "Digital Socialization of Adolescents", implemented by the Center for Interdisciplinary Research on Contemporary Childhood of the Moscow State University of Psychology & Education in 2022.

Key words: *teenager, video blogger, social networks, self-presentation, self-presentation strategy*

For citation: Khusnutdinova M. R. Poskakalova T. A. From self-presentation to self-manifestation: social media strategies for teen vloggers // Ojkumena. Regional researches. 2023. No. 1. P. 127–136. <https://doi.org/10.24866/1998-6785/2023-1/127-136>

Введение

Высокий исследовательский интерес к социальным сетям привел к появлению целого ряда ценных инсайтов о роли этой сферы в жизни современного ребенка. Первые дискуссии развивались в рамках двух основных сценариев влияния на ребенка – "кошмар" и "утопия" [16]. Длительное время наблюдался перевес в сторону признания негативного воздействия. Это обусловлено "моральной паникой"¹ и высокой родительской тревожностью, так как сама идея детства, наряду с развитием новых технологий часто связана с самыми сильными страхами [17]. Акцент на многочисленных ловушках, опасностях виртуального мира, в котором почти нет правил, сформировал дискурс, в котором ребенок – это уязвимый, недееспособный странник, нуждающийся в защите и вмешательстве взрослого [18]. Подобная позиция инфантилизирует ребенка, лишает субъектности и права на самостоятельный выбор.

¹ Под "моральной паникой" понимается феномен, когда заявления о рисках и угрозах распространяются в обществе без эмпирически обоснованных данных. Призывы к изучению затронутых "моральной паникой" проблем только усугубляют ситуацию, создавая условия высокого исследовательского интереса именно к этим вопросам, тиражирование полученных данных и выводов, где есть значимые различия в противовес к тем, в которых таковых не обнаружилось [2].

В утопичном сценарии ребенок выступает "медиаумрым" цифровым аборигеном. Навыки использования онлайн ресурсов сильно преувеличены [11]. Образ агентного ребенка с развитыми компетенциями носит оторванную от реальности и наивную интерпретацию.

В исследованиях современного детства по-прежнему акцент смещен на изучение негативного влияния социальных сетей на реальную жизнь подростка: риски для физического и психического здоровья (психоэмоциональная зависимость, нервное переутомление), кибербулинг, уход от реальности, снижение эмпатии, способности распознавать эмоции других людей, повышение субъективного чувства одиночества и т.д. [более подробный анализ представлен в работах 1; 2]. Но виртуальность сегодня – не просто отдельная часть жизни, которая представляет угрозу. Наблюдается конвергенция он- и офлайн пространств взросления [7]. Это единое поле для развития, в котором воплощаются все спектры личностных особенностей, кризисов, проблем. Поэтому анализ эффективнее всего осуществлять с позиции, что "социальная сеть – не причина зависимости, а материал, на котором эта склонность может проявиться" [8].

Работы последних лет подвергают критическому анализу многие сформировавшиеся мифы: живое общение и совместные прогулки остаются высоко значимыми; использование "запретного", например, нецензурной лексики присуще подростковому возрасту в качестве пробы, и они в любом случае где-то произойдут; у большинства тинейджеров правдивая информация на странице, а не "темная", фейковая, и др. [8].

Мифы создаются взрослыми, так как они изучают, формулируют выводы, материализуют свои интерпретации детского восприятия. Феномен "детского" сегодня перегружен взрослыми конструктами и в научных текстах мы видим в большинстве своем не мир детства, а представления взрослых об этом мире [13]. Необходимо перенастраивать исследовательскую оптику и фокусироваться на "детскости".

Расхождение между молодым и старшим поколением ярко проявляется во взгляде на социальные сети. В восприятии первых – это "полноценный социальный лифт, модель идеального развития", для вторых – "упрощенная версия аналогового мира (была почта – стала электронная почта, была газета – стала электронная газета)" [5].

Появляется новый дискурс о роли социальных сетей как для подростков, так и более старшего поколения. Остановимся на отдельных концептах, сформулированных для аудитории молодых людей в возрасте от 16 до 25 лет (в маркетинге их часто позиционируют как зумеры) [15]:

- *сокращение желания быть все время онлайн, находиться в тотальной подключенности;*
- *высокая популярность социальных сетей и потребность заявить о себе через привлекательную страницу;*
- *при формировании контента в социальных сетях ориентация на то, что нравится, отсутствие беспокойства о мнении других. Любовь, радость жизни и самовыражение – в приоритете;*
- *появление спроса на соцсети без лайков и постановочных кадров. Внешность теряет значение как инструмент привлечения противоположного пола, но становится средством выражения "внутреннего Я".*

Онлайн пространство является местом неподконтрольным для взрослых. То, где можно укрыться от "посторонних глаз". Здесь в наименьшей степени присутствует дисбаланс власти и давление дисциплинирующих практик. Дети могут при желании довольно свободно проявлять себя. Одной из таких возможностей является ведение видеоблога.

Видеоблог – личный дневник для публичного прочтения, содержание которого формируется посредством визуальной информации. Видео отражает личные моменты жизни блогера, его мнения и суждения по поводу различных ситуаций [1]. Ребенок рассказывает о себе, своих состояниях, интересах, делится значимым. Сторонние пользователи могут оставить комментарии, вступить в публичную полемику с автором или другими пользователями. Таким образом, ведение видеоблогов является частью коммуникативной культуры детства и более того, средством межпоколенной коммуникации.

Юные авторы видеоблогов чувствительны к "дискурсивным трансформациям социальных норм" и довольно часто выражают протест против установленных взрослых правил посредством самопрезентации в роли "человека без предрассудков", "бунтаря и нонконформиста" [4]. Еще одним популярным средством самовыражения служит юмор и развлекательный контент [6]. Ведущими структурными компонентами, лежащими в основе самопрезентаций современных подростков как в реальной коммуникации, так и опосредованной онлайн, являются "дружелюбность", "враждебность", "талантливость и оригинальность", "популярность" и "робость" [12].

Содержание понятия самопрезентации включает в себя элементы драматургического подхода, разработанного ее автором И. Гофманом [3]. В теории управления впечатлениями процесс представления себя другим имеет своей целью создание благоприятного образа.

Часто социальные сети сравнивают с идеальной театральной площадкой для разыгрывания перформанса, а феномен самопрезентации анализируется посредством компенсаторных характеристик пользователя [14]. При таком подходе виртуальная личность отличается от реальной, человек стремится создать некий несуществующий образ – "идеальное Я".

Но согласно данным последних лет предъявление себя пользователями социальных сетей становится более правдивым [8; 12]. И как уже упоминалось выше, перестает быть значимым мнение других людей, в приоритете самовыражение своего истинного, "реального Я".

Некоторые подростки обращаются к экспериментам, пробам с альтернативными (фальшивыми) самопрезентациями, когда создаваемый виртуальный образ демонстрирует поведение, отличное от реальной жизни [14]. В итоге формируется "альтернативное Я". Среди психологических причин склонности исказить информацию в социальных сетях может выступать низкий уровень сформированности образа "Я" [9; 10].

Таким образом, можно выделить три стратегии самопрезентации личности, направленные на создание "идеального Я", "реального Я" и "альтернативного Я". Рассмотрим, как эти стратегии проявляются и используются среди современных подростков видеоблогеров.

Методы и выборка исследования

Данная статья написана на основе материалов анкетного опроса "Цифровая социализация подростков", проведенного в мае-июне 2022 г. Центром Междисциплинарных исследований современного детства www.childresearch.ru "Московского государственного психолого-педагогического университета" (ФГБОУ ВО МГППУ). Обработка данных сделана в пакете программы SPSS.

Тип выборки – случайный, она спроектирована с помощью стихийного отбора. Организация поля велась по трем направлениям. Первое – ссылка на анкету выслали учителям школ партнеров (две средние общеобразовательные школы в Москве, одна в Подмосковье), которые распространили ее среди учащихся всех 7-9 классов этих школ. Второе – ссылка с просьбой распространить среди знакомых была размещена на сайте Центра Междисциплинарных исследований современного детства, на страницах центра в социальных сетях (ВКонтакте и телеграмм), сделана рассылка по информационной базе подписчиков на мероприятия центра. Третье – информация об опросе распространялась среди педагогов г. Москвы и Московской области с просьбой распространить в своих школах среди учащихся 7-9 классов.

Всего опрошено 539 человек в возрасте от 12 до 18 лет. Средний возраст респондентов 14 лет. Половина опрошенных – подростки до 14 лет (Медиа-на – 14), чаще всего отвечали те, кому 12 лет (Мода – 12). Основная часть респондентов – это те, кому от 12 до 16 лет (91%), 17 и 18 лет почти не встречается – 8% (6% и 2% соответственно). Среди респондентов несколько больше девушек – 56%, нежели юношей – 44%.

Количество респондентов, которые указали, что ведут личный видеоблог составило 83 человека (16%). Дальнейший анализ будет представлен по этой группе. Стоит отметить, что еще столько же подростков заявили о планах в будущем это сделать (16%). Но большинство "не планирует" ничего подобного (68%). Статья носит скорее поисковый характер, нежели фундаментальный анализ явления подросткового видеоблогинга.

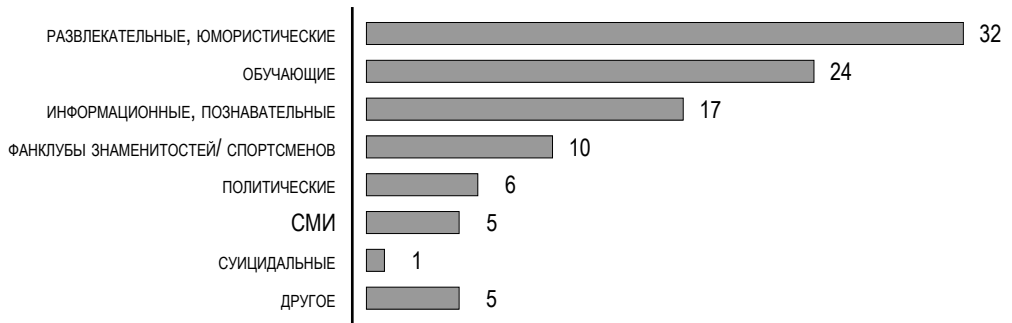

Рис. 1. Интернет-сообщества, в %.

Fig. 1. Internet communities, in %.

Источник: составлено авторами.

Source: compiled by the authors.

Результаты исследования

Наброски к портрету подростка-videоблогера. Начнем с общих социальных характеристик. Юношей и девушек среди видеоблогеров практически одинаковое количество (49% и 51% соответственно). Возраст распределился в соответствии с общими данными выборки, где есть перевес в сторону более младших участников опроса: 73% 12-14 лет, 20% 15-16 лет, 7% 17-18 лет.

Две трети юных видеоблогеров из полных семей (64%), 31% из семей с одним кровным родителем. У половины подростков родители с высшим образованием (51%), у трети – высшее образование имеет один родитель (35%). Большинство респондентов живут с братом или сестрой (86%).

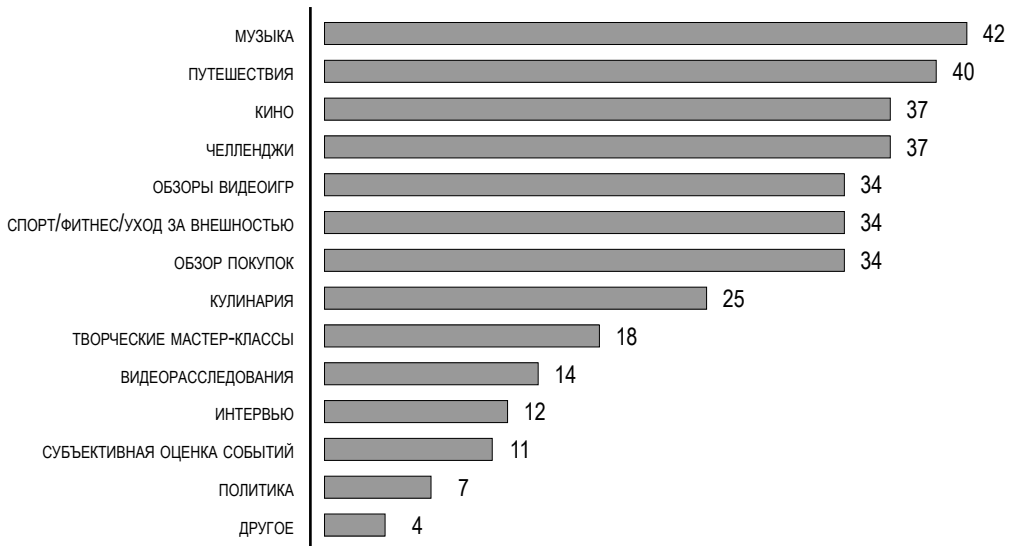
Рассмотрим тематическую направленность использования онлайн пространства, в котором подростки видеоблогеры проводят много времени: треть "практически все время в онлайн" (34%), 18% 6-8 часов в день, 30% 4-5 часов, 16% не более 3-х часов. Анализ сообществ, в которых состоят респонденты, показал, что наиболее распространены "развлекательные, юмористические", "обучающие" и "информационные, познавательные" (32%, 24% и 17% соответственно, *рис. 1*). Кроме того, 42% опрошенных являются администраторами онлайн-групп. Высокой популярностью пользуются видеоигры: 45% видеоблогеров "регулярно играют".

Спектр интересов у видеоблогеров очень широкий, нет одного ведущего направления. В сфере внимания попадают музыка, путешествия, кино, челленджи, спорт/фитнес/уход за внешностью, обзоры видеоигр и покупок (от 34% до 42%, *рис. 2*). При этом мальчики несколько чаще смотрят обзоры как по видеоиграм, так и покупкам, нежели девочки (16% и 13% мальчики, 5% и 7% девочки). Подростки практически не смотрят видеоматериалы о "политике" (7%), "субъективной оценке событий" (11%), "интервью" (12%).

Конструирование "Я образа": поиск себя

Подростковый период является временем активного самопознания, поиска "своих людей", определения интересов. Ведущую роль здесь играет опробование себя в различных контекстах в разном проявлении с целью отслеживания реакций других людей на свои действия. Онлайн пространство становится удобной и довольно свободной площадкой. Ресурсы социальных сетей – это не просто дополнительный канал коммуникации, а особое пространство возможностей. Интенсивность общения здесь выше, чем когда-либо в истории. Конструирование "Я образа" происходит в новых условиях.

В ходе исследования выявлено, что половина опрошенных подростков – как видеоблогеры, так и нет – в социальных сетях "ведут себя так же, как в реальной жизни" (48% – ведут видеоблог и 52% – не ведут). Небольшие различия можно увидеть только в том, что первые несколько чаще "чувствуют себя более раскованными, чем в реальной жизни" (14% и 9% соответственно) и "проявляют агрессию" (10% и 4%). "Выдают себя за кого-то другого" только по 4% из обеих групп. Таким образом, социальные сети становятся продолжени-

Примечание: Сумма процентов на диаграмме может превышать 100%, так как респонденты могли выбрать несколько вариантов ответа

Рис. 2. Videobлоги, в %.

Fig. 2. Videoblogs, in %.

Источник: составлено авторами.

Source: compiled by the authors.

ем реального общения и довольно редко используются, чтобы скрываться за вымышленными именами.

Респондентам было предложено идентифицировать себя с одним из поведенческих образов, в итоге выяснилось, что большая часть воспринимают себя как "обычного пользователя" (видеоблогеры – 58%, те, кто не ведут видеоблог – 70%, рис. 3). Подростки, попробовавшие вести собственный видеоблог, несколько лучше понимают себя и могут выбрать более конкретный образ. Здесь нет значимых различий между группами, скорее можно указать на точки для дальнейшего изучения. Так, ребята, у которых есть опыт видеоблогинга, чаще сравнивали себя с "создателем, творцом", "борцом, мятежником" и "туристом, отдыхающим".

Представление себя другим: реальное "Я", идеальное "Я" и альтернативное "Я"

Видеоблогеры склонны выставлять в личных аккаунтах реальные сведения о себе (37%), а эксперименты и пробы делать под другими именами ("смотря какой аккаунт" – 53%). О предоставлении на своем аккаунте "заведомо ложной информации" заявили только 6% респондентов.

По данным исследования, можно выделить две группы подростков видеоблогеров. Одни стремятся, чтобы образ соответствовал идеальным представлениям о том, "каким он хотел бы быть в реальной жизни" (27%), другие, чтобы "максимально отразил реальную личность" (35%). Далее респондентам было предложено определить, на что они ориентируются, когда снимают фото, видео для своих страниц в социальных сетях. Здесь также образовались две группы – у первых в приоритете "создание привлекательного, идеального образа самого себя" (39%), у вторых – стремление "отразить какую-то сторону личности" (32%). При этом значимых различий по полу и возрасту не наблюдается.

Мы считаем, что это связано с использованием разных стратегий самопрезентации. В одном случае подростки ориентируются на ожидание и мнение других, поэтому используют социальные сети как драматургический инструмент для создания определенного впечатления у пользователей и

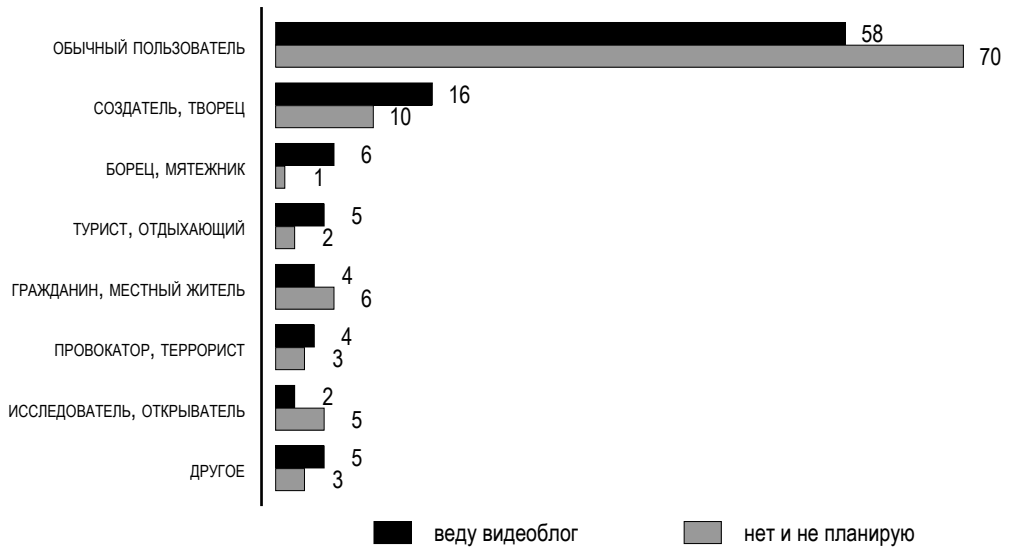

Рис. 3. Идентификация с поведенческой моделью, в %.

Fig. 3. Behavioral Pattern Identification, in %.

Источник: составлено авторами.

Source: compiled by the authors.

дальнейшее управление этими впечатлениями. В итоге конструируют социально-обусловленное *идеальное "Я"*, которое соответствует неким внешним нормам привлекательности и сложившимся представлениям о желаемом образе самого себя.

Во второй стратегии совершенно иное основание – ориентация на внутренние ощущения, осознание своей самооценки и желание познать себя настоящего, выразить и проявить. Можно назвать эту стратегию – самопрезентация реального "Я". Но в самом понятии самопрезентации подразумевается некая игра, создание и поддержание внешнего имиджа, намерение казаться кем-то другим. Здесь же нет цели презентовать свой образ. С целью отразить эту трансформацию мы предлагаем использовать понятие *самопроявление*.

Менее четверти подростков экспериментируют с собственными образами в онлайн пространстве (23% в общей группе опрошенных, 16% те, у кого нет видеоблога). Однако среди видеоблогеров таковых значительно больше – 47% ("заводят новые аккаунты, представляются чужими именами", "меняют тактику общения"). Данные пробы могут делаться "в зависимости от настроения" или особенностей "социальной сети" (22% и 12% соответственно). Данная стратегия связана с феноменом *альтернативной самопрезентации*, конструируемым альтернативного "Я".

Результаты опроса позволили выявить две основные причины, по которым юные видеоблогеры регистрируются под разными аккаунтами в одной и той же социальной сети (рис. 4). Обе связаны с приобретением нового опыта, который возможно безопасно получить, играя с ролями несуществующих личностей – "интересно представляться кем-то другим" (37%) и "анонимно делать то, что бы никогда не стал делать под реальным именем" (35%). Эти факторы, хотя и в меньшей степени, значимы для группы ребят, которые не ведут и не собираются вести видеоблог (29% и 28% соответственно). Они тоже заводят разные аккаунты, но в первую очередь с целью выхода на "общение с другим кругом людей" (35%).

Четверть опрошенных видеоблогеров (26%) экспериментировали общение от лица другого пола и 17% из них указали, что им "понравился этот опыт". Пробы с указанием более старшего возраста распространены значительно чаще (встречаются у 64% респондентов). По большей части такая стратегия используется для "обмана программы/алгоритма при регистрации" (40%). Четверть подростков с помощью экспериментов с возрастом исследуют

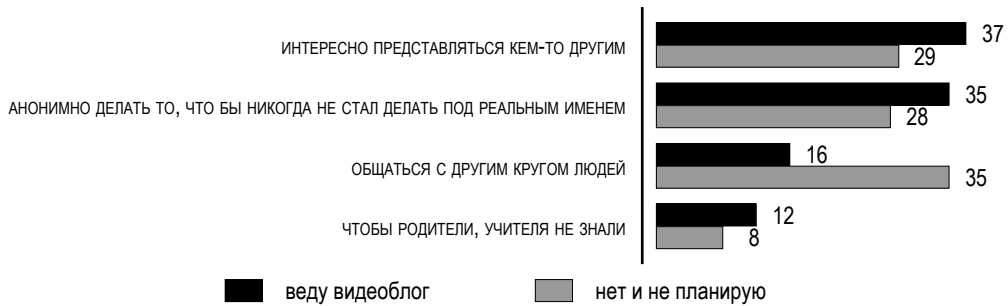

Рис. 4. Ведение аккаунтов под разными именами, в %.

Fig. 4. Maintaining accounts under different names, in %.

Источник: составлено авторами.

Source: compiled by the authors.

"как возраст влияет на общение" – меняется ли круг знакомых, темы общения и т.д. (24%).

Управление впечатлениями других через контент и визуальный ряд

Согласно данным опроса, у подростков видеоблогеров довольно много подписчиков: 41% указали, что на их аккаунт в социальной сети подписано не менее 200 человек, 20% – от 201 до 500, 11% – от 501 до 1000 и 27% – больше 1000 человек.

Наибольшей популярностью среди видеоблогеров пользуются социальные сети Ticktok – 37%, ВКонтакте (20%) и YouTube (20%). Можно предположить, что именно в этих сетях большинство современных подростков ведет видеоблоги.

Обратимся к анализу визуальных средств, которые они используют и начнем с такого важного элемента, как аватарка². В качестве таковой чаще всего выступают "собственные фотографии" (33%). Каждый пятый подросток стремится, чтобы у него были красивые фотографии и периодически обращается за помощью к родителям или друзьям в проведении "специальных фотосессий" (21%). Довольно популярно творчество с техническими средствами, 40% опрошенных применяют "различные фильтры" в своих фотографиях.

Содержание страниц в социальных сетях подростков видеоблогеров формируется посредством трех основных направлений (рис. 5). Первое и определяющее – это фотографии, которые "выгодно подчеркивают внешность" (29%) и запечатлевают "путешествия, интересные события, пейзажи" (20%). Второе – тексты постов "о том, что происходит с подростком" (19%) и "описанием мыслей, чувств, ощущений" (11%). В третьем блоке, который представлен в наименьшей степени, одновременно несколько разных по содержанию тем: "видеозаписи", которые снимает сам подросток (8%), "смешные картинки, мемы, чьи-то высказывания" (6%) и "изображения звезд, музыкантов, спортсменов" (4%).

Таким образом, видеоблогеры на своих страницах прежде всего стремятся поделиться чем-то личным и важным из своей повседневной жизни с помощью визуального контента, рассказать о своих чувствах, эмоциях. И в это личное не входит демонстрация достижений в учебе или увлечениях (0% – "подтверждение своих достижений"). Отсутствует также желание выставлять "новости и посты других людей" (0%). В целом заметна концентрация на внутреннем мире, который хочется проявить и материализовать доступными средствами: фото, видео и тексты постов с описанием чувств.

Выводы

Подростки склонны проявлять себя в социальных сетях схожим с реальной жизнью образом. Сохраняют поведенческие модели офлайн пространства, идентифицируют себя с обычными пользователями. Онлайн и офлайн

² Аватарка – картинка, сопровождающая видеоконтент, служащая его символом [1].

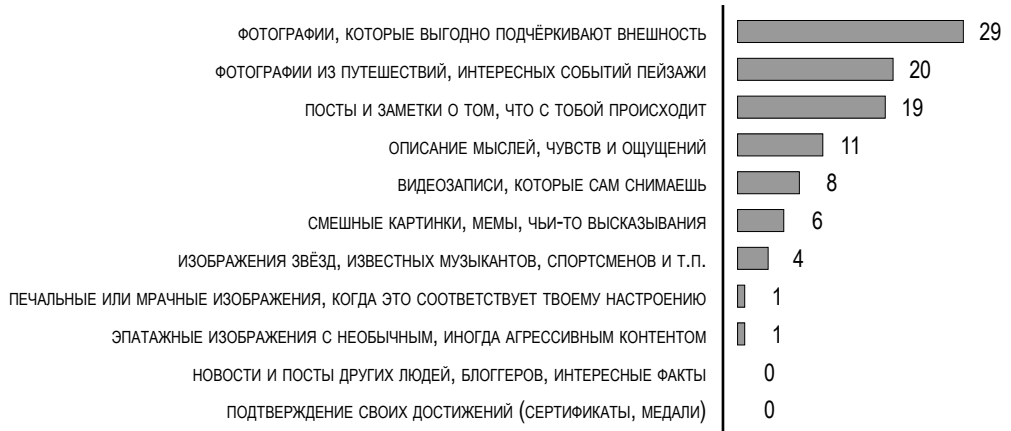

Рис. 5. Содержание страницы в социальной сети, в %.

Fig. 5. Social network page content, in %.

Источник: составлено авторами.

Source: compiled by the authors.

пространства воспринимаются как единое поле. Онлайн предоставляет возможность быстрого взаимодействия, реагирования, проживания, движения, конструирования. Процессы развития и самопознания характеризуются насыщенностью и интенсивностью взаимной обусловленности с цифровой средой.

Наряду с понятием самопрезентация актуальным становится поиск других терминов, отражающих современные тенденции поведения в социальных сетях. Управление впечатлениями других, разыгрывание перформанса переходит в поиск самого себя, проявление своих талантов и способностей, в том числе в видеоблогинге. Более точно данный процесс отражает понятие "самопроявление". Подростки (как и представители более старшего поколения в целом) стремятся познать свое "реальное Я" и проявить его в мир. В формировании контента прослеживается ориентация на собственное мнение, ощущение "что мне нравится" и желание проявить какие-то стороны своей личности.

Подростки видеоблогеры могут играть со стратегиями. На личном аккаунте представлять правдивую информацию и проявлять свое реальное "Я" или презентовать идеальное "Я". На аккаунтах, зарегистрированных под другим именем производить пробы и действовать с позиции "альтернативного Я".

Литература

1. Абросимова Е.Е., Филипова А.Г., Ардальянова А.Ю. Videоблогинг глазами детей и взрослых: социологический анализ. СПб.: Астерион, 2019. 230 с.
2. Богачева Н.В., Сивак Е.В. Мифы о "поколении Z" // Современная аналитика образования. М.: НИУ ВШЭ, 2019. Том 22. № 1. 64 с. URL: [https://ioe.hse.ru/data/2019/05/25/1494557373/%D0%A1%D0%90%D0%9E%20\(1\)22%20%D1%8D%D0%BB%D0%B5%D0%BA%D1%82%D1%80%D0%BE%D0%BD%D0%BD%D1%8B%D0%B9.pdf](https://ioe.hse.ru/data/2019/05/25/1494557373/%D0%A1%D0%90%D0%9E%20(1)22%20%D1%8D%D0%BB%D0%B5%D0%BA%D1%82%D1%80%D0%BE%D0%BD%D0%BD%D1%8B%D0%B9.pdf) (дата обращения: 13.10.2022)
3. Гофман И. Представление себя другим в повседневной жизни / Пер. с англ. и вступ. статья А. Д. Ковалева. М.: "КАНОН-пресс-Ц", "Кучково поле", 2000. 304 с.
4. Грушевская В.Ю. Особенности самопрезентации в видеоблогах, популярных в молодежной среде // Бренное и вечное: мифология цифровой цивилизации. Материалы Международной научной конференции. Великий Новгород, 2021. С. 202–210.
5. Завалин В. Телеграмм канал. URL: <https://t.me/progenr> (дата обращения: 14.10.2022).
6. Королева Д.О. "Портрет" современного подростка через его самопрезентацию в социальной сети. URL: <https://publications.hse.ru/mirror/pubs/share/direct/214135303> (дата обращения: 13.10.2022).

7. Королева Д.О. Исследование повседневности современных подростков: присутствие в социальных сетях как неотъемлемая составляющая общения // "Современная зарубежная психология". 2016. Том 5. № 2. С. 55–61.
8. Королева Д.О. Социальные сети: нужно ли их бояться родителям подростков? URL: <https://www.ya-roditel.ru/parents/base/experts/sotsialnye-seti-nuzhno-li-ikh-boyatsya-roditelyam-podrostkov/> (дата обращения: 14.10.2022)
9. Рубцова О.В., Панфилова А.С., Смирнова В.К. Исследование взаимосвязи личностных особенностей подростков с их поведением в виртуальном пространстве (на примере социальной сети "ВКонтакте") // Психологическая наука и образование. 2018. Том 23. № 3. С. 54–66.
10. Рубцова О.В., Посакалова Т.А., Ширяева Е.И. Особенности поведения в виртуальной среде подростков с разным уровнем сформированности "образа Я" // Психологическая наука и образование. 2021. Том 26. № 4. С. 20–33.
11. Солдатова Г.У., Рассказова Е.И., Нестик Т.А. Цифровое поколение России: компетентность и безопасность. М.: Смысл, 2017. 375 с.
12. Федоров В.В. Структура самопрезентации подростков в реальном общении и социальных сетях // Социальная психология и общество. 2020. Т. 11. № 1. С. 180–192.
13. Филипова А.Г., Хуснутдинова М.Р. А где же ребенок? // Комплексные исследования детства. 2022. № 3. С. 203 – 209.
14. Щекотуров А.В. От флирта до смены пола онлайн: подростковые практики альтернативных самопрезентаций в социальной сети "ВКонтакте" // Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перемены. 2017. № 6. С. 327–343.
15. "Trend Vision 2022. Куда дальше?" Специальный выпуск обзора трендов Ipsos с фокусом на молодое поколение 16–25 лет. URL: <https://www.ipsos.com/sites/default/files/ct/publication/documents/2022-10/TrendVision2022-Ipsos-RUS-corr.pdf> (дата обращения: 11.10.2022)
16. Buckingham D. After the Death of Childhood: Growing Up in the Age of the Electronic Media, 2000. Cambridge: Polity Press.
17. Buckingham D. New media, new childhoods? Children's changing cultural environment in the age of digital technology // An introduction to childhood studies / Ed. By M.J. Kehily. New York: Open University Press, 2009. P. 124–138.
18. Mitchell C., Reid-Walsh J. Researching Children's Popular Culture. The cultural spaces of childhood. London and New York: Routledge, 2005.

References

1. Abrosimova E.E., Filipova A.G., Ardalyanova A.Yu. Children's and adults view on the video blogging: the sociological analysis. St. Petersburg, Asterion, 2019. 230 p. (In Russ.).
2. Bogacheva N.V., Sivak E.V. Myths of Generation Z // Modern Analytics of Education. M.: NRU HSE, 2019. Volume 22. No. 1. 64 p. (In Russ.).
3. Hoffman I. Presenting oneself to others in everyday life / Translation and introductory article by A. D. Kovalev. M.: "KANON-press-C", "Kuchkovo field", 2000. 304 p. (In Russ.).
4. Grushevskaya V.Yu. Features of self-presentation in video blogs popular among young people // Mortal and eternal: the mythology of digital civilization. Materials of the International scientific conference. Veliky Novgorod, 2021. P. 202–210. (In Russ.).
5. Zavalin V. telegram channel <https://t.me/progenr> (accessed 10.14.2022) (In Russ.).
6. Koroleva D.O. "Portrait" of a modern teenager through his self-presentation in a social network URL: <https://publications.hse.ru/mirror/pubs/share/direct/214135303> (accessed 10.13.2022) (In Russ.).
7. Koroleva D.O. Study of everyday life of modern teenagers: presence in social networks as an integral part of communication // Modern Foreign Psychology. 2016. Vol. 5. No. 2. P. 55–61. (In Russ.).
8. Koroleva D.O. Social networks: should parents of teenagers be afraid of them? URL: <https://www.ya-roditel.ru/parents/base/experts/sotsialnye-seti-nuzhno-li-ikh-boyatsya-roditelyam-podrostkov/> (accessed 10.14.2022) (In Russ.).
9. Rubtsova O.V., Panfilova A.S., Smirnova V.K. Study of the relationship between personality traits of adolescents and their behavior in the virtual space (on the example of the VKontakte social network) // Psychological Science and Education. 2018. Vol. 23. No. 3. P. 54–66. (In Russ.).
10. Rubtsova O.V., Poskakalova T.A., Shiryayeva E.I. Peculiarities of behavior in the virtual environment of adolescents with different levels of formation of the "I-image" // Psychological Science and Education. 2021. Volume 26. No. 4. P. 20–33. (In Russ.).
11. Soldatova G.U., Rasskazova E.I., Nestik T.A. Digital generation of Russia: competence and security. M.: Meaning, 2017. 375 p. (In Russ.).
12. Fedorov V.V. The structure of self-presentation of adolescents in real communication and social networks // Social psychology and society. 2020. Vol. 11. No. 1. P. 180–192. (In Russ.).
13. Filipova A.G., Khusnutdinova M.R. Where is the child? // Complex studies of childhood. 2022. No. 3. P. 203–209. (In Russ.).

14. Shchekoturov A. V. From flirting to gender reassignment online: adolescent practices of alternative self-presentations in the VKontakte social network // *Monitoring of public opinion: Economic and social changes*. 2017. No. 6. P. 327–343. (In Russ.).
15. "Trend Vision 2022. Where next?" Special issue of the Ipsos Trend Review with a focus on the younger generation 16-25/ URL: <https://www.ipsos.com/sites/default/files/ct/publication/documents/2022-10/TrendVision2022-Ipsos-RUS-corr.pdf> (accessed 11.10.2022) (In Russ.).
16. Buckingham D. *After the Death of Childhood: Growing Up in the Age of the Electronic Media*, 2000. Cambridge: Polity Press.
17. Buckingham D. *New media, new childhoods? Children's changing cultural environment in the age of digital technology // An introduction to childhood studies / Ed. By M.J. Kehily*. New York: Open University Press, 2009. P. 124–138.
18. Mitchell C., Reid-Walsh J. *Researching Children's Popular Culture. The cultural spaces of childhood*. London and New York: Routledge, 2005.

Информация об авторах

Маргарита Рафаильвна Хуснутдинова, старший научный сотрудник Центра междисциплинарных исследований современного детства Московского государственного психолого-педагогического университета, Москва, Россия, e-mail: husnutdinovaMR@mgppu.ru

Татьяна Анатольевна Посакалова, научный сотрудник Центра междисциплинарных исследований современного детства Московского государственного психолого-педагогического университета, Москва, Россия, e-mail: poskavalova@gmail.com

Information about the authors

Margarita R. Khusnutdinova, Candidate of Sociology, Senior Researcher, Center for Interdisciplinary Research on Contemporary Childhood, Moscow State University of Psychology & Education, Moscow, Russia, e-mail: husnutdinovaMR@mgppu.ru

Tatiana A. Poskavalova, Researcher, Center for Interdisciplinary Research on Contemporary Childhood, Moscow State University of Psychology & Education, Moscow, Russia, e-mail: poskavalova@gmail.com

Поступила в редакцию 21.10.2022

Одобрена после рецензирования 10.02.2023

Принята к публикации 16.02.2023

Received 21.10.2022

Revised 10.02.2023

Accepted 16.02.2023

Научная статья
УДК 39
<https://doi.org/10.24866/1998-6785/2023-1/137-146>

Проблемы интеграции латиноамериканцев в США: политический и социально-экономический аспекты

Даниил Андреевич Рыбачук
Дальневосточный федеральный университет, г. Владивосток, Россия, ska-i@mail.ru

Аннотация: Для многих "латинос" США являются одной из главных целей иммиграции в поисках благополучной жизни. Уже к 2050 году прогнозируется, что латиноамериканцы займут первую строчку в рейтинге самых многочисленных национальных групп США. В связи с этим интеграционные вопросы латиноамериканцев в американском обществе играют одну из важнейших ролей в последнее время. Данная проблема достаточно широка и изучается с точки зрения сразу нескольких областей существования государства: политика, социум и экономика. Степень политический интеграции латиноамериканцев в американском обществе повышается с каждым годом, и их влияние на политическую составляющую США уже не может оставаться без внимания. В работе также доказывается существенное, а иногда и незаменимое участие латиноамериканцев в развитии американской экономики, опираясь на различные статистические данные. Более того, с каждым годом латиноамериканцы всё более успешно интегрируются в американский социум, на что указывают показатели самоидентификации, знания языка, образования, иммиграции и дискриминации. Несмотря на то, что латиноамериканцам свойственно сохранение своих национальных корней, они научились адаптироваться к американской действительности.

Ключевые слова: латиноамериканцы, латинос, США, общество, политика, экономика, американские выборы, самоидентификация, иммиграция, дискриминация

Для цитирования: Рыбачук Д. А. Проблемы интеграции латиноамериканцев в США: политический и социально-экономический аспекты // Ойкумена. Регионоведческие исследования. 2023. № 1. С. 137–146. <https://doi.org/10.24866/1998-6785/2023-1/137-146>

Original article
<https://doi.org/10.24866/1998-6785/2023-1/137-146>

The problems of Latino integration in the USA: political and socio-economic aspects

Daniil A. Rybachuk
Far Eastern Federal University, Vladivostok, Russia, ska-i@mail.ru

Abstract. The USA is one of the main goals of immigration for many Latinos in search of a happy life. By the year 2050 Latinos should take the first place among the most numerous national groups in the USA. Hence the questions of integration of Latinos in American society have recently played one of the most important roles. This problem is quite broad and is studied from the several angles of the existence of the state: politics, society and economics. The degree of political integration of Latinos in American society is increasing every year, and their influence on the political component of the United States can no longer be ignored. The work also proves the significant and sometimes irreplaceable participation of Latinos in the development of the American economy, based on various statistical data. Moreover, every year Latinos integrate more and more successfully into the American society, which is shown by such indicators as: self-identification, language knowledge, education, immigration and discrimination. Even though Latinos tend to preserve their national roots, they have learned to adapt to American reality.

Key words: Latin-Americans, Latinos, USA, society, politics, economics, US elections, self-identification, immigration, discrimination

For citation: Rybachuk D. A. The problems of Latino integration in the USA: political and socio-economic aspects // Ojkumena. Regional researches. 2023. No. 1. P. 137–146. <https://doi.org/10.24866/1998-6785/2023-1/137-146>

Последние два десятилетия стали определяющими для латиноамериканского сообщества в Северной Америке. В эти годы латиноамериканский пласт населения в США стал оказывать значительное влияние на все сферы функционирования американского государства. Тем не менее с возросшим количеством латиноамериканцев в американском обществе увеличилось и число проблем, с которыми "латинос" сталкиваются при адаптации и интеграции к новой для них жизни. Несмотря на это американцы латиноамериканского происхождения в США демонстрируют высокую степень как политической, так и социально-экономической интеграции в американском обществе. В связи с тем, что США являются государством, население которого состоит из различных иммигрантских групп, рассмотрение проблем интеграции латиноамериканцев в данное общество будет актуальным и может оказаться полезным для представителей других этнических групп в поиске решения схожих интеграционных вопросов.

Главной целью настоящего исследования будет являться изучение проблем адаптации и интеграции латиноамериканцев в США, затрагивая политический и социально-экономический аспекты.

Степень изученности проблем политической и социально-экономической адаптации и интеграции латиноамериканцев в американском обществе находится на достаточно высоком уровне. Следующие российские ученые уделяют особое внимание исследованию интеграционных вопросов латиноамериканского этноса: Гарусова Л.Н., Дьякова Л.В., Журбей Е.В., Иванов А.Г., Коваль Б.И., Кудеярова Н.Ю., Пигинешева А.П., Семенов С. И., Червонная С.А., Чертина Э.С., Шишков А.С. и др. Следуют отметить отечественную монографию Дьяковой Л.В., Коваль С.И., Семенова С.И. "Латиноамериканские диаспоры в США", в которой дано подробное описание становления трёх самых крупных латиноамериканских диаспор в США: мексиканской, кубинской и пуэрториканской – и в том числе дана информация по проблемам их адаптации и интеграции вплоть до начала XXI в. К зарубежным авторам можно отнести: Бэрри Д., Дасен П., Кабасса Л., Каплан С., Киркегаард Д., Куэяр И., Марин Д., Пуртинга А., Райдер А., Сигалл М., Суарез-Ороско М., Уэртас Д., Хантингтон С., Эскобар Д. и др. Перечисленные авторы делают акцент на развитии теории аккультурации, а также её применении к латиноамериканцам.

Методологическая и теоретическая основа работы исходят из необходимости изучения вопросов интеграции латиноамериканцев в американском обществе. Теоретической базой является аккультурационная теория канадского этно-психолога Джона Бэрри. Его идея состоит в том, что существуют четыре адаптационных практики вхождения индивида в общество: интеграция, ассимиляция, сепарация и маргинализация. В вопросе латиноамериканской интеграции эта теория будет носить определяющий характер, так как большая часть "латинос" являются иммигрантами или имеют иммигрантское происхождение, а само американское общество представлено как культурно плюралистическое. Более того, в методологическую основу входит междисциплинарный подход, опирающийся на изучение источников информации из различных областей знания: социология, политика, экономика и история, а также территориальный подход, который чётко обозначает географические рамки исследования, конкретно территорию США, на которой происходят процессы интеграции латиноамериканцев. К основным методам относятся анализ и синтез информации, её дальнейшая конкретизация и систематизация. Кроме того, в статье задействованы статистический и сравнительный методы.

Интеграция латиноамериканцев в политическую и социально-экономическую среду американского государства играет важнейшее значение, так как от её степени будет зависеть не только успешность интеграционной практики самих "латинос", но и готовность принятия данной этнической группы американским обществом.

Согласно последним официальным данным, в США проживает 62,5 млн. латиноамериканцев, что составляет 19% от общей численности американского населения (302 млн. чел.) [19]. Такая значительная этническая группа не может не оказывать влияние на развитие американского государства. В США "латинос" успешно адаптируются и интегрируются как в политической, так и в социально-экономической областях, несмотря на существование ряда проблем.

В последние годы 13 штатов США испытывают рост латиноамериканского населения. Около трети всех латиноамериканцев, проживающих на американской земле, являются иммигрантами, и 80% из них получили американское гражданство. Латиноамериканцы преимущественно сконцентрированы в таких южных пограничных штатах, как: Нью-Мексико (49,1%), Техас (39,6%), Калифорния (39,3%) и Аризона (31,6%), где процент – это доля латиноамериканского населения в штате [8]. Наибольшее число латиноамериканцев зарегистрировано в пяти штатах США: Калифорния – 15,574,880; Техас – 11,524,840; Флорида – 5,663,630; Нью-Йорк – 3,749,260; Аризона – 2,310,590 [15]. В Калифорнии, Техасе и Аризоне преобладает мексиканская диаспора; в Нью-Йорке – пуэрториканская, а во Флориде – кубинская.

В вопросе политической интеграции латиноамериканцы с течением времени демонстрируют всё более высокие показатели успешного участия в

развитии политической жизни США. Это выражается в их вовлеченности в электоральные процессы, а также представленностью в различных органах власти, начиная от местного и заканчивая федеральным уровнем. Помимо этого, в ходе политической адаптации латиноамериканцы часто задействуют лоббизм, с помощью которого физические лица и негосударственные организации воздействуют на органы власти и местного самоуправления, добиваясь тем самым принятия или отмены какого-либо решения [5].

В период с 60-х по 80-е гг. XX в. наибольшее политическое влияние в США среди латиноамериканцев оказывали мексиканцы. Они одними из первых выступили против различных форм дискриминации, культурных стереотипов и социального неравенства. Задачей этого политического движения стало увеличение латиноамериканских представителей в органах государственной власти, а также уже упомянутое выше лоббирование законов, направленное на улучшение жизни мексиканской диаспоры в США. Благодаря эффективным действиям были приняты законы жизненно необходимые для латиноамериканцев, проживающих в США. Например, были утверждены "Закон о гражданских правах" 1964 г., два закона об избирательных правах 1965 и 1975 гг., "Закон об изучении этнической истории и культурного наследия" 1972 г., законы об испанском языке и двуязычном образовании 1968 и 1974 гг. [2, с. 128].

К концу двухтысячных число латиноамериканцев в США, занимающих выборные должности в органах государственной власти и местного самоуправления, стремительно возросло. Если в 1973 г. этот показатель среди представителей латиноамериканской диаспоры был равен 1280 чел., то в 2003 г. – уже 4130 чел., а в 2007 г. – 5129 чел. Из них 26 латиноамериканцев занимали должности в федеральных органах власти, 238 чел. – в legislatures штатов, 512 чел. – в округах, 1640 чел. – в муниципалитетах, 685 чел. – в судебных и правоохранительных структурах, 1847 чел. работали в отделах среднего образования [2, с. 129].

С середины XX в. и по настоящее время количество латиноамериканцев, занимающих должности в Конгрессе США, также значительно увеличилось. В 1969 г. в Сенате США был всего один представитель латиноамериканской диаспоры, в Палате представителей – пятеро. К 2006 г. в Палате Представителей США заседали уже 25 латиноамериканцев, а в Сенате всего двое [2, с. 130]. По состоянию на 2021 г. в Сенате США заседают 6 представителей латиноамериканского происхождения, в Палате Представителей находится 41 латиноамериканец [21]. Наиболее известными латиноамериканцами в Конгрессе являются такие республиканцы, как Майк Гарсия и Карлос Хименес, а со стороны демократов – Майк Левин и Антонио Дельгадо. Несмотря на видимое увеличение представителей латиноамериканских диаспор в Конгрессе США, их всё ещё не хватает в других государственных структурах в сравнении с остальными национальными группами [4].

Многое в адаптации и интеграции в политическую жизнь США зависит от степени вовлеченности индивида в электоральные процессы государства. Для латиноамериканцев характерна более низкая политическая активность в сравнении с другими национальными группами США, которая объясняется тем, что на ранних этапах латиноамериканская диаспора в США представлялась разобщенной группой, которая слабо поддавалась таким явлениям, как политическая адаптация и интеграция. Большую роль в этом сыграли такие негативные факторы, как низкий уровень образования и пожилой возраст большинства латиноамериканцев, что отразилось в низком уровне политической заинтересованности.

Более того, важно отметить, что политической адаптации и интеграции латиноамериканцев в США препятствует их нелегальный или временный статус, что делает для них невозможным участие в политических процессах. Около 30% представителей латиноамериканской диаспоры в США не могут участвовать в выборах из-за того, что они не являются гражданами этой страны [25]. Кроме этого, многие латиноамериканцы являются недавно натурализованными, они плохо приспособлены к политической системе США, потому как не знают основных принципов, особенностей, традиций и механизмов её работы [2, с. 130].

Однако в XXI в. показатели политического участия среди латиноамериканцев в США стали демонстрировать рост. Так, на федеральных выборах 2020 г. процент явки на голосование среди всех латиноамериканцев составил 53,7%, что является наивысшим показателем за все время таких наблюдений [23]. Повышение процента голосующих объясняется тем, что среди латиноамериканцев становится всё больше молодежи, которые проявляют повышенный интерес к политике, в том числе и к действиям американского руководства, которое часто принимает законы, которые оказывают негативное влияние на проживание латиноамериканской диаспоры в США.

В этой связи показательны данные по заинтересованности латиноамериканцев в американской политике 2012 и 2016 гг. Примечательно, что с приходом к власти в США Дональда Трампа в 2016 г. вовлеченность "латинос" в политическую жизнь выросла в разы и стала составлять около 80% в сравнении с 30% в 2012 г. Но необходимо отметить, что это главным образом не позитивное внимание, а скорее наоборот. Многие "латинос" были недовольны предпринимаемыми администрацией Д. Трампа действиями, поэтому были вынуждены проявить политическую активность, чтобы повлиять на происходящее. В это время почти в десять раз увеличилось число петиций среди легально находящихся на американской территории латиноамериканцев и в два раза – количество протестов против проводимой политики. Несмотря на то, что вопросы политики стали волновать большее количество латиноамериканцев, их доверие к американским властям при этом оказалось подорванным и снизилось почти в пять раз по сравнению с 2012 г [20].

Следующий президент США Джо Байден с приходом к власти заявил, что снимет все ограничения на иммиграцию латиноамериканцев в США и отменит все принятые ранее Д. Трампом меры, в том числе амнистирует нелегальных иммигрантов. Для этого необходимо провести иммиграционную реформу, проект которой уже подготовлен демократами. Из выполненных действий Д. Байдена в отношении латиноамериканцев отметим прекращение строительства заградительного барьера на границе с Мексикой, а также отмена депортаций латиноамериканских детей, прибывших в страну нелегально. Тем не менее курс иммиграционной политики Джо Байдена не будет кардинально отличаться от его предшественников. В будущем рост числа латиноамериканцев в США станет еще более заметным, в том числе в связи с естественным приростом среди представителей латиноамериканских диаспор и с усиленными темпами иммиграции после окончания кризиса, вызванного COVID-19. Уже к 2050 г. ожидается, что в США 25% населения будут латиноамериканцами [6].

Интересно, что в июле 2022 г. первая леди США – Джилл Байден, в своем выступлении оскорбительно обратилась к латиноамериканцам в США, сравнив их уникальность с "такос на завтрак". Это высказывание вызвало резонанс в латиноамериканских кругах США. Испаноязычное сообщество выразило обеспокоенность этим утверждением и попросило первую леди США не мыслить стереотипами, так как латиноамериканская диаспора – это очень разнообразный концепт. Данное высказывание может отражать реальные мысли и настроения американской элиты в отношении латиноамериканцев. Позже Джилл Байден принесла "латинос" извинения и заявила, что не собиралась никого оскорблять, а наоборот, таким образом хотела указать на латиноамериканскую уникальность [7].

Последние выборы в Конгресс США в ноябре 2022 г. оказались довольно важными для латиноамериканской диаспоры, в том числе показательными в вопросе их политической интеграции. От победы демократов зависело продолжение поставленного Джо Байденом курса, направленного на либерализацию иммиграционных требований в отношении "латинос". Хотя эти выборы и показали, что республиканские настроения в США сейчас достаточно сильны, так как в Палату Представителей избралось больше республиканцев, чем демократов (221 против 214), но при этом Сенат остался за демократами [17]. Разрыв между демократами и республиканцами также невелик: демократы получили по меньшей мере 50 мест в Сенате, а республиканцы на момент написания статьи получили 49 мест. И даже если республиканцы наберут 50 голосов и положение сравняется, то решающий голос останется за вице-президентом Камалой Харрис, которая относится к демократической

партии США. Примечательно, что ключевой оказалась победа демократа в Неваде – Кэтрин Кортес-Масто, которая является первой женщиной-представительницей испаноязычной общины в Сенате США [3]. Таким образом, на наглядном примере можно увидеть, насколько возросло политическое влияние латиноамериканцев в США: от их представленности в органах власти зависит итоговое распределение голосов в верхней палате Конгресса США.

Таким образом, говоря про степень политической адаптации и интеграции латиноамериканцев в американском обществе, выделим несколько характерных особенностей. Во-первых, первыми латиноамериканцами, проявившими свою активную политическую позицию, стали мексиканцы, которые во второй половине XX в. начали отстаивать свои права и бороться со всеми проявлениями дискриминации. Во-вторых, политическая вовлеченность латиноамериканцев в США находится на более низком уровне, чем среднестатистические показатели, но с каждым годом их участие повышается. В-третьих, высокие цифры представленности латиноамериканцев в различных органах власти США демонстрируют, что латиноамериканцы активно задействованы в американской политической системе. В-четвертых, тенденция к росту политической интеграции представителей латиноамериканских диаспор в США очевидна, и в будущем можно прогнозировать увеличение количества "латинос", которые будут успешно интегрироваться в политической сфере американского государства.

В данной статье при изучении вопросов социальной интеграции латиноамериканцев будет применена аккультурационная теория канадского этно-психолога Джона Берри. Согласно его идее существует четыре вида адаптационной практики индивида в социуме-реципиенте, зависящие от психологической удовлетворенности и уровня благополучия, а также социо-культурной адаптации иммигранта [10, с. 34]. Он выделяет четыре аккультурационные практики: ассимиляция, интеграция, сепарация и маргинализация. Наиболее предпочтительной является интеграция иммигранта в принимающее общество, так как в этом случае индивид помимо того, что усваивает характеристики нового общества, так ещё и сохраняет особенности своего этно-национального происхождения [1, с. 225].

При попытке определения своей национальной идентичности латиноамериканцы в США по-разному отвечают на данный вопрос. Половина респондентов отмечают, что идентифицируют себя, как выходцы из тех стран, из которых они эмигрировали, то есть, например, иммигрант из Мексики, живущий в США и имеющий американское гражданство, всё равно ответит, что он мексиканец. Другие 23% самоидентифицируются с регионом Латинской Америки, то есть отвечают, что они латиноамериканцы. Оставшиеся 22% американских "латинос" на вопрос национальной принадлежности отвечают, что они американцы [14]. Тем самым можно отметить, что у латиноамериканцев, проживающих в США, достаточно высокий уровень сохранения корней со своей родной страной в Латинской Америке (около $\frac{1}{4}$ всех латиноамериканцев в США так или иначе связывают себя с регионом своего происхождения).

Кроме того, самоидентификация латиноамериканцев по национальному признаку в США во многом зависит от поколения, к которому относится индивид. Среди латиноамериканских иммигрантов, не родившихся на американской территории, процент тех, кто считает себя латиноамериканцем составляет 97%; во втором поколении эта цифра – 92%; в третьем – 77%, а в четвертом уже половина латиноамериканцев перестают идентифицировать себя, как "латинос" [9].

Ещё одним важным аспектом социальной интеграции "латинос" является языковая идентификация. Для латиноамериканцев в США часто характерно использование своего родного языка, в большинстве случаев испанского. Около 90% латиноамериканцев, проживающих на американской территории, считают, что будущие поколения латиноамериканцев должны говорить на испанском языке. Порядка 71% "латинос" отмечают, что знание испанского языка не является ключевым, гораздо более важным пунктом будет использование испанского языка в повседневной жизни [14].

В настоящее время более 37 миллионов человек в США говорят на испанском языке дома, делая этот язык вторым по распространенности в стране после английского. Около половины всех тех, кто говорил на испанском у себя

дома в 2015 г., проживали в 10 крупнейших испаноговорящих агломерациях США. В них насчитывалось около 18,5 млн. латиноамериканцев. Больше всего испаноговорящих "латинос" проживало в Калифорнии, Техасе и Флориде, составляя 57% от общей численности латиноамериканского населения в США. С 2006 по 2015 гг. число испаноговорящего населения в США выросло с 30,835,183 чел. до 37,356,761 чел., но процент говорящих на испанском дома снизился с 78% до 73%, что может объясняться тем, что стало больше латиноамериканцев, родившихся в США, и меньше иммигрантов. Стоит отметить, что большая часть латиноамериканцев, рожденных в США, двуязычны, среди их детей 51% двуязычны, а среди представителей следующих поколений эта доля составляет 24% [27]. Важно отметить, что "латинос" в США утверждают, что знание языка чаще других показателей становится предметом дискриминации, чаще чем иммиграционный статус, доход, образование или цвет кожи. Согласно опросам 46% латиноамериканцев хоть раз в жизни испытывали на себе языковую дискриминацию в США [12].

С социальной адаптацией и интеграцией латиноамериканца в американском обществе тесно связана не только языковая дискриминация, но и другие её виды. В США 39% "латинос" хоть раз испытывали на себе проявления дискриминации. Интересно, что среди тех, кто не является латиноамериканцами, но у них есть предки из Латинской Америки, 87% никогда не подвергались никакой дискриминации [14]. Данная проблема напрямую касается не только латиноамериканцев, но и других этнических групп в США и требует скорейшего решения для того, чтобы избежать фрагментации национальной идентичности и безрезультативной интеграции иммигрантов в американском обществе.

Проведенные в США исследования по вопросу социально-экономической адаптации латиноамериканцев показывают, что многие из них не чувствуют себя комфортно на рабочем месте. Около 76% "латинос" были вынуждены подстраивать свою личность под определенные трудовые условия. Они модифицировали свою внешность, язык жестов и стиль коммуникации. Чтобы добиться значительных результатов в работе или получить повышение, 43% латиноамериканок и 33% латиноамериканцев пожертвовали своей уникальностью, и, что самое главное, им это помогло в достижении поставленных целей [26]. По состоянию на 2021 г. почти четверть (24%) латиноамериканцев испытывала на себе проявления дискриминации на рабочем месте за последний год, что почти на 10% больше, чем у обычного белого американца (15%). Причем, чем моложе индивид, тем больше вероятность трудовой дискриминации. На группу латиноамериканцев до 40 лет приходится 31% такой дискриминации, а на тех, кто старше 40 лет, почти вдвое меньше – 17% [22].

В выборе здравоохранения латиноамериканцы большое внимание уделяют тому, чтобы их поставщик медицинских услуг мог говорить на испанском языке, в особенности это касается латиноамериканских иммигрантов, 58% которых будут искать такую возможность. В отношении Covid-19 латиноамериканцы в большинстве своем (74%) склонны доверять информации экспертов в области здравоохранения, ещё 58% "латинос" могут положиться в этом вопросе на мнение своих друзей и семьи [13].

В настоящее время латиноамериканские иммигранты интегрируются в экономическую область США достаточно высокими темпами. Латиноамериканская иммиграция в целом не влияет на заработную плату и занятость большинства обычных американцев, за исключением тех областей, где требуется низкая квалификация. Согласно отчету Национальной академии наук, инженерии и медицины за 2017 г., "иммиграция положительно влияет на долгосрочный экономический рост в США" [24]. В США на 2018 г. у иммигрантов более высокий процент занятости в сравнении с рядовыми американцами (63% против 60%). Более того, иммигранты вносят значительный вклад в развитие патентов в США, что в конечном итоге способствует повышению производительности, а труд иммигрантов при этом помогает снизить стоимость на некоторые товары и услуги, что приносит пользу обычным американским потребителям в целом ряде секторов, включая пищевую промышленность, строительство и ремонт [24].

По последним данным секторами с наибольшей концентрацией латиноамериканских работников в США стали сельское хозяйство, рыбная и лес-

ная промышленности с показателем занятости этой ниши латиноамериканцами в 43%. На втором месте расположились: техническое обслуживание и уборка территорий и зданий – 37,9%. На третьем – строительство и добыча ископаемых (35,7%); на четвертом – пищевая отрасль (27,3%) и на пятом месте – перевозки (23,9%) [16].

Латиноамериканская иммиграция играет одну из ключевых ролей не только в демографическом воспроизводстве, но и развитии экономики американского государства. Интересно, что 38% нехватки рабочей силы в США в период с 2000 по 2015 гг. были покрыты за счет латиноамериканцев, среди которых 80% – это иммигранты из Мексики и Центральной Америки [11]. На 2020 г. на американском рынке труда задействованы 29 млн. латиноамериканцев, что существенно больше, чем в 1990 г., когда это число равнялось 10,7 млн. человек. К 2030 г. прогнозируется рост латиноамериканских работников в США до 35,9 млн. человек [16]. "Латинос" являются двигателем роста рабочей силы в США в последние десять лет, что подтверждают следующие данные: нелатиноамериканский рост составил всего 0,5%, но если добавить к этому числу латиноамериканских работников, то цифра будет достигать уже 4,5%. В настоящий момент доля латиноамериканцев на рабочих местах находится на уровне 18%, а к 2030 г. прогнозируется значение в 21,2%, то есть почти каждый пятый работник в США будет латиноамериканцем. Такой высокий показатель трудоспособности латиноамериканцев может объясняться тем, что их средний возраст ниже, чем у других американских работников, и составляет 38 против 42 лет [16].

При изучении проблемы социально-экономической интеграции латиноамериканских иммигрантов в США занимательна точка зрения американского политолога Самюэля Хантингтона, который утверждает, что в таком явлении, как иммиграция, нет ничего полезного для американской экономики, а латиноамериканские иммигранты и вовсе являются экономическим бременем для США, так как их интеграция происходит дольше и они имеют меньше навыков, чем европейские иммигранты. Тем не менее, как мы выяснили ранее, латиноамериканские иммигранты вносят значительный вклад в поддержание и развитие экономики США и при этом обеспечивают гарантию её дальнейшего роста, и для этого есть несколько причин.

Во-первых, латиноамериканцы – это самое молодое и многочисленное национальное меньшинство в США, продолжающее увеличиваться с каждым годом за счёт высоких показателей рождаемости среди латиноамериканцев, проживающих в США и притока иммиграции. Безусловно, латиноамериканцы будут занимать всё более значимое место на американском рынке труда и будет повышаться их доля в общем масштабе американской рабочей силы. Во-вторых, за последние годы качество латиноамериканской рабочей силы значительно возросло, во многом они уже превосходят обычных американцев, например, в такой области, как предпринимательство. Более того, представители латиноамериканской диаспоры показывают достаточно высокий уровень интеграции в рабочую сферу [18].

В XXI в. число образованных латиноамериканцев возросло. Процент выпускников средних школ США среди "латинос" вырос с 60% в 1990 г. до 89% в 2016 г. Степень бакалавра получили 13% латиноамериканцев в 2016 г. в сравнении с 3,5% в 1990 г [18]. Хотя эти показатели ниже среднестатистических по стране, можно проследить заметную тенденцию к росту образованности среди латиноамериканцев, проживающих в США.

В США от уровня образования зависит занимаемая должность, а также размер заработной платы. Так, с ростом уровня образования среди представителей латиноамериканской диаспоры в США средняя заработная плата выросла почти в 3,5 раза с 1979 по 2018 гг., но находится на уровне 700\$ в неделю, что значительно уступает средней американской зарплате, которая составляет 900\$ в неделю. Кроме того, среди иммигрантов процент предпринимчивых людей достаточно высок. Данная тенденция стала прослеживаться с начала 2000-х гг. и латиноамериканцы – не исключение. Так, доля американцев латиноамериканского происхождения старше 18 лет, владеющих бизнесом, составляет около 1%, что почти вдвое больше, чем у афроамериканцев в США [18].

Таким образом, процессы адаптации и интеграции латиноамериканцев в социальное, экономическое и политическое пространства становятся одним из ключевых вопросов, связанных с развитием американского общества. Одной из главных причин этому феномену является увеличивающееся с каждым годом количество "латинос", которые оказывают существенное влияние на функционирование всех сфер американского общества. Прогнозируется, что уже к 2050 г. латиноамериканцы станут самой крупной этнокультурной группой в США. На данном этапе латиноамериканцы активно задействованы в политической системе США, демонстрируя высокие показатели вовлеченности избирателей, а также их представленности в различных органах власти. И что характерно, способные воздействовать на ход политических процессов в США, как это случилось на недавних выборах 2022 г. в Конгресс США. Было установлено, что в последние годы, несмотря на пандемию COVID-19 и политику ограничений Дональда Трампа в отношении латиноамериканской иммиграции, у "латинос" возник ещё больший интерес к американской политике. Кроме того, большое число молодых латиноамериканцев способствовало повышению политической заинтересованности "латинос". Латиноамериканцы показывают высокую степень социальной интеграции. Для них свойственно сохранение своих культурных особенностей, например, языка, и в то же время принятие характеристик американского общества. Тем не менее с каждым новым поколением латиноамериканцев, рожденных на территории США, показатели латиноамериканской самоидентификации будут снижаться. Экономическая интеграция латиноамериканцев в США может считаться успешной. Статистические данные указали на то, что "латинос" являются одним из связующих элементов функционирования американской экономики, в частности в кризисное время COVID-19, когда латиноамериканцы заменяли обычных американцев в важнейших областях экономики, борющихся с пандемией. Более того, было выяснено, что без латиноамериканцев будет затруднительно функционирование некоторых областей в американской экономике, например, сельского хозяйства и строительства. Несмотря на высокие показатели интеграции латиноамериканцев в американском обществе, остаётся большое количество проблем, которое связано в том числе со значительным числом нелегальных иммигрантов из стран Латинской Америки, а также стереотипами обычных американцев в отношении "латинос", что иногда может перерасти в дискриминационные настроения к этой этнокультурной группе.

Литература

1. Берри, Дж. Кросс-культурная психология. Исследования и применение / Дж. Берри, А.Х. Пуртинга, М.Х. Сигалл, П.Р. Дасен. Харьков: Гуманитарный Центр, 2007. 560 с.
2. Гарусова, Л.Н., Пигинешева, А.П. Испаноязычные американцы как фактор политической жизни США (1960–2000-е гг.) / Л.Н. Гарусова, А.П. Пигинешева // Россия и АТР. 2008. № 3. С. 127–133.
3. Демократы сохраняют контроль над Сенатом Конгресса США. URL: <https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/16309077> (дата обращения: 04.11.2022)
4. Количество латиноамериканцев в Нижней и Верхней палатах Конгресса США в 1969, 2006 и 2021 гг. URL: <https://bit.ly/3vrQ0nh> (дата обращения: 07.11.2022)
5. Лоббизм в США. URL: <https://bit.ly/2OqDgfl> (дата обращения: 06.11.2022)
6. "Мы к дедушке Джо!" URL: https://lenta.ru/articles/2021/06/19/south_border/ (дата обращения: 11.11.2022)
7. Первая леди США извинилась за сравнение латиноамериканцев с тако. URL: <https://lenta.ru/news/2022/07/12/jill/> (дата обращения: 11.11.2022)
8. 13 States With Recent Hispanic Population. URL: <https://www.usnews.com/news/best-states/slideshows/13-states-with-recent-hispanic-population-growth> (дата обращения: 12.11.2022)
9. Among Americans with Hispanic ancestry, share that identifies as Hispanic or Latino falls across immigrant generations. URL: <https://pewrsr.ch/3tgjLFF> (дата обращения: 11.11.2022)
10. Berry, J. Immigration, Acculturation, and Adaptation / J. Berry // Applied psychology: an international review. 1997. №46 (1). P. 5–68.
11. ECLAC: Social, Economic and Cultural Impact of Migration is Distinctly Positive for Countries of Origin and Destination. URL: <https://bit.ly/389A0Mm> (дата обращения: 17.11.2022)
12. English Usage Among Hispanics in the United States. URL: <https://pewrsr.ch/3NRV2m2Q> (дата обращения: 15.11.2022)

13. Hispanic Americans' Trust in and Engagement With Science. URL: <https://www.pewresearch.org/science/2022/06/14/hispanic-americans-trust-in-and-engagement-with-science/> (дата обращения: 13.11.2022)
14. Hispanic Identity Fades Across Generations as Immigrant Connections Fall Away. URL: <http://www.pewhispanic.org/2017/12/20/hispanic-identity-fades-across-generations-as-immigrant-connections-fall-away/> (дата обращения: 13.11.2022)
15. Hispanic population of the United States in 2019, by state. URL: <https://www.statista.com/statistics/259850/hispanic-population-of-the-us-by-state/> (дата обращения: 14.11.2022)
16. Hispanics in the Labor Force: 5 Facts. URL: <https://blog.dol.gov/2021/09/15/hispanics-in-the-labor-force-5-facts> (дата обращения: 14.11.2022)
17. House Midterm Elections 2022. URL: https://www.nbcnews.com/politics/2022-elections/house-results?cid=election_marquee (дата обращения: 08.11.2022)
18. Huertas, G., Kirkegaard, J.F. The Surprising Economics of Latino Immigration. URL: <https://bit.ly/3uSLsFX> (дата обращения: 10.11.2022)
19. Key Facts about U.S. Latinos for National Hispanic Heritage Month. URL: <https://www.pewresearch.org/fact-tank/2022/09/23/key-facts-about-u-s-latinos-for-national-hispanic-heritage-month/> (дата обращения: 08.11.2022)
20. Latinos now trust politicians even less than before, but have become more politically active. URL: <https://blogs.lse.ac.uk/usappblog/2018/07/26/latinos-now-trust-politicians-even-less-than-before-but-have-become-more-politically-active/> (дата обращения: 08.11.2022)
21. List of Hispanic and Latino Americans in the United States Congress. URL: <https://bit.ly/38bw0uZ> (дата обращения: 16.11.2022)
22. One in Four Black, Hispanic Workers Have Faced Workplace Discrimination In Past Year, Poll Suggests. URL: <https://www.forbes.com/sites/carlieporterfield/2021/01/12/one-in-four-black-hispanic-workers-have-faced-workplace-discrimination-in-past-year-poll-suggests/?sh=2fbd8df66905> (дата обращения: 06.11.2022)
23. Over half of eligible Latinos voted in 2020 – a historic first. URL: <https://www.nbcnews.com/news/latino/half-eligible-latinos-voted-2020-historic-first-rcna899> (дата обращения: 09.11.2022)
24. Social and Economic Impacts of Immigration on U.S. Communities. URL: <https://www.sciline.org/election/summaries/immigration> (дата обращения: 10.11.2022)
25. The Latino Electorate: An Analysis of the 2006 Election. URL: <http://pewhispanic.org/files/factsheets/34.pdf> (дата обращения: 12.11.2022)
26. U.S. Latinos Feel They Can't Be Themselves at Work. URL: <https://hbr.org/2016/10/u-s-latinos-feel-they-cant-be-themselves-at-work> (дата обращения: 15.11.2022)
27. Use of Spanish declines among Latinos in major U.S. metros. URL: <https://www.pewresearch.org/fact-tank/2017/10/31/use-of-spanish-declines-among-latinos-in-major-u-s-metros/> (дата обращения: 17.11.2022).

References

1. Berry, J. Cross-cultural psychology. Research and application / J. Berry, A.H. Poortinga, M.H. Segall, P.R. Dasen. Kharkov: Humanitarian Center, 2007. 560 p. (In Russ.).
2. Garusova, L.N., Piginshcheva, A.P. Hispanic Americans as a factor in the political life of the USA (1960–2000s) / L.N. Garusova, A.P. Piginshcheva // Russia and the Asia-Pacific Region. 2008. No. 3. Pp. 127–133. (In Russ.).
3. Democrats retain control of the US Senate. URL: <https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/16309077> (accessed 04.11.2022) (In Russ.).
4. Number of Hispanics in the Lower and Upper Houses of the US Congress in 1969, 2006 and 2021 URL: <https://bit.ly/3vrQ0nh> (accessed 07.11.2022) (In Russ.).
5. Lobbying in the USA. URL: <https://bit.ly/2OqDgfl> (accessed 06.11.2022) (In Russ.).
6. "We're at Grandpa Joe's!" URL: https://lenta.ru/articles/2021/06/19/south_border/ (accessed 11.11.2022) (In Russ.).
7. US First Lady apologizes for comparing Hispanics to tacos. URL: <https://lenta.ru/news/2022/07/12/jill/> (accessed 11.11.2022) (In Russ.).
8. 13 States With Recent Hispanic Population. URL: <https://www.usnews.com/news/best-states/slideshows/13-states-with-recent-hispanic-population-growth> (accessed 12.11.2022)
9. Among Americans with Hispanic ancestry, share that identifies as Hispanic or Latino falls across immigrant generations. URL: <https://pewrsr.ch/3tgjLFF> (accessed 11.11.2022)
10. Berry, J. Immigration, Acculturation, and Adaptation / J. Berry // Applied psychology: an international review. 1997. №46 (1). P. 5–68.
11. ECLAC: Social, Economic and Cultural Impact of Migration is Distinctly Positive for Countries of Origin and Destination. URL: <https://bit.ly/389A0Mm> (accessed 17.11.2022)
12. English Usage Among Hispanics in the United States. URL: <https://pewrsr.ch/3NRVm2Q> (accessed 15.11.2022)

13. Hispanic Americans' Trust in and Engagement With Science. URL: <https://www.pewresearch.org/science/2022/06/14/hispanic-americans-trust-in-and-engagement-with-science/> (accessed 13.11.2022)
14. Hispanic Identity Fades Across Generations as Immigrant Connections Fall Away. URL: <http://www.pewhispanic.org/2017/12/20/hispanic-identity-fades-across-generations-as-immigrant-connections-fall-away/> (accessed 13.11.2022)
15. Hispanic population of the United States in 2019, by state. URL: <https://www.statista.com/statistics/259850/hispanic-population-of-the-us-by-state/> (accessed 14.11.2022)
16. Hispanics in the Labor Force: 5 Facts. URL: <https://blog.dol.gov/2021/09/15/hispanics-in-the-labor-force-5-facts> (accessed 14.11.2022)
17. House Midterm Elections 2022. URL: https://www.nbcnews.com/politics/2022-elections/house-results?icid=election_marquee (accessed 08.11.2022)
18. Huertas, G., Kirkegaard, J.F. The Surprising Economics of Latino Immigration. URL: <https://bit.ly/3uSLsFX> (accessed 10.11.2022)
19. Key Facts about U.S. Latinos for National Hispanic Heritage Month. URL: <https://www.pewresearch.org/fact-tank/2022/09/23/key-facts-about-u-s-latinos-for-national-hispanic-heritage-month/> (accessed 08.11.2022)
20. Latinos now trust politicians even less than before, but have become more politically active. URL: <https://blogs.lse.ac.uk/usappblog/2018/07/26/latinos-now-trust-politicians-even-less-than-before-but-have-become-more-politically-active/> (accessed 08.11.2022)
21. List of Hispanic and Latino Americans in the United States Congress. URL: <https://bit.ly/38bw0uZ> (accessed 16.11.2022)
22. One in Four Black, Hispanic Workers Have Faced Workplace Discrimination In Past Year, Poll Suggests. URL: <https://www.forbes.com/sites/carlieporterfield/2021/01/12/one-in-four-black-hispanic-workers-have-faced-workplace-discrimination-in-past-year-poll-suggests/?sh=2fbd8df66905> (accessed 06.11.2022)
23. Over half of eligible Latinos voted in 2020 – a historic first. URL: <https://www.nbcnews.com/news/latino/half-eligible-latinos-voted-2020-historic-first-rcna899> (accessed 09.11.2022)
24. Social and Economic Impacts of Immigration on U.S. Communities. URL: <https://www.sciline.org/election/summaries/immigration> (accessed 10.11.2022)
25. The Latino Electorate: An Analysis of the 2006 Election. URL: <http://pewhispanic.org/files/fact-sheets/34.pdf> (accessed 12.11.2022)
26. U.S. Latinos Feel They Can't Be Themselves at Work. URL: <https://hbr.org/2016/10/u-s-latinos-feel-they-cant-be-themselves-at-work> (accessed 15.11.2022)
27. Use of Spanish declines among Latinos in major U.S. metros. URL: <https://www.pewresearch.org/fact-tank/2017/10/31/use-of-spanish-declines-among-latinos-in-major-u-s-metros/> (accessed 17.11.2022)

Информация об авторе

Даниил Андреевич Рыбачук, соискатель степени канд. полит. наук Дальневосточного федерального университета, Владивосток, Россия, e-mail: ska-i@mail.ru

Information about the author

Daniil A. Rybachuk, Applicant for the degree of Candidate of Political Sciences, Far Eastern Federal University, Vladivostok, Russia, e-mail: ska-i@mail.ru

Поступила в редакцию 04.12.2022

Одобрена после рецензирования 09.02.2023

Принята к публикации 16.02.2023

Received 04.12.2022

Revised 09.02.2023

Accepted 16.02.2023

Научная статья
УДК 655+02
<https://doi.org/10.24866/1998-6785/2023-1/147-158>

Американская политика сдерживания Китая как один из негативных факторов развития китайско-европейских отношений в экономической и инвестиционной сферах

Сергей Витальевич Севастьянов
Национальный исследовательский университет "Высшая школа экономики",
Санкт-Петербург, ssevastyanov@hse.ru
Анастасия Андреевна Милькова
Национальный исследовательский университет "Высшая школа экономики",
Санкт-Петербург, milkova.99@mail.ru

Аннотация: В статье исследованы тенденции развития экономических отношений между Китаем и Европой за период 2012–2022 годов и оценено влияние на их формирование американской политики сдерживания Китая. Авторы изучают политику и интересы основных акторов, участвующих в процессе развития сотрудничества между Китаем и Европой в экономической и инвестиционной сферах, отмечая важность для оценки его перспектив дальнейшего изучения взаимоотношений в треугольнике "ЕС-Китай-США".

Ключевые слова: американская политика сдерживания Китая, антикитайские санкции США, внешняя политика, китайско-европейское экономическое и инвестиционное сотрудничество, многостороннее сотрудничество Китая со странами Европы

Для цитирования: Севастьянов С. В., Милькова А. А. Американская политика сдерживания Китая как один из негативных факторов развития китайско-европейских отношений в экономической и инвестиционной сферах // Ойкумена. Регионоведческие исследования. 2023. № 1. С. 147–158. <https://doi.org/10.24866/1998-6785/2023-1/147-158>

Original article
<https://doi.org/10.24866/1998-6785/2023-1/147-158>

The American Policy of Containing China as One of the Negative Factors in the Development of Sino-European Relations in Economic and Investment Spheres

Sergey V. Sevastianov
National Research University Higher School of Economics, St. Petersburg, Russia, ssevastyanov@hse.ru
Anastasia A. Milkova
National Research University Higher School of Economics, St. Petersburg, Russia, milkova.99@mail.ru

Abstract: The article examines the trends in the development of economic relations between China and Europe for the period 2012–2022, and assesses the impact on the formation of the American policy of containment of China. The authors identify policy and interests of key actors that are taking part in development of cooperation between China and Europe in the economic and investment spheres, noting the importance for assessing its prospects of further studying the relationship in the EU-China-US triangle.

Key words: US containment of China policy, US anti-China sanctions, foreign policy, Sino-European economic and investment cooperation, China's multilateral cooperation with European countries

For citation: Sevastianov S. V., Milkova A. A. The American Policy of Containing China as One of the Negative Factors in the Development of Sino-European Relations in Economic and Investment Spheres // Ojkumena. Regional researches. 2023. No. 1. P. 147–158. <https://doi.org/10.24866/1998-6785/2023-1/147-158>

Введение

Значительное усиление внешнеэкономического влияния и активизация китайской политики в области безопасности наглядно свидетельствуют об укреплении позиций Пекина в мире, которое в последние годы в Вашингтоне рассматривают в качестве угрозы для своей гегемонии в его любом регионе и экзистенциальной угрозы самим США [5, с. 123]. При этом, по оценке американского эксперта, подъем Китая постепенно приводит к его более жесткой ориентации на защиту национальных интересов, что, в свою очередь, вынуждает США направлять свои силы на противостояние этой стране, как основной угрозе балансу сил и международной безопасности [19, с. 81].

Президент США Джозеф Байден подтвердил эту позицию, заявив на недавней встрече с Председателем КНР Си Цзиньпином на о. Бали в Индонезии в ходе саммита "Большой Двдцатки", что Вашингтон собирается решительно конкурировать с Пекином, в том числе в тесном сотрудничестве с союзниками и партнерами по всему миру [23]. Китай же, решая перспектив-

ные задачи превращения страны в передовую модернизированную социалистическую державу, не ставит стратегической целью изменение действующего миропорядка, борьбу с США или замену их в качестве мирового лидера. Но при этом он вынужден противодействовать курсу Вашингтона на сдерживание Пекина [5, с. 130].

Столкновение политических и особенно экономических интересов США и Китая имеет место и в Европе, для которой Вашингтон является традиционным партнером в области безопасности и торговли. При этом Китай, являющийся относительно новым актором в этом регионе (Соглашение о торговле между ЕС и КНР было подписано в 1978 г.), все активнее закрепляет за собой статус одного из крупнейших торговых партнеров ЕС. О том, что Китай стал играть все более важную роль в экономической повестке европейских стран, свидетельствует, например, то, что в период с 1998 по 2018 гг. между ЕС и Китаем было проведено более 20 саммитов и 50 секторальных встреч [7, с. 6].

Уместно отметить, что в настоящее время действует много факторов, сдерживающих развитие всего комплекса китайско-европейских взаимоотношений, в том числе, такие как: осуждение ЕС нарушений прав человека в Китае, политика Пекина по отношению к Тайваню, эмбарго ЕС на продажу Китаю вооружений и отказ признать за ним статус государства с рыночной экономикой, антикитайские санкции США и др. Все они имеют существенное значение и достойны отдельного рассмотрения. При этом в данной работе, избрав в качестве основной темы исследования отношения торгово-экономического и технологического партнерства Китая и стран Европы, авторы ограничились своим анализом оценкой влияния на эти отношения только одного из них – политики США по сдерживанию Китая (и, в первую очередь, антикитайских санкций в экономической и технологической сферах).

Для анализа китайско-европейских отношений был избран период 2012–2022 гг. Это связано, во-первых, с приходом к власти в Китае Си Цзиньпина, который внес существенные коррективы во внешне-политический курс и внешне-экономическую стратегию страны, направленные на достижение Пекином более высоких позиций в мировой политике и экономике. Помимо этого, период 2012–2022 гг. отмечен высоким уровнем экономического партнерства Китая и стран Европы, что делает его наиболее привлекательным для оценки воздействия на китайско-европейские отношения такого фактора, как политика США в отношении Китая.

Динамичное развитие экономических отношений между Европой и Китаем происходило с начала XXI в. Что же касается экономического взаимодействия Китая и ЕС в избранный для исследования период, то, по мнению авторов, его можно условно разделить на два этапа: 2012–2017 гг. – развитие сотрудничества и взаимовыгодных отношений; 2018–2022 гг. – осложнение политических отношений и экономического партнерства.

Вопрос оценки действий Вашингтона и их влияния на формирование политики ЕС и отдельных европейских стран в отношении развития экономических отношений с КНР является весьма актуальным и недостаточно освещенным в российском научном дискурсе. При этом в статье для его исследования избрано сотрудничество Пекина с тремя группами стран: ЕС, как с объединением всех стран-членов союза; "Большой тройки" (Великобритания, Франция и Германия); Центральной и Восточной Европы (ЦВЕ) в формате "16+1" (не все из них являются членами ЕС). Подобный подход позволяет авторам наиболее глубоко раскрыть сложность и многогранность отношений Китая с европейским регионом.

Исследовательский вопрос статьи состоит в том, каким образом и в какой степени политика США по противодействию Китаю влияет на характер и тенденции развития двусторонних китайско-европейских отношений в торгово-экономической и технологической сферах? Для ответа на него авторами были поставлены следующие задачи: проанализировать характер экономического и технологического сотрудничества между Китаем и странами Европы в условиях негативного влияния США на европейскую политику в отношении КНР; сравнить тенденции развития этого взаимодействия в ходе двух выделенных периодов развития китайско-европейских отношений в этих сферах; оценить возможные перспективы дальнейшего развития сотрудничества Китая и стран региона.

Для выявления основных тенденций развития китайско-европейских экономических отношений был применен метод их сравнения за два выделенных периода, результаты которого представлены в статье. В ходе исследования в качестве источников авторы использовали статьи российских и иностранных экспертов; официальные выступления государственных лидеров; документы ЕС, касающиеся сотрудничества с Китаем; и различные статистические материалы.

Торгово-экономическое взаимодействие Китая и Европы: поиск и развитие двусторонних форматов сотрудничества (2012–2017 гг.)

С приходом к власти в Китае президент Си Цзиньпин выдвинул несколько новых политико-идеологических концепций ("Азиатской мечты", "Сообщества единой судьбы" и др.) и амбициозных экономических программ ("Один пояс – один путь", "Сделано в Китае 2025" и др.), поддержал стратегию глобализации и вместе с РФ добился повышения значимости таких трансрегиональных институтов, как ШОС и БРИКС [10, с. 389].

С учетом этих новых тенденций развития Китая ставший в 2017 г. президентом США Дональд Трамп быстро изменил прежний американский курс, направленный на содействие включению Китая в мировую экономику, на прямо противоположный и начал против Пекина т.н. "торговую войну". С этого времени в официальных стратегических документах правительства США Китай оценивается как "долгосрочный стратегический конкурент", а американо-китайское соперничество все чаще стало представлять собой "линзу", через которую Вашингтон и его ключевые союзники рассматривают собственную политику на мировой арене [21, с. 11]. Так, в Лондонской декларации НАТО от 2019 г. было впервые заявлено об угрозе оказания Пекином серьезного влияния на международную экономическую политику и безопасность, а в 2018–2019 г. министерство юстиции США в своих официальных заявлениях упоминает о том, что "Китай хочет пожирать плоды интеллектуального потенциала Америки ради достижения запланированного им экономического господства" [13].

Что касается официальных документов ЕС в 2012–2017 гг., то Пекин оценивался в них вполне позитивно как ключевой партнер, являвшийся одним из мировых лидеров. Так, в докладе Европейской Комиссии за 2016 г. делался акцент на усилении роли Китая в мировой политике и экономике, а также усиливающейся взаимозависимости с европейским регионом за счет продвижения инвестиционных программ, единого цифрового рынка, стратегии сотрудничества между государствами "Торговля для всех" [16].

В целом период 2012–2017 гг. стал плодотворным для формирования приоритетов сотрудничества партнеров. При этом, как упомянуто ранее, оценка взаимодействия Китая со странами Европы проведена авторами путем анализа состояния и тенденций развития экономического сотрудничества (таких аспектов, как подписание межправительственных документов, создание новых институтов и платформ взаимодействия, изменение объемов торгового оборота и вложенных иностранных инвестиций и др.) Пекина с тремя основными группами стран: с ЕС, как с объединением всех стран-членов союза; региона Центральной и Восточной Европы и "Большой тройки" (Германия, Франция и Великобритания).

Для политики Пекина в отношении Европы определяющим документом стала Стратегическая программа сотрудничества ЕС и Китая на период с 2013 по 2020 гг. по взаимодействию в интересах "мира, процветания, устойчивого развития и обмена между людьми" [4, с. 2]. В 2016 г. была создана "Платформа связи ЕС-Китай", одной из главных целей которой стал поиск новых форм взаимодействия европейского и китайского транспортных секторов экономики: развития морских, наземных и воздушных транспортных, энергетических и цифровых сетей, инфраструктурных и инвестиционных проектов, например, таких, как трансъевропейская транспортная структура (TEN-Ts¹).

Важным инструментом установления институционального сотрудничества стал проводящийся с 2012 г. Саммит между Китаем и странами Цен-

¹ TEN-T – Trans-European Transport Network (пер. Трансъевропейская транспортная сеть). Проект Европейского союза по созданию широкомаштабных транс-логистических коридоров с Востоком при помощи автодорог, железных дорог, аэропортов и водных инфраструктур.

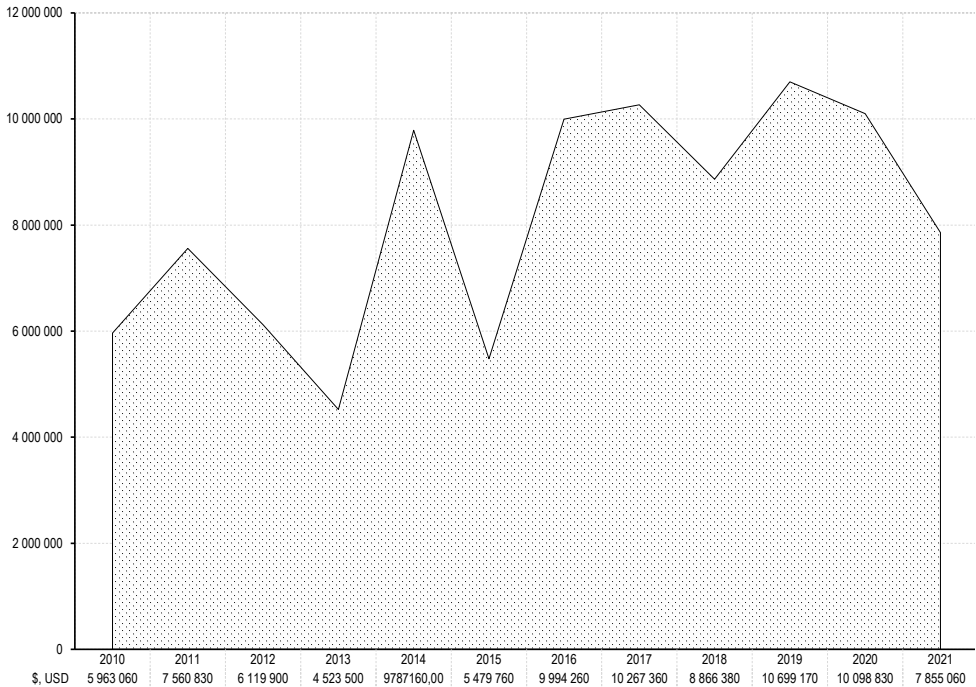

Рис. 1. Китайские внешние инвестиции в страны ЕС (2010–2021)

Fig. 1. Chinese foreign investment in EU countries (2010–2021)

Источник: [15].

Source: [15].

тральной и Восточной Европы в формате "14+1" (в 2013 г. он расширился до "16+1": Албания, Босния и Герцеговина, Болгария, Хорватия, Чехия, Венгрия, Латвия, Литва, Эстония, Македония, Черногория, Польша, Румыния, Сербия, Словакия, Словения плюс Китай). Ключевой особенностью этого саммита является то, что до настоящего времени он является единственным знаковым форматом многостороннего сотрудничества во внешнеполитической и внешнеэкономической областях, действующим вне рамок институциональных структур Европейского союза. Более того, его использование позволило успешно развивать торговое и инвестиционное сотрудничество между сторонами за счет учреждения в 2013 г. специального инвестиционного фонда в объеме 2 миллионов юаней, а также проведения регулярных заседаний глав правительств, встреч национальных координаторов и совещаний министров транспорта.

Два ключевых фактора (регулярность механизмов сотрудничества и относительная свобода в межгосударственном взаимодействии в обход наднациональных европейских институтов) позволили странам ЦВЕ к 2016 г. достичь значительных результатов: объем взаимной торговли между Китаем и странами ЦВЕ в 2016 г. составил 67,98 млрд. долларов (рост более чем в пять раз по сравнению с 13,34 млрд. долларов в 2012 г.), были реализованы крупные инфраструктурные проекты, такие как скоростная железная дорога Будапешт-Белград, сербская трасса E763 и др. [25, с. 1].

Начиная с 2013 г. между Китаем и ЕС осуществлялись переговоры по подготовке Всеобъемлющего Соглашения по инвестициям в целях улучшения защиты инвестиций и облегчение доступа к рынкам. К 2016 г. совокупные китайские инвестиции в странах ЕС достигли 40 миллиардов евро, однако обратной тенденцией стало падение на 23% в 2016 г. (по сравнению с предыдущим годом) инвестиций ЕС в Китай [24, с. 26]. По некоторым оценкам, одной из причин падения европейских инвестиций из ведущих стран ЕС стало более тесное сотрудничество Китая с государствами Центральной и Восточной Евро-

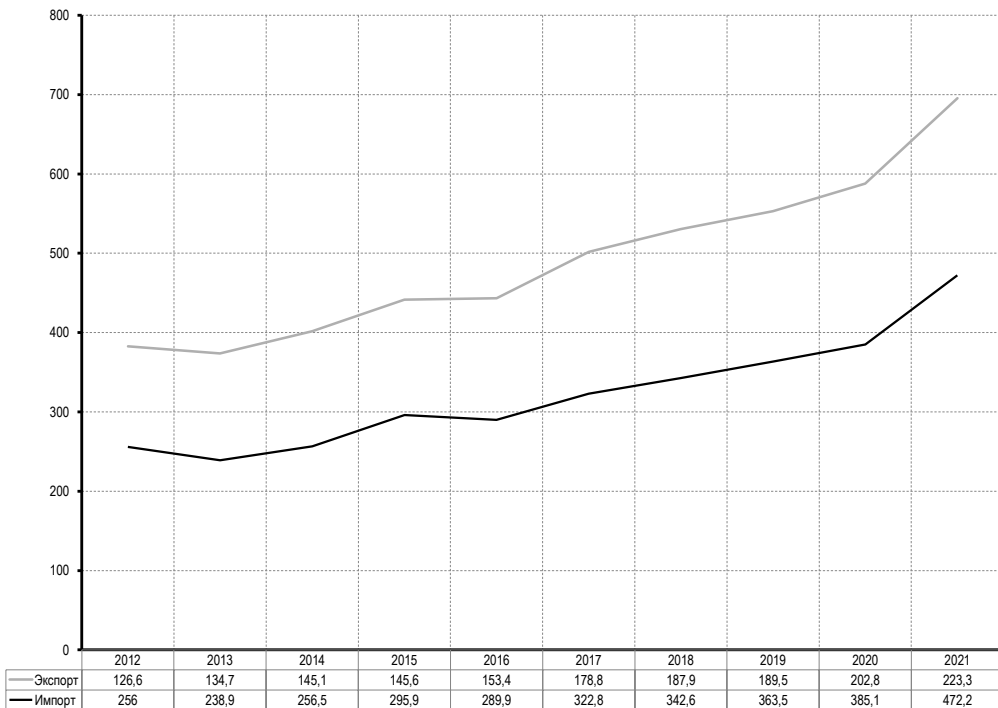

Рис. 2. Экспорт и импорт товаров в торговле ЕС с Китаем (2010–2021)

Fig. 2. Export and import of goods in EU trade with China (2010–2021)

Источник: [22].

Source: [22].

пы. Критика формата "16+1" рядом ведущих европейских государств связана, в первую очередь, с подозрениями в том, что данная инициатива подрывает единство Европейского союза. Российские исследователи также отмечают, что эта инициатива "объективно работает на раздробление общеевропейского пространства" [3, с. 104].

По нашей оценке, привлекательность китайских инвестиционных проектов для стран ЦВЕ действительно в некоторых случаях способна ослабить единство ЕС в принятии решений в отношении Пекина. Например, в 2016 г. на голосование в ЕС был поставлен вопрос об осуждении китайской политики в Южно-Китайском море в связи с принятым Международным судом в Гааге решением о принадлежности спорных территорий в этом регионе не в пользу Китая. При этом по итогам обсуждения Венгрия, Греция, Хорватия и Словения заблокировали возможность принятия итогового Заявления с осуждением китайской политики.

Нет единой политической позиции у стран ЕС и по поводу китайской экономической программы "Один пояс, один путь" (ОПОП). Страны ЦВЕ заинтересованы во взаимодействии с Пекином по её реализации, так как участие в программе дает им возможности получения дополнительных китайских инвестиций в логистические и другие проекты. Тем не менее в апреле 2018 г., согласно докладу Европейского Парламента, 27 из 28 послов в Китае стран-членов ЕС опубликовали отчеты, выражавшие опасения по поводу ОПОП, как противоречащей программам ЕС по либерализации торговли и нарушающей баланс интересов в пользу субсидируемых китайских компаний [24, с. 9].

В отношении стран "Большой тройки" (Германии, Франции и Великобритании) Китай также старался наращивать количество и качество двусторонних торгово-экономических контактов. Так, в марте 2014 г. Си Цзиньпин посетил Германию – традиционно важного партнера КНР в Европе, на ко-

торого приходится треть китайского экспорта в этот регион. Помимо перспектив торговли, были обсуждены вопросы наращивания взаимных инвестиций и активизации стратегического диалога. По состоянию на 2017 г. Германия оставалась для Китая крупнейшим торговым партнером и ключевым экспортером технологий [2].

С Великобританией в период 2014–2015 гг. Китаем были подписаны соглашения о сотрудничестве в области атомной энергетики и строительстве высокоскоростных железных дорог, что стало показателем возросшего доверия со стороны Лондона к китайским технологиям и прорывом в отношениях с одним из лидеров ЕС (на тот момент времени Великобритания еще была членом Европейского союза) [1, с. 127]. В 2016 г. Китай и Великобритания начали совместный проект (объемом инвестиций в 1,3 млн. фунтов стерлингов) в области развития сельскохозяйственных технологий, что стало еще одним знаковым моментом в развитии торгово-экономических отношений.

В целом в 2012–2017 гг. отношения ЕС и Китая еще не были подвержены жесткому давлению со стороны США. Тем не менее уже в этот период Вашингтон проводил политику, направленную как на укрепление отношений со странами ЕС, так и на сдерживание Китая в Европе. Так, с 2015 г. США стали более открыто выражать опасения по поводу экономических программ ОПОП и "Сделано в Китае", которые стали восприниматься ими, как стремление Китая превратиться в мировую державу, противостоящую однополярной системе США [14 с. 72]. С приходом к власти в США в 2016 г. президента Трампа геополитическое противостояние с Китаем, начавшись с разногласий по разделяемым ценностям и стратегическим проектам, стало наиболее заметным в торгово-экономической сфере.

В то же время торгово-экономическое партнерство Китая с Европой в период 2012–2017 гг. успешно развивалось. Одной из причин этого является то, что Пекин применял индивидуальную политику по отношению к каждой группе стран-партнеров в Европе с учетом как собственных, так и их интересов. Так, Китай динамично развивал торговое и инвестиционное сотрудничество со странами ЦВЕ и привлекал их к реализации программы ОПОП. Со странами "Большой тройки" особое внимание Пекин уделял развитию технологического сотрудничества и заключения масштабных торговых соглашений, укрепляющих имидж Китая в Европе как надежного и востребованного партнера. Позитивным было и восприятие Пекина со стороны институтов и стран-членов ЕС в целом. Они рассматривали его в качестве одного из мировых экономических лидеров, с которым с готовностью наращивали сотрудничество в торговой и технологической сферах, а также занимались подготовкой важных договоров, которые должны стать основой для выстраивания отношений Китая с ЕС на перспективу.

Снижение уровня взаимодействия Китая и Европы: усиление влияния США на развитие их дальнейшего сотрудничества (2018–2022 гг.)

Начиная с 2018 г. взаимоотношения Китая с Европой значительно усложнились. Наиболее существенно на них повлияла начавшаяся конфронтация между США и Китаем, которая со временем вышла за рамки торгово-экономической повестки и стала особенно проявляться в технологической сфере. Так, например, резко обострились разногласия между США и Китаем вокруг китайской компании Huawei, добившейся заметных успехов в продвижении на международные рынки, в том числе в Европе, технологии 5G.

Пришедшем к руководству в 2020 г. действующем президенте США Байдене цели на максимальное ослабление и изоляцию Китая остались без изменений, но при этом фокус американской стратегии сместился с односторонних усилий Вашингтона в их достижении на укрепление антикитайского сотрудничества с развитыми демократическими странами. При этом США приступили к реализации стратегии экономического разделения ("decoupling"), и в этой связи китае-центричные глобальные торгово-производственные цепочки (global value chains), в том числе в Европе, стали сталкиваться с серьезными вызовами. Помимо этого, Вашингтон системно продвигает разделение с Китаем в финансовой, технологической и институциональной сферах, особенно в таких передовых секторах, как 5G, искусственный интеллект и современные полупроводники [10, с.389–390].

В этом контексте уместно привести несколько примеров открытого санкционного давления США на принятие ЕС решений о возможности его дальнейшего взаимодействия с Китаем, особенно в сфере высоких технологий. Так, в 2020 г., США внесли в свой черный список несколько корпораций, две из которых играют крайне важную роль для технологического развития Европы: уже упоминавшаяся Huawei и производитель полупроводников SMIC². Это решение негативно повлияло, как на конкурентоспособность предприятий самой Европы, так и на перспективы сотрудничества стран ЕС с Китаем. Например, голландская компания ASML, занимающаяся производством современного оборудования для производства микросхем в Китае, больше не смогла использовать системы SMIC [6]. Таким образом, односторонние антикитайские санкции США оказывают воздействие и на страны Евросоюза, делая для них сотрудничество с китайскими компаниями и доступ на рынки этой страны все более затруднительным. Например, санкции США против Huawei стали тяжелым ударом для государств Европы, на которые приходилось около 25% продаж этой компании.

Европейские государства продемонстрировали различную реакцию на американские санкции. Так, страны "Большой тройки" поддержали решения США по ограничению продвигаемых Huawei технологий 5G на своих территориях. Так, Великобритания запретила развертывать в стране сети 5G, подчеркнув, что к 2027 г. в государственных структурах страны не должно остаться оборудования этой компании. Влияние США в данном вопросе также сказалось на Франции и Германии. Если в 2020 г. эти государства выступали против запрета на распространение сети 5G [9], то в октябре 2022 г. Германия уже выступила одним из сторонников обсуждения с США возможности введения экспортных ограничений против Китая, основываясь на опыте введения санкций против России [11].

Реагируя на действия США по реализации объявленной стратегии "экономического разделения" с Китаем, в 2020 г. Пекин обнародовал экономическую стратегию двойной циркуляции ("dual circulation"). В качестве её компонентов предложено развивать внутреннюю циркуляцию ("internal circulation"), предусматривающую в качестве нового движителя роста производство и потребление товаров внутри Китая, и торгово-производственные цепочки со странами, заинтересованными в экономическом сотрудничестве с Китаем и не так сильно опасющимися давления Вашингтона [10, с. 390].

По нашему мнению, отнести к этой группе большинство государств Европы, и особенно её экономических лидеров, достаточно сложно. Учитывая сложившуюся ситуацию, США не только препятствуют технологическому и экономическому сотрудничеству Китая и Европы, но и пытаются убедить европейские страны в своем преимуществе, напоминая им о важности единства и стабильности сотрудничества в рамках традиционного партнерства. Это негативное влияние на экономические отношения Китая с ЕС уже прослеживается в официальных документах последнего. Если в период 2012–2018 гг. в них отмечалось, что Пекин стал ключевым партнером ЕС, то в докладе Европейской парламентской исследовательской службы за 2021 г. говорится о проблемах в китайско-европейских отношениях в связи с отсутствием открытого доступа к китайскому рынку, что создает трудности в инвестиционных отношениях между ЕС и Китаем [20, с. 1].

Процесс инвестиционного сотрудничества осложняет и то, что в настоящее время правовая база ЕС-Китай основывается на 25 двусторонних инвестиционных договорах, которые государства-члены ЕС подписали с Китаем. При этом двусторонних документов между ЕС и Китаем по условиям либерализации инвестиций не существует, поскольку Соглашение между ними о торгово-экономическом сотрудничестве от 1985 г. не содержит положений о доступе к рынку для инвестиций [20, с. 1]. По данным Европейской Комиссии, совокупный объем ПИИ стран ЕС в Китае в 2019 г. составил 176 млрд. евро, что составляет лишь 4 % ПИИ ЕС в мире, а объем ПИИ Китая в ЕС составлял около 60 млрд. евро, что соответствует 2 % от общего притока ПИИ в ЕС.

² SMIC – Semiconductor Manufacturing International Corporation (пер. Международная корпорация по производству полупроводников)

Проведенный анализ показал, что до начала "торговой войны" и усиления технологического соперничества США и Китая объем внешних китайских инвестиций к 2017 г. (Рис. 1), то есть к концу первого выделенного периода, существенно вырос. В начале второго периода (2018–2019 гг.) эти объемы менялись незначительно, тогда как в 2020–2021 гг., которые совпали с безрезультатными дискуссиями по проектам Всеобъемлющего соглашения об инвестициях между КНР и ЕС, объем внешних инвестиций значительно снизился. В этом контексте важно также отметить, что 14 февраля 2020 г. вступило в силу американо-китайское экономическое и торговое соглашение, которое, по оценкам европейских экспертов, негативно сказалось на инвестиционной и торговой политике Китая в ЕС. Дело в том, что, согласно этому соглашению, тарифы США на китайскую продукцию увеличиваются до 21 %, а вынужденный импорт Китая из США вырастает на 62,6 млрд. долларов, что, в свою очередь, приведет к сокращению импорта из ЕС на 10,8 млрд долларов США [18].

Ответом ЕС на подобные сдерживающие меры могла бы стать ускоренная ратификация важнейшего инструмента для развития финансово-экономических отношений между Китаем и Европой – Всеобъемлющего соглашения об инвестициях между ними. В декабре 2020 г. Европейская комиссия объявила, что принципиальное согласие между лидерами ЕС и Китая по его проекту достигнуто, и что оно ожидает двухсторонней ратификации [17, с. 2]. Однако в марте 2021 г. Европейский парламент вновь разделился по этому вопросу из-за критики действий Китая по отношению к европейским партнерам, а также его обвинения в применении пыток и использовании принудительного труда [12, с. 1].

Торгово-экономические отношения стран ЦВЕ с Китаем также осложнились политическими причинами. В 2019 г. Форум стран ЦВЕ по составу участников достиг пика и какое-то время даже именовался как "17+1" в связи с присоединением Греции. Однако, на фоне обострения отношений с Китаем из-за открытия в Вильнюсе представительства Тайваня, в 2021 г. из этого многостороннего формата сотрудничества вышла Латвия. В 2022 г. Эстония и Литва, отчасти из-за отказа Пекина осудить специальную военную операцию РФ на Украине, также отказались от сотрудничества в формате "16+1" (вернув его к модели "14+1"). Подобные действия стран Прибалтики объясняются совпадением их политических позиций по этим вопросам с США, а не экономическими причинами [8].

Таким образом, противостояние США и Китая в Европе получает глобальное, а не только экономическое измерение и будет иметь место на заседаниях международных организаций и форумов, где обсуждаются проблемы развития торгово-экономических отношений, в том числе с Европой. Яркой иллюстрацией этому является полемика между тремя сторонами (США, ЕС, Китай) в ООН и в рамках G20. Как отмечают эксперты, в обозримой перспективе страны ЕС должны будут выработать единую политику в отношении Китая, в том числе и на глобальном уровне [11, с. 47].

При этом серьезным препятствием для стран ЕС в выстраивании экономических отношений с Китаем остается его государственное устройство, способствующее созданию неблагоприятных условий для доступа иностранных компаний на рынок Китая и обеспечению преференциального доступа на него для собственных предприятий этой страны. Тем не менее для стран Европы сохранение сотрудничества с Китаем на высоком уровне, даже в период обострения противостояния между Пекином и Вашингтоном, остается одним из важнейших стратегических приоритетов. Об этом свидетельствует и рост торгового оборота ЕС с Китаем в течение всего рассматриваемого в работе периода (2012–2022), в том числе в годы введения и действия антикитайских санкций США

Заключение

В настоящее время Европа не является ведущим театром усиливающегося стратегического противостояния Китая и США. Для первого в этом плане наиболее значимы АТР и Евразия, для вторых – Индо-Тихоокеанский регион [10, с. 389–390]. Результаты исследования свидетельствуют о том, что у США и Китая существуют значительные интересы и в Европе, которые не во

всем совпадают. Проведенный анализ китайско-европейского экономического сотрудничества показал, что уровень американско-китайского стратегического противостояния в различной степени влияет на характер поведения отдельных стран ЕС в развитии партнерства с Китаем.

Важной особенностью в выстраивании китайско-европейского сотрудничества стало развитие диалога Пекина со странами ЦВЕ и стремление китайских компаний инвестировать во взаимовыгодные логистические проекты, в том числе в рамках ОПОП, на их территории. Воздействие Вашингтона на экономические взаимоотношения Пекина со странами ЦВЕ было не столь существенно, при этом на решение о выходе трех государств Прибалтики из многостороннего Форума "16+1" повлияли их политические разногласия с самим Китаем.

С приходом к руководству в 2016 г. президента Трампа, резко изменившего политику США в отношении Китая, большинство стран Европейского союза и ЕС, как единая структура, стали проявлять все большую настороженность в отношении проектов китайских компаний в регионе в сферах инвестиционного и финансового сотрудничества. Об этом свидетельствуют как полученные данные о стагнации с 2016 г. китайских инвестиций в ЕС и их снижении с 2019 г., так и изменение в тональности и содержании документов, предлагаемых для обсуждения в Европейской комиссии и Европарламенте в 2020 и 2021 гг. Застопорился диалог как о новых соглашениях по инвестиционной политике Европы в отношении Китая, так и по вопросу ратификации Всеобъемлющего соглашения об инвестициях между ними.

В период 2018-2022 гг. под воздействием жесткого санкционного давления Вашингтона на Пекин значительно пострадали и интересы стран европейской "Большой тройки", которые из-за опасения т.н. "вторичных санкций" со стороны США были вынуждены пойти на существенное ограничение торгово-экономических и особенно технологических связей Китаем.

Отвечая на исследовательский вопрос статьи, следует отметить, что противодействие со стороны США является и продолжит быть одним из долговременных дестабилизирующих факторов для дальнейшего развития инвестиционного сотрудничества Китая и Европы, прежде всего в сферах новых технологий, где применяемые Вашингтоном инструменты санкционного давления особенно чувствительны для участников взаимодействия. Перспективы развития отношений между Китаем и Европой зависят от действий и позиций всех акторов в треугольнике "ЕС-Китай-США". Вашингтон направит основные усилия на обеспечение лояльности европейских партнеров для поддержки национальных интересов США в регионе. Пекин продолжит курс на преимущественное развитие торгово-экономических отношений со странами ЦВЕ, а также на продвижение новых китайских технологических разработок. Что касается стран Европы и Китая, то, несмотря на некоторое осложнение политических отношений, торгово-экономическое сотрудничество между ними за весь рассматриваемый период имело положительную динамику. В дальнейшем продолжится его поступательное развитие, как и поиск новых форм и площадок для взаимодействия.

Литература

1. Виноградов А.О. Асимметричный ответ, или стратегия Китая в глобальном мире // Китайский путь. Истоки и современное состояние. 2015. № 1. С.116–134.
2. Гейтнер П. (22 апреля 2012 г.). Китай в условиях неопределенности дома и в Европе смотрит на Германию // Нью-Йорк Таймс 22.04.2012. URL: <https://www.nytimes.com/2012/04/23/business/global/china-invests-in-germany-amid-uncertainty.html> (дата обращения: 25.01.2023).
3. Жданова Ю.Д., Истомин И.Д. Реакция ЕС на экономическое возвышение КНР // Вестник МГИМО-Университета. 2017. Вып. 5 (56). С. 91–113.
4. Лю И., Авдокушин Е.Ф. Проект "Один пояс, один путь" 2.0 – стратегия стимулирования глобальной экспансии Китая // Мир новой экономики. 2019. С. 67–76.
5. Лукин А.В. Американско-китайское соперничество в АТР: декларация и реальность // Россия в глобальной политике. 2023. Т. 21. № 1. С. 118–137.
6. Наумов А. Трансатлантический удар по Китаю: Вашингтон продолжает политическое и экономическое наступление на Пекин // Газета "Коммерсантъ" № 124. 16.07.2020. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/4417252> (дата обращения: 10.01.2023).

7. Носов М. Г. ЕС и Китай: торговля или стратегия // Современная Европа. 2018. № 6, С. 5–17.
8. РБК. МИД Эстонии объяснил выход из формата "16+1" позицией Китая по Украине, 14.08.2022 URL: <https://www.rbc.ru/rbcfreenews/62f81dd89a7947441be37ceb> (дата обращения: 10.01.2023).
9. Санкции США закрывают компаниям из ЕС доступ на рынок КНР – FT // ИА REGNUM. 23.12.2020. URL: <https://regnum.ru/news/polit/3148834.html> (дата обращения: 10.01.2023).
10. Севастьянов С.В. Одновременные процессы фрагментации и интеграции мировой политики и экономики (на примере Азиатско-Тихоокеанского и Индо-Тихоокеанского регионов) // Материалы Всероссийской конференции РАПН с международным участием / Под ред. О.В. Гаман-Голутвиной, Л.В. Сморгунюва, Л.Н. Тимофеевой. М.: Аспект Пресс, 2022. С. 389–390.
11. СМИ: в США и ЕС обсуждают введение санкций против Китая по примеру России // РИА Новости. 31.10.2022. URL: https://ria.ru/20221031/sanktsii-182807125_6.html (дата обращения: 10.01.2023).
12. Blenkinsop, F. EU-China deal rolls back after tit-for-tat sanctions. // Reuters. 23.03.2021. URL: <https://www.reuters.com/article/us-eu-china-trade-idUSKBN2BF276>. (дата обращения: 02.01.2023).
13. Demers J. Report on the China Initiative // 2018–2019 USC U.S.-China Institute, 11.02.2020.
14. EU-China relations, newsletter // Diplomatic Service of the European Union. / Archived 10.02.2020. Wayback Machine. Brussels. European External Action Service. URL: https://www.eeas.europa.eu/eeas/eu-china-relations-factsheet_en (дата обращения: 04.01.2023).
15. China-EU - international trade in goods statistics// Eurostat statistics 2021. URL: https://ec.europa.eu/eurostat/statisticsexplained/index.php?title=China-EU_-_international_trade_in_goods_statistics (дата обращения: 24.01.2023).
16. Elements for an EU Strategy on China // European Commission. 07.04.2016. URL: http://ec.europa.eu/atwork/pdf/plan_ned_commission_initiatives_2016.pdf (дата обращения: 24.01.2023).
17. The EU and China have reached an agreement in principle on investment. // European Commission. 30.12.2020. URL: https://web.archive.org/web/20201230133832/https://ec.europa.eu/commission/presscorner/detail/en/IP_20_21 (дата обращения: 02.01.2023).
18. Garcia H. A. et. al., EU-China trade and investment relations in challenging times. // Policy Department for External Relations, Directorate General for External Policies of the Union, 2020. URL: [https://www.europarl.europa.eu/RegData/etudes/STUD/2020/603492/EXPO_STU\(2020\)603492_EN.pdf](https://www.europarl.europa.eu/RegData/etudes/STUD/2020/603492/EXPO_STU(2020)603492_EN.pdf) (дата обращения: 24.01.2023).
19. Glaser, Ch. Will China's Rise Lead to War? Why Realism Does Not Mean Pessimism // Foreign Affairs. 2011. Vol. 90, No. 2. P. 80–91.
20. Grieger, Gisela. EU-China Comprehensive Agreement on Investment: Levelling the playing field with China, European Parliamentary Research Service, 2021. p.1. URL: [https://www.europarl.europa.eu/thinktank/en/document/EPRS_BRI\(2021\)679103](https://www.europarl.europa.eu/thinktank/en/document/EPRS_BRI(2021)679103) (дата обращения: 04.01.2023).
21. Lippert, B., Perthes, F. Strategic Rivalry Between the United States and China: Causes, Trajectories and Consequences for Europe // German Institute for International and Security Affairs / SWP Research Paper. 04.04.2020.
22. Ministry of commerce China Outward Investment: EU 2007–2021 // Ministry of commerce European Union, 2023. URL: <https://www.ceicdata.com/en/china/outward-direct-investment-eu-by-industry/outward-investment-eu> (дата обращения: 24.01.2023).
23. Readout of President Joe Biden's Meeting with President Xi Jinping of the People's Republic of China // The White House. 14.11.2022. URL: <https://www.whitehouse.gov/briefing-room/statements-releases/2022/11/14/readout-of-president-joe-bidens-meeting-with-president-xi-jinping-of-the-peoples-republic-of-china/> (дата обращения: 07.12.2022.)
24. Saarela, A. A New Era in EU-China Relations: Broader Strategic Cooperation? // Directorate-General for Foreign Policy of the European Union. 2018. URL: [https://www.europarl.europa.eu/RegData/etudes/STUD/2018/570493/EXPO_STU\(2018\)570493_EN.pdf](https://www.europarl.europa.eu/RegData/etudes/STUD/2018/570493/EXPO_STU(2018)570493_EN.pdf) (дата обращения: 02.01.2023).
25. Sunomar, A. Cooperation between China and Central and Eastern Europe: a promising start, dubious prospects // China-US Focus. 12.06.2017. URL: <https://www.chinausfocus.com/finance-economy/cooperation-between-china-and-central-and-eastern-europe-promising-start-doubtful-outlook> (дата обращения: 01.04.2023).

References

1. Vinogradov A.O. Asymmetric response, or China's strategy in the global world // Chinese way. Origins and current state. 2015. No. 1. P. 116–134. (In Russ.).
2. Geithner P. (April 22, 2012). China looks to Germany amid uncertainty at home and in Europe // The New York Times 04.22.2012. URL: <https://www.nytimes.com/2012/04/23/business/global/china-invests-in-germany-amid-uncertainty.html> (accessed 25.01.2023). (In Russ.).
3. Zhdanova Yu.D., Istomin I.D. EU reaction to the economic rise of China // Bulletin of MGI-MO-University. 2017. Issue. 5 (56). P. 91–113. (In Russ.).

4. Liu I., Avdokushin E.F. The One Belt, One Road 2.0 project is a strategy for stimulating China's global expansion // *World of New Economics*. 2019. P. 67–76. (In Russ.).
5. Lukin A.V. US-China Rivalry in the Asia-Pacific Region: Declarations and reality // *Russia in global politics*. 2023. V. 21. No. 1. P. 118–137. (In Russ.).
6. Naumov A. Transatlantic strike on China: Washington continues the political and economic offensive against Beijing // *Kommersant Newspaper* No. 124. 07.16.2020. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/4417252> (accessed 01.10.2023). (In Russ.).
7. Nosov M. G. EU and China: trade or strategy // *Modern Europe*. 2018. No. 6, P. 5–17. (In Russ.).
8. RBC. The Estonian Foreign Ministry explained the way out of the format "16+1" position of China on Ukraine, 14.08.2022. URL: <https://www.rbc.ru/rbcfreenews/62f81dd89a7947441be37ceb> (accessed 01.10.2023). (In Russ.).
9. US sanctions block access to the Chinese market for EU companies - FT // news agency REGNUM. 12.23.2020. URL: <https://regnum.ru/news/polit/3148834.html> (accessed 01.10.2023). (In Russ.).
10. Sevastyanov S.V. Simultaneous Processes of Fragmentation and Integration of World Politics and Economics (on the Example of the Asia-Pacific and Indo-Pacific Regions) // *Proceedings of the All-Russian Conference of RAPN with International Participation* / Ed. O.V. Gaman-Golutvina, L.V. Smorgunova, L.N. Timofeeva. M.: Aspect Press, 2022. P. 389–390. (In Russ.).
11. Mass media: the US and the EU are discussing the imposition of sanctions against China following the example of Russia // *RIA Novosti*. 31.10.2022. URL: <https://ria.ru/20221031/sanktsii-1828071256.html> (accessed 01.10.2023). (In Russ.).
12. Blenkinsop, F. EU-China deal rolls back after tit-for-tat sanctions. // *Reuters*. 23.03.2021. URL: <https://www.reuters.com/article/us-eu-china-trade-idUSKBN2BF276>. (accessed 02.01.2023).
13. Demers J. Report on the China Initiative // 2018–2019 USC U.S.-China Institute, 11.02.2020.
14. EU-China relations, newsletter // Diplomatic Service of the European Union. / Archived 10.02.2020. Wayback Machine. Brussels. European External Action Service. URL: https://www.eeas.europa.eu/eeas/eu-china-relations-factsheet_en (accessed 04.01.2023).
15. China-EU - international trade in goods statistics// Eurostat statistics 2021. URL: https://ec.europa.eu/eurostat/statisticsexplained/index.php?title=China-EU_-_international_trade_in_goods_statistics (accessed 24.01.2023).
16. Elements for an EU Strategy on China // European Commission. 07.04.2016. URL: http://ec.europa.eu/atwork/pdf/plan_ned_commission_initiatives_2016.pdf (accessed 24.01.2023).
17. The EU and China have reached an agreement in principle on investment. // European Commission. 30.12.2020. URL: https://web.archive.org/web/20201230133832/https://ec.europa.eu/commission/presscorner/detail/en/IP_20_21 (accessed 02.01.2023)/
18. Garcia H. A. et. al., EU-China trade and investment relations in challenging times. // Policy Department for External Relations, Directorate General for External Policies of the Union, 2020. URL: [https://www.europarl.europa.eu/RegData/etudes/STUD/2020/603492/EXPO_STU\(2020\)603492_EN.pdf](https://www.europarl.europa.eu/RegData/etudes/STUD/2020/603492/EXPO_STU(2020)603492_EN.pdf) (accessed 24.01.2023).
19. Glaser, Ch. Will China's Rise Lead to War? Why Realism Does Not Mean Pessimism // *Foreign Affairs*. 2011. Vol. 90, No. 2. P. 80–91.
20. Grieger, Gisela. EU-China Comprehensive Agreement on Investment: Levelling the playing field with China, European Parliamentary Research Service, 2021. P. 1. URL: [https://www.europarl.europa.eu/thinktank/en/document/EPRS_BRI\(2021\)679103](https://www.europarl.europa.eu/thinktank/en/document/EPRS_BRI(2021)679103) (accessed 04.01.2023).
21. Lippert, B., Perthes, F. Strategic Rivalry between the United States and China: Causes, Trajectories and Consequences for Europe // German Institute for International and Security Affairs / SWP Research Paper. 04.04.2020.
22. Ministry of commerce China Outward Investment: EU 2007 – 2021 // Ministry of commerce European Union, 2023. URL: <https://www.ceicdata.com/en/china/outward-direct-investment-eu-by-industry/outward-investment-eu> (accessed 24.01.2023).
23. Readout of President Joe Biden's Meeting with President Xi Jinping of the People's Republic of China // The White House. 14.11.2022. URL: <https://www.whitehouse.gov/briefing-room/statements-releases/2022/11/14/readout-of-president-joe-bidens-meeting-with-president-xi-jinping-of-the-peoples-republic-of-china/> (accessed 07.12.2022).
24. Saarela, A. A New Era in EU-China Relations: Broader Strategic Cooperation? // Directorate-General for Foreign Policy of the European Union. 2018. URL: [https://www.europarl.europa.eu/RegData/etudes/STUD/2018/570493/EXPO_STU\(2018\)570493_EN.pdf](https://www.europarl.europa.eu/RegData/etudes/STUD/2018/570493/EXPO_STU(2018)570493_EN.pdf) (accessed 02.01.2023).
25. Sunomar, A. Cooperation between China and Central and Eastern Europe: a promising start, dubious prospects // *China-US Focus*. 12.06.2017. URL: <https://www.chinausfocus.com/finance-economy/cooperation-between-china-and-central-and-eastern-europ> epromising-start-doubtful-outlook (accessed 01.04.2023).

Информация об авторах

Сергей Витальевич Севастьянов, д-р полит. наук, профессор кафедры политологии и международных отношений Национального исследовательского университета "Высшая школа экономики", Санкт-Петербург, Россия, e-mail: ssevastyanov@hse.ru

Анастасия Андреевна Милькова, магистрант Национального исследовательского университета "Высшая школа экономики", Санкт-Петербург, Россия, e-mail: milkova.99@mail.ru

Information about the authors

Sergey V. Sevastianov, Doctor of Political Sciences, Professor, Department of Political Science and International Relations, National Research University Higher School of Economics, St. Petersburg, Russia, e-mail: ssevastyanov@hse.ru

Anastasia A. Milkova, Master student, National Research University Higher School of Economics, St. Petersburg, Russia, e-mail: milkova.99@mail.ru

Поступила в редакцию 16.01.2023

Одобрена после рецензирования 08.02.2023

Принята к публикации 16.02.2023

Received 16.01.2023

Revised 08.02.2023

Accepted 16.02.2023

Рецензия
УДК 316.4 (082)
<https://doi.org/10.24866/1998-6785/2023-1/159-163>

Блуждание между регионами, или О пользе теории в исторических исследованиях (рецензия на издание "Центр и регионы: экономическая политика правительства на окраинах Российской империи (1894–1917). СПб., 2021")

Ярослав Александрович Барбенко
Дальневосточный федеральный университет, Владивосток, Россия, prohist@ya.ru

Аннотация: Рецензируемое издание посвящено анализу экономической политики правительства в некоторых периферийных регионах Российской империи в конце XIX – начале XX вв. Обзор издания позволил выявить зависимость основ исследования от взглядов изучаемой эпохи, непроработанность терминологической системы, слабость структуры текста как монографического, произвольность подбора регионов для исследования.

Ключевые слова: рецензия, коллективная монография, историческое регионоведение, теория в исторических исследованиях

Для цитирования: Барбенко Я. А. Блуждание между регионами, или О пользе теории в исторических исследованиях (рецензия на издание "Центр и регионы: экономическая политика правительства на окраинах Российской империи (1894–1917). СПб., 2021") // Ойкумена. Регионоведческие исследования. 2023. № 1. С. 159–163. <https://doi.org/10.24866/1998-6785/2023-1/159-163>

Review
<https://doi.org/10.24866/1998-6785/2023-1/159-163>

Wandering between Regions, or On the Use of Theory in Historical Research (Review of "Center and Regions: Economic Policy of the Government on the Outskirts of the Russian Empire (1894–1917). St. Petersburg, 2021")

Yaroslav A. Barbenko
Far Eastern Federal University, Vladivostok, Russia, prohist@ya.ru

Abstract: The reviewed publication is the analysis of the government's economic policy in some peripheral regions of the Russian Empire in the late 19th and early 20th centuries. The review of the publication revealed the dependence of the research foundations on the approaches of the studied era, the lack of development of the terminology system, the weak structure of the text as a monographic, and the arbitrariness of the selection of regions for research.

Key words: review, collective monograph, historical regional studies, theory in historical studies

For citation: Barbenko Ya. A. Wandering between Regions, or On the Use of Theory in Historical Research (Review of "Center and Regions: Economic Policy of the Government on the Outskirts of the Russian Empire (1894–1917). St. Petersburg, 2021") // Ojkumena. Regional researches. 2023. No. 1. P. 159–163. <https://doi.org/10.24866/1998-6785/2023-1/159-163>

В поисках глобального научного успеха мы часто забываем, что малый жанр (очерки и статьи) представляет собой особый, самодовлеющий мир, который служит надёжной основой научных достижений. Специфика малого жанра становится по-настоящему ощутима по мере попыток создания более сложных произведений, требующих новых способов организации материала, которые соответствуют росту масштаба познавательных задач. Такими сложными произведениями являются коллективные монографии, которые складываются не только (и не столько) стараниями авторов разделов, но в большей степени трудами редакторов и ведущих авторов, контролирующих развитие монографии как целого.

Рецензируемая монография [7] является результатом работы большого коллектива, трудившегося в течение нескольких лет [1] и избравшего предметом научных изысканий региональную экономическую политику Российской империи последних двух десятилетий её существования. Широкий территориальный охват исследования (Дальний Восток, Средняя Азия, Кавказ, Западный край и Прибалтика) и его сфокусированность на анализе политики унификации не всегда согласованного законодательства и гетерогенного экономического пространства империи делают проект крайне актуальным и в чисто познавательном смысле, и в плане подготовки практических решений (благо в последние пару лет федерализм в России оказался опять востребован). Такая география исследования открывает перспективу синтеза нового

знания о регионах, региональной политике империи вообще, а оригинальная задача создаёт возможность углубить этот синтез.

К сожалению, средства, избранные для реализации потенциала данного исследования, оказались недостаточными. В первую очередь, я имею в виду способ организации данной монографии, отразившийся в её структуре, а также особенности теоретической основы исследования. Книга составлена из ранее опубликованных текстов¹, что позволяет не останавливаться подробно на содержании работы. Для сжатого знакомства с содержанием данной монографии читатель может обратиться к реферату первого издания этой книги², опубликованному в одном из сборников ИНИОН РАН [3].

Начну с теории, поскольку её особенности сказываются на структуре публикации и, естественно, на результатах работы авторского коллектива.

Особенностью понятийной системы данного исследования является использование большого количества близких по значению, но содержательно не прояснённых терминов. Самыми первыми двумя словами исследования, как понятно из его темы, являются "центр" и "регионы". Впоследствии круг терминов расширяется: только во вводном разделе упоминаются "провинция", "регион", "окраина", "национальные регионы", "губернии... находящиеся на периферии", "регион-окраина", "пограничный регион", "новые территории", "периферия", "национальные окраины", "имперская периферия", а также "центр", "метрополия", "империя", "гегемон", "столица". Всё это пёстрое разнообразие не имеет никакого объяснения и внятной дифференциации, никакой поддержки со стороны авторов, кроме утверждения о том, что в дореволюционное время понятие окраины трактовалось широко [7, с. 7], было устоявшимся уже тогда, и поэтому не нуждается в "подробном пояснении" [7, с. 17].

В самом первом абзаце введения авторы приравнивают окраину и регион, не объясняя основания для такой позиции, по сути, просто играя словами [7, с. 7]. Заглянув в любой общедоступный словарь, мы можем обнаружить, что "окраина" есть окраинная территория, периферия, а "регион" есть нечто целостное, отличное от других целостностей, однородная территория. Может ли окраинность быть характеристикой региона? Правильнее было бы говорить о том, что критерием выделения региона могут быть какие-нибудь следствия окраинного положения (например, нетипичный для соседних этнический состав населения данной территории). Но даже если и сделать окраинность характеристикой региона, разве можно два этих феномена, находящихся в иерархических отношениях, отождествлять?³

В структуру монографии включена глава 3 "Маньчжурия накануне и в годы Первой мировой войны". Также в составе главы 1 находится параграф "Дальний Восток России и Северо-Восток Китая в планах русской военной элиты конца XIX – начала XX века". Но на каком основании в исследование, посвящённое России, её "центру и регионам" включается раздел, описывающий "регион" другого государства? Безусловно, исследование может иметь логику, позволяющую в процессе изучения окраин Российской империи анализировать опыт смежных окраин Цинской империи и Китайской республики⁴. Но какова она, эта логика, я определить не смог: в тексте обеих указанных глав Маньчжурия явно противопоставляется территориям в пределах Российской империи. Далее, исходя из структуры монографии и установок исследования, изложенных во введении, можно думать, что Маньчжурия является одним из "регионов-окаин" Российской империи. В основной же части находим сле-

¹ Обсуждаемая работа является одним из результатов исследовательского проекта, поддержанного РФФИ, грант 18-18-00142 "Центр и регионы: экономическая политика правительства на окраинах Российской империи (1894–1917)" [1; 2].

² Оба издания, за исключением некоторых регистрационных данных, идентичны.

³ Вообще-то можно, такой приём в литературоведении называется метонимией, однако использование метонимии в качестве средства научного исследования неэффективно и даже вредно, ведь в результате метонимизации происходит смешение или подмена понятий и, следовательно, явлений.

⁴ При этом непонятно, почему для "окаин" других соседей (это могли быть Восточный Туркестан, Афганистан, Иран, Турция...) в структуре исследования не нашлось места?

дующие утверждения: "После окончания русско-японской войны была принята попытка перенести Городовое положение 1892 г. на *дальневосточные окраины и колонизируемые территории Маньчжурии* <...> Министр финансов оставался сторонником соблюдения *международных обязательств* и предлагал введение общественного управления в Харбине по образцу иностранных концессий" (выделено мной – Я. Б.) [7, с. 90]. В данном случае (и он не единственный такого рода) авторы раздела, в отличие от авторов введения, разводят "окраины" и "колонии" в качественном отношении. Налицо не просто расхождение установок разных частей исследования, а само по себе на некотором его этапе вполне допустимое и, возможно, даже полезное. Важно, что такие противоречия между частями книги никак не комментируются и не разрешаются, из чего возникает вопрос: "А точно ли это монография?"

Механическое заимствование концепта "окраина" из языка прошлого для того, чтобы положить его в основу метода изучения того же прошлого, не просто превращает историка начала XXI века в экономиста, публициста или, не дай бог, геополитика начала XX-го, но в принципе противоречит основам научно-исторического знания. В результате мы можем наблюдать оправдание прошлого через некритическое его воспроизведение, как можно видеть на примере отнесения Маньчжурии к "окраинам" России. Внешне похожее заимствование инструмента из познаваемой реальности можно видеть, например, в формуле "центр и регионы" у Р. Ф. Туровского, однако данный автор определяет "центр" как "государство в целом" [6, с. 17], то есть центр сам может пониматься как регион более высокого уровня, а значит эта неуклюжая (зато активно используемая в практике управления) формула не имеет такого противоречивого характера, как в обсуждаемой монографии. Также важно отметить, что Туровский занимается исследованием собственно политических отношений, более же широкий круг исследователей территориальных общественных систем предпочитает рассуждать в терминах центра и периферии [4]. Последний подход позволяет различать центральные и периферийные регионы, которые не являются вложенными, как в предыдущем случае, но тем не менее могут образовывать иерархию.

Сомнения, связанные с квалификацией Маньчжурии и невнятностью понятийного языка, порождают вопрос о принципах подбора "регионов-окраин": если Польша и Финляндия исключены из исследования как достаточно изученные [7, с. 8], то почему в круг интересов исследовательского коллектива не вошли окраинные Русский Север и Сибирь? Наверное, потому что Север не входил в "широкую трактовку термина "окраины"" начала XX в.? А Сибирь, на фоне Дальнего Востока, уже недостаточно окраинная? Тогда почему Западный край – "окраина", ведь относительно него есть ещё бóльшая окраина – Польша? Анализ и критика терминологии начала XX в., а также формулирование понятийного аппарата данного конкретного исследования могли бы предотвратить многие недостатки обсуждаемой монографии, в том числе сделав её более самостоятельной и последовательной.

В издании не раз упоминается коллективный характер исследования, однако во введении указано, что "главы книги состоят из очерков, в которых рассматриваются *отдельные сюжеты* из экономической истории *ряда регионов*" [7, с. 8] (выделено мной – Я. Б.). Эта фраза полностью противоречит генеральной установке на коллективный и монографический характер исследования: каждое из выделенных понятий говорит нам об изолированности и произвольности предмета каждого частного исследования внутри данного проекта. Чтобы "избежать схематизма", авторы не стремились дать "подробную историю" (это же детальность!) и отказались от "энциклопедичности" (это же систематичность!), "вместо этого авторы предпочли ограничить себя отдельными проблемами" [7, с. 8]. Каким же образом из указанных предпосылок может получиться совместное исследование одной проблемы, предполагаемое жанром монографии? Когда из фрагментарных данных пытаются вывести суждение о всей совокупности фактов или обо всей системе, это и есть схематизм!

Одной из особенностей композиции данной книги являются слабые связи её составляющих. Особенно это заметно на примере частей, посвящённых конкретным "регионам-окраинам", но также касается и глав, и параграфов. С учётом того, что каждый из параграфов изначально создавался как закон-

ченное произведение и в таком качестве уже был опубликован, обсуждаемая монография должна иметь серьёзные средства интеграции всего этого многообразия: ведущим авторам требовалось сформулировать и сформировать "центр" монографии, объединяющий её "регионы-параграфы" в коллективный монографический труд. Признаком такой "централизации" "регионов" являются вводные, а, главное, заключительные комментарии для элементов каждого уровня: параграфов, глав и частей. Эти комментарии создают единое смысловое "...пространство в разных по уровню развития регионах..." монографии. Можно принять, что вводные для частей представлены во введении, по масштабу сопоставимом с главами. Заключения же для частей отсутствуют, то есть в целом по каждому из регионов авторам нечего заключить. С другой стороны, как было сказано во введении, "главы книги состоят из очерков, в которых рассматриваются отдельные сюжеты": соответственно не стоит ждать и обобщений⁵. Заключение книги неожиданно встречает нас обобщениями по каждой части (это в стиле сего издания – вводные от частей находятся в общем введении), но можно ли там найти обобщение по "экономической политике России в "регионах-окраинах" в период царствования Николая II"? В каждом отдельном "регионе-окраине", как уже говорилось, – да, но обобщение по политике в "регионах-окраинах" в целом – нет. Тогда непонятно, в чём смысл использования понятия "регион", да ещё и на обложке издания?

Итак, очевидно, что обсуждаемый труд страдает от недостатка теории, что не только не позволяет раскрыться содержанию разделов, изолированных в частях и главах и сегрегированных во вводном и заключительном разделах. Непроработанность понятийного аппарата сказывается в произвольном подборе "регионов" и необоснованном смешивании "регионов" Российской империи и смежного государства.

Как признаётся современными методологами, историческое исследование не обязано быть теоретически насыщенным [5, с. 312–316]. В данном же случае нерешённость концептуальных вопросов порождает незаконченный продукт, ценность которого ниже (в силу противоречивости и запутанности установок) ценности совокупности статей, из которых он состоит. Да, в историческом исследовании теория может быть и не развёрнута, но она должна быть и должна работать. В обсуждаемом же тексте я не смог найти признаков сознательного использования теоретических средств и задаю себе вопрос: так ли уж нужна "монография", механически составленная из уже опубликованных текстов? Её смысл как продукта научного труда можно признать только в том случае, если каждая из статей, ставшая основой параграфа, будет иметь возможность сказать что-то большее, чем в ней уже написано. Однако произойти это сможет только в общем теоретическом контексте, который сможет объединить, систематизировать и поднять выводы отдельных авторов на более высокий уровень, уровень понимания окраин как типичного явления, а не серии произвольно избранных частных случаев. Так что пожелаем авторам данного труда третьего издания, в котором они смогут придать своему исследованию не только коллективный, но и монографический характер.

Литература

1. Грант РФФ 18-18-00142 "Центр и регионы: экономическая политика правительства на окраинах Российской империи (1894–1917)" // Санкт-Петербургский государственный университет. URL: <https://history.spbu.ru/nauka/science-projects/1839-2018-project-khodyakov.html> (дата обращения: 14.11.2022).
2. Карточка проекта, поддержанного Российским научным фондом // Российский научный фонд. URL: <https://www.rscf.ru/project/18-18-00142/> (дата обращения: 14.11.2022).

⁵ Из десяти глав я смог однозначно распознать заключения только в одной из них — главе 6 "Деятельность российских кредитно-финансовых организаций в Средней Азии...", из 30 параграфов достоверными заключениями обладают всего 16 и ещё 6 имеют какое-то их подобие; остальные параграфы просто обрываются на изложении исторического материала. Из совокупности глав только главы 3, 6 и 10 имеют законченные параграфы, а в главах 2 и 5 и сами они, и параграфы их составляющие либо не имеют заключений, либо их заключения формальны, а не содержательны: нового, синтезированного знания в них нет, а есть лишь общие слова типа "ну вот так-то оно и случилось".

3. Комзолова А. А. [Реф.] // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Сер. 5: История. М.: ИНИОН. РАН, 2021. № 4. С. 185–188. Реф. кн.: Центр и регионы: Экономическая политика правительства на окраинах Российской империи (1894–1917) / А. А. Иванов, А. Э. Котов, В. Л. Степанов, А. В. Мамаев, Э. О. Сагинадзе, Е. О. Старовойтова, Б. А. Алимджанов, Г. М. Слободзян ; Д. Г. Янченко, М. В. Ходяков (отв. ред.). СПб.: Изд-во С.-Петербурга. ун-та, 2020. 660 с.

4. Преображенский Ю. В. Подходы к выявлению центра и периферии // Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. Наука о Земле. 2016. Т. 16, вып. 4. С. 216–221. DOI: 10.18500/1819-7663-2016-16-4-216-221.

5. Савельева И. М., Полетаев А. В. Знание о прошлом: теория и история: В 2 т. Т. 1: Конструирование прошлого. СПб.: Наука, 2003. 632 с.

6. Туровский Р. Ф. Баланс политических отношений между центром и регионами в процессах государственного строительства. Автореферат дис. ... доктора полит. наук. М., 2007. 55 с.

7. Центр и регионы: экономическая политика правительства на окраинах Российской империи (1894–1917) / Д. Г. Янченко, М. В. Ходяков (отв. ред.), А. А. Иванов, А. Э. Котов, В. Л. Степанов, А. В. Мамаев, Э. О. Сагинадзе, Е. О. Старовойтова, Б. А. Алимджанов, Г. М. Слободзян. 2-е изд. СПб.: Изд-во С.-Петербурга. ун-та, 2021. 660 с.

References

1. Grant of the Russian Science Foundation 18-18-00142 'Center and regions: economic policy of the government on the outskirts of the Russian Empire (1894–1917)'. // St. Petersburg State University. URL: <https://history.spbu.ru/nauka/science-projects/1839-2018-project-khodyakov.html> (accessed 14.11.2022) (In Russ.).

2. Project supported by the Russian Science Foundation. // Russian Science Foundation. URL: <https://www.rscf.ru/project/18-18-00142/> (accessed 14.11.2022) (In Russ.).

3. Komzolova A. A. [Ref.] Social and Humanitarian Sciences. Russian and foreign literature. Ser. 5: Istoriya [History], Moscow: INION, 2021, issue 4. Book ref.: Center and Regions: Economic Policy of the Government on the Outskirts of the Russian Empire (1894–1917). Ivanov, A. A., Kotov, A. E., Stepanov, V. L., Mamaev, A. V., Saginadze, E. O., Starovoitova, E. O., Alimdzhanov, B. A., and Slobodzyan, G. M.; D. G. Yanchenko, M. V. Khodyakov (ed.) St. Petersburg: St. Petersburg University Press, 2020, 660 p. (In Russ.).

4. Preobrazhenskii Yu. V. Approaches to identifying the center and periphery. Izv. Sarat. un-ta. New ser. Ser. Earth sciences. 2016. Vol. 16, issue 4. P. 216–221. DOI: 10.18500 / 1819-7663-2016-16-4-216-221 (In Russ.).

5. Savel'eva I. M., Poletaev A. V. Knowledge about the past: theory and history: In 2 vols. Vol. 1: Constructing the past. St. Petersburg: Nauka Publ., 2003, 632 p. (In Russ.).

6. Turovskii R. F. Balance of political relations between the center and regions in the processes of state construction. Abstract... by Dr. polit. Moscow, 2007, 55 p. (In Russ.).

7. Center and Regions: economic Policy of the Government on the Outskirts of the Russian Empire (1894–1917) / D. G. Yanchenko, M. V. Khodyakov (ed.), A. A. Ivanov, A. E. Kotov, V. L. Stepanov, A. V. Mamaev, E. O. Saginadze, E. O. Starovoitova, B. A. Alimdzhanov, G. M. Slobodzyan. 2nd ed., St. Petersburg: St. Petersburg University Press, 2021, 660 p. (In Russ.).

Информация об авторе

Ярослав Александрович Барбенко, канд. ист. наук, доцент кафедры политологии Дальневосточного федерального университета, Владивосток, Россия, e-mail: prohist@ya.ru

Information about the author

Yaroslav A. Barbenko, Candidate of Historical Sciences, Associate Professor, Department of Political Science, Far Eastern Federal University, Vladivostok, Russia, e-mail: prohist@ya.ru

Поступила в редакцию 23.01.2023

Received 23.01.2023

Принята к публикации 16.02.2023

Accepted 16.02.2023

Столкновение с новыми вызовами: влияние COVID-19 на восприятие нетрадиционных аспектов безопасности в Юго-Восточной Азии

Иван Николаевич Золотухин
Дальневосточный федеральный университет, Владивосток, Россия, zolivnik@mail.ru

Аннотация: Статья представляет собой рецензию на коллективную монографию "Нетрадиционные проблемы безопасности в условиях новой нормальности", изданную Школой международных исследований им. С. Раджаратнама Наньянского технологического университета (Сингапур) и посвящённую оценке и видению ведущими экспертами и аналитиками ситуации в Юго-Восточной Азии (ЮВА) в результате столкновения региона с COVID-19. В рецензии отражены последствия влияния пандемии на региональную систему противодействия нетрадиционным вызовам безопасности, даётся оценка её эффективности перед лицом новых угроз, предлагаются варианты достижения устойчивой безопасности и благоприятной среды для жизни в ЮВА.

Ключевые слова: Юго-Восточная Азия, АСЕАН, нетрадиционные проблемы безопасности, новая нормальность, гуманитарная помощь, новые угрозы, устойчивая безопасность

Исследование выполнено при финансовой поддержке Фонда ДВФУ и Дальневосточного федерального университета. Проект № 22-08-06-006

Для цитирования: Золотухин И. Н. Столкновение с новыми вызовами: влияние COVID-19 на восприятие нетрадиционных аспектов безопасности в Юго-Восточной Азии // Ойкумена. Регионоведческие исследования. 2023. № 1. С. 164–169. <https://doi.org/10.24866/1998-6785/2023-1/164-169>

Review
<https://doi.org/10.24866/1998-6785/2023-1/164-169>

Facing New Challenges: The Impact of COVID-19 on Non-Traditional Security Issues in Southeast Asia

Ivan N. Zolotukhin
Far Eastern Federal University, Vladivostok, Russia, zolivnik@mail.ru

Abstract. The article reviews the book "Non-Traditional Security Concerns in the New Normal", published by the S. Rajaratnam School of International Studies of the Nanyang Technological University (Singapore). The review analyzes the assessment and vision by leading scholars of the situation in Southeast Asia (SEA) in the aftermath of facing region COVID-19. The article reflects the consequences of the impact of the pandemic on the regional system of countering non-traditional security challenges and assesses its effectiveness in the face of new threats. The options for achieving sustainable security and a favorable environment for life in Southeast Asia are also pointed out.

Key words: Southeast Asia, ASEAN, non-traditional security concerns, new normal, humanitarian assistance, novel threats, sustainable security

The study was financially supported by the FEFU Foundation and the Far Eastern Federal University. Project No. 22-08-06-006

For citation: Zolotukhin I. N. Facing New Challenges: The Impact of COVID-19 on Non-Traditional Security Issues in Southeast Asia // Ojkumena. Regional researches. 2023. No. 1. P. 164–169. <https://doi.org/10.24866/1998-6785/2023-1/164-169>

Высокая интенсивность потока международных событий последних нескольких лет ведёт к трансформации мироустройства, ставит под сомнение эффективность казавшихся незыблемыми правил и институтов. Характер происходящих на международной арене изменений заставляет государства остро реагировать на проблемы, исходящие из внешней среды, поскольку те могут представлять экзистенциальные угрозы для различных социальных групп. Перемены в международных отношениях несут риски и неопределённости, которые позволяют говорить о новой нормальности¹. Данный термин, впервые возникший в годы Великой депрессии, стал популярен после пандемии COVID-19, вызвавшей худшее, чем мировой финансовый кризис 2007–2008 гг., падение темпов роста международной экономической системы.

Проверив на прочность мировую экономику и послужив индикатором устойчивости мировой системы здравоохранения, пандемия COVID-19 вскрыла массу проблем, с которыми пришлось столкнуться практически всем государствам в борьбе с коронавирусом и поставила под вопрос их готовность

¹ Новая нормальность или новая реальность (new normal) – быстрое возникновение новых явлений, которые становятся нормой для общества. Однако развитие новых явлений трудно прогнозировать, что ведёт к снижению их предсказуемости и влечёт рост неопределённости [1].

противодействовать новым вызовам нетрадиционной безопасности, а следовательно, уметь успешно функционировать в условиях новой нормальности.

Коронавирус обнажил слабые стороны государств и их объединений в борьбе с кризисными явлениями, масштабы влияния которых оказались несопоставимы с первоначальными ожиданиями политиков и обывателей, показав необходимость глубокого анализа процессов, меняющих конъюнктуру международных отношений и их последствий для мироустройства. На этом фоне представляется интересным изучение деятельности Ассоциации государств Юго-Восточной Азии (АСЕАН), основополагающего механизма регулирования международных процессов и важнейшего института в обеспечении устойчивой региональной среды безопасности, в преодолении последствий коронакризиса. Недавно выпущенная Наньянским технологическим университетом (ведущим исследовательским вузом ЮВА) коллективная монография "Нетрадиционные проблемы безопасности в условиях новой нормальности" [3] содержит мнения ведущих экспертов в области нетрадиционных вызовов и угроз касательно того, что представляет собой новая нормальность для ЮВА, как к ней подготовиться, как справиться с её негативными проявлениями и каковы будут её последствия.

Во вводной главе "Перспективы нетрадиционной безопасности в условиях новой нормальности" авторы Хосе Луис Монтескарос и Мели Кабальеро-Энтони обращают внимание на деструктивный характер пандемии COVID-19, расколовшей мир на два периода: доковидный и постковидный, перевернувшей образ жизни людей и их прежние представления о благополучной и комфортной жизни. Отмечая пагубное влияние пандемии на международную торговлю и трудовую интеграцию, авторы не отрицают вероятность деглобализации планетарного пространства и обострения нетрадиционных вызовов и угроз. Подобный сценарий вредит интересам стран ЮВА и ставит под удар позиции АСЕАН как успешного регионального интеграционного проекта. Связывая формирование контуров новой нормальности в ЮВА с необходимостью противодействовать нетрадиционным проблемам безопасности и их негативным последствиям, авторы подводят читателя к содержательной части монографии, где освещаются данные проблемы, начиная с продовольственной безопасности и заканчивая гендерным неравенством.

В главе "Достигла ли Юго-Восточная Азия нового уровня продовольственной безопасности?" Хосе Луис Монтескарос приходит к выводу, что пандемия поспособствовала повышению уровня безработицы и бедности, усугубив ранее существовавшие социальные и экономические трудности, ограничивавшие доступность продовольствия для малоимущих категорий населения. Исследователь отмечает, что COVID-19 привёл к сбою в производстве продуктов питания и снижению продуктивности сельского хозяйства, а также усилило нестабильность в торговле продуктами питания и в системе цепочек их доставки. Говоря о панических закупках в супермаркетах, вызванных обеспокоенностью населения нехваткой продовольствия и возможным ростом цен, автор проводит параллели с ситуацией во время мирового продовольственного кризиса 2007–2008 гг.

Вместе с тем, описывая деструктивное воздействие пандемии на продовольственную безопасность в ЮВА, исследователь утверждает, что COVID-19 не создаёт принципиально новых проблем, но дает импульс к изучению преобразующих усилий для улучшения реализации инициатив по поддержке продовольственного и сельскохозяйственного сектора. Не отрицая активизации общественных действий в преодолении продовольственных проблем, автор возлагает главную роль в их решении на государство, способное не только контролировать поставки продуктов питания, но и внедрить цифровые технологии в их производство и распределение. Таким образом, COVID-19 должен подтолкнуть страны региона к ускорению темпов решения проблем продовольственной безопасности путём институциональных и технологических инноваций в сельском хозяйстве и в государственных сетях социальной защиты. При этом автор подчеркивает важность обеспечения открытой и беспрепятственной торговли товарами, отводя государственному вмешательству исключительно функцию заботы о населении.

В главе 3 "Тройной планетарный кризис. Устойчивый человекоцентричный подход" Маргарет Сембринг критикует доминирующий в между-

народном сообществе принцип приоритета человеческих потребностей над охраной окружающей среды, показывая его неэффективность в решении экологических проблем и губительность для человечества. Несмотря на то, что человекоцентричный подход опирается на экономическое и социальное развитие как инструмент защиты природы, очевидно, что развивающиеся страны не готовы увеличивать расходы на экологию, а экономически развитые в интересах прибыли продолжают эксплуатацию ограниченных природных ресурсов. В условиях потребительского отношения к природе ставка на технический прогресс как фактор снижения нагрузки на окружающую среду не оправдывает себя. В результате проблемы исчерпаемости природных богатств становятся благодатным полем для неисчерпаемых дискуссий о глобальном управлении окружающей средой, деградация которой не может не коснуться условий существования людей, заставляя их вновь обратиться к экологии.

На фоне пандемии COVID-19 в 2020 г. Программа Организации Объединенных Наций по окружающей среде выделила три одновременных неотложных экологических проблемы (изменение климата, утрата биоразнообразия и целостности экосистем, а также загрязнение окружающей среды) [4] в качестве основополагающих элементов "тройного планетарного кризиса". Пандемия стала не только доказательством того, что последствия разрушения окружающей среды могут застать общество врасплох, но и поставило под вопрос эффективность технологических достижений в решении экологических проблем. Тем самым COVID-19 как угроза жизни человечеству вновь напомнил обществу об альтернативных концепциях к решению экологических проблем. ЮВА, серьезно страдающая от изменений климата и последствий антропогенной нагрузки на окружающую среду, нуждается в комплексной региональной экологической повестке, в которой как минимум должны быть отражены различные подходы касательно воздействия окружающей среды на жизнь человека. В свою очередь, альтернативные концепции должны быть вынесены на передний план межрегиональных и глобальных дискуссий для выработки новой парадигмы, наиболее подходящей для реагирования на "тройной планетарный кризис".

Адаптация к условиям новой нормальности заключается также в поиске новых возможностей для изменения подходов к решению нетрадиционных проблем безопасности. В главе 4 "От пандемии к пластику. Растущая роль ядерных технологий в решении нетрадиционных вызовов безопасности" Юлий Сезар Траяно затрагивает проблему использования мирного атома в ЮВА. На протяжении последних нескольких десятилетий вопросы о включении ядерных технологий в социально-экономическую сферу, а также о возможности создания ядерной энергетики стали важной составляющей повестки устойчивого развития стран региона. По мнению автора, применение ядерных технологий выглядит оправданным в решении трёх ключевых для стран ЮВА нетрадиционных проблем безопасности: распространение инфекционных заболеваний (в т.ч. COVID-19), загрязнение морской среды пластиком и изменение климата.

Новый ядерный диагностический метод – ОТ-ПРЦ (полимеразная цепная реакция с обратной транскрипцией) в настоящее время используется для тестирования COVID-19. Методы радиоактивных индикаторов помогают ученым проводить мониторинг загрязнения морской среды микропластиком и отслеживать процесс переноса токсичных загрязнителей в морские организмы и пищевые цепочки гидробионтов. Ядерные технологии можно применять для разработки экологически безопасных методов ведения сельского хозяйства и улучшения управления водными ресурсами, обеззараживания и продления срока годности пищевых продуктов, повышения урожайности зерновых культур, переработки и сокращения пластиковых отходов. Наконец, в контексте отхода от углеводородных источников энергии, страны ЮВА изучают возможности внедрения атомных реакторов в целях борьбы с глобальным потеплением и укрепления своей энергетической безопасности.

Автор отмечает, что возрастание роли ядерных технологий в решении нетрадиционных проблем безопасности в ЮВА способствует постепенной мирной нуклеаризации региона, что приведёт к принятию ядерного фактора общественностью стран ЮВА и, как следствие, его восприятию населением как новой нормальности. В то же время процесс внедрения технологий мир-

ного атома в ЮВА сопряжен с необходимостью предотвращения рисков, связанных с его использованием, что ставит перед странами задачу реализации регионального потенциала многостороннего сотрудничества, направленного на укрепление режима ядерной безопасности.

Лина Гонг в главе 5 "Трансформация управления стихийными бедствиями в АСЕАН после COVID-19" рассматривает влияние пандемии на процесс противодействия ещё одной серьезной нетрадиционной угрозе безопасности в ЮВА. Обладая обширным и проверенным временем опытом борьбы со стихийными бедствиями, страны АСЕАН между тем столкнулись с проблемами по оказанию гуманитарной помощи населению, когда из-за пандемии оказалось затруднено выполнение спасательных операций. Тем самым COVID-19 выявил недостатки в существующей региональной системе управления стихийными бедствиями, в которой природным катастрофам и экстремальным погодным условиям отдаётся приоритет над чрезвычайными ситуациями в области здравоохранения.

По мнению автора, COVID-19, в отличие от других инфекционных заболеваний, выступил как новое стихийное бедствие, к которому АСЕАН оказалась не готова. В результате была поставлена под удар роль организации как устойчивого регионального сообщества, способного обеспечить коллективные действия в борьбе с пандемией. Лина Гонг заостряет внимание на то, что АСЕАН необходимо адаптировать свой подход к управлению стихийными бедствиями в соответствии с изменяющейся "картой рисков" в регионе и диверсифицировать способы реагирования на них. Параллельно автор выражает мысль, что АСЕАН стоит воспользоваться примером классификации стихийных бедствий согласно Международной федерации обществ Красного Креста и Красного Полумесяца [2] и отнести эпидемии и пандемии к той же категории, что и землетрясения, циклоны, цунами.

Для дальнейшего повышения устойчивости АСЕАН к нетрадиционным вызовам безопасности в рамках организации важно разработать процедуры и механизмы, которые позволили бы региональным органам, уполномоченным бороться со стихийными бедствиями, координировать совместные действия. Речь идет об изменении модели реагирования на чрезвычайные ситуации, основанной на большей части индивидуальных действиях стран АСЕАН в решении гуманитарных проблем. В условиях высокой подверженности региона природным катастрофам и экстремальным погодным явлениям, успешное противодействие их ударам зависит от умения АСЕАН солидаризировать действия своих членов. В дополнение к интеграции региональных институтов, ответственных за управление стихийными бедствиями, АСЕАН также следует активно внедрять инновационные технологии, позволяющие дистанционно выяснять ситуацию на местах, обмениваться информацией через видеосвязь, держать связь с поисково-спасательными службами.

По сути, COVID-19 стал катализатором ускорения эволюции региональных связей в противодействии новым нетрадиционным угрозам безопасности, ознаменовав появление новой нормальности в отношении восприятия эпидемий как формы стихийного бедствия. Пандемия высветила уязвимости в АСЕАНовской системе противодействия природным катастрофам. С другой стороны, создание региональных структур АСЕАН по чрезвычайным ситуациям в области здравоохранения и по борьбе с новыми заболеваниями является серьезным шагом со стороны организации повысить свою способность реагировать на будущие эпидемические угрозы.

Кристофер Чен в главе 6 "Программы доступности денежных средств в условиях новой нормы управления стихийными бедствиями" даёт оценку влияния денежных переводов на благополучие уязвимых групп населения во время пандемии. Отмечая, что стихийные бедствия и пандемию сближает общий негативный эффект – они блокируют доставку помощи в виде наличных денег или предметов первой необходимости, автор заостряет внимание на проблемах трансакции и эффективного использования денежных средств со стороны гуманитарных организаций при попытке реализовать программы помощи населению, пострадавшему от чрезвычайных ситуаций. С одной стороны, обосновывается необходимость предоставления финансовой помощи бесконтактным путем, тем самым снижая риск передачи инфекции, что особенно важно в условиях COVID-19. Таким образом, пандемия послужила сти-

мулом для быстрого расширения системы цифровых денежных переводов. С другой стороны, внедрению электронных и бесконтактных систем оказания финансовой помощи могут препятствовать как географические и инфраструктурные ограничения, так и невысокий уровень цифровой грамотности населения (прежде всего наиболее уязвимых групп). Программы денежных переводов населению оказываются контрпродуктивными в районах, где действует принцип централизованного распределения продуктов, что показал пример Фиджи и Тонга. Напротив, в Малайзии и на Филиппинах, где уровень цифровизации выше, денежные переводы оказались действенным инструментом оказания гуманитарной помощи населению.

В седьмой главе монографии – "COVID-19: необходимость гендерно-чувствительной политики в достижении лучших условий" С. Нантини рассматривает влияние COVID-19 на проблемы гендерного неравенства в ЮВА. Отмечая значительный прогресс, который достигнут странами ЮВА в отношении сокращения гендерной асимметрии, автор в то же время заявляет, что с трудом достигнутые успехи в обеспечении благоприятных условий для женской эмансипации находятся под угрозой, поскольку связанные с пандемией карантинные меры привели к усилению социальной дискриминации женщин.

В условиях пандемии женщинам досталась роль "амортизаторов" общества, поскольку на женские плечи возросла нагрузка, связанная с уходом за детьми и недееспособными людьми. Параллельно женщины столкнулись с проявлениями гендерного насилия и ограничениями своих прав и свобод, что показывает уязвимость женщин и ставит перед руководством стран АСЕАН необходимость проведения политики, которая бы способствовала достижению гендерного паритета. COVID-19 обнажил гендерные проблемы, которые не были окончательно решены в регионе: зачастую более низкий уровень образования и более высокий уровень бедности женщин; меньшее представительство женщин в институтах принятия политических решений; ограничивающая свободу действий женщин традиционная ролевая структура отношений в обществах стран ЮВА. Автор отмечает, что директивным органам стран АСЕАН при выработке гендерно-чувствительной политики следует учитывать вклад женщин (учёных, политиков, медицинских и социальных работников) в смягчение последствий COVID-19. Интегрируя гендерную проблематику в программы противодействия вызовам нетрадиционной безопасности, АСЕАН создаёт условия новой нормальности в отношении к "женскому вопросу".

В заключительной 8-й главе "Политическая аналитика для подготовки к будущим новым угрозам" исследователи Хосе Ма, Луис Монтескарос и Мели Кабальеро-Энтони дают оценку ключевым тенденциям в ранее рассмотренных сферах безопасности. Авторы отмечают, что, оказав деструктивное воздействие на систему здравоохранения, COVID-19 спровоцировал экономический кризис, последствия которого прямо или косвенно затронули все отрасли хозяйства и системы жизнеобеспечения населения, создав проблемы в распределении финансов, продуктов и услуг. Пандемия заставляет правительства стран ЮВА иначе взглянуть на обеспечение экологической безопасности и процесс управления стихийными бедствиями, высвечивая слабости в системе организации борьбы с ними.

В целом вырисовывается картина несостоятельности многих механизмов и инструментов противодействия нетрадиционным угрозам безопасности в ЮВА и неготовности правительств реагировать на новые вызовы, подобные COVID-19. Государство оказывается неспособно в одиночку справиться с проблемами, которые требуют от него высокой степени концентрации ресурсов и оперативности принятия решений. В такой ситуации исследователи видят выход в налаживании диалога между структурами, непосредственно отвечающими за предотвращение угроз нетрадиционной безопасности и ликвидацию их последствий при параллельном расширении их сотрудничества с представителями неправительственных организаций и местных сообществ. Таким образом, у правительства появится возможность оценить предложения по совершенствованию существующих систем достижения устойчивой безопасности, что станет основой для разработки комплексного подхода по борьбе с нетрадиционными угрозами, основанного на привлечении институциональных инноваций и технологических достижений. Тем самым перспективы но-

вой нормальности, создаваемой нетрадиционными угрозами, не обязательно должны выглядеть пессимистично.

Данная работа является одной из первых, посвященных комплексному анализу влияния COVID-19 на систему противодействия нетрадиционным угрозам в ЮВА, которая выглядит несовершенной перед лицом новых вызовов. Авторам удалось показать, насколько взаимосвязаны нетрадиционные проблемы безопасности и какие действия необходимо предпринять правительствам стран АСЕАН для преодоления сложностей, препятствующих достижению устойчивой региональной среды. Аналитические материалы и авторские предложения по острым вопросам могут быть интересны не только для лиц, интересующихся ЮВА, но и для широкого круга читателей.

Литература

1. Булатов А. С. Новая нормальность// Мировое и национальное хозяйство. 2020. Вып. 3 (52) (сайт). URL: <https://mirec.mgimo.ru/2020/2020-03/novaya-normalnost> (дата обращения: 16.01.2023)
2. IFRC, "Types of Disasters". URL: <https://www.ifrc.org/our-work/disasters-climate-and-crises/what-disaster> (дата обращения: 29.01.2023)
3. Non-Traditional Security Concerns in the New Normal. Edited by Mely Caballero-Anthony and Jose Ma. Luis Montesclaros. S. Rajaratnam School of International Studies Nanyang Technological University (Singapore) 2022. 96 p.
4. UN Environment Programme, "The Triple Planetary Crisis: Forging a New Relationship between People and the Earth", 14 July 2020. URL: <https://www.unep.org/news-and-stories/speech/triple-planetary-crisis-forging-new-relationship-between-people-and-earth> (дата обращения: 30.01.2023)

References

1. Bulatov A.S. New normal// World and national economy. 2020. Issue. 3 (52) (website). URL: <https://mirec.mgimo.ru/2020/2020-03/novaya-normalnost> (accessed 16.01.2023) (In Russ).
2. IFRC, "Types of Disasters". URL: <https://www.ifrc.org/our-work/disasters-climate-and-crises/what-disaster> (accessed 29.01.2023)
3. Non-Traditional Security Concerns in the New Normal. Edited by Mely Caballero-Anthony and Jose Ma. Luis Montesclaros. S. Rajaratnam School of International Studies Nanyang Technological University (Singapore) 2022. 96 p.
4. UN Environment Programme, "The Triple Planetary Crisis: Forging a New Relationship between People and the Earth", 14 July 2020. URL: <https://www.unep.org/news-and-stories/speech/triple-planetary-crisis-forging-new-relationship-between-people-and-earth> (accessed 30.01.2023).

Информация об авторе

Иван Николаевич Золотухин, канд. полит. наук, доцент кафедры международных отношений Дальневосточного федерального университета, Владивосток, Россия, e-mail: zolivnik@mail.ru

Information about the author

Ivan N. Zolotukhin, Candidate of Political Sciences, Associate Professor, International Relations Department, Far Eastern Federal University, Vladivostok, Russia, e-mail: zolivnik@mail.ru

Поступила в редакцию 05.02.2023

Received 05.02.2023

Принята к публикации 16.02.2023

Accepted 16.02.2023

Сообщение
УДК 94 (5) / 316.4
<https://doi.org/10.24866/1998-6785/2023-1/170-173>

"Современные исторические и историко-антропологические исследования Евразии": о международном научно-практическом семинаре в Якутске

Анна Викторовна Винокурова
Дальневосточный федеральный университет, Владивосток, Россия, vinokurova77@mail.ru
Айтал Игоревич Яковлев
Северо-Восточный федеральный университет имени М. К. Аммосова;
Институт гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера Сибирского отделения
Российской академии наук, Якутск, Россия, aytalyakovlev@mail.ru
Капитолина Максимовна Яковлева
Северо-Восточный федеральный университет имени М. К. Аммосова, Якутск, Россия, kapa1985@list.ru

Аннотация: В сообщении представлен обзор основных мероприятий международного научно-практического семинара "Современные исторические и историко-антропологические исследования Евразии". Главная цель семинара состояла в широком обсуждении актуальных вопросов изучения адаптации традиционных систем жизнеобеспечения скотоводов Центральной и Северо-Восточной Азии к современным социокультурным процессам, трансформации скотоводческих культур в условиях урбанизации, регионализации и переломных моментов культурной глобализации.

Ключевые слова: *социальные трансформации, скотоводческие культуры, социокультурные процессы, исторические и антропологические исследования, количественные и качественные методы, региональное развитие, Евразия*

Для цитирования: Винокурова А. В., Яковлев А. И., Яковлева К. М. "Современные исторические и историко-антропологические исследования Евразии": о международном научно-практическом семинаре в Якутске // Ойкумена. Регионоведческие исследования. 2023. № 1. С. 170–173. <https://doi.org/10.24866/1998-6785/2023-1/170-173>

Message
<https://doi.org/10.24866/1998-6785/2023-1/170-173>

"The Modern Historical and Historical-Anthropological Studies of Eurasia": about of the International Scientific Seminar in Yakutsk

Anna V. Vinokurova
Far Eastern Federal University, Vladivostok, Russia, vinokurova77@mail.ru
Aytal I. Yakovlev
North-Eastern Federal University; Institute for Humanities Research and Indigenous Studies of the North of Siberian
Branch of Russian Academy of Sciences, Yakutsk, Russia, aytalyakovlev@mail.ru
Kapitolina M. Yakovleva
M. K. Ammosov North-Eastern Federal University, Yakutsk, Russia, kapa1985@list.ru

Abstract: The report presents an overview of the main events of the international scientific-practical seminar "Modern Eurasian historical and anthropological studies". The main goal of the seminar was to discuss topical issues of studying the adaptation of traditional livelihood systems of nomads in Central and Northeast Asia to modern socio-cultural processes, the transformation of nomad cultures in the context of urbanization, regionalization and turning points of cultural globalization.

Key words: *social transformations, nomad cultures, sociocultural processes, historical and anthropological studies, quantitative and qualitative methods, regional development, Eurasia*

For citation: Vinokurova A. V., Yakovlev A. I., Yakovleva K. M. "The Modern Historical and Historical-Anthropological Studies of Eurasia": about of the International Scientific Seminar in Yakutsk // Ojkumena. Regional researches. 2023. No. 1. P. 170–173. <https://doi.org/10.24866/1998-6785/2023-1/170-173>

30 ноября – 02 декабря 2022 г. в Якутске на базе Северо-Восточного федерального университета имени М.К. Аммосова (СВФУ) состоялся международный научно-практический семинар "Современные исторические и историко-антропологические исследования Евразии". Инициатором и основным организатором мероприятия выступил Исторический факультет СВФУ, в качестве соорганизатора – Исторический факультет Евразийского национального университета имени Л. Н. Гумилёва (ЕНУ) (Астана, Республика Казахстан). Также партнерская поддержка была оказана со стороны Школы искусств и гуманитарных наук Дальневосточного федерального университета (ШИГН ДВФУ) и Национальной библиотеки Республики Саха (Якутия).

В работе семинара приняли участие более 70 учёных-специалистов, а также аспиранты, магистранты и студенты из различных отечественных и

иностранных вузов и научных организаций. Свои доклады представили исследователи из Якутска, Улан-Удэ, Абакана, Владивостока, а также из Республики Казахстан, Монголии, Кыргызстана.

Основная цель мероприятия заключалась в обсуждении актуальных вопросов изучения адаптации традиционных систем жизнеобеспечения скотоводов Центральной и Северо-Восточной Азии к современным социокультурным процессам, трансформации скотоводческих культур в условиях урбанизации, регионализации и переломных моментов культурной глобализации. Ключевые доклады участников конференции будут опубликованы в сборнике материалов по итогам семинара.

Работа семинара началась 30 ноября с приветствий и пленарных докладов. В своих приветственных вступительных обращениях проректор СВФУ по науке и инновациям, кандидат геолого-минералогических наук Е. Э. Соловьёв, проректор СВФУ по международному сотрудничеству Н. Р. Максимов, декан исторического факультета СВФУ, кандидат исторических наук Н. А. Стручкова, декан Исторического факультета ЕНУ, доктор исторических наук, профессор Т. С. Садыков отметили, что проводимое мероприятие является примером эффективного сотрудничества между вузами Дальнего Востока России и Казахстана, в первую очередь – между Северо-Восточным федеральным университетом имени М. К. Аммосова и Евразийском национальным университетом имени Л. Н. Гумилёва. Главное – реальный обмен опытом между российскими и казахстанскими учёными, возможность "сверить методические часы" историков, социологов, антропологов и других исследователей, занимающихся вопросами развития Центральной, Северо-Восточной Азии. В соответствии с этим, проводимое мероприятие направлено на выработку теоретических подходов и практических инструментов для реализации актуальных исторических и историко-антропологических исследований, в том числе и с использованием качественных и количественных методов, методов моделирования, анализа документов и др. для выявления места и роли геокультурных, социально-экономических, политических и прочих факторов в развитии скотоводческих культур в различных регионах и территориях евразийского пространства.

На пленарном заседании в очном и онлайн-формате свои доклады представили ведущие учёные из Якутска, Улан-Удэ, Астаны (Республика Казахстан), Бишкека (Республика Кыргызстан), Улан-Батора (Монголия). В основном тематика пленарных докладов касалась вопросов этногенеза, воспроизводства родственных структур, устных традиций, социального самочувствия и неформальной занятости народов Евразии.

А. И. Гоголев, доктор исторических наук, профессор Исторического факультета СВФУ, и Т. М. Рыскулов, кандидат исторических наук, доцент, зав. кафедрой "Международные отношения" Бишкекского государственного университета имени К. Карасаева, в своих докладах обратились к проблемам этногенеза тюркских народов. Особое внимание было уделено сходствам и различиям в этногенезе якутов, кыргызов, казахов и других народов, проживающих в разные исторические эпохи на евразийском континенте. Доклад кандидата исторических наук, координатора проекта отдела истории и культуры Центральной Азии Института монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН А. Д. Гомбожапова был посвящён анализу воспроизводства родственных структур в современном кочевом обществе Монголии. Было показано, что имеет место существование неформальных семейно-родственных групп, объединяемых на основе, прежде всего, общих экономических и хозяйственных интересов, роль родства как характерного социального ресурса проявляется и в миграционных процессах в монгольском обществе. Вопросы неформальной занятости в современной Монголии были затронуты в выступлении Цэцэнбилэг Цэвээн, PhD in Sociology, профессора, главного научного сотрудника отдела социологии Института философии АН Монголии, она рассказала о методологических и методических аспектах исследования данной проблемы. Е. Г. Маклашова, доктор социологических наук, старший научный сотрудник, зам. директора по науке Института гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера сибирского отделения российской академии наук (ИГИИПМНС СО РАН), в своём выступлении сосредоточила внимание на социальном самочувствии коренных малочисленных народов

Севера и факторах сохранения этнической уникальности. На материалах официальной статистики и собственных исследований были представлены данные, отражающие динамику количества общин не только численности коренных народов в составе населения региона, но и этносоциальных процессов и политико-правовых условий в отношении поддержки прав северных миноритарных народов. Доклад Е.Н. Романовой, доктора исторических наук, главного научного сотрудника ИГиПМНС СО РАН, был посвящён наследию Г.В. Ксенофонтова, в основном были затронуты вопросы, касающиеся его евразийского проекта и кросс/темпоральные исследования.

1 декабря работа семинара была продолжена в рамках рабочей сессии, где в очном и онлайн-форматах исследователи обсудили возможности применения количественных и качественных методов в социальных и гуманитарных науках, познакомились с новыми практиками проведения исторических и антропологических исследований. Среди основных тем, затронутых выступлениями, можно отметить следующие:

- традиционная культура народов Евразии (доклады канд. ист. наук, доцента ИФ СВФУ Н.А. Стручковой; канд. ист. наук, доцента ИФ СВФУ А.Н. Алексеева; канд. ист. наук, доцента ИФ СВФУ А.И. Яковлева; канд. полит. наук, с. н. с. рук. Центра этносоциологических исследований ИГиПМНС СО РАН О. В. Васильевой и др.);

- археологические исследования в ЕНУ имени Л.Н. Гумилёва и СВФУ имени М.К. Аммосова (выступления канд. ист. наук, доцента ИФ СВФУ В.Г. Аргунова; канд. ист. наук, доцента ИФ СВФУ К.М. Яковлевой; канд. ист. наук, доцента ИФ ЕНУ У.У. Умиткалиева; ст. преп. ИФ ЕНУ Т.М. Брынза; с. н. с. НИИ археологии имени К.А. Акишева Д.Т. Тлеугабулова; ст. преп. ИФ СВФУ К. А. Пестеревой; ст. преп. ФТИ СВФУ С.Е. Васильева);

- актуальные социальные проблемы регионов Сибири и Дальнего Востока: миграционные процессы, урбанизация и субурбанизация, этнологическая экспертиза и др. (доклады канд. социол. наук, доцента ДВФУ А.В. Винокуровой, канд. ист. наук, с. н.с. ХакНИИЯЛИ Е.Е. Тиниковой).

Далее свои научные наработки представили аспиранты, магистранты, молодые исследователи ИМБТ СО РАН, ИГиПМНС СО РАН СВФУ, ЕНУ, ДВФУ и других российских вузов.

2 декабря – в завершающей части семинара – со своими докладами с элементами конкурсного отбора и состязательности (за лучшие выступления были предусмотрены призовые места) выступили магистранты и студенты исторических факультетов Северо-Восточного федерального университета и Евразийского национального университета. Студенческие доклады были представлены в двух секциях: секция 1 "Антропология, археология и этнология" и секция 2 "История". По итогам экспертной оценки (эксперты – представители профессорско-преподавательского состава СВФУ и ЕНУ) в секции "История" 1 место занял Степанов Михаил (СВФУ), 2 место разделили Мухаметзянов Артур (ЕНУ) и Тлекишев Сулейман (ЕНУ), 3 место – Алексеева Валерия (СВФУ) и Жанатаев Диас (ЕНУ); в секции "Антропология, археология и этнология" 1 место заняла Потапова Иоланта (СВФУ), 2 место разделили Мамаев Айсен (СВФУ) и Амбросьев Дьулур (СВФУ), 3 место – Борисов Арсений (СВФУ). Среди магистрантов 1 место – Каримбаева Зулхумар (СВФУ), 2 место – Михайлова Саргылана (СВФУ), Необутова Ньургуйаана (СВФУ), 3 место – Никифоров Егор.

В целом участники конференции отметили высокий научный и профессиональный уровень представленных и обсуждённых докладов. В заключение дополним, что проведённое мероприятие позволило пообщаться в неформальной обстановке, укрепить имеющиеся и наладить новые научные контакты, а молодым учёным – лучше сориентироваться в своей будущей профессиональной и научно-исследовательской деятельности.

Информация об авторах

Анна Викторовна Винокурова, канд. соц. наук, доцент департамента социальных наук Дальневосточного федерального университета, Владивосток, Россия, e-mail: vinokurova77@mail.ru

Айтал Игоревич Яковлев, канд. ист. наук, доцент Исторического факультета Северо-Восточного федерального университета имени М. К. Аммосова; научный сотрудник Института гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера Сибирского отделения Российской академии наук, Якутск, Россия e-mail: aytalyakovlev@mail.ru

Капитолина Максимовна Яковлева, канд. ист. наук, доцент Исторического факультета Северо-Восточного федерального университета имени М. К. Аммосова, Якутск, Россия, e-mail: kapa1985@list.ru

Information about the authors

Anna V. Vinokurova, Candidate of Sociology, Associate Professor, Department of Social Sciences, Far Eastern Federal University, Vladivostok, Russia, e-mail: vinokurova77@mail.ru

Aytal I. Yakovlev, Candidate of History, Associate Professor at the Faculty of History, M. K. Ammosov North-Eastern Federal University; researcher at the Institute for Humanities Research and Indigenous Studies of the North of Siberian Branch of Russian Academy of Sciences, Yakutsk, Russia, e-mail: aytalyakovlev@mail.ru

Kapitolina M. Yakovleva, Candidate of History, Associate Professor at the Faculty of History, M. K. Ammosov North-Eastern Federal University, Yakutsk, Russia, e-mail: kapa1985@list.ru

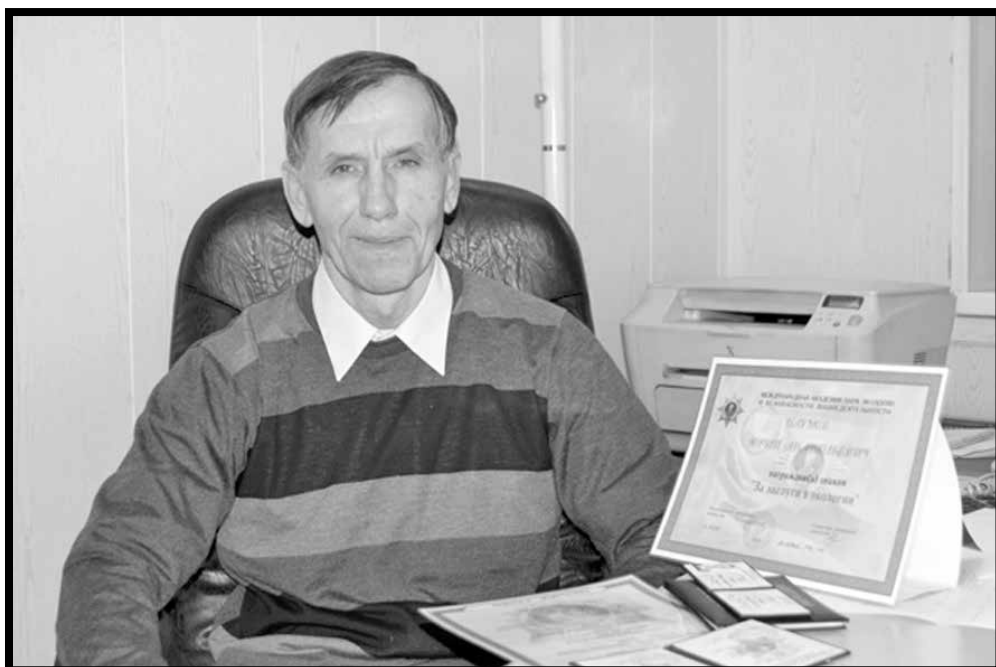
Поступила в редакцию 31.01.2023

Received 31.01.2023

Принята к публикации 16.02.2023

Accepted 16.02.2023

29 января 2023 г. на 74-м году жизни скончался Юрий Анатольевич Наумов – кандидат геолого-минералогических наук, доктор географических наук, член-корреспондент Международной академии наук экологии и безопасности жизнедеятельности, профессор кафедры гуманитарных и социально-экономических дисциплин филиала Владивостокского государственного университета в г. Находка. Свыше 10 лет он активно участвовал в работе журнала, публикуя на страницах "Ойкумены" статьи об экологии и природопользовании, социальных и экономических проблемах Приморского края и всего дальневосточного региона.

Редколлегия журнала выражает соболезнования родным, близким, сподвижникам и ученикам Ю.А. Наумова. Светлая и долгая память нашему коллеге, видному ученому, знатоку и защитнику природы Дальнего Востока!

Редколлегия

Наумов Юрий Анатольевич.
6 сентября 1948 – 29 января 2023 г.

Naumov Yurij Anatolievich.
September 6, 1948 – January 29, 2023

29 января 2023 г., после тяжелой болезни на 74-м году ушёл из жизни Наумов Юрий Анатольевич, доктор географических наук, профессор кафедры гуманитарных и социально-экономических дисциплин филиала Владивостокского государственного университета (ВВГУ) в г. Находка, эксперт Российского экологического союза, академик Международной академии наук по экологии и безопасности жизнедеятельности, член ПКО ВОО "Русское географическое общество" – Общества изучения Амурского края, автор более 100 опубликованных научных работ. В этом, 2023-м, году ему исполнилось бы 75 лет.

Юрий Анатольевич родился 6 сентября 1948 г. в г. Дзержинске (Казань).

В 1972 г. после окончания Томского государственного университета был направлен в Тихоокеанскую геологоразведочную экспедицию и работал в суровых акваториях Охотского, Берингова и Японского морей.

В 1983 г. защитил кандидатскую диссертацию и стал кандидатом геолого-минералогических наук.

В 2003 г. начал свою деятельность в филиале Владивостокского государственного университета в г. Находка в качестве заведующего Экологическим центром.

В 2008 г. успешно защитил докторскую диссертацию по специальности "Геоэкология" и получил степень доктора географических наук.

Сферой его научных интересов были природные и антропогенные процессы в прибрежно-шельфовых геосистемах дальневосточных морей.

Юрия Анатольевича знают на Дальнем Востоке как популяризатора научных знаний. Вышло в эфир более десятка телевизионных и радио-передач, более сотни статей были опубликованы в краевых и местных периодических изданиях.

Несмотря на серьёзный возраст и солидную учёную степень, Юрий Анатольевич оставался неутомимым и неисправимым романтиком. Упорство, трудолюбие, целеустремлённость были главными чертами этого замечательного человека.

Юрий Анатольевич стал настоящим наставником и другом для многих поколений студентов и молодых исследователей.

За заслуги в экологии Юрий Анатольевич был награждён дипломом и знаком имени академика Вернадского.

Будучи творческим, интересным человеком и яркой личностью, Юрий Анатольевич отличался внимательностью к коллегам и отзывчивостью, удивительным чувством юмора и лёгкостью в общении.

Юрий Анатольевич активно поддерживал филиал ВВГУ, успешно налаживал контакты с органами государственной власти и местного самоуправления, научными учреждениями.

Глубоко сожалеем об утрате научного деятеля, беззаветно преданного своему делу. Искренне разделяем горе родных и близких людей, скорбим вместе с ними и навсегда сохраним в сердцах память о Юрии Анатольевиче Наумове.

Сегодня с большой горечью в душе вынуждены сказать – Юрий Анатольевич, спасибо ВАМ за всё, прощайте.

Светлая Вам память.

Требования к объему и оформлению предоставляемых в редакцию материалов

1. Допустимые форматы файла: docx, odt.
2. Файл не должен содержать сложных стилей и форматирования, а также переносов. В заголовках не применять ПРОПИСНЫЕ символы. Простановка буквы ё обязательна.
3. Шрифт Times New Roman 14 кеглем через 1,5 интервала.
4. Поля: верхнее и нижнее – 2 см., правое – 1,5 см., левое – 2,5 см.
5. Порядок оформления статьи: УДК, сведения об авторе (авторах) (Ф.И.О., ученая степень, ученое звание, место работы и должность, рабочий (домашний) телефон, e-mail), название статьи (не более 80 знаков), текст статьи, список литературы, аннотация (от 500 до 700 знаков), ключевые слова (от 5 до 10). Название, аннотация и ключевые слова, а также сведения об авторе (авторах) предоставляются на русском и английском языках. Вся вышеуказанная информация высылается одним файлом. Файлу следует присваивать только имя (фамилию) автора.
6. Библиографические ссылки в тексте статьи оформляются квадратными скобками **жирным шрифтом**. В скобках сначала указывается порядковый номер цитируемой работы в списке литературы, затем, через запятую, номер страницы приведенной цитаты. Например: [2, с. 5]. Если страница не указывается, а дается ссылка на работы целиком, то их нумерация дается через точку с запятой. Например: [2; 5; 7].
7. Ссылка на неопубликованный архивный документ помещается только в тексте самой статьи в круглых скобках, также **жирным шрифтом**. Например: (ГАПК. Ф. 1. Оп. 2. Д. 3. Л. 4–5); (Рукопись Иванова А. К. Из архива автора).
8. Расшифровка сокращений и аббревиатур (кроме общепринятых) обязательна (дается в конце текста статьи). Например: ГАПК – Государственный архив Приморского края.
9. Обязательно применение общепринятых сокращений. Например: г. – год; в. – век. Века представляются римскими цифрами. Например: XX в.
10. Нумерованный список литературы составляется в алфавитном порядке, по фамилиям первых авторов и названиям работ без учета соавторов и хронологии.
11. В списке сначала указывается литература на кириллице (начиная с литературы на русском языке), далее на латинице, и после в других системах письма.
12. Библиографическое описание должно включать полное наименование книги или статьи, место издания, издательство, год, общее количество страниц (для статьи – страницы, на которых она помещена).
13. Ссылка на Интернет в списке литературы оформляется следующим образом: Автор. Название материала // Название сайта. URL: адресная строка (дата обращения: 31.12.2022).
14. В англоязычной версии списка литературы ("References") описания всех неанглоязычных публикаций должны быть переведены на английский язык. При этом в скобках после описания публикации должен быть указан ее оригинальный язык. Например: (In Russ.).
15. Порядок расположения публикаций в списке литературы и "References" идентичен.
16. Транслитерация неанглоязычных имен и фамилий выполняется по стандарту BSI (British Standards Institution). Образец оформления рукописи, включая список литературы и "References", доступен на сайте журнала.
17. При наличии у цитируемой публикации идентификатора цифрового объекта (DOI), его необходимо указывать. Например: DOI: <https://doi.org/10.1016/j.landurbplan.2017.05.009>.
18. Объем статьи – от 0,5 до 1,0 п.л. (от 20 до 40 тыс. зн. с пробелами). Объем других материалов – до 0,3 п.л.
19. Рисунки, карты, графики и другой иллюстративный материал принимаются в наиболее распространенных (jpeg, tif) форматах, и предоставляются отдельными файлами. К графикам обязательно прилагать таблицу, на основании которой этот график сделан. Для всех подписей в графиках использовать только шрифт Arial Narrow.
20. Указание источника иллюстраций – обязательно.
21. Русскоязычные заголовки иллюстраций обязательно сопровождаются переводом на английский язык.
22. Ввиду черно-белой печати журнала цветовая гамма иллюстраций, графиков, карт и т. д. не должна содержать более трех цветов (черный, белый, серый 50 %).
23. Материалы предоставляются в редакцию в электронном виде без архивации по электронной почте (e-mail: ojkum@rambler.ru).

Статьи проходят обязательное рецензирование.
Редакция оставляет за собой право отбора публикаций.
Файлы, подготовленные с нарушением требований, не рассматриваются.
Плата за публикацию не взимается.

Научное издание

Ойкумена. Регионоведческие исследования
научно-теоретический журнал

2023 № 1 (64)

Подписано к печати 01. 03. 2023 г. Вышло в свет 21. 03. 2023 г. формат 70x108/16
Усл. п. л. 15,40. Уч. -изд. л. 17,60. Тираж 200 экз. Заказ
Цена свободная

Издательство Владивостокского государственного университета
690014, г. Владивосток, ул. Гоголя, 41

Отпечатано во множительном участке ВВГУ
690014, г. Владивосток, ул. Гоголя, 41

